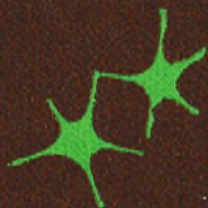

Л. ДАВЫДЫЧЕВ

ЭТА
МИЛЛАЯ
ЛЮДМИЛА

Л. ДАВЫДЫЧЕВ

**ЭТА
МИЛАЯ
ЛЮДМИЛА**

*Роман для детей
и некоторых родителей*

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1982

P2
Д13

Рецензент А. Крашенинников

Д **70803—26** **36—82**
М152(03)—82

© **Пермское книжное
издательство, 1982.**

Первая глава

КАНДИДАТ В ЭКСПОНАТЫ

Больше всего на свете Герка Архипов любил ничего не делать. А что же тогда делать, если ничего не делать?

О, тут специальный талант требуется, очень особые способности нужны! Организм такой надо иметь, чтобы он мог машинно, без всяких усилий и без всяких последствий, целыми днями ничегошеньки не делать.

У Герки это хорошо получалось, и он получал от этого большие удовольствия.

Дед его Игнатий Савельевич частенько говаривал насмешливо и в то же время задумчиво, да еще и почти горько:

— В музей бы тебя, дорогой внучек, областной краеведческий отдать, но ведь не возьмут, чего доброго.

— А чего мне там делать-то, в музее-то областном краеведческом? — каждый раз, не скрывая радости, удивлялся Герка.

— Ничего особенного, — каждый раз вроде бы охотно, однако с заметной грустью объяснял дед Игнатий Савельевич. — Как ты тут ничегошеньки не делаешь, так и там тем же самым заниматься будешь. Посадят тебя в клетку какую-нибудь научную или загородку специальную закажут. Табличку повесят, а на ней напишут, к примеру, что-нибудь такое: находится, мол, здесь, может быть, самый лепивый и самый избалованный внук на всем нашем земном шаре.

— А дальше-то, дальше что? — с очень большим интересом и с не меньшей опаской допытывался внук.

— Да сидел бы там или лежал, вот и вся недолга. Есть и пить приносили бы тебе регулярно. А ты себе сиди или лежи на здоровье.

— Больше ничего?!

— Ну вот, чтоб здоровье твое не подорвалось, гулять бы тебя на свежий воздух выпускали. Ненадолго, конечно дело, а то устанешь, потеряешь музейный вид.

— Нарочно, дед, ты меня дразнишь, — поразмыслив, Герка с довольно сильным сожалением вздыхал. — Придумываешь ты все.

— Ничего я не придумываю. Нет у меня такой привычки. — Дед Игнатий Савельевич хитровато шурился, притворялся, что обижен недоверием внука. — Съезжу вот в город, все там доподлинно и разузнаю. Зайду, конечно дело, в областной краеведческий музей и — прямым ходом к директору. Так, мол, и так, не желаете ли иметь новый экспонат — может быть, самого ленивого и к тому же самого избалованного внука на всем нашем земном шаре? Директор, я полагаю, само собой, обрадуется: мы, мол, давным-давно такого разыскивали. Во многие города, поселки и села запросы делали — никакого положительного результата! А у нас, мол, и клетка научная или загородка специальная уже изготовлена для столь ценного экспоната.

Дед Игнатий Савельевич говорил до того серьезно, что не поверить ему было бы вроде невозможно, и Герка не знал, чего и делать: радоваться или огорчаться. Конечно, эх, как интересно и в музей попасть вместо школы, но ведь не самый же ленивый и не самый же избалованный он внук на всем нашем земном шаре? Конечно нет! И тут Герку охватывало другое сомнение: не поверишь деду — он обидится, и не видать тебе музея, вернее, никто тебя в музей не увидит. Или — еще хуже: поверишь деду, а он расхохочется.

А тот продолжал еще более серьезным, даже важным и с оттенком торжественности тоном:

— Как только ты в научной клетке или специальной загородке окажешься, так тебя сразу и по телевизору покажут. Да еще, может быть, по цветному! Представляешь картину?

— Ты уверен, что и по цветному могут? — От восторга голос у Герки понижался до хриплого шепота. — Уверен?

— Конечно дело. Знаешь, сколько комментаторов разных соберется, корреспондентов да дикторов всяких?! Потом тебя обязательно для газет сфотографируют, а то и для обложки журнала «Огонек»! Тогда тоже разноцветным получишься.

— Ой, дед, дед! — радостно и почти неуверенно вскрикивал Герка. — Откуда ты все это взял?

— Потом про тебя по радио передавать будут. Там, значит, все с музыкой пойдет.

Тут Герка совсем уже не выдерживал и со слезами в голосе спрашивал:

— А ты не врешь? Не сочиняешь? Не выдумываешь?

— Не вру, не сочиняю и не выдумываю, — с достоинством, но устало отвечал дед Игнатий Савельевич. — Потом тебя еще кино снимать приедет.

— Ну... — Обессиленный волнением, Герка терял дар речи. — Ну... — И лишь через некоторое время, собрав силы, он умолял: — Дальше рассказывай, дальше!

Тогда дед Игнатий Савельевич медленно доставал кисет, еще медленнее и очень долго искал по всем карманам аккуратно сложенную квадратиками бумагу, неторопливо отрывал листочек, старательно сгибал его, осторожно развязывал кисет, насыпал в бумажку табак, свертывал сигарку, завязывал кисет, по всем карманам медленно и долго искал спички, закуривал и лишь тогда отвечал измученному ожиданием внуку:

— Ты, главное, ни о чем не беспокойся. Будущее твое прекрасно. — К удивлению Герки, он горестно вздыхал и продолжал почти угрожающим тоном: — Быть тебе, дорогой внучек, в областном краеведческом музее живым экспонатом.

— Когда, когда, дед?

— В свое время. Не торопись и меня не торопи. Считаю, что ты уже кандидат в экспонаты.

Пожалуй, настало время сообщить вам, уважаемые читатели, следующее. Вот если смотреть на деда и внука издали, то сначала вполне можно принять внука за деда, а деда за внука, если только не обращать внимания на дедовы бороду и усы. Дед Игнатий Савельевич, скажу прямо, роста был маленького и всю жизнь из-за этого страшно переживал, особенно в молодости. Зато Герка вытянулся головы на полторы длиннее деда. Недаром тот любил повторять, что на таком богатыре, вроде его единственного внука, можно воду в двух бочках на одной телеге

возить, а ему, деду, сидеть на передке и покрикивать: «Но, но, родимый! Но, но, единственный!»

К сожалению, на Герке не то что воду в двух бочках на одной телеге возить нельзя было, он из колодца-то всего шесть или семь раз за всю свою жизнь по полведра принес!

И дело тут было не только во внуковой редкой лени, а в его наиредчайшей избалованности, о причинах которой я сообщу позднее. При своем довольно немалом росте Герка был хрупок, нежен и тонок, стыдно сказать, как девочка после длительной болезни. И таким он стал именно из-за того, что больше всего на свете любил ничего не делать. И богатырем он казался лишь деду, а в поселке Герку дразнили Девчонкой без бантиков.

Давайте вернемся, уважаемые читатели, к разговору деда с внуком, разговору, какие происходили не раз и не два, но всегда ничем определенным не заканчивались. На сей же раз Герка явственно чувствовал, что дед от слов намерен перейти к делу.

Но тот пока будто и забыл обо всем, покуривал себе в удовольствие, побрякивал, побряхтывал да покашливал, покручивал свои длинные усы да гладил широкую, почти до пояса бороду. Герка уже очень страдал, изнывая от нетерпения, просто не представляя, как продолжить разговор. И вдруг дед Игнатий Савельевич решительно произнес:

— В баньке бы мне сегодня попариться. Веничек у меня припасен. Дровишки заготовлены. Осталось вот только водички наносить.

— Издеваешься ты надо мной! — в сердцах вырвалось у Герки. — То музей, то телевизор цветной, то радио, то кино, и вот на тебе — банька ему понадобилась! Ты скажи: будет мне музей или тебе банька будет? Разыгрываешь ты меня, что ли? Вреднящий ты, дед, все-таки!

— Ничего я тебя не разыгрываю, — строго, даже сурово отозвался дед Игнатий Савельевич и с достоинством продолжал: — Не вреднящий я нисколько, а заботливый. И не волнуйся, тебе говорят. Будущее твоё... — Он побряхтел, побрякал, покашлиал. — Будущее твоё прекрасно. Я лично все организую. А теперь слушай внимательно. Каждое мое слово старайся уразуметь. В город я собираюсь. Понятно? В областной центр. Ясно? А там надо вид иметь. Соображаешь? Костюм я свой парадный надену с медалями. Раз. Шляпу. Два. Галстук полосатый. Три.

И штиблеты новые со скрипом. Четыре. С таким моим видом место тебе в музее, конечное дело, обеспечено.

— Ну, а в школу-то меня заставят ходить или нет?

— Экс-по-на-та? В школу? — возмутился дед Игнатий Савельевич. — Да ты что?! Там к тебе ни одного учителя или учительницы и близко не подпустят! То есть смотреть-то им на тебя разрешат. Смотрите, мол, изучайте, но больше ни-ни-ни! Не ваш он теперь! Музейный он теперь! Экс-по-нат! Что-то вроде скелета мамонта! Вот!

От неожиданности, восторга и все-таки некоторого острого недоверия Герка с большущим трудом выговорил:

— Какого еще скелета мамонта? При чем тут мамонт? При чем тут скелет?

— Да в каждом музее, дорогой внучек, скелет мамонта имеется. И ты — экс-по-нат, и скелет — экс-по-нат. Только скелетов-то мамонтовских много, а ты — один!

— Стой, дед, стой! — попросил Герка. — Ну, сижу я там или лежу... А дальше-то, дальше что?

— В том-то и дело, что ни-че-го-шеньки! Там у тебя, дорогой внучек, никаких забот, будто у скелета мамонта. Ты же экс-по-нат, а экс-по-на-там беспокоиться не о чем. Дирекция о них беспокоиться обязана. К тому же... — Дед Игнатий Савельевич выдерживал длинную торжественнейшую паузу. — К тому же в музее работают ученые люди под названием экскурсоводы. Все они очень умные и почти все поголовно в очках. Они про тебя посетителям лекции будут читать! Какой ты есть редкий и ценный экс-по-нат!

Герка от такой замечательной, непостижимой перспективы сделал три глубочайших вдоха-выдоха и лишь после этого спросил:

— А чего про меня посетителям-то читать?

— Ну... — Дед Игнатий Савельевич недоуменно развел руками и с уважением ответил: — Это уж чего их ученые головы придумают. Они и про мамонтов все знают, и тебя всего изучат.

— Так действуй, дед, действуй! — уже в высшей степени нетерпеливо, уже и не попросил, а прямо-таки приказал Герка. — Баньку топи! В город собирайся!

— Ишь какой шустрый, — озабоченно проговорил дед Игнатий Савельевич. — Банька банькой, а мне еще кое-что обмозговать требуется. Можно сказать, каждый пустяковый пустяк обдумать надо. Тебя ведь ученые изучать будут.

Опять не знал Герка, растерянный и смущенный неожиданным, невероятным счастьем, радоваться ему изо всех сил или махнуть рукой на дедовы разговоры. У внука в горле от обиды сухой комок образовался, ни одного слова не скажешь — хоть плачь.

А дед Игнатий Савельевич с невозмутимым видом объяснил:

— Не выбрал я, понимаешь ли, в какой музей тебя предложить.

— Да хоть в какой! — вырвалось у Герки с отчаянием. — Мне бы только экспонатом стать! Чтоб меня по телевизору показывали! Чтоб кино про меня...

— Нет, нет, нет и нет! — Дед Игнатий Савельевич с большим сомнением покачал головой, принялся задумчиво покряхтывать, покрякивать, покашливать, крутил свои длинные усы, теребил широкую, почти до пояса бороду. — Я за тебя перед наукой несу огромную ответственность. А мне грозит одна ошибка... Вот, предположим, сдам я тебя в областной краеведческий музей...

— Сдавай, дед, сдавай! Я согласен!

— А вдруг мне письмо или даже телеграмма «молния» придет знаешь откуда? Из Москвы! Как, мол, это так, уважаемый Игнатий Савельевич, получилось? Как, мол, вы своего единственного внука — может быть, самого ленивого, самого избалованного на всем нашем земном шаре, понимаете ли, такой наиценнейший экс-по-нат посмели отдать в областной музей?! Ведь ему место в Москве! Его должна вся страна видеть!

— Ну и вези меня сразу в Москву.

— Сразу... в Москву... вези... А там академиков знаешь сколько? Может, не меньше, чем милиционеров. А милиционеры там на каждом шагу.

— Да при чем здесь какие-то академики?! — Герка даже и не знал, растерялся ли он до последней степени, возмутился ли в самой высшей степени или просто совсем запутался без надежды выпутаться. — Ну при чем здесь академики?!?!

Честно говоря, уважаемые читатели, дед Игнатий Савельевич и сам не мог пока сообразить, не придумал еще, при чем здесь академики, а поэтому долго молчал и ответил таинственным голосом:

— Они, академики-то, при всем. И в музейных делах тоже побольше всех разбираются. Но, предположим, доставляю я тебя в Москву. Так, мол, и так, принимайте

наиценнейший экс-по-нат. И вызовут тут меня академики. И зададут они мне один вопрос. Какое, дескать, вы имели право беспокоить нас, академиков, отрывать нас от нашей академической деятельности? А?

— Так ты им все и объясни! — размахивая руками, чуть ли не крикнул Герка. — Растолкуй им, кто я такой!

Дед Игнатий Савельевич принялся сначала тихонечко хихикать, а затем все громче и громче хохотать и хохотал до тех пор, пока не закашлялся. Прокашлявшись, он важно ответствовал:

— Это мы в нашем поселке знаем, какой ты есть. А в Москве еще доказать надо, что ты — наиценнейший экс-по-нат... Главная беда, дорогой внучек, в том, что ты никуда, кроме музея, не годишься. Ты у нас именно вроде скелета мамонта. Тот ведь тоже, кроме музея, никуда не годится. Вот я и должен принять безошибочное решение — в какой музей тебя определить.

— Пока ты определяешь... пока ты тут кашляешь... — Герка от возмущения и обиды сам закашлялся. — Я из-за тебя и соображать-то совсем разучился! Экспонат я или не экспонат?

— Еще только кандидат в экс-по-на-ты, — строго поправил дед Игнатий Савельевич. — И не торопи меня. Я уже ПРИНИМАЮ решение.

— Пусть я пока еще только кандидат в экспонаты, — чуть ли не сквозь слезы выговорил Герка, — но сколько надо мной издеваться можно? То музей, то банька, то академики... а на самом деле... У меня все в голове перепуталось... Обманываешь ты меня, дед! Нарочно ты все придумываешь! Издеваешься ты надо мной, насмехаешься!

— Издеваться или там насмехаться над единственным внуком мне ни разика и в голову не приходило, — глухо ответил дед Игнатий Савельевич. — Душа у меня из-за тебя изболелась, тунеядец ты ленивый! Избаловал я тебя так, что и впрямь одно осталось — в музей тебя сдать! — Но он тут же пожалел внука, постыдился за свои резкие, хотя и справедливые слова и, переходя на миролюбивый, даже виноватый тон, продолжал: — Ты, в общем и целом, не беспокойся, не волнуйся и все такое прочее. Помни, что я о твоей судьбе дни и ночи думаю. И не допущу я такого безобразия, чтобы ты у меня, мой единственный внук, вместе со скелетом мамонта экс-по-на-том был!

— А я в музей хочу! В музей я хочу! Хочу я в му-

зей! — сверх всякой меры горячился Герка. — Ты обещал, ты и сделаешь!

С болью в сердце поняв, что единственный внук принял шутку всерьез, дед Игнатий Савельевич горестно сказал:

— Насмешишь ты меня до того, что в боку у меня заколет. Или дышать плохо буду. Или сердце задержается.

Он и впрямь начал громко и трудно дышать, еле-еле успокоился, но долго еще растирал левый бок рукой.

Тогда уже Герка немного пожалел деда и предложил:

— Думай себе обо мне на здоровье, сколько только хочешь. Но хорошо бы, если б ты все до первого сентября устроил. Чтоб мне точно знать: музей или школа?

И в ответ раздалось:

— Сегодня мною будет принято окончательное решение.

— Ох, давно бы так! — радостно воскликнул Герка. — Давай-ка разогрей чайку, дед, да колбасы с хлебом нарежь! Я из-за твоих разговоров есть захотел прямо как мамонт!

«Мамонты-то колбасы не ели, — грустно подумал дед Игнатий Савельевич. — А тебя вполне можно музеем предложить. Мечтал я из тебя рабочего человека вырастить, но как из тебя рабочий человек получится, если дед у тебя в няньках, а ты ни разика в жизни бутерброда себе сделать не попытался?»

Странно и утверждать, уважаемые читатели, такое, что беспредельная любовь деда к внуку превратилась в самую настоящую беду, и выяснился этот прискорбный факт не столь уж давно. До самого последнего времени дед Игнатий Савельевич не видел особой опасности в отношении внука к жизни и учебе. Ну, валялся он в постели сколько угодно, практически до того, пока все бока не отлежит, пока они, бока-то, не заболят... Ну, есть попросит, дед приготовит, подаст... Ну, ничем по дому не помогает, дед и сам все с удовольствием делает...

А в школе... Это вы, уважаемые читатели, и без меня представляете. Вот учится человек хорошо, можно даже сказать, сверхотлично учится, и вдруг совершенно случайно поймает троечку. Тут все его в один голос и стыдят во весь голос: «Как не стыдно?! Не стыдно как?!»

Но если наш Герочка тоже совершенно случайно вместо довольно привычной двойчатки ту же троечку схватит, то от радости и гордости чуть ли не весь класс в один голос хвалит его, да так хвалит, будто он знаменитый хок-

кеист, который забросил канадцам решающую шайбу:
«Мо-ло-дец! Мо-ло-дец! Мо-ло-дец!»

За плохую учебу и откровенно наплевательское отношение к ней его несколько раз поругают, потом два или три раза пожалеют, четыре раза простят, все время ему помогают... Затем все начинается снова: несколько раз его поругают и т. д. и т. д. Когда же ругать, жалеть, прощать, помогать всем надоест, Герку крепко пристыдят, потом опять поругают, опять пожалеют — и так без конца. Вот и тянулся он подобным нехитрым, но и нечестным образом из четверти в четверть, из класса в класс.

Привык!

Все привыкли.

Первым решил отвыкнуть от вреднейшей привычки потакать избалованному лодырю дед Игнатий Савельевич. Он не давал внуку покоя, напоминая ему о тунеядничестве, но и к этому внук быстренько привык.

Тогда и была придумана затея с кандидатом в экспонаты. Сначала эти разговоры Герка воспринимал довольно равнодушно, но с каждым последующим разговором возможность стать музейным экспонатом нравилась внуку все больше и больше и постепенно превратилась чуть ли не в заветную мечту.

Другие вот космонавтами мечтают быть, геологами, или хоккеистами, или хотя бы марки собирают, книгу за книгой прочитывают, на лыжах бегают, на коньках катаются, а этот, видите ли, возмечтал, чтобы на него в музей, как на скелет мамонта, глазели!

Только бы ничего путного не делать, никому не подчиняться, никого не слушаться!

Вы, конечно, спросите, уважаемые читатели, а откуда же он такой взялся, как он дошел до жизни такой и почему не мог понять, что считаться самым избалованным внуком не только на всем нашем земном шаре, но даже и в нашем поселке — стыдобушка?

Чтобы мне подробно и убедительно объяснить это, если вы сами не догадаетесь, надо было бы написать книгу потолще той, которую вы сейчас в руках держите.

В общих чертах, как говорится, дело обстояло следующим образом. Родители Герки, люди хорошие и трудолюбивые, работали в леспромхозе, который находился далеко от поселка, и домой они приезжали только на выходные дни и праздники. Вот и получилось так, что основную часть времени внук с дедом проводили вдвоем.

А два года назад Геркины родители уехали работать в далекий северный город, и дед Игнатий Савельевич оказался единственным воспитателем единственного внука.

И постепенно, незаметно, как бы вполне естественно жизнь складывалась так, что дед целыми днями с удовольствием занимался разными делами, внук же с удовольствием ничего целыми днями не делал, томительно ожидая, когда можно будет попросить деда включить телевизор.

Единственный воспитатель поварчивал.

Внук не обращал на это внимания.

Сердился единственный воспитатель.

Не обращал внук на это внимания.

И часто дед не обращал внимания, что внук не обращает внимания на его замечания и просьбы.

Так вот и жили, пока у деда Игнатия Савельевича терпение, как говорится, не лопнуло. И он решил заняться уже не воспитанием, а перевоспитанием единственного внука.

Очень уж любил дед внука и все уж очень надеялся, что когда-нибудь, вернее, в ближайшее время, Герка сам образумится, сам захочет нормальным человеком стать.

Увы...

И не от хорошей жизни придумал дед Игнатий Савельевич затею с отправкой внука в музей, чтобы Герка наглядно убедился в своей наиполнейшей неосознанности. Быть в музее живым отрицательным экс-по-на-том! Ужас-то какой!

А внук обрадовался такой возможности... И вместо того чтобы напугать Герку, дед Игнатий Савельевич сам испугался предостаточно, но решил довести дело до конца. Можно попробовать внука и в музее показать: пусть ученые люди свои умные головы поломают над тем, почему от мамонтов только скелеты остались, а избалованных туеядников с каждым годом все больше и больше?

— Значит, договорились, — унылым голосом, три раза предварительно крикнув и четыре раза возмущенно покряхтев, сказал дед Игнатий Савельевич. — Денька через три-четыре-шесть я в областной центр поеду насчет твоего места в музее. Все там разузнаю и в случае чего — в Москву махну!

Герка запрыгал от радости: ведь впервые разговор закончился деловым, конкретным решением, но вдруг услышал:

— Тренировки начнем сегодня же.

— Чего? Чего? — поразился Герка.

— Тре-ни-ров-ки, — совершенно строгим, а точнее, грозным, а еще точнее, официальным тоном ответил дед Игнатий Савельевич. — Специальную загородку сделаем, примерно такую, какая может в музее оказаться. Вот денька три-четыре-шесть в ней и поживешь. Поглядим, что из этого получится.

— Замечательно, дед, все получится!

Что ж, почитаем — увидим...

Вторая глава

БУДУЩАЯ ЖЕНЩИНА

Дед Игнатий Савельевич после долгого отсутствия, во время которого Герка извелся от нетерпеливого ожидания, вбил на улице перед домом в землю четыре длинных кола, натянул между ними веревку, придирчиво оглядел нехитрое сооружение и удовлетворенно сказал:

— Примерно так. Устраивайся, дорогой внучек. Прикидывай. Примеривайся. Если ничего путного из тренировок не получится, если не выдержишь ты, тренировки возобновим после короткого перерыва. В музей ты должен прибыть подготовленным к демонстрации посетителям в течение дня.

— А чего устраиваться? — искренне удивился Герка. — А чего прикидывать? А чего примерять? Да и вообще ни к чему эти тренировки. Я готов! — Он пролез под веревкой, растянулся на травке. — Красота! Полный порядок! Любуйтесь экспонатом!

— Кандидатом в экс-по-на-ты, — строго поправил дед Игнатий Савельевич и, подумав, еще более строго предложил: — Нет, нет, ты сядь. Вспомнил я, что пол в музее цементный. На нем лежать нельзя. Воспаление легких, по-научному, пневмонию, получить можно.

— Раскладушку привезешь!

— Привезти-то привезу, конечное дело. Но ведь еще неизвестно, разрешается ли экс-по-на-там на раскладушке демонстрироваться. Вдруг у них условия демонстрации наравне со скелетом мамонта? А тот стоит, даже не присядет. Но тебе скорее всего предложат то сидеть, то стоять. Вот так и тренируйся.

Герка отнесся к дедову заданию абсолютно серьезно: действительно, если хочешь быть экспонатом, терпи все, как скелет мамонта.

— Дед, а дед! — вдруг всполошился Герка. — Почему ты специальную загородку на улице поставил, а не во дворе?!

Отойдя на несколько шагов, дед Игнатий Савельевич предельно внимательно оглядел загородку и внука, обошел их вокруг, ответил:

— Создадим обстановку вроде музейной. Во дворе кто тебя увидит? Кому там тебя демонстрировать? А тут — люди ходят. Как бы посетители музея. А я, если понадобится, вместо экскурсовода буду.

И он ушел, казалось бы, удовлетворенный сверх всякой меры. На самом же деле он сверх всякой меры расстроился. Он ведь не переставал надеяться, что единственный внук, увидев специальную загородку на улице, если тут же и не поумнеет, то хотя бы сообразит, что над ним, вернее, над его ленью и избалованностью, потешаются. Увы, увы и еще сто раз увы, единственный внук не собирался расставаться с желанием — быть в музее экспонатом наравне со скелетом мамонта.

«А кто придумал это? — в подлинном гневе спрашивал себя дед Игнатий Савельевич. И самому себе отвечал: — Да ты, вос-пи-та-тель! Ты парня запутал! Теперь вот и распутывай! А не распутаешь если, сам в музее экспонатом будешь! Дескать, самый глупый дед на всем нашем земном шаре! А рядом вот — результат его воспитательной работы — самый ленивый и самый избалованный внук на всем нашем земном шаре! Любуйтесь! Стыдитесь за них!»

Герка же сидел на травке за специальной загородкой, приятно ему было, конечно, очень, но в душе копошилась неясная тревога. Странно ведь получается! Вот сейчас на улице никого нет. Но рано или поздно подойдет кто-нибудь и увидит необычную, а потому и непонятную картину: сидит среди кольев, соединенных веревкой, человек! Чего это он? А? Каждому объяснять, что он — кандидат в экспонаты, что загородка эта специальная? Язык устанет — раз. Да вряд ли кто все и поймет — два. Толпа ведь соберется! В музее — другое дело. Там будет табличка висеть, а умные ученые люди — экскурсоводы — будут про него, Герку, лекции читать... Дед, конечно, что-то очень уж здорово преувеличивает, но проверить надо! Ведь поду-

мать только: быть в музее экс-по-на-том! Де-мон-стри-ро-вать-ся! А не уроки учить!

Но почти с каждой минутой неясная тревога в душе у Герки становилась все сильнее. Предположим, мальчишкам, а тем более девочкам он ничего толком объяснять не станет. Дескать, не вашего ума дело. Детки, в школу собирайтесь, а меня в музее тысячи посетителей ждут!

А вот как объяснить взрослым... И тут Герка вдруг впервые, мгновенно, неожиданно, хотя и ненадолго, усомнился в серьезности дедовой затеи... Но то, что дед решил наказать его, Герке и в голову не пришло. Сначала он собрался упросить перенести все-таки загородку во двор, но тут же, вспомнив рассуждения деда, согласился с ним. Отбросив прочь все подозрения, он остановился на следующем выводе: если дед поставил специальную загородку на улице и сам собирался в случае необходимости быть экскурсоводом, значит, так именно и надо. Терпи, кандидат, экспонатом будешь!

Герка приготовился вытерпеть всех и все. Но случилось то, чего он не только не ожидал, но даже и предполагать не мог.

Из калитки соседнего дома на улицу вышла незнакомая девочка. Герка девчонок вообще презирал, хотя бы потому, что его дразнили Девчонкой без бантиков, а таких, как вот эта, особенно презирал — всей душой. Сами подумайте: ходят в брюках, а у этой еще и широкий ремень с блестящей пряжкой, о каком Герка и мечтать не собирался. Была на девочке клетчатая рубашка с закатанными рукавами и красные кеды. Короткие, в мелких кудряшках черные волосы делали ее совсем похожей на мальчишку, но вот большие черные глаза с живым и пристальным взглядом почему-то показались Герке особенно девчоночными. «Глаза большие, — подумал он, — а ростом больно уж маленькая, вроде бы не первоклашка, а...»

Она стояла рядом со специальной загородкой, внимательно разглядывала Герку, потом сказала:

— Здравствуй, мальчик... Ты почему не отвечаешь?.. Неужели ты глухонемой?.. Или просто невежливый?

— Никакой я не глухонемой! — сразу же рассердился Герка, словно тут же догадался, сколько переживаний принесет ему знакомство с этой маленькой девочкой. — Если человек не хочет с тобой разговаривать, то это не значит, что он глухонемой или невежливый!

Девочка присела на корточки, долго, внимательно и сочувственно разглядывала Герку большими черными глазами и спросила обеспокоенным голосом:

— А почему ты такой нервный, мальчик?

Герку прямо-таки чуть не подбросило в воздух от неожиданно сильной злости, и он, еле-еле сдержавшись, процедил сквозь зубы:

— Откуда ты взяла, что я какой-то там нервный?

— Я догадываюсь, — объяснила девочка, продолжая внимательно и сочувственно разглядывать его. — Ты успокойся, ну совершенно успокойся и скажи мне, пожалуйста, для чего вокруг тебя колья и веревка? С какой целью ты сидишь здесь?

— Топай, топай, топай отсюда, — буркнул Герка, повернувшись к ней спиной.

— Мне, мальчик, некуда топать. Я совсем недавно приехала в ваш поселок погостить у тетечки. Я еще никого здесь не знаю. А мне необходимо познакомиться с плохими мальчишками. Здесь у вас есть такие?.. Опять замолчал да еще и отвернулся. Видимо, ты просто очень невежливый. Но это не беда. Я помогу тебе избавиться от этого недостатка. Давай знакомиться. Меня зовут милая Людмила.

— Чего? Чего? — Герка невольно повернулся к ней и принудил себя похохотать немного. — Почему вдруг — милая?

— Потому что я симпатичная, — серьезно объяснила девочка, присаживаясь на травку. — Ты все поймешь, когда узнаешь обо мне самое главное. Очень многие меня так и зовут: милая Людмила. А как тебя зовут?

Герка хмыкнул и ответил:

— Очень многие зовут меня Геркой.

— Герка! Звучит словно кличка! — Эта милая Людмила поморщилась. — У тебя должно быть полное человеческое имя. Какое?

— Полное имя у меня ерундовское, не люблю я его, — мрачно отозвался Герка, удивляясь своей разговорчивости и с невольным интересом разглядывая сидевшую перед ним девочку. И она смотрела на него большими черными глазами, смотрела внимательно, даже задумчиво и чуть прищурившись, и уже вовсе не походила на первоклашку. — Полное имя у меня ерундовское, — повторил Герка, хмыкнул, но хмык получился грустным. — Я милый Герман.

— Ничего ерундовского, — серьезным, а вернее, наста-

вительным тоном произнесла эта милая Людмила. — Красивое имя, героическое. Космонавта номер два зовут Герман Степанович Титов.

— Космонавта как угодно звать можно, — проворчал Герка, — все равно нормально получится. А у меня... — Он махнул рукой.

— Красивое у тебя имя, — с уважением проговорила эта милая Людмила. — Как в опере. Знаешь, есть такая опера «Пиковая дама»? И кинофильм такой был. Там пел очень красивый офицер. Артист Стриженов. И звали его, того красивого офицера, представь, не Герка, а Герман. Правда, в результате всего он сошел с ума и умер, но имя у него было красивое, как у тебя.

Герка от растерянности, удивления и радости, готовый вот-вот перейти в ликование, чего-то ничего не понимал: ему и приятно было это слышать, и не очень-то уж приятно. Никакой «Пиковой дамы» он не видел, потому что еще ни разу не был в оперном театре. А смотреть оперу по телевизору — скука жуткая. Все поют, поют, поют, поют, слов почти не разобрать, иногда попляшут немного и опять поют, поют, поют... Дед вот очень терпеливый, любую передачу, несколько любимых передач подряд может с начала до конца досмотреть, а оперу... Зе-е-е-ева-а-а-ет громче, чем артисты поют...

Одновременно Герку вдруг стало все больше и больше раздражать, что он почему-то разговаривает с этой милой Людмилой и разговаривает-то — стыд и позор! — с удовольствием. Конечно, ему очень по душе, что она считает его смешное имя красивым. Но ведь она девчонка, и вполне возможно, что просто врет. Он оба уха развесит, а она ему потом хихиканьки устроит!.. Но сильнее всего его смущал и беспокоил все время меняющийся взгляд ее больших черных глаз.

— Река у вас далеко? — спросила эта милая Людмила.

— Рядом тут, — думая о своем, машинально ответил Герка и тут же ехидно поинтересовался: — А зачем тебе река? Плавать, скажешь, умеешь?

— Конечно. Я очень хорошо плаваю. Я три года ходила в плавательный бассейн. Но потом я увлеклась балетом. И еще я люблю рыбачить. А ты?.. Ну, чего ты опять молчишь, Герман?

— А чего ты ко мне пристала?

— Я к нему пристала! — поразилась эта милая Людмила и даже чуть обиделась. — Нет, нет, вы только по-

смотрите на него! Да ты просто абсолютно невежливая личность! Если хочешь знать, то мне и разговаривать-то с тобой неинтересно!

— И не разговаривай, никто тебя и не просит! — Теперь уже Герка обиделся. — Не хочешь — не надо! Без тебя обойдемся как-нибудь!

— Во-первых, я вежливый человек, понимаешь? Мы с тобой оказались соседями. Вот мы и обязаны познакомиться и быть в дружеских отношениях. Во-вторых, я разыскиваю плохих мальчишек, чтобы заняться с ними пере-вос-пи-та-тель-ной работой. Я прощаю тебе, Герман, твою грубость. Я отучу тебя от нее. Объясни мне, пожалуйста, почему ты оказался здесь среди кольев за веревкой?

— Я не обязан объяснять, — пробормотал Герка, — сижу, вот и все. Мое дело. Захотел — сел, захочу — уйду. А еще лучше будет, если уйдешь ты.

— А мне думается, здесь что-то не то. Не зря ты тут сидишь, конечно, и не случайно. Есть какая-то причина, может быть, очень важная и серьезная. Может быть, здесь тайна, Герман?

Герка сидел, и она сидела. Герка молчал, и она молчала. Ему это уже надоело, а ей, видимо, нисколько.

Наконец она спросила:

— В шахматы играть ты умеешь?.. Или хотя бы в шашки?.. Чем вот так зря сидеть, сыграли бы, а?

«Уйти мне никак нельзя, — очень уныло подумал Герка, — дед мне велел для музея тренироваться, и в любой момент он может прийти. А эта уходить и не собирается. Понятия ведь не имеет, что я не кто-нибудь, а кандидат в экспонаты! Но объяснять ей я ничего не буду. Не поймет она ничего, а глупостей разных наболтает много!»

Да, эта милая Людмила уходить и не собиралась, сказала:

— Чтобы ты не скучал, я побуду с тобой. Я чувствую, вот всем сердцем ощущаю, что ты нуждаешься в помощи и поддержке. Если ты окажешься плохим мальчиком, я охотно займусь с тобой перевоспитательной работой. Для начала объясни все-таки, кто и зачем посадил тебя сюда?.. Он опять молчит! — раздраженно воскликнула она. — Что он хочет этим доказать, спрашивается?

Понимал Герка, что болтать она может хоть целый день без остановки, но вот как от нее избавиться, сообразить не мог. Обозвать бы ее, да так, чтоб помнила, чтоб

от обиды и слова не смогла бы выговорить! И чтоб умчалась бы!!!

Увы, никакого такого слова, обидного-преобидного, в голову не приходило. Хуже того: догадывался Герка, что если бы не его нелепое положение, не специальная загородка, он бы ничего против девочки не имел — пусть себе сидит и болтает.

А она продолжала:

— Кем ты собираешься стать, когда вырастешь? Я готовлю себя для участия в освоении космоса. А раньше я многим увлекалась. Мечтала, например, стать балериной. Два года занималась в танцевальном кружке. Меня даже показывали по телевидению. А тебя не показывали по телевидению?

— Нет, нет, нет, не показывали меня по телевидению! — чуть ли не рассвирепел Герка. — Не показывали! А могли бы! — с отчаянием вырвалось у него. — Могли! И в кино должны меня снимать! И по радио с музыкой про меня передавать могли! Бы!.. Иди ты своей дорогой! — взмолился он, сообразив, что сказал лишнее. — Отстань ты от меня! Добром ведь прошу! Я ведь тебя так обозвать могу, что наплачешься! Все ведь над тобой смеяться будут! Засмеют ведь тебя! Наплачешься! Знать будешь, как хорошим людям жизнь портить! Будь ты хоть на два или даже полтора сантиметра ростом побольше, я бы тебе подзатыльник дал!

И тут случилось неожиданное: эта милая Людмила громко и звонко рассмеялась. Она даже пыталась сдерживать смех, даже прикрыла рот ладошками, но продолжала смеяться еще громче, еще звонче.

Герка от удивления и возмущения вскочил, а она опрокинулась на травку, ноги ее замелькали в воздухе, будто она крутила педали велосипеда — мчалась во весь дух.

Потом эта милая Людмила, не переставая звонко и громко смеяться, каталась и каталась по травке, изредка вскрикивая:

— Ой, не могу!.. Ой, насмешил!.. Ой, не могу!.. Ой!..

— Прекрати... перестань... Да прекрати! — неуверенно выкрикивал Герка. — Людей испугаешь! Вот-вот люди сбегутся!

Эта милая Людмила, хотя вряд ли слышала его слова, перестала кататься по травке, села, упершись ладошками в землю, но смеха унять не могла, смеялась и смеялась громче и звонче прежнего, изредка вскрикивая:

— Ой, не могу! Ой, сил больше нет!

«Чем же я ее насмешил? — суматошно пытался угадать Герка, — про кино и радио разболтал, вот она и...», — а вслух он спросил испуганно:

— Может, больная ты? Может, из-за болезни смеешься? Может, вредно тебе смеяться-то? Ведь не по-нормальному ты хохочешь-то!

Уж лучше бы Герка таких слов не говорил! Эта милая Людмила замотала кудрявой головой, затопала ногами по земле, чтобы сдержать смех, так сказать, вытоптать его из себя в землю, да куда там! Смеялась она все громче и звонче, все звонче и громче.

Бегал вокруг нее Герка, бегал, не зная, понятия не имея, что бы ему предпринять, а эта милая Людмила уже снова опрокинулась на травку, ноги ее быстрее прежнего замелькали в воздухе, будто она из всех сил крутила педали велосипеда — мчалась, финишировала на самых скоростных гонках.

Герка уже решил за дедом, что ли, сбегать, а она опять каталась по травке, и он вдруг радостно закричал:

— Знаю, знаю! Догадался я! Догадался! Водой тебя облить надо! — И он бросился к колодцу, который был тут метрах в пяти, стал спускать ведро, крича через плечо: — Я сейчас! Я сейчас! Не трусь! Не бойся! Все как в больнице будет!

Ведро плюхнулось в воду, медленно-медленно, будто нехотя, затонуло. Герка закрутил ручку быстро-быстро-быстро, так быстро-быстро-быстро, что ведро на стальном тросике зараскачивалось и застучало о стенки колодца, и когда оказалось в руках у Герки, воды в нем было меньше, чем наполовину.

С ним в руках он побежал к этой милой Людмиле, которая уже не просто смеялась звонко и громко, а прямо-таки задыхалась от смеха.

Тросик разматывался толчками, и от каждого толчка вода из ведра каждый раз выплескивалась на Герку, и когда тросик раскрутился до конца, воды в ведре почти не было, зато мальчишка вымок основательно.

Коротким оказался тросик. Он остановил Герку метрах в двух от этой милой Людмилы, и мальчишка, не зная, что делать, приговаривал:

— Сейчас, сейчас мы тебя водичкой... холодненькой... водичкой, водичкой мы тебя сейчас... холодненькой... ползенькой... водичкой мы тебя...

А эта милая Людмила закатывалась в смехе, непередаваемо громком и звонком, в изнеможении закрыв глаза и запрокинув кудрявую голову.

Впопыхах и в излишнем старании Герка немного не рассчитал: когда он хотел остатки воды выплеснуть на девочку, тросик натянулся до предела, дернулся, ведро вырвалось из Геркиных рук и непонятно каким образом оказалось у него на голове, больно стукнув краями по плечам.

Герка, можно сказать, взвыл, стоял, абсолютно ничего не соображая, даже ведро с головы снять не додумывался... Не двигался Герка.

Где-то, как ему казалось, далеко-далеко-далеко, смеялась громко и звонко эта милая Людмила.

Плечи остро ныли.

И захотелось Герке от обиды поплакать — изо всех сил и долго, может быть, даже с подвыванием. Он уже и носом три раза пошмыгал, уже рот раскрыть собрался, как в глаза ему ударил ослепительный солнечный свет, а в уши прямо-таки бросился громкий и звонкий смех этой милой Людмилы — она сняла с его головы ведро и стояла рядом.

Но вот смех затих, и она устало проговорила:

— Не могу больше смеяться. Сил нет. Ну и насмешил ты меня, Герман. Молодец. Ни разу в жизни я так много не смеялась. Честное слово. Даже в цирке. Значит, с тобой будет интересно дружить, — самым серьезным тоном продолжила она. — С людьми, которые умеют рассмешить, всегда дружить интересно. И полезно.

Потирая ушибленные места, Герка озабоченно и удрученно раздумывал над тем, почему же он нисколько не сердится на нее, хотя совсем недавно чуть ли не свирепел, хотя, по его жизненным представлениям, надо было бы ей отомстить... А за что ей мстить-то? Ведро он сам на себя напялил. Она же сняла ведро с его головы, то есть оказала помощь.

— Ничего смешного нет, — по возможности небрежно сказал Герка, отнес ведро к колоду, смотал тросик на барабан, вернулся обратно. — А я вот никогда таких ненормальных хохотушек не видел. Честное слово. Хоть в больницу тебя отправляй, до того ты по-ненормальному хохочешь.

— Я совершенно нормальная, и у меня абсолютно здоровый смех, — гордо сказала эта милая Людмила. — Про-

сто у меня очень развито чувство юмора. Вот когда тебе станет известно обо мне самое главное, ты по достоинству оценишь меня, а может быть, даже станешь меня обожать.

— Обо-жать? Это еще что такое?

— Неужели не знаешь?

— Обо-жать... Понятия не имею.

— Обожать... — Эта милая Людмила задумчиво помолчала, улыбаясь загадочно и ласково, и ее большие черные глаза, казалось, стали огромными. — Очень трудно объяснить, если ты понятия не имеешь. Видимо, ты читаешь маловато, и только детское... А понять можно еще и сердцем, без всяких книг. Обожать... — нежно протянула она и таинственно прищурилась. — Подрастешь — поймешь. Проще же говоря, обожать — значит, сделать для женщины что-то очень важное, почти невозможное. Только для нее одной, — стыдливо закончила она.

— Но ты же не женщина... — недоуменно пробормотал Герка.

— Обожать можно и будущую женщину, даже первоклашку, если почувствуешь, что она настоящий человек. Но тебе еще рано заниматься подобными вопросами. — Эта милая Людмила снисходительно улыбнулась. — Вот если мы подружмся с тобой, я тебе кое-что объясню.

— Да что ты все время хвастаешься? — возмутился Герка. — Обожать! Заниматься подобными вопросами! Будущая женщина! Где ты таких слов нахваталась-то?

— Я общаюсь со многими умными людьми, — объяснила эта милая Людмила. — И не только со сверстниками. Стараюсь все понять и запомнить. А хвастаться мне не пристало. И пойдем-ка, Герман, рыбачить, а? Удочки у меня есть. А у тебя?

Вот тут Герка враз и твердо решил доказать этой милой Людмиле, этой будущей женщине, что обожать ее он и не собирается, и сказал:

— Никаких удочек у меня нет, и рыбачить с тобой я не буду. И вообще нечего мне с тобой делать. Иди занимайся себе чем хочешь. Можешь плавать, можешь танцевать, можешь в шахматы играть или в шашки, можешь с плохими мальчишками пере-вос-пи-та-тель-ной работой заниматься, а меня оставь в покое. У меня своих дел хватает. Понимаешь?

Герка хотел уйти, был уверен, что сейчас же уйдет, но с удивлением и с неприязнью к самому себе отметил, что не уходит.

А эта милая Людмила молчала и улыбалась необходимо снисходительно: дескать, никуда ты не уйдешь, по крайней мере, сейчас, а если потом и уйдешь по глупости, конечно, то сто три раза пожалеешь, но — увы и увы! — будет поздно.

— Я скоро должен в город, в областной центр ехать, — озабоченным тоном сказал Герка, чтобы хоть как-то оправдать свое поведение, — а сейчас мне тренироваться надо. И некогда мне с тобой разговоры всякие разговаривать. Занят я очень, а тебе делать нечего. И времени у меня нет. Понятно?

— Как знаешь. — Эта милая Людмила пожала плечами. — Смотри. Ты человек взрослый, обязан соображать. А ты почему-то не очень... соображаешь иногда. Во всяком случае, когда девочка обращается к мальчику с просьбой, он обязан отнестись к ней хотя бы внимательно.

— Нечкогда мне относиться к тебе внимательно! — хотел грубо ответить Герка, а получилось у него беспомощно. — Тренироваться мне надо... — хотел он сказать еще грубее, а получилось еще беспомощнее, потому что он с недоумением ощущал, что ему совсем-совсем не надо, чтобы она ушла. — Должна же ты понимать, что если человек занят...

— Но чем же ты занят? — искренне удивилась эта милая Людмила. — Когда я пришла сюда, ты преспокойненько сидел на травке, и видно было, что ничего не собирался делать. А если тебе надо тренироваться, давай тренироваться вместе... Уверю тебя, Герман, что ты совершенно напрасно сердиться на меня. Уверю тебя, что мы обязательно подружмся. Ведь я собираюсь рассказать тебе такое, что тебе просто захочется подружиться со мной.

— Давай тогда рассказывай, — согласился Герка, но все-таки заставил себя озабоченно и громко вздохнуть.

— А это еще надо заслужить, Герман.

Совсем растерялся Герка. Что ни скажет откуда ни возьмись появившаяся здесь странная особа маленького роста с большими черными глазами, все для него непонятно! И он прямо и твердо предложил:

— Объясни мне все толком. Как и что, и для чего надо заслужить? И что у тебя самое главное? И зачем мне надо о нем знать?

Эта милая Людмила предельно внимательно и словно с недоверием вгляделась в Герку, ответила неожиданно почти суровым голосом:

— Мне предстоит провести с тобой огромную и разнообразную воспитательную, а главное, еще и перевоспитательную работу. Опять не понимаешь?

— Ничегошеньки! — с вызовом признался Герка.

— Попытаюсь объяснить. Итак, ты видишь перед собой меня. Я вижу перед собой тебя. Мы ничего не знаем друг о друге. Мне, например, известно о тебе лишь то, что ты можешь очень развеселить. Догадываюсь я и о том, что ты ничего не хочешь или не умеешь делать.

— Ну откуда ты взяла?!?!?

— Подожди, подожди, — строго отозвалась эта милая Людмила. — Ты просил объяснить тебе кое-что, вот и будь любезен слушать... Да, я догадываюсь, что ты мало чем интересуешься в жизни. И тебе будет трудно заслужить мое расположение. Но я сама займусь тобой. Помогу тебе избавиться хотя бы от ряда недостатков. — Она, задумавшись, помолчала. — Хорошо, я расскажу тебе о себе самое главное. Ты просто ахнешь, Герман, и сразу станешь относиться ко мне серьезно.

— Хвастаешься ты просто и здорово хвастаешься. — Герка постарался скрыть возмущение. — Берешь на себя много. Самая ты обыкновенная зазнайка. Строишь из себя кого-то, а...

— А вот первый космонавт в мире Юрий Алексеевич Гагарин был обо мне совершенно другого мнения, — скромно и тихо сказала эта милая Людмила.

Третья глава

ДВОЕ НА ОДНОГО

Вся история с предполагаемой отправкой единственного внука в областной краеведческий или даже в один из московских музеев, выдуманная дедом Игнатием Савельевичем, имела, уважаемые читатели, куда более серьезный и, я бы сказал, неприятный для Герки смысл, чем сначала подразумевал и сам дед.

Герка — тот вообще ничего не предполагал и не подразумевал, кроме того, что в музее его ожидают невиданное до сих пор ничегонеделание и, что не менее важно, почет, до сих пор невиданный.

Дед Игнатий Савельевич, когда он понял истинный смысл своей выдумки, пригорюнился, а потом и растерялся.

Поверил ведь единственный внук, что он уже кандидат в экспонаты, что и тренировка необходима. Дед же Игнатий Савельевич спрятался в огороде за банькой среди черемух и принялся очень горестно размышлять над судьбой внука. А она, его судьба, впервые представилась во всем своем неприглядном виде.

Избалованный лентяй... Ленивый баловень... Дед Игнатий Савельевич даже вздрогнул, будто впервые узнал об этом, чуть ли не сознание потерял, однако заставил себя размышлять, хотя и тревожно, но деловито и обстоятельно.

Историю с музеем он сочинил, напомню, уважаемые читатели, надеясь в конце концов устыдить внука, доказать ему, сколь нелепы его несусветная лень и не менее несусветная избалованность. А Герка-то все принял всерьез! Подумать страшно, на что избалованный тунядец согласен, только бы ничегошеньки в жизни не делать и у всех на виду быть!

С очень сильной болью размышляя об этом, дед Игнатий Савельевич до того расстроился, что забормотал вслух:

— Раньше таких оболтусами называли и правильно делали... Пусть, пусть в специальной загородке покрасуется... Пусть узнают люди, какого я баловня воспитал вместо рабочего человека... Мне, мне, мне стыд и позор, если не на весь наш земной шар, то хотя бы на весь наш поселок...

И опять он вспоминал и вспоминал о том, что давным-давно каждый день собирался по-настоящему приняться за перевоспитание Герки, да каждый день откладывал такое намерение: уж больно хотелось, чтобы единственному внуку хорошо жилось, беззаботно.

Да, вот так, уважаемые читатели. Пусть, мол, сегодня единственный подольше поспит, завтра мы ему лишка валяться в постели не позволим. Пусть сегодня единственный к урокам не готовится, завтра он у нас над домашними заданиями девять часов двадцать минут без передышки просидит! Ничего, ничего, что сегодня единственный двоечку прихватил, завтра мы его без двух четверочек и домой не пустим. Ладно, сегодня единственный хлеба себе отрезать не хочет, завтра он у нас обед из трех блюд во что бы то ни стало попробует если и не приготовить, то хотя бы испортить...

Внук до того привык, что все его заботы, даже самые

малюсенькие, всегда откладываются, что иной — не беззаботной до предела! — жизни не мог представить, да и потребности в другой жизни у него не наблюдалось. Постепенно Герка и вообще позабыл о том, что у человека должны быть какие-то заботы и обязанности.

С дедом Герке было удобно и привольно, внуку и в голову не приходило, что тот недоволен собой, бранит себя за крайне неправильное отношение к единственному. Тем более изнеженный и избалованный Герка и заподозрить был не в состоянии, что рано или поздно дед всерьез и решительно, окончательно и бесповоротно примется за его коренное перевоспитание.

И вот именно сейчас тот и поставил перед собой четкую задачу: или он сделает из единственного внука трудолюбивого человека, или честно признается перед своей совестью, что чрезмернейшими заботами и совершенно неконтролируемой, неуправляемой любовью погубил Герку, сам лишил его возможности стать нормальным — рабочим человеком!

«Возьму я его еще в оборот, возьму! — яростно рассуждал дед Игнатий Савельевич. — Он у меня еще попрыгает, кандидат тунеядный, экспонат избалованный! Я ему... я его... я им...»

И хотя ничего определенного дед Игнатий Савельевич сам себе предложить не мог, настроение у него чуть-чуть-чуть улучшилось. Все-таки он немножечко надеялся, что специальная загородка сыграет какую-то положительную роль в судьбе внука.

И пошел он взглянуть на Герку, чего он там делает, может, уже кой-чего сообразил или кое о чем догадываться начал...

Но, к огромнейшему удивлению деда Игнатия Савельевича, сразу сменившемуся полнейшей растерянностью, внука на месте не оказалось. Вот это да! Вот это новость! Вот это сюрприз! Куда он мог исчезнуть и, главное, почему? Неужели даже сидеть на травке ему и то лень? Неужели за короткий промежуток времени избалованность его еще более возросла?!

Дед Игнатий Савельевич, как опытный охотник, пытался обнаружить хоть какие-нибудь следы, но на ярко-зеленой травке ничего такого не было.

«Может, вдруг образумился? — с малой надеждой подумал он. — А что? Взял да и сообразил тунеядник избалованный, что стыдно в загородке, хотя и специальной, на

виду у всего поселка сидеть, а в музее экспонатом быть и того позорнее? Куда разумнее просто нормальным человеком попытаться стать!»

Мысль эта настолько увлекла его и обрадовала, что он поспешил заняться каким-нибудь делом, чтобы зря не волноваться. Чего-чего, а дел у Игнатия Савельевича всегда хватало.

А внук сейчас переживал, уважаемые читатели, можно сказать, обескураживающие его чувства.

Сначала Герка отказался заходить даже во двор соседнего дома, объяснил хмуро:

— Тут же тетя Ариадна Аркадьевна живет. Ведь она принципиально не любит детей, а меня просто за человека не считает, всем доказывает, что ее кот чуть ли не умнее меня.

Но эта милая Людмила за руку прямо-таки втащила упиравшегося Герку в дом, сказав, что тетечка ушла на рыбалку, провела его в комнату и торжественным тоном произнесла:

— Сейчас ты узнаешь обо мне самое главное.

Она вся как-то подтянулась, лицо у нее стало очень серьезным, словно в один момент повзрослело; она порылась в рюкзаке, достала из него книгу, почему-то строго взглянула на Герку и — перед его глазами оказалась в ее протянутой руке открытка с портретом Гагарина.

— Видишь? — таинственным шепотом спросила эта милая Людмила. — Узнаешь, кто?

— Конечно, — сразу пересохшим от волнения голосом выговорил Герка, почувствовав, что в сердце его закрадывается пока еще непонятная зависть, и спросил: — Ну и что?

— Что?! — с нескрываемой гордостью спросила эта милая Людмила и показала обратную сторону открытки.

Там было:

— Мне лично надписал первый космонавт в мире Юрий Алексеевич Гагарин, — совсем тихо и даже чуть не-

много виновато прошептала эта милая Людмила, полюбовалась портретом, бережно вложила его в книгу, а книгу осторожно спрятала обратно в рюкзак. — Рассказать?

Сердце у Герки опустилось куда-то вниз, он слушал, временами едва сдерживая желание жалобно крикнуть «Врешь, врешь, честное слово, врешь!», а потом слушал со светлой завистью и почти нежным уважением к этой маленькой, все-таки странной, не похожей на других девочке...

...В Москве на Выставке достижений народного хозяйства эта милая Людмила (тогда еще просто — Людмила) пришла с родителями в павильон «Космос».

Там оказалось много посетителей, чувствовалось, что они взволнованы, что никто и не собирался уходить, и отовсюду слышался шепот:

— Гагарин... Гагарин... Гагарин...

А Людмила только что купила в киоске открытку с портретом первого в мире космонавта.

Вдруг все посетители павильона почти одновременно повернулись в одну сторону — там появился он, Гагарин, точно такой же, как на портрете у Людмилы, совсем простой, улыбающийся сразу всем (или каждому казалось, что именно ему и улыбается Гагарин).

Значит, улыбнулся он и Людмиле.

И еще никто не успел до конца поверить, что это он, он самый, как Людмила бросилась к нему, да так стремительно, что едва не столкнулась с ним, и громко сказала, почти крикнула от волнения:

— Здравствуйте, Юрий Алексеевич! Как замечательно, что я вас встретила!

Не буду утверждать, уважаемые читатели, что всем посетителям павильона «Космос» это понравилось и что все они радостно рассмеялись. Нет, нет! Кое-кто и заворчал недовольно: ишь какая нашлась, выскочка!

Зато Гагарин несколько не удивился, ответил весело:

— Здравствуй. И я рад тебя видеть. — Он обернулся к вышедшим вместе с ним друзьям-космонавтам. — Симпатичная девочка, правда?.. Тебя как звать?

— Людмила.

— Жаль, милая Людмила, что у меня нет с собой своего портрета...

— Так у меня есть, есть, есть! Вот, пожалуйста! — радостно и опять же слишком уж громко сказала, почти крикнула Людмила, и теперь все вокруг рассмеялись.

Гагарин взял открытку, расписался на обороте, проговорил серьезно:

— Желаю тебе, милая Людмила, счастья, здоровья и, конечно, отличной учебы. Кстати, как ты учишься?

— Я отличница.

— Значит, я не ошибся. Ты действительно милая Людмила. А то было бы просто очень обидно надписать свой портрет какой-нибудь троечнице. До свиданья.

И Гагарин оглянулся вокруг со знакомой всему миру улыбкой и вышел из павильона впереди своих друзей-космонавтов.

Людмила (отныне — уже милая Людмила) стояла и смотрела вслед широко раскрытыми от изумления и счастья большими черными глазами. А все глядели на эту маленькую девочку с радостью за нее и, честно говоря с завистью.

И все молчали.

Первым опомнился папа, взял дочь за руку и вывел из павильона.

— Я сегодня никуда больше не пойду, — прошептала она, — у меня сегодня такое счастье... даже не верится... я запомню это на всю жизнь...

...Когда она кончила рассказывать, большие черные глаза ее блеснули. Она проговорила:

— Я запомнила каждое его слово на всю жизнь. Не подумай, пожалуйста, Герман, что я хвастаюсь. Совсем наоборот. Просто я сама себе напоминаю, что надо быть достойной слов Юрия Алексеевича, — тихо отчеканила она. — Тогда, в тот день, я со страхом думала, прямо с ужасом думала, а что бы я ответила первому в мире космонавту, если бы не была отличницей?! Ведь со стыда можно было бы умереть, будь я троечницей!.. В школе мы открыли космический кабинет имени Гагарина... Когда он погиб... ты не представляешь, Герман, что со мной было... я даже не смотрела похороны по телевидению... не могла...

У нее было такое печальное лицо, что в Геркином сердце впервые в жизни возникла боль от острого желания и неумения утешить.

— Ты... ты... — прошептал он, — гордись...

— Гордись... — Эта милая Людмила горько усмехнулась. — Вот как раз гордиться-то я и не собираюсь. Нечем мне еще гордиться. Просто я решила, что должна, обязана оправдать слова Юрия Алексеевича, вырасти настоящим человеком и посвятить себя, всю свою жизнь участию в освоении Космоса.

— А... а... — Герка от удивления долго стоял с широко раскрытым ртом. — А как ты Космосом-то... осваивать-то ты как его будешь?

— Во-первых, буду отлично учиться, — спокойно и деловито, с внутренним достоинством объяснила эта милая Людмила. — Во-вторых, я регулярно занимаюсь спортом. В-третьих, я все стараюсь делать для того, чтобы вырасти настоящим человеком. Конечно, у меня далеко не все получается, но я стараюсь... Когда подрасту, поступлю в авиационное училище. А затем... а потом... — Она подняла вверх задумчивый взгляд и твердо закончила: — Затем я поступлю в отряд космонавтов.

— Ну да! — вырвалось у Герки с недоверием и завистью. — Так там тебя и ждут!

Эта милая Людмила усмехнулась очень насмешливо и снисходительно и, с явной жалостью посмотрев на Герку, сказала:

— Не в том дело, ждут или не ждут. И даже не в том дело, примут меня или не примут. Главное, что у меня есть цель в жизни, а у тебя нет. Ты живешь шалаяй-валяй, ни о чем серьезном не думаешь, а я готовлюсь к своему будущему. Можешь опять утверждать, что я хвастаюсь. Но ведь я говорю не о том, что я будто бы чего-то уже добилась, а всего лишь о своих стремлениях.

Ничего не ответил Герка, хотя бы и мог возразить, да еще как! Например, если тебе повезло и первый в мире космонавт расписался на твоей открытке, случайно расписался, то это еще вовсе ничего не значит. А то, что ты ни с того ни с сего вдруг вообразила, что будешь космонавткой, так это мы еще посмотрим... Без конца хвастается, что она отличница... У девчонок это часто бывает... Спортом, видите ли, занимается... Да с таким малюсеньким ростиком, как у тебя, сколько спортом ни занимайся, все равно меньше всех будешь... Будущая женщина... Цель жизни, стремления какие-то... Просто слов много выучила!.. А как я живу, не твое дело. Мне нравится, даже очень нравится, как я живу.

Но к концу своих рассуждений Герка почувствовал если и не полную их несостоятельность, то явную неубедительность, и его самоуверенность исчезла. Более того, он испуганно насторожился, улавливая в словах этой милой Людмилы какую-то правоту, опровергнуть которую даже и не попытался.

Они вышли из дома, сели на крыльце, долго молчали. Герка упорно подумывал о том, не сбежать ли ему, пока не вернулась с рыбалки тетя Ариадна Аркадьевна, точнее, не сбежать ли ему немедленно. Герке было вообще не по себе, он словно предчувствовал, что дальнейший разговор не принесет ему ничего приятного, да и неожиданное знакомство с этой милой Людмилой не сулит ничего хорошего.

— Ты ведь неважно учишься, Герман? — услышал он и вздрогнул.

Врать не хотелось, правды он сказать тоже не хотел, вот и ответил неопределенно:

— Почему — неважно?.. Нормально учусь. Средне.

— Средне?! — презрительно переспросила эта милая Людмила. — Но ведь средне — еще хуже, чем плохо!.. Нормально, средне! — скривив губы, почти передразнила она. — Мальчик должен учиться только замечательно. Лишь тогда можно считать, что голова у него работает, что у него твердый характер и сильная воля, в жизни есть большая цель, что живет он не шалаяй-валяй, а уверенно идет к своей цели. Вот о чем ты мечтаешь, Герман?

Тут Герка не просто рассердился, а, можно сказать, вознегодовал: чего она его учит и допрашивает?! И, не владея собой, злой уже на самого себя, что позволяет девочке так бесцеремонно и нагло с ним обращаться, Герка вызывающе крикнул:

— Есть у меня мечта! Хочу в музей быть экс-по-на-том! Вот какая у меня цель в жизни! Чем она твоей хуже? Я уже кандидат в экс-по-на-ты!

— Каким кандидатом? — поразились эта милая Людмила. — Каким экс-по-на-том?

А Герка уже не мог остановиться, не мог даже следить за тем, о чем тараторил:

— Показывать меня посетителям будут! Дед обещал все организовать! Экскурсоводы про меня лекции читать будут! Академики московские меня изучать будут! В кино меня снимут, по телевидению покажут, по радио с музыкой передадут... — Он почувствовал в своих словах что-то

неправдоподобное, даже нелепое и в растерянности замолчал.

— Ой, я знаю, знаю, знаю, что ты опять меня невероятно рассмешишь! — весело воскликнула эта милая Людмила, но вдруг посерьезнела и спросила с некоторым недоверием: — А почему тебя будут показывать по телевидению? Как ты окажешься в музее? Зачем о тебе будут лекции читать? Что в тебе может быть интересного... для академиков?

— Наверное, что-то да есть, — уныло ответил Герка. — Не я ведь все выдумал, мне дед предложил, решил, что меня обязательно демонстрировать надо.

У этой милой Людмилы было совершенно растерянное лицо: видимо, она никак не могла решить, шутит Герман или сочиняет, чтобы ее удивить. И она сама пошутила:

— Может быть, будут изучать, как ты людей смешить умеешь? А может, решили изучать тех, которые средние учатся?

Не рад был уже Герка, что, не подумав, проболтался о музее, вся история с которым казалась ему сейчас подозрительной, понимал, что вот-вот совсем запутается, ответил, надеясь, что ему удастся закончить разговор:

— Если хочешь, я у деда все разузнаю.

— Конечно, конечно! Я сразу догадалась, что ты не зря среди кольев за веревкой сидел... Знаешь, мы должны быть с тобой абсолютно откровенными. Не забудь, что я тебе первому в поселке вашем рассказала о себе самое главное.

— Опять! — торжествующе воскликнул Герка. — Опять хвастаешься!

— Как тебе не стыдно, Герман... — тихо, с обидой и укором произнесла эта милая Людмила. — Да не хвастаюсь я, а считаю, что главное событие в моей жизни всем знать не только интересно, но и полезно... И потом... я не виновата, что мне захотелось рассказать именно тебе...

У Герки на душе мгновению и неожиданно потеплело. Он произвольно взял эту милую Людмилу за руку, но тут же испуганно вздрогнул, отдернул свою руку, словно его кольнуло электрическим током, сказал грубовато, чтобы скрыть необычную взволнованность, усиленную неясным стыдом:

— Тебе просто повезло. Совсем случайно повезло. Гагарина видела! А я и в Москве-то не бывал еще. А если

и попаду, то только экспонатом... — Он осекся, сообразив, что опять зря проболтался, и очень тяжело вздохнул три раза и будто против своей воли, назло самому себе решительным тоном сказал: — Дед мой считает, что я, может быть, самый ленивый и самый избалованный внук на всем нашем земном шаре. Вот и выставят меня в музее вместе со скелетом мамонта.

И Герка обреченно ждал, что сейчас эта милая Людмила расхохочется звонко и громко, как тогда, у специальной загородки, а она вдруг всплеснула руками и страшно возмутилась:

— Неужели ты согласился на такое бесчеловечное издевательство?! Самый ленивый, самый избалованный внук на всем нашем земном шаре!!! Какой позор! Какой потрясающий кошмар! Изуверство какое-то! А ты, ты взаправду очень-очень ленивый? Ты действительно ужасно избалованный?

— Говорят... считают... — ответил Герка, пожав плечами. — Некоторые говорят. Некоторые считают. Тетечка твоя, например.

— Я подозревала, что ты и ленив, и избалован, но... но... экспонат наравне со скелетом мамонта!.. Может быть, дед пошутил?

— Кто его знает... Хороший он у меня, добрый, но иногда вреднющий... Вот, понимаешь, когда он сам мне рассказывал, складно получалось... А сейчас... сейчас...

— А сейчас в высшей степени глупо получается! — Эта милая Людмила резко встала. — Сейчас получается безобразие в высшей степени! Надо немедленно переговорить с твоим дедом и все выяснить! Уточнить! Даже если ты и несусветный лентяй, даже если ты и до неприличия избалован, то тебя надо немедленно начинать пер-е-вос-пи-ты-вать! А не издеваться над тобой! Живого человека показывать в музее наравне со скелетом мамонта! Ко-о-о-ошмар! По-о-о-озор! И глупо, глупо, глупо!

Представьте себе, уважаемые читатели, Герка сразу согласился, обрадованно закивал головой, но вдруг замер. Буквально до этого самого момента он считал себя вроде бы умным, во всяком случае, не очень уж глупым, а тут вдруг усомнился в своих умственных способностях, хотя и не в полной мере усомнился, уныло признался:

— Запутался я здорово.

— Распутаем, Герман, распутаем! — авторитетно и возбужденно заявила эта милая Людмила. — Только сна-

чала нам следует выяснить один важнейший вопрос. Хочешь дружить со мной?

— Зачем? — и удивился, и испугался Герка. — Дружить-то зачем?

— Дружба с девочкой облагораживает мальчика. Он становится, по меньшей мере, вежливым. Девочке приятно, что о ней заботятся. Мы будем помогать друг другу.

— Засмеют ведь, если узнают.

— Да, глупые люди будут смеяться и обзывать. А мы не станем обращать на них абсолютно никакого внимания. И постепенно нашей дружбе начнут завидовать, а затем кое-кто и возьмет с нас пример... Ну, долго ты еще думать будешь? — недовольным тоном поинтересовалась эта милая Людмила. — Вот в музее над тобой действительно хотели бы все во все горло.

— Не могу я сразу на все твои вопросы ответить! — почти взмолился Герка, даже руки перед собой — ладонь к ладони — сложил. — Ты мне столько сегодня вопросов задала, сколько я за всю жизнь не слышал!.. Вот и надо мне подумать, — устало и уныло закончил он.

— Некогда, Герман, раздумывать, некогда! Сейчас же отправляемся к твоему деду! Надо же разобраться в твоей экспонатской судьбе! Идем, Герман, идем! А дружить мы с тобой все равно будем, я уверена!

Да, ничего не попишешь, как говорится, характер у этой милой Людмилы был непреклонный: сколько и как ни сопротивлялся Герка, пришлось ему идти искать деда, от разговора с которым, кстати, ничего утешительного для себя он не ожидал.

По дороге в голову Герки проникла довольно удачная мысль: а что если попытаться избавиться от будущей женщины, а пока странной, взбалмошной девчонки немедленно? Ведь совершенно ясно, что ее настырнейшая деятельность к добру не приведет. Не будет у Герки нормальной жизни, пока...

— Ты только не вздумай со мной хитрить, — прервала его размышления эта милая Людмила. — Понимаешь, я уже накопила некоторый опыт перевоспитательной работы с плохими мальчишками. Ты, видимо, не совсем плохой мальчик, Герман, но нуждаешься в дополнительном внимании.

— Я просто хвастаться не умею, как кое-кто, — хмуро отозвался Герка, — и зазнаваться не умею. И слов много говорить не привык. А в остальном я нормальный чело-

век. И ни в какой перевоспитательной работе не нуждаюсь.

— Намеки поняла, но реагировать на них не намерена.

Как Герка и предполагал, эта милая Людмила и его вреднящий дед моментально понравились друг другу. Она задала десятка два, а то и больше вопросов, на которые тот отвечал охотно и обстоятельно.

Слушал Герка их разговор, так сказать, вполуха, почти без интереса, хотя, в основном, именно о нем толковали они. Понимал Герка, что теперь ему туго придется, и торопливо перебирал в уме возможности избавления от новоявленной перевоспитательницы. Но, к сожалению, к горю его великому, все яснее и яснее становилось, что избавиться от нее нет ни наималейшей возможности. По всему ощущалось, что чуть ли не с каждой минутой она чувствует себя здесь все уверенней и уверенней.

И вот Герка услышал:

— А почему вы решили сдать Германа в музей живым экспонатом наравне со скелетом мамонта? Неужели вы серьезно считаете Германа самым ленивым и самым избалованным внуком на всем нашем земном шаре? Ведь это же позор, кошмар, стыд и издевательство!

К полнейшему недоумению Герки, вреднящий дед заявил:

— Конечное дело, позор. Конечное дело, кошмар. Конечное дело, стыд. Но, конечное дело, отнюдь не издевательство. Не понимает мой единственный внук, что это позор, кошмар и стыд! Не понимает! Я думал, что поймет, а он — нет, нет и нет! Я его в специальную загородку на улице пригласил, он — с полным удовольствием! И никакой он не самый уж ленивый даже в нашем поселке, но — бездельник все-таки выдающийся! И баловень редкий!

— Но ведь ты сам про музей все выдумал! — чуть ли не со слезами в голосе воскликнул обескураженный Герка. — Сам все сочинил, а позор, кошмар и стыд мне?! Ведь издеваешься ты надо мной, получается!

— У-у-у-ужасно... — протянула эта милая Людмила, — просто не-ве-ро-ят-но! Ну никто не поверит, чтобы живой человек добровольно и с удовольствием согласился быть музейным экспонатом наравне со скелетом мамонта! Пока не поздно, товарищи, надо немедленно, сейчас же заняться кандидатом в экспонаты!

— Чего, чего заниматься-то мной? — возмутился Герка до того, что зааикался. — Чего я такого сделал?

— В том-то и у-у-ужас, что ты ничего не делал и делать не собирался. Игнатий Савельевич! — уж таким командирским тоном обратилась к вреднящему деду эта милая Людмила, что он проворно встал — руки по швам. — Мы с вами обязаны вашего единственного внука про-анализи-ро-вать!

— Про... — Герка вяло хмыкнул, и хмык получился очень жалобный. — Ана? Лизи? Ровать? А если я не согласен?

— А я не возражаю. — Дед Игнатий Савельевич с явным уважением посмотрел на эту милую Людмилу. — Только анализировать-то нечего. Все яснее ясного. Учится кое-как. Целыми днями слоняется без дела. В кровати полдня проваляться может. Хлеба себе отрезать не умеет. За огородом я один смотрю. Даже телевизор, стыдно сказать, я включаю. И отключаю, конечное дело.

— Вот и нужно проанализировать, почему Герман растет таким, — настаивала эта милая Людмила. — Тогда и будет ясно, что же с ним делать, каким именно способом его перевоспитывать.

— Нет, я полагаю иначе, — осторожно возразил дед Игнатий Савельевич. — Внук мой единственный — человек, я подозреваю, конченный. Никому на него и ничем никогда воздействовать не удастся. — Глаза у него были хитрющие, а рассуждал он куда как серьезно. — Надо еще и еще раз подумать над вопросом, а не сдать ли его все-таки в музей? Может, там, рядом со скелетом мамонта, он одумается?

Но эта милая Людмила не заметила хитрющего взгляда вреднящего деда и спросила встревоженно:

— Неужели вам его не жалко? Какой же он конченный человек, если у него еще вся жизнь впереди? Неужели у вас сердце за Германа не болит?

— Не сосчитать, сколько тысяч раз сердце мое из-за него переболело! У меня из-за него не душа, а почти рана! — Дед Игнатий Савельевич потряс руками. — А толку? Нуль! Если не меньше! Вот и понятия не имею, чего с ним делать, чем на него воздействовать. Знаю одно: жалеть моего единственного внука не только бесполезно, а для него даже и крайне вредно. И опасно, конечное дело.

— Эх, дед, дед! — с обидой сказал Герка. — Не ожидал я от тебя... Наговорил тут всякого всяким...

— Речь идет не обо мне, а о тебе! — резко перебила эта милая Людмила. — Ведь именно тебе грозит гибель!

— Уже грозит? — деловито переспросил дед Игнатий Савельевич. — Когда его гибель примерно предполагается? — И глаза его хитрюще блеснули.

— Я не шучу! — еще резче произнесла эта милая Людмила. — Как вы не понимаете, что ваш единственный внук морально гибнет у вас на глазах? Пока не поздно, надо его анализировать!.. Герман, Герман, ты куда?

— Мое личное дело, — неестественно гордым тоном да еще с оттенком независимости, но и с некоторой опаской ответил Герка. — Пойду, предположим, дальше гибнуть. А вы тут меня ана! Лизи! Руй! Те!

Заявляю прямо, уважаемые читатели: Герка просто-напросто очень трусил, почувствовав, что новоявленная перевоспитательница (хотел он ее еще анализаторшей обозвать) отступать от своих ненормальных намерений не собирается, а его вреднящий дед готов во всем ей потакать. Вот и надо как-то доказать им, что он тоже отступать не собирается, будет жить только так, как считает для себя удобным и приятным.

— Герман, стой! — приказала эта милая Людмила. — Никуда ты не пойдешь! Раз мы решили тебя анализировать, значит, будем анализировать!

— Да я и слова-то такого толком не знаю! — крикнул Герка. — Но издеваться над собой никому не позволю!

— Слова такого не знаешь? — насмешливо спросила эта милая Людмила. — Объясню. Будем тебя глубоко изучать, ясно? Никто над тобой издеваться не собирается. Мы собираемся помочь тебе стать нормальным человеком. А не музейным экспонатом наравне со скелетом мамонта. Найди в себе силы, чтобы...

Герка крепко прикрыл уши ладонями и с очень большой тоской подумал: «Попался! Попался! Двое на одного! Как хулиганы! Но не сдамся! Выкручусь! Никому не позволю себя ана... лизировать!»

Увы, увы и еще семнадцать раз увы, забегая вперед, доложу я вам, уважаемые читатели: не выкрутится Герка.

Но пока он не верил в это и ушел прочь гордой и независимой походкой.

— Переживает все-таки, — внимательно глядя вслед внуку, сочувственно заметил дед Игнатий Савельевич и, вздохнув, еще более сочувственно продолжал: — Не привык ведь он к тому, чтоб его анализировали.

Четвертая глава

И ВСЕ ИЗ-ЗА НЕЕ...

Долго-долго-долго-долго сидел Герка один дома унылый, несчастный, до предела обиженный, оскорбленный сверх всякой меры да еще и голодный.

В прошлом добрый, а ныне вреднящий дед — из окна хорошо было видно — расположился, довольный и веселый, на крыльце с этой милой Людмилой, крутил свои длинные усы и поглаживал широкую, почти до пояса бороду. Про все на свете вреднящий дед забыл, даже сигаркой не дымил, а он, его единственный, еще недавно любимый внук страдал самым наихудшим образом.

Причин для очень больших страданий было несколько, и когда Герка раздумывал о них, все у него в голове перепутывалось, и ничего он толком сообразить не мог. Соображать ему мешала еще и острейшая зависть.

Завидовал он все-таки, честно говоря, этой милой Людмиле, а на этого вреднящего деда он весьма и весьма обижался, а на обоих вместе он здорово сердился, вернее, невероятно здорово сердился.

Не ожидал Герка от любимого и единственного деда такого к себе отношения!

Про музей вреднящий дед сочинил — раз, сидит с этой милой Людмилой, а единственного внука бросил — два, согласился внука ана... лизировать — три, а чем все кончится, неизвестно — четыре. А есть-то как хочется! — пять.

Но самое главное, самое неожиданное и очень самое неприятное заключалось в том, что впервые столь привычное бездельничание не доставляло никакого удовольствия, не радовало, а угнетало, даже слегка тревожило. А вдруг и вправду — бездельничать не так уж интересно?! В это, конечно, трудно поверить, но...

Ему не сиделось на месте. Пробовал он полежать — тоже ничего хорошего не получилось. Герка заставлял себя сидеть на месте, чтобы не пойти к этим, которые вдвоем на него одного набросились. Вот заняться бы чем-нибудь, хоть ерундой бы какой-нибудь, сразу бы стало легче! И такое желание было для Герки столь необычным, столь, я бы сказал, противоестественным, что он несколько раз подпрыгнул на сиденье и почему-то подергал себя за уши.

Проще всего было бы выйти на улицу (где на скамейке только что уселись эти, которые вдвоем одного анализировать решили!) и как ни в чем не бывало гордо пройти мимо. Они, конечно, спросят, куда он направился, а он, конечно, небрежно так отмахнется и — дальше себе раз-два-левой...

Но — куда раз-два-левой?

Уйдет он, предположим, смотреть, как играют в волейбол на спортплощадке около клуба, но ведь и там он будет думать об этой милой Людмиле и об этом вреднящем деде. Вот что обидно! Вот что его злит!

Герка погрозил им кулаком, потом — другим кулаком, потом — обоими кулаками вместе, язык им показал и забормотал:

— Ладно, ладно... бросили меня в тяжелом состоянии... голодного... оба против меня... двое на одного... Ана! — чуть не закричал он. — Лизируйте меня, если совести у вас нет!.. Я вот вам... вы вот у меня...

Собственно, а чего «Я вот вам... вы вот у меня...»? Ну чего, спрашивается?

Не успев, вернее, не сумев самому себе ответить, Герка выскочил из дому, пробежал через двор, вылетел через калитку на улицу и промчался мимо этой милой Людмилы и этого вреднящего деда.

Тот крикнул:

— Куда тебя понесло?

— Герман, прибегай к нам! — позвала эта милая Людмила.

«Забеспокоились, голубчики! — торжествующе подумал Герка. — Обратили внимание! По-за-бо-ти-лись называется! А мне и без вас хорошо! Почти замечательно! Весело мне без вас!»

Врал он все, уважаемые читатели. Бежал он, бежал и врал. Врал он, врал и бежал. Плохо ему без них было, почти ужасно и нисколько не весело.

Остановился Герка, помедлил немного, в нетерпении переступая с ноги на ногу, и — бегом обратно, опять мимо этой милой Людмилы и этого вреднящего деда промчался, бежал, понятия не имея, куда и зачем его несет. Одно было утешение: думать на ходу не удавалось, голова отдыхала от грустных и тяжелых мыслей.

Повернул Герка назад. Бегать-то он не привык, устал уже, хотел поднатужиться — еще раз мимо стрелой промчаться, но спогнулся прямо напротив скамейки, где си-

дели эта милая Людмила, этот вреднящий дед, и — растянулся на земле, больно ударившись коленками и локтями.

— Чего тебя взад-вперед носит? — услышал он словно издали голос деда Игнатия Савельевича.

Герка сел, растирая ладонями ушибленные места, молчал. Голова у него — от сильного перенапряжения — слегка кружилась: он готовился к спору.

— Он у вас вообще очень смешной, — весело сказала эта милая Людмила, и Герка сразу не выдержал, крикнул:

— Ладно, ладно, я смешной! Зато никому жить не мешаю! А вы оба вредные! Особенно — дед!

— Мы вредные?! Я — особенно?! — искренне поразился дед Игнатий Савельевич. — Чем докажешь? Мы тут о судьбе твоей бестолковой толковали, глубоко анализировали тебя, выскивали возможности, как из такого балованного тунейадника нормального человека сделать. Почему же мы вредные, а ты, выходит, полезный?

И Герка с удивлением заметил, что на душе у него стало чуть-чуть-чуть легче, во всяком случае, он не жалел, что выскочил из дому и оказался здесь. Уж пусть лучше глубоко анализируют, обзывают, чем сидеть одному, унылому, несчастному до предела, оскорбленному сверх всякой меры, да еще голодному. У него даже коленки и локти вроде бы перестали болеть.

— Мы действительно не вредные, мы требовательные, — сказала эта милая Людмила. — А ты к требовательности не привык. Ты привык бездельничать, никого не слушаться. Вот я узнала от Игнатия Савельевича...

— Ой! Ой! Ой! — в притворном ужасе закричал Герка, схватившись тоже в притворном ужасе руками за голову, и передразнил: — Вот я узнала от Игнатия Савельевича... Вот я узнала от Игнатия Савельевича... Чего ты могла от него узнать? Он же мастер сочинять и выдумывать! Он такое тебе выдумать может, он тебе такое сочинит...

— Про тебя выдумывать нечего! — резко и громогласно оборвал дед Игнатий Савельевич. — И сочинять про тебя нужды нет! Я одну честную правду про тебя Людмилушке рассказал! Да и то не всю! А правда про тебя страшнее всех выдумок и всех сочинений! И больше я с тобой нянчиться не намерен!

— И не надо! И не надо! И не надо! — плаксиво отозвался Герка, — И не нуждаюсь! И никогда не просил, чтоб

ты со мной нянчился! И не замечал, что ты со мной нянчишься! А ты, ты, Людмилушка, — тонким ехидневым голосом продолжал он, — ты ему про себя самое главное уже, конечно, рассказала? Или только собираешься?

— Нет, не рассказала и пока не собираюсь, — печально призналась эта милая Людмила. — Ты опять решил бы, что я хвастаюсь... Мы думаем только о тебе, Герман. А у тебя замечательный дедушка. Просто удивительно, как ты ухитрился расти кандидатом в экспонаты рядом с таким чудесным человеком.

— Да, да, до твоего приезда он таким и был, — насмешливо согласился Герка и еще более насмешливо спросил: — Надолго, Людмилушка, к нам пожаловали?

— Примерно месяца на два.

— Ого-го!

— Не огогокай. Мы разговариваем серьезно. Ты способен хотя бы несколько минут быть серьезным?

— Послушай... Люд-ми-луш-ка... — Герка помолчал, чтобы не сказать чего-нибудь ненужного. — Ты приехала к тетечке Ариадне Аркадьевне. А у нее ни один родственник не выдерживал еще больше двух-трех дней. Она же принципиально детей не любит.

— Я выдержу, — уверенно и спокойно возразила эта милая Людмила. — Она мне понравилась. Стойкий, прямой характер, независимый и гордый. Детей она очень любит. Только почему-то утверждает обратное... А вот когда я уеду, ты еще скучать будешь. Ты меня еще вспоминать будешь.

Ну, что ей мог ответить Герка? Хвастуны этой? Он просто чуть не закричал на нее от возмущения. Никогда он еще таких... будущих женщин не видел! Совсем недавно появилась здесь и уже всюю командует! Но он-то, Герка Архипов, какой бы он ни был, подчиниться ей не намерен! Нисколько! Ни капельки... Ни... И жуткая мысль оказалась у него в голове: скучать, конечно, он о ней не будет... нечего ему и вспоминать ее... но вот... что-то будет, с ней связанное... И еще более жуткая мысль оказалась у него в голове: а вдруг за два месяца она деда совсем перевоспитает?

Она улыбнулась ему, и Герка вскочил и сказал:

— Дед, нам с тобой домой пора. Обедать пора.

— Нет, мы идем на рыбалку, — безоговорочным тоном возразила эта милая Людмила. — Мне так хочется порыбачить!

— Мне та-а-а-ак хочется порыбачить! — в сердцах передразнил Герка. — Да мало ли чего тебе хочется и еще захочется! Почему ты со своей тетечкой рыбачить не пошла? Дед-то мой, а не твой! Чего ты им раскомандовалась?

— Я?! Раскомандовалась?! Да Игнатий Савельевич, было бы тебе известно, сам предложил мне пойти с ним на рыбалку. Ведь ты, оказывается, рыбку только есть умеешь. И не дразнись больше, пожалуйста, а то как в детском садике получается. Мы же взрослые люди.

— Вот что верно, то верно, — с удовлетворением покручивая длинные усы и поглаживая широкую, почти до пояса бороду, одобрил этот вреднющий дед. — Поесть, дорогой внучек, попробуй сам. Мы с Людмилушкой на рыбалку отправляемся. Я пошел червей копать. Ты, милая, курточку прихвати, прохладно на берегу-то у воды.

— Я мигом, Игнатий Савельевич! Кстати, Герман, ты можешь идти с нами.

Вконец обескураженный, Герка и слова вымолвить не смог. Будто и впрямь язык проглотил, как говорится.

Эта милая Людмила убежала, а этот вреднющий дед, напевая свою любимую песню, из которой он знал одну строку: «Главное, ребята, сердцем не стареть», отправился в огород копать червей. Герка, словно совершенно не понимая, что творится вокруг, как остался один во дворе, так и стоял не двигаясь.

«Кстати, Герман, ты можешь идти с нами», — повторял и повторял он в уме на все лады эту больно задевшую его фразу, словно не мог уловить ее точного смысла, повторял и повторял, с каждым разом все сильнее и сильнее ощущая жгучую обиду.

— Кстати, Герман, ты можешь идти с нами... Кстати! Ты можешь идти! С нами! — уже вслух и возмущенно, и беспомощно бормотал он, чувствуя, что вместе с обидой им овладевает обыкновенная злость и ощущение полнейшей беспомощности. Он не знал, никак не мог придумать, просто был не в состоянии догадаться, чего бы такое сотворить, чтобы эта милая Людмила больше здесь не командовала. «Кстати, Герман, ты можешь идти с нами!» — чуть не выкрикнул Герка и едва не захохотал во все горло: придумал все ж таки, сообразил, чего ему сотворить надо! Ура! Привет-приветик! Не получится у них никакой рыбалки! Это им только для начала сюрпризик, а потом он им еще чего-нибудь преподнесет, более...

Он бросился к сараю. На длинных, с большими шляпками гвоздях, вбитых в стену, здесь покоились удочки. Герка схватил их, забросил одну за другой на сеновал и, почти дрожа от сладкого и злого предвкушения, уселся на крыльцо, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не запрыгать от радости.

— Главное, ребята, червей запас имей! — громко и весело напевая, во двор из огорода вышел дед Игнатий Савельевич, направился к сараю, протянул руку к стене, замер, пожал плечами, обернулся и недоуменно уставился на внука. — А удочки-то где? Удочки-то куда подевались?

— А я откуда знаю? — с очень невинным видом отозвался Герка. — Ты ведь рыбачишь, а я рыбку только есть умею.

— Утром они здесь были! — разволновался дед Игнатий Савельевич. — И днем были! Недавно вроде бы тут я их видел! Своими собственными глазами видел! Еще у одной поплавков сменить собирался. Неужто украли? Не бывало у нас еще такого!.. Удочки пропали куда-то! Срывается рыбалка! — пожаловался он вошедшей во двор этой милой Людмиле, а она его — Герка чуть не взвыл от возмущения — успокоила:

— Я захватила свои. У меня две складные и набор крючков, поплавков. Герман, ты идешь с нами или нет?

— А чего ему там делать? — проворчал этот вреднящий дед, с недоумением ощупывая гвозди, на которых хранились удочки. — Он червей боится в руки брать.

— Просто так с нами посидит, — не унималась эта милая Людмила. — А червей я сначала и сама боялась. Чего же ему здесь одному делать? Опять бездельничать?

Тут уж Герка не выдержал, вскочил, вернее, не вскочил, а с места высоко подпрыгнул, встал на ноги, сжал кулаки, заговорил, стараясь не закричать:

— Какое твое дело, чего я делать буду?! Когда ты тут распоряжаться прекратишь? Что хочу, то и делаю! Сейчас, между прочим, каникулы! Отдыхать надо людям!

Никто ему ничего не ответил, уважаемые читатели, и Герка напряженно соображал, почему его справедливые слова ни на кого не подействовали, еще более напряженно он продолжал думать, а что бы еще такое сказать, чтобы... чтобы... чтобы... Но какая-то отчаянная мысль, появившаяся у него в голове, словно забуксовала... чтобы... чтобы... чтобы... Герка до боли сжимал кулаки, но не мог вспомнить даже ни одного обидного слова. От тщетных

усилий злость его как бы устала, и он проговорил почти равнодушно:

— Идите, идите, никто вас не держит.

— Но тебе же без нас скучно будет! — воскликнула эта милая Людмила. — Почему ты такой упрямый, Герман? Почему ты не хочешь идти с нами?

В том-то и дело, что Герке очень хотелось пойти с ними, но признаться в таком желании он боялся даже самому себе. Ведь тогда получалось, что какая-то посторонняя девчонка, хвастунья, зазнайка и командирша, считающая свою особу маленького роста перевоспитательницей, решает ему, видите ли, пойти на рыбалку с его собственным, хотя и вреднящим дедом! Получается сплошное нахальство с ее стороны!

А этот вреднящий дед помалкивает, как будто ничего его и не касается, на внука — даже не взглянет. Хоть бы слово сказал в защиту! И он сказал:

— Пошли-ко, Людмилушка. Рыбка нас ждет не дождется. А ему не привыкать баклуши бить.

И они — ушли!

Ушли они...

Герка готов был броситься следом, встать между ними и теперь уже не сдерживаться, закричать:

«А ну, топай отсюда, Людмилушка, туда, откуда к нам заявилась! Никто тебя сюда не звал! И нечего тебе здесь командовать! Иди, иди, с тетечкой рыбу лови! А ты, дед? Тебе-то как не стыдно? Единственного внука бросаешь ради какой-то хвастливой подлизы! Пошли-ка лучше обедать, а она пусть идет куда хочет и больше нам на глаза не показывается!»

Но увы и увы, и еще тринадцать раз увы, Герка остро чувствовал свою наиполнейшую беспомощность перед этой милой Людмилкой, которая недавно скромно стояла вот здесь перед ним и смотрела на него большими черными печальными глазами... И чего ей печалиться-то?.. Ана... лизировать еще его выдумала и деда уговорила такой ерундистикой заниматься... Неужели месяца два из-за нее страдать? Неужели тетечка Ариадна Аркадьевна не выживет ее раньше?

Незаметно для себя Герка медленно брел к реке, уже миновал огород, перелез через изгородь и, только сейчас сообразив, куда идет, остановился. Вот они — впереди! Рыбаки вреднящие! Рыболовы ехидные! Чтоб у вас только лягушки клевали! Наверняка и сейчас разговоры раз-

говаривают. И все они, разговоры-то, о нем, о Герке, как бы ему получше жизнь испортить...

Он сел на траву, обхватив колени руками. Устал он. Вымотался он... Ведь как раньше-то, до сегодняшнего-то дня, замечательно они с дедом жили!.. Ну, поворчит дед иногда, ну, пригрозит изредка... Но все ведь получалось так, как хотел единственный внук... А теперь-то что будет?! Дед вреднящий его абсолютно слушаться перестал!.. Нет, нет, одна надежда на тетечку Ариадну Аркадьевну. У нее еще ни один родственник больше двух-трех суток не выдерживал.

Стало чуть прохладно и сыровато. Герка немного продрог, но сидел не двигаясь в прежней, давней позе. Он уже довольно вяло размышлял о том, что бы такое предпринять, чтобы избавиться от этой милой Людмилы, чтобы исчезла она отсюда, чтобы дед и близко ее не подпускал... Можно, к примеру, будто бы серьезно заболеть... Но ведь этот вреднящий дед врача вызовет!.. Или еще хуже: ОНА врача вызовет, никого не спросясь! И окажется бывший кандидат в экспонаты обыкновенным симулянт!.. Или испугать этого вреднящего деда: спрятаться куда-нибудь, пусть поищет!.. Но нельзя же прятаться около двух месяцев! Тем более, что и ОНА искать будет, и — найдет ведь!.. Нет, нет, одна теперь надежда на тетечку Ариадну Аркадьевну!

Встал Герка, попрыгал немного, чтобы согреться и размять затекшие ноги, и побрел обратно домой, понятия не имея, чего он там делать будет, если ему делать ничегошеньки не хочется. Он и шел-то как можно медленнее, чтобы время убить.

Видите, уважаемые читатели, иногда и бездельникам нелегко приходится.

Войдя во двор, Герка постоял, подумал немного, слезил на сеновал, взял удочки и отнес их на место.

...Конечно, конечно, этой милой Людмиле просто дико повезло. Мало ли на свете отличниц и отличников, но кому из них удалось познакомиться с Гагариным?.. Ну, а если бы ему, Герке Архипову, повезло?.. И спросил бы его первый в мире космонавт, а как он учится... Герке стало до того не по себе, что он тут же замерз, не успев подняться этому, как его мгновенно бросило в жар... Было чему поразиться! Ведь никогда он летом об учебе не думал, не вспоминал о ней даже, да и в другие времена года учеба не очень его занимала, а тут... И все из-за нее, из-за

этой милой Людмилы, которая надеется мучить здесь людей два месяца!

«Значит, так! — очень решительно подумал Герка. — Хватит! Дос-та-точ-но! Жили мы без этой будущей женщины, подлизы хвастливой, командирши, перевоспитательницы и анализаторши, хорошо жили и теперь проживем! Пусть она кого-нибудь другого ана... лизирует! Я лично в ерундистике такой не нуждаюсь!.. Просто я больше с ней даже разговаривать не буду. Не буду, и все! А еще лучше: как только она сюда заявится, я шагом марш куда-нибудь!»

А как быть с этим вреднящим дедом, спрашивается? Он единственного внука даже кормить перестал! Герка отлично знал его характер, вернее, Герке казалось, что он знает его характер до конца. Но в одном Герка не ошибался: дед был необыкновенно упрям. И это означало, что если он согласился ана... лизировать внука, не беспокойтесь, пожалуйста, не волнуйтесь, не передумает дед, не отступит!

Но если этот вреднящий дед во всем подчиняется этой милой Людмиле, значит, надо начать самую настоящую борьбу с ней! Борьбу он начнет завтра же!

От принятого решения Герка чуть-чуть повеселел. Сейчас он приляжет на диван и спокойноенько будет ждать, когда придет тот, кто обязан его накормить и включить телевизор.

И тут же Герка почувствовал, что не испытывает никакого желания лежать и ждать. Есть, правда, он хочет здорово, но и голод не может отвлечь его от неясной тревоги. И пусть тревога была неясной, но достаточно сильной для того, чтобы Герка, забыв обо всем, стал доискиваться ее причин.

Ни разу в жизни ему не приходилось так много переживать всего за один день, и с непривычки Герка обессилен, так сказать, от усилий и присел на крыльцо. Он устал, закрыл глаза и увидел большие черные глаза этой милой Людмилы, смотревшие на него с сожалением. Герка вздохнул так глубоко, что глаза его сами собой открылись, и он тяжело подумал о том, что не бороться с ней ему хочется, а... А? И побоялся ответить. Собственно, точного ответа не было, потому что душа его пришла в смятение, он вскочил, пораженный необходимостью хоть что-нибудь да делать, и в отчаянии забарабанил кулаками в дверь. И только когда кулаки заныли от боли, Герка не-

много пришел в себя, пошарил руками под ковриком, отшвырнул его — вреднючий дед ключ от дома забрал с собой!!! О-о-ой! Забрал с собо-о-ой! Герка еще побарабанил по двери кулаками, пятками по ней постучал и еще одним местом пытался на дверь воздействовать...

— Ладно, ладно... — прохныкал он. — Все понятно. До того обо мне, вреднючий, забыл, что ключ оставить забыл... Ладно, ладно... Всё, всё из-за нее! Из-за нее всё!

И такая невероятнейшая тоска навалилась на Герку, что захотелось ему, бедному, грохнуться на землю и — не вставать! Погибнуть ему захотелось! Придут эти двое, пустьлюбуются — до чего они человека до... ана... лизировали!

Но, к сожалению, гибнуть ему быстро расхотелось, тем более, что надо было топать за ключом.

Однако он не потопал, а бегом-бегом через огород, раз-раз-раз через изгородь, прыжками-прыжками-прыжками прямо к реке. И не ключ ему нужен был, а надо было увидеть эту милую Людмилу и заявить ей, что не погиб он без нее, спокойненько живым остался, а к ним он пришел только за ключом...

Остановился Герка. А не лучше ли подождать их дома? Да еще спрятаться где-нибудь и появиться, когда эта милая Людмила, изрядно переволновавшись, куда он подевался, уйдет к своей тетечке, а та, быть может, быстренько отправит ее туда, откуда она прибыла сюда...

Да и где он будет их сейчас искать? Неизвестно, сколько они могут с удочками на берегу просидеть. Еще более неизвестно, чем все это кончится. А вдруг, например, каким-нибудь самым непостижимым, самым невероятным образом эта, так сказать, милая Людмила сумеет сделать деда чем-то вроде солдата при генерале? А генерал-то, стыдно подумать, она — девчонка! Что делать?!

Главное, что случилось все неожиданно, сообразить ничего не успел, как ана...лизировать начали!

Размышляя обо всем этом, Герка не сразу и обнаружил, что бежит. Оказалось, пока голова его сама себе вопросы задавала и сама себе отвечала, ноги уже бежали.

Мчался Герка довольно быстро, мчался довольно долго, но рыбаков своих не обнаружил. И только сообразил он, что надо бы покричать, как споткнулся и с невысокого, но обрывистого берега полетел в воду.

А плавать-то он, уважаемые читатели, абсолютно не умел...

«АХ, ГЕРМАН, ГЕРМАН!»

Падая в реку, Герка до того испугался, что даже и крикнуть не успел. Упал он плашмя и поэтому очень громко шлепнулся о воду. Конечно, брызги во все стороны, и круги по воде...

Прощай, что ли, Герка? Не увидимся больше, Герман?

Он отчаянно заработал руками и ногами, вернее, ноги и руки его словно сами по себе отчаянно заработали.

С удивлением и недоверием отмечая, что он почему-то не тонет, хотя и не плывет, Герка со страшного страха не мог сообразить, что же делать дальше. Ведь воздуха для дыхания давно уже не хватало, а рта раскрыть он не догадался. Голову будто насосом, как футбольный мяч, накачали, вот-вот лопнет!

Тут Герка наконец-то догадался, что рот необходимо раскрыть, пока голова не лопнула, но и тут же догадался, что нельзя этого делать — захлебнешься в один момент!

А дышать-то нечем...

Прощай, что ли, Герка? Не увидимся больше, Герман?

Уж лучше бы скорей утонуть, чем ждать, когда голова лопнет...

«Только бы эта милая Людмила не узнала, что я плавать абсолютно не умею!» — прогудело в его до предела надутой голове, когда она, голова-то, словно сама собой вылезла из воды, конечно, при помощи шеи. Герка так очень широко распахнул рот, выпуская воздух, что едва успел вдохнуть его, свежего, как начал погружаться.

Но теперь он уже примерно выяснил, что же ему следует делать, чтобы не погибнуть. Силенок у него значительно поубавилось, потому что он теперь не просто молотил по воде руками и ногами, а пробовал проделывать это более или менее осмысленно, голову старался держать чуть запрокинутой и не забывал дышать носом.

И опять в голове проскользнула мысль: только бы эта милая Людмила не узнала, что он плавать абсолютно не умею, и Герка тут почувствовал — неуверенно, но радостно, — что плывет.

Честное слово, плывет!

Не тонет, а плывет!

Плывет, а не тонет!

Вперед плывет!

И ничего в этом особенного не было. Он размеренно работал руками и ногами, дыхание постепенно наладилось, и Герка в упоении не замечал, что плывет не к берегу, а вниз по течению. Легко плывет!

«Да что же такое происходит? — удивленно и весело подумал он. — Плыву ведь! И не тону ведь! А почему раньше-то не догадался научиться? Красота-то какая! Теперь буду каждый день плавать! Да не один раз! Пусть эта милая Людмила полюбуется!»

А сегодня вот спросит она его, а где же он был, чем же занимался? А он ответит небрежно так, что купался, дескать, себе на здоровье, плавал. Расскажет, ка-а-а-ак разбежался и — !!! бултых!!! — прямо с берега в реку... Очень уж нравится ему нырять!

Вода словно сама несла его...

— Эго-гей! — раздался с берега голос вреднящего дед. — Никак, знакомое что-то плывет? Герка, ты тонешь, что ли? — Он вскочил и начал стаскивать сапог.

— Была нужда! — гордо отозвался Герка. — Зачем мне тонуть? Просто плаваю, купаюсь!

— Да ты же плавать-то не умеешь!

— Тогда, значит, тону! — обиженно крикнул Герка, проплывая дальше. — Прощайте, товарищи! Счастливой рыбалки!

Он ждал голоса этой милой Людмилы, но она промолчала. Герке сразу стало грустно, а плыть стало неинтересно, и он повернул к берегу, думая с горечью: «Уж лучше бы я не плыл, а тонул. Тогда хоть испугалась бы, может, и пожалела бы, может, и поплакала немножечко... И до чего дед у меня вреднящий все-таки. Добрый, но вреднящий. Мог бы и не кричать при ней, что я плавать не умею!»

На берег Герка вылез в таком ужаснейшем настроении, словно действительно жалел, что не утонул.

Почему же эта милая Людмила даже слова не сказала?

Почему даже не рассмеялась звонко и громко?

И почему он о ней думает? Какое ему дело до нее?

Подойдя к месту, мимо которого он совсем недавно плыл в таком замечательнейшем настроении, Герка по возможности непринужденным тоном спросил:

— Сколько килограммов вытащили? Помочь донести?

— На рыбалке громко не разговаривают, — тихо, но строго произнесла, не поворачивая головы в его сторону,

эта милая Людмила. — Быстро иди домой и переоденься, иначе простудишься.

— Топай, дорогой внучек, топай, — виновато пробормотал, не глядя на него, этот вреднящий дед. — В сухое переоденься да чайку горячего выпей.

Герка ни за что бы их не послушался, если бы не почувствовал, что его начинает знобить. А еще он обнаружил, что тапочек на ногах нет — потерял при невольном купании, и еще больше замерз. Он взял ключ и побежал, с отчаянием бормоча:

— На рыбалке громко не разговаривают... подумаешь... на рыбалке, видите ли, без нее будто мы не знаем... громко не разговаривают... а дед перед ней — как школьник перед учительницей... мог и сам со мной пойти... нет, нет, придется серьезно заболеть... чтоб знали...

А если бы он не плыл, а тонул? Что, и тогда поговорить, то есть покричать, нельзя? Да? Человек тонет, а она, только полюбуется на нее, рыбку ловит! Рыбка ей человека дороже! Разговаривать при ней, видите ли, нельзя, если даже ты ко дну навсегда идешь! И вообще, откуда она взялась, эта будущая женщина? Чего она здесь командует?.. Нет, нет, нет, главное в том, почему он о ней все время думает?!?!

Герка уже не бежал, а брел, опустив голову и обхватив локти ладонями. Едва он решил, что пора бы снова побежать, было уже поздно бежать-то.

На его пути стоял тот, кого Герка боялся больше всего на свете, — злобный хулиган Пантелеймон Зыкин по прозвищу Пантя, верзила с руками почти до колен, непропорционально маленькой головой на длинной шее, с которым ничего не могла поделаться школа и даже милиция.

От неожиданности и страха Герка довольно громко вскрикнул, втянул голову в плечи, завертел ею по сторонам, словно выискивая спасение. С особым ощущением опасности он сообразил, что дороги к отступлению у него нет: впереди Пантя, а бежать к этой милой Людмиле дрожащим от испуга он себе позволить не может.

Со страха Пантя представлялся ему чудовищным явлением природы с большущими холодными голубыми глазами, которые ничего не выражали, с длиннющими руками, готовыми в любой момент скрутить Герку... Злостный хулиган долго смотрел на него примерно так, как смотрит удав на кролика перед тем как его проглотить, и тоненьким голоском — такая-то верзила! — спросил:

— Денежки у тебе есть?

— Чего? Чего? — оторопело отозвался Герка.

— Денежки у тебе есть?

— Нет, нет, никаких денежек у меня нет! У меня даже карманов нет!

— Понятно, понятно, суду все ясно, — словно обидевшись, пропищал Пантя, подскочил и схватил Герку за ухо. — И в ухе денежек нету? — Другой рукой он схватил бедного Герку за нос. — И в носе денежек нету? Тогда иде? Иде у тебе денежки?

Вот ведь: и говорить-то по-человечески не умеет, самые простые слова коверкает, а живет себе на здоровье, как хочет, над людьми издевается — конечно, над теми, кто его слабее.

— Язычок сглотил? — притворно заботливым тоном пропищал Пантя. — А ну, покажь язычок! Ну! — И он еще сильнее сжал Герке нос и ухо. — Покажь язычок!

Ничего, кроме боли и обиды, не испытывал несчастный Герка. Ему даже не было страшно. Ему просто хотелось, чтобы все поскорее кончилось, чтобы он оказался дома. И что он мог сделать с такой-то верзилой?

Герка старался не шевелиться, потому что при малейшем его движении пальцы Панти, длинные и цепкие, еще сильнее сжимались.

— Покажь, покажь язычок! — все упорнее требовал Пантя. — Покажь язычок, не то нос и ухо оторву! Раз, раз и — нету у тебе ни уха, ни носу! Ну!

Честно говоря, уважаемые читатели, Герка и сам не понимал, почему он молчит и почему язык не показывает. Нос и ухо горели от боли, но Герка с удивлением и даже с некоторой гордостью отмечал, что страх больше не приходит, что он уступил место одной заботе: как бы не закричать и как бы его жалобный голос не услышала эта милая Людмила.

Тут Пантя неожиданно разжал пальцы и недоуменно пропищал:

— Напирать тебе, что ли?

И опять в ответ ничего не раздалось. Пантя озабоченно почесал затылок, спросил:

— Онемел ты, что ли?

Ничего не сказал Герка. Было ему все равно, а уху и носу было больно.

Пантя вовсе растерялся и спросил чуть ли не с большой жалостью:

— Заболел ты, что ли? Чего ты мене не боишься? А? Тебе спрашивают! Отвечай, когда тебе спрашивают!

Тяжело вздохнув, Герка промолчал, думая о том, что нос у него наверняка распухнет, ухо побагровеет, и как ему в таком виде перед этой милой Людмилой показаться. Она ведь опять хохотать начнет!

— Я тебе шею поломаю! — В писклявом голоске Пантя проскочили визгливые нотки. — Я тебе уши выдерну! Чего ты мене не боишься? Бежи от мене, бежи! Я тебе догонять буду и по затылку, по затылку, по затылку! Бежи от мене, тебе говорят!

Хотел Герка ответить, что глупо бежать только для того, чтобы получить по затылку, по затылку, по затылку, но рот у него почему-то опять не раскрылся. А Пантя подождал-подождал и запищал, почти заверещал:

— Придуриваешься? Я тебе придурюсь! А ну, бежи! Бежи, тебе говорят, пока не поздно!.. Ну, чего ты мене не боишься?

— Да нет, боюсь я тебя, — вдруг ответил Герка. — Только сейчас мне домой надо. Тонул я недавно. Видишь, весь мокрый, да еще босиком. Замерз весь. Заболеть могу.

Тут Пантя опять растерялся, пропищал что-то непонятное, почесал затылок и спросил недоуменно:

— Почему я тебе пужаю, а ты мене не боишься? Я ведь тебе изломать могу! Испужайся мене! Ну!

А Герка думал, что ведь эта милая Людмила в любой момент очень даже просто может подойти сюда! А Пантя его в любой момент может совсем уж очень даже просто опять схватить за нос и ухо! Вот будет картиночка для Людмилочки!

И, весь сжавшись от страха, Герка пошел в сторону дома, шел, бедный, и ждал, что Пантя вот-вот его по затылку, по затылку, по затылку... Но Герке было все равно: лишь бы только не явилась сюда эта милая Людмила.

Пантя бегал вокруг него, ручищами своими длиннющими размахивал и пищал:

— Побойся мене! Бежи от мене! Почему я тебе пужаю, а ты мене не боишься?

Не останавливаясь и не поворачивая головы, Герка ответил:

— Да боюсь я тебя, очень даже боюсь. Только вот времени бояться тебя у меня нет. Мне срочно домой надо. Мокрый я весь. Замерз я весь. Переодеться мне надо, а то я заболею.

— А мене денежек надо! — жалобно пропищал Пантя, обогнал Герку, остановился перед ним, раскинув в стороны длиннющие ручищи. — Ни с места, а то я тебе изувечу!

— Ну что тебе от меня надо? — устало спросил Герка, хотя дрожал от холода и немного от страха. — Нет у меня денежек. У меня даже карманов нет. Я же в майке и трусах.

— Почему ты мене не боишься? — уже не просто упрямо, а тупо допытывался Пантя. — Мене все бояться. Почему ты мене не боишься?

Было ясно, что нелепый разговор может продолжаться бесконечно, вернее, до того самого времени, когда эта милая Людмила с дедом вернутся.

— Хочешь, я тебя завтра буду бояться? — предложил Герка. — Какая разница, когда мне тебя бояться?

Подумав и почесав затылок, Пантя ответил:

— Ты мене всегда бояться должен. Можно и завтра. Но мене денежки нужны. Принесешь мене завтра денежки?

— Да нет у меня никаких денежек!

— У тебе нет. А дед у тебе пенсию получает!

— У тебе! У тебе! У мене! У мене! — передразнил Герка неволью, но тут же осекся, увидев у самого носа здоровенный кулачище. — Сколько тебе денежек надо? — спросил Герка упавшим голосом, почувствовав, как от стыда у него запылало все лицо и даже шея. — Зачем тебе денежки?

— Ну-у-у... — Пантя от восторга, словно денежек у него уже было — девать некуда, несколько раз подпрыгнул на месте, размахивая длиннющими ручищами. — Я копить буду! — восторженно пропищал он. — Много-много-много денежек накоплю! Чтоб не работать, когда из школы выгонят! — И Пантя радостно, даже стыдливо хихикнул.

— Как — не работать? — поинтересовался Герка.

— А вот так! А вот так! А вот так! После школы всех заставят работать или дальше учиться пошлют! Мене учиться неохота. Мене работать неохота. Вот мене и не надо учиться и работать, когда у мене денежки будут! Много, много, много! Неси мене завтра два рубля! А то я тебе уши оторву и нос выдерну! Понял? Неси мене завтра два рубля!

«Трус я, трус! — с тоской, стыдом и отчаянием, весь от этого разгорячившись, думал Герка, шагая к дому. —

Почему я согласился? Где я ему целых два рубля найду? И почему я обязан верзиле такой бессовестной два рубля отдавать?.. А что я сделать могу, если он меня чуть не в шесть раз или в семь сильнее? Возрастом одинаковы, а он вон какой вымахал!»

Но пусть Пантя был бы сильнее его даже в шестнадцать или даже семнадцать с половиной раз, на душе у Герки все равно было бы нехорошо, гадко вот так, как сейчас... Уж лучше бы ему действительно утонуть, чем встретиться с Пантей...

Вдруг Герка остановился, сразу забыв о злостном хулигане и сообразив, что ведь утонуть-то он мог именно из-за этой милой Людмилы!.. Да, да, во всем она одна виновата! Не утяни она деда на рыбалку, и ничего бы не случилось... Но зато он плавать научился и тоже из-за этой милой Людмилы... Но зато он и с Пантей повстречался из-за нее же... И Герка махнул рукой, запутавшись в своих торопливых соображениях, потому что распутать их он был неспособен, по крайней мере, сейчас.

Чтобы не думать об этой милой Людмиле, Герка стал считать вслух. Получилось примерно так:

— Один, два, три, четыре... а мне до нее никакого больше дела нет... четыре, пять, шесть... просто не буду обращать на нее внимания, и все... значит, шесть, семь, восемь... вот уйду завтра утром куда-нибудь и вернусь только ночью... девять, десять, одиннадц... Да, да! — насмешливо крикнул он и прошептал: — А как быть с Пантей? С верзилой страшенной? Мене, тебе!.. Один! Два! Три! Четыре!.. Нет, нет, никакие мне там Панти и эти милые Людмилы не страшны! Все равно придумаю что-нибудь, чтоб от них избавиться! — И он запел, стараясь ни о ком и ни о чем не размышлять: — Главное, ребята, сердцем не стареть!

Дома он переоделся, еле-еле, изломав много спичек, зажег газ и присел ждать, когда закипит вода в чайнике. Долго сидел он, мог сидеть и до утра или даже несколько дней, вода в чайнике все равно бы не закипела, потому что он забыл поставить чайник на огонь. Обнаружив это, Герка чуть не зарывал от злости.

— Никакого чая мне не надо! — крикнул он. — Ничего мне не надо! Никого мне не надо! Пусть она с дедом чай пьет, раз у них совести нет!

Вытянувшись на кровати, Герка очень твердо решил: ни есть, ни пить он больше не будет до тех пор, пока вред-

нящий дед не выберет, кто ему дороже: единственный внук или эта рыболовка!

А есть хотелось предельно здорово. В животе ощущалась такая пустота, совершенно пустая пустота, что, казалось, оттолкнись он легонько руками от кровати и — плавно поднимется в воздух, к самому потолку поднимется и будет там медленно покачиваться, как космонавт в невесомом состоянии...

Явится сейчас эта милая Людмила, гордая, носик кверху. Рыбки две или три с половиной поймает, а воображать будет, словно кита выловила. И — командовать, конечно, начнет, вернее, продолжит... А может, выпить все-таки стакан чая? И кусочек хлеба съесть, может? А уж после этого голодать, пока дед прежним не станет?

Но тут он слышал отдаленные голоса и — оказался на крыльце, едва успев подумать: сейчас начнется! И чем ближе были голоса, тем суматошнее соображал Герка, как ему держаться, что сказать, что ответить...

Однако случилось то, чего он никак не мог ожидать. Меньше всего предполагал он, уважаемые читатели, точнее, совсем не предполагал он увидеть эту милую Людмилу грустной, даже очень печальной. А она была именно такой, то есть до того очень печальной, на себя не похожей, что Герка удивленно, с долей сочувствия спросил:

— Что случилось? Чего ты сама на себя непохожая?

Она мельком взглянула на него с жалостью и презрением, дед виновато покашлял и смущенно покрякал. Эта милая Людмила смотрела прямо перед собой большими черными печальными глазами и будто ничего не видела. Герка спросил растерянно:

— Зубы у тебя, что ли, заболели? Или рыбка не клеваала? — Он вспомнил, что она любит смеяться, и глупо хихикнул.

А она будто и не расслышала ничего, неподвижно стояла, готовая, казалось, вот-вот расплакаться.

— Ничегошеньки не понимаю, — совсем уж растерянно признался Герка. — Ушли веселые, а пришли...

— Ах, Герман, Герман! — печально воскликнула эта милая Людмила. — Ты действительно ничегошеньки не понимаешь! И, видимо, уже никогда не сможешь понять!.. Ах, если бы ты знал... если бы ты только знал, как мне за тебя невероятно стыдно и как мне тебя безумно жалко!

Дед Игнатий Савельевич смущенно покряхтел, пытался бодро крикнуть, но проговорил очень скорбно:

— Я некоторым образом во всем виноват. Информировал ее, дорогой внучек, о тебе исчерпывающе, то есть полностью, ничего не скрывая. Сообщил о твоей бестолковой жизни все подробности. Откуда мне было знать, что Людмилашка так расстроится?

— Чего ты опять навывдумывал? Чего информировал? Чего сообщил? — предчувствуя недоброе, торопливо спросил Герка. — Какие там подробности о моей жизни? И почему она вдруг бестолковой оказалась?

— Да всю правду о тебе выложил! — Дед Игнатий Савельевич сокрушенно махнул рукой. — А она, милая-то Людмилашка, чуть не в слезы...

— Дед, дед! Вредящий ты дед! — вырвалось у Герки. — Чего ты обо мне опять насочинял?! Мало тебе, что ты меня хотел музейным экспонатом сделать...

— Ничего я не сочинял, — вяло возразил дед Игнатий Савельевич. — Говорю, проинформировал Людмилашку. Ну и немножко прокомментировал.

— Рыбу вы пошли ловить! — возмутился Герка. — А ты информировал, комментировал!.. Мало вам того, что вы меня ана... лизировали! А ей-то какое дело до меня? Я ведь не комментирую, как она живет! Может, мне за нее тоже безумно стыдно! Может...

— Ах, Герман, Герман! — перебила его эта милая Людмила очень тоскливым голосом. — Просто страшно подумать, как ты ужасно неинтересно живешь! А ведь я надеялась...

— Меня абсолютно не интересует, на что ты тут надеялась! — У Герки непроизвольно сжались кулаки, будто он собирался броситься в самую настоящую драку. — Страшно... ужасно... Приехала тут!.. Никто тебя к нам не звал! Командовать начала, ана... лизировать выдумала! Деда информировать заставила, комментировать...

Дед Игнатий Савельевич крикнул так возмущенно и громко, что Герка замолчал, а эта милая Людмила сказала дрожащим голосом:

— Благодарю тебя, Герман, за прямоту. Мне пора домой. Всего вам доброго.

И ушла.

Дед и внук молчали.

— Все равно она ненормальная какая-то, — виновато и неуверенно произнес Герка. — Чего ей за меня стыдно? Кто она мне? Приехала — уедет. А ты-то, дед, чего ей про меня и зачем наговорил? Ну, зачем?

— Людмилушка — очень серьезная личность, — с уважением сказал дед Игнатий Савельевич. — Ростиком маленькая, а умом и сердцем значительная. Таких я еще не встречал. Я не имел права на ее вопросы о тебе отвечать уклончиво.

— Да чего я такого сделал?!

— В том-то и беда, дорогой внучек, что за всю свою жизнь ничего ты не сделал... А рыбалка не получилась. Ни одной поклевочки. А как ты в реке оказался и не утонул?

Откровенно говоря, уважаемые читатели, Герка опять просто ничего не понял. Он мог возмутиться каждым словом этой милой Людмилы в отдельности, он мог вознегодовать из-за многих ее поступков, временами ему было с ней интересно, но вот понять все ее поведение, понять, чего она от него добивается, — был не в состоянии.

И чтобы скрыть растерянность, он сказал грубовато:

— Я тоже таких еще не встречал. И нормально поэтому жил. А в реку я случайно упал и... поплыл. А твоя Людмилушка мне вот так надоела!

— Нет, дорогой внучек, нет! — Дед Игнатий Савельевич грустно покашлял. — Ты ее слушаться должен. Пример с нее должен брать.

— Вреднящий ты, дед! Совсем вреднящий! — жалобно воскликнул Герка. — То ты меня с музеем запутал, и я же виноват! И мне же досталось! Потом ты меня анализировал! И мне же попало! Потом ты информировал, комментировал... Да если хочешь знать, глаза бы мои ее не видели! Уши мои ее не слышали бы!

И тут они — и дед, и внук — услышали голос этой милой Людмилы. Кричала она пронзительно и громко, но ни одного слова они не разобрали. Голос был испуганный, отчаянный и возмущенный.

Дед Игнатий Савельевич первым проворно выскочил на улицу, Герка, помедлив, — следом, неторопливо, очень неохотно, предчувствуя, что ничего, кроме неприятностей, его опять не ждет.

Увидели они невероятнейшую картину. По улице, согнувшись и прикрывая голову руками, бежал злостный хулиган — верзила Пантя, а за ним мчалась эта маленькая милая Людмила и хлестала его удилищами. После каждого удара, если он достигал цели, Пантя издавал громкое недовольное пищание, делал прыжок, а она — пронзительно взвизгивала.

«Совсем сумасшедшая! — оторопело подумал Герка. — Такой верзилы не испугалась! Конечно, ненормальная!»

Пантя через изгородь перемахнул в чужой огород. Эта милая Людмила остановилась и крикнула ему вдогонку:

— Получил денежки? Мене — тебе! — передразнила она. — Попадись мне еще один раз, я тебе покажу два рубля!

Может быть, вы и сами догадались, уважаемые читатели, что после увиденного и услышанного Герке захотелось немедленно исчезнуть: до того ему стало невообразимо стыдно, и более того — он грандиозно испугался. А грандиозно он испугался того, что вдруг она, эта милая Людмила, как-нибудь когда-нибудь где-нибудь узнает, что он-то обещал Панте принести денежки — два рубля?!?!?

— Я, дед, домой, я есть хочу, — пробормотал Герка, но Игнатий Савельевич крепко зажал его ладонь в своей и повел за собой, приговаривая:

— Молодец, Людмилушка, героиня!

А эта милая Людмила обернулась к ним и, размазывая по лицу слезы ладошкой, заговорила быстро-быстро:

— Какой стыд и позор! Какое вопиющее безобразие! Как вы можете жить в одном поселке с таким возмутительным вымогателем?! С таким негодяем?! Этакая горилла требовала де-неж-ки у маленькой девочки! Мене — тебе! Два рубля захотел! Вы, вы, вы его распустили! Вы, вы, вы ему позволили хулиганить и грабить несовершеннолетних! Стыдно, стыдно, безумно стыдно за вас!

Герка пятился назад, но дед Игнатий Савельевич крепко держал его за руку, согласно и даже восторженно кивал головой каждому слову этой милой Людмилы, которая с каждым словом повышала голос:

— И не вздумайте возражать! Не вздумайте оправдываться! Не пытайтесь уйти от ответственности! Вы, жители поселка, во всем виноваты! Особенно — мальчишки! Да как вы можете спокойно жить, когда среди вас — преступник?! Вы, вы, вы лично — оба! — несете персональную ответственность за деятельность этого общественно опасного элемента! Давно пора бы напинать ему, а он у вас спокойно бесчинствует!

Герка отчетливо представил, что если он сейчас вырвется от деда, то она бросится за ним и удилищем его по затылку, по затылку, по затылку...

Но она вдруг вроде бы успокоилась и тоскливо воскликнула:

— Ах, Герман, Герман! В какой обстановке ты живешь! Ведь пока ты ничего не делаешь, хулиганы не дремлют! Они спокойно творят безобразие! Они знают, что вы их не остановите!

— Я за хулиганов не отвечаю! — выкрикнул Герка. — И разговаривать с тобой не желаю! Надоело!

— Да нам и не о чем с тобой разговаривать, — очень грустно произнесла эта милая Людмила. — Мы с тобой несовместимы очень разные люди. Жаль, ах, как жаль, Герман! Мне так хотелось увидеть в тебе настоящего мужчину!

— Ч... ч... чего, чего? — хрипло спросил, заикаясь, Герка.

— Настоящего мужчину, — озабоченно сказал дед Игнатий Савельевич. — То есть сильную личность. Смелую. Трудолюбивую. Круглую. Ну, в смысле отличной учебы. Таким и я мечтал тебя воспитать, — с глубочайшим вздохом закончил он.

— В хоккей играют настоящие мужчины, — попробовал пропеть Герка. — А я хоккеистом быть не собираюсь. Вообще чего вы на меня набросились? Думаете, я все терпеть буду? Что ты тут будешь целыми днями командовать? Хочешь заниматься перевоспитательной работой? Пожалуйста! Вот тебе Пантя, который у тебя денежки требовал. Займись им!

— Конечно займусь, — устало сказала эта милая Людмила. — Ведь еще неизвестно, кого труднее перевоспитать — испорченного человека или избалованного.

— Правильно, Людмилушка, рассуждаешь, правильно! — восхитился дед Игнатий Савельевич. — Глубоко смотришь в корень отрицательных явлений! Мы с тобой полностью согласны. Будем исправлять положение.

— А я не согласен! Я есть хочу, и надоело мне... — Герка хотел вырвать свою руку из дедовой, но тот железным пожатием удержал ее и почти просящим тоном сказал:

— Согласен он, Людмилушка, согласен! Действительно, есть давно уж хочет, а сам себя накормить не умеет. Вот кое-чего и недопонимает. А поедем мы с ним, посоображаем, и он, конечное дело, поймет и согласится с твоими замечаниями. Потому что твои замечания, я считаю, готовая программа действий. Будет Герка настоящим мужчиной, — гордо и уверенно говорил он, — будет во что бы то ни стало! Создам ему для этого все условия!

— Да ведь смешно! — Герке наконец-то удалось вырвать руку. — Ладно, ладно, занимайтесь своим перевоспитанием, если вам больше делать нечего. Но не трогайте вы меня! И не смеши ты меня, Людмилушка! Посмотри ты на себя, будущая женщина! Малявка ведь ты! А рассуждаешь...

Он замолк, едва эта милая Людмила подняла на него свои большие черные глаза и дрожащим голосом сказала:

— Вот ты длинный, а что толку?! Я ростом маленькая, а ты живешь, как маленький. Я, по крайней мере, вашего хулигана не испугалась. То есть очень страшно испугалась, сначала даже чуть в обморок не упала со страха, но ведь обратила вымогателя в бегство... — Она пристально вгляделась в Герку, тот отвернулся. — Герман, он ведь и у тебя требовал денежек?.. Посмотри мне в глаза! — приказала она. — Я должна знать, лжец ты или нет? Просила у тебе хулиганская верзила два рубля? Что ты ей ответил? Обещал дать?

— Не твое дело, — сквозь зубы процедил Герка. — Я не обязан...

— Я жду ответа, Герман.

Он молчал, отвернувшись от нее, и она ледяным тоном проговорила:

— Ты не лгун, но трус. Приготовьте денежки, Игнатий Савельевич! Два рубля!

Совершенно растерянным голосом дед Игнатий Савельевич попросил:

— Погоди, Людмилушка, погоди. Откуда такие сведения?

— Да, может быть, я трус. — Каждое слово больно борозднуло по горлу. Герка помолчал и хрипло продолжил: — Не я один, его все боятся. Он сильнее меня.

— Неправда, Герман, — почти ласково возразила эта милая Людмила. — Поверь мне, неправда. Чего ты боишься? Что он, избьет тебя?

— Он схватил меня за нос и за ухо, — упавшим голосом признался Герка. — А я был мокрый и замерз. Он сильнее меня, я даже вырваться не мог.

— А ты укуси, исцарапай, головой его забодай! Ты окажи ему соп-ро-тив-ле-ни-е! Закрой глаза от страха и бросайся в атаку на негодяя!

— Прекрасная постановка вопроса! — Дед Игнатий Савельевич пришел в полное восхищение. — Ты осчастливила нас, Людмилушка, своей принципиальностью и бес-

компромиссностью! Все твои указания будут выполнены! Будем анализировать, информировать, комментировать, кусаться, царапаться, бодаться! То есть будем заниматься перевоспитательной деятельностью!

— Хватит ли у вас сил и терпения? — грустно спросила эта милая Людмила, раскланялась церемонно и ушла, опустив голову.

Дед Игнатий Савельевич, погрозив внуку пальцем, бросился было за ней следом, но она уходила быстро и решительно, и он обернулся к Герке с весьма растерянным видом, а проговорил неожиданно грозно:

— Следуя указаниям Людмилушки, начинаю исправлять свои многочисленные ошибки в воспитании единственного внука!

Герка махнул рукой и беспечно сказал:

— А мне до этого дела нет. Я есть хочу.

Шестая глава

ТЕТЕЧКА, ПЛЕМЯННИЦА И КОТ КОШМАР

Тетя Ариадна Аркадьевна довольно нередко повторяла следующие рассуждения:

— Скорблю о том, что родилась девочкой. Всю жизнь мечтала об армейской службе, ибо превыше всего на свете чту порядок и дисциплину. Обожаю командовать, но не менее того люблю подчиняться разумным приказам. Потому я и не скрываю, что принципиально не люблю детей обоего пола — ни мальчишек принципиально не люблю, ни девочек. Они шумят, галдят, визжат, мусорят и разрушают. И, главное, они, эти мальчишки и девочки, не способны ничего понимать с первого слова. Не едят каш! Дразнятся, дерутся и пакостят! Потому что почти все они ужасно из-ба-ло-ва-ны! И страшно ле-ни-вы! В школах давно пора преподавателями назначать не учителей, а хотя бы милиционеров! Только тогда в школах будет порядок... Не спорьте, не спорьте, не спорьте, я очень глубоко убеждена, что дети — это наше большое горе и такое же наказание!

— Но ведь есть замечательная и справедливая пословица, что ДЕТИ — ЭТО ЦВЕТЫ ЖИЗНИ.

— Согласна, согласна, совершенно с вами согласна! — Тетя Ариадна Аркадьевна весьма насмешливо усмеха-

лась. — Пусть будет будто бы так. ДЕТИ — ЦВЕТЫ ЖИЗНИ. КАК-ТУ-СЫ!

Ей снова возражали:

— Но ведь бывают неплохие дети. Хорошие дети бывают. Бывают дети просто замечательные.

— Конечно, конечно, конечно! — Тетя Ариадна Аркадьевна еще более насмешливо усмехалась. — Совершенно с вами согласна! Изредка встречаются даже послушные дети. Попадаются дети, которые уважают старших. Если провести терпеливые, кропотливые и длительные поиски, можно обнаружить детей, помогающих дома по хозяйству. Да, да, да! — Тетя Ариадна Аркадьевна усмехалась совсем насмешливо. — Всекие бывают дети, в том числе и неплохие, хорошие и просто замечательные. НО-О-О-О! — Она испуганно вздрагивала и зябко ежилась. — Но еще никто не подсчитал, сколько же детей плохих, очень плохих и просто отвратительных! Я никому не навязываю своего аспекта, то есть точки зрения. Но я лично детей предпочитаю избегать, сторониться, не вступать с ними ни в какие контакты, а при надобности и прятаться от этих кактусов жизни!

После такого категоричного заявления больше ей никто не возражал: спорить с ней было в самой высшей степени абсолютно бесполезно.

Рассуждения ее были необычны, и выглядела она необычно. Свои редкие полуседые волосы тетя Ариадна Аркадьевна заплетала в тоненькие косички с бантиками, и они смешно торчали в стороны прямо-таки совсем по-девчоночьи. Она много бродила по лесам, любила рыбачить, собирать грибы и ягоды и одевалась как заправский рыбак: в зеленую куртку до колен, джинсы из грубой материи, носила черную клеенчатую кепку, болотные, похожие на мушкетерские сапоги.

Когда тете Ариадне Аркадьевне ее младшая сестра написала, что к ней на летние каникулы просится племянница Людмила, очень хорошая девочка, ответ был получен следующий:

«Пусть попробует. Еще ни один ребенок-родственник не выдерживал у меня более двух-трех суток. Ведь я принципиально не люблю детей, и они отвечают мне полнейшей взаимностью».

Родители этой милой Людмилы, особенно мама, долго и настойчиво отговаривали ее, предлагали поехать в пио-

нерский или спортивный лагерь, к бабушке в Крым или на дачу к дедушке, но чем настойчивее родители отговаривали дочь, тем тверже становилась она в своем решении и заявляла:

— Дорогие мои мамочка и папочка, я давно опасаясь, что рано или поздно вы меня избалуете. Вот я и хочу пожить у своей строгой тетечки. Своими собственными глазами я хочу увидеть человека, который принципиально не любит детей. Во-первых, я хочу выяснить причину этого явления. Во-вторых, я постараюсь не только выдержать более двух-трех суток, но и подружиться с загадочной тетечкой.

Ах и эх, уважаемые читатели, не подозревала эта милая Людмила, что ее загадочной тети Ариадны Аркадьевны побаивается даже злостный хулиган Пантелеймон Зыкин по прозвищу Пантя, а Герка Архипов просто старается не попадаться ей на глаза, если же случайно и попадает, то старается тут же мгновенно исчезнуть.

Вечерами она выходила из своей маленькой калиточки на улицу и громко провозглашала:

— Детям нужно спать идти не позднее десяти! Детское время вышло! Дети, марш домой!

И представьте себе, уважаемые читатели, дети с этой улицы быстренько улепетывали и продолжали заниматься своими делишками на других улицах.

Но, простите, а чего было бояться тети Ариадны Аркадьевны ее родной племяннице?

Со временем выясним. А сейчас понаблюдаем, как они встретились.

Тете Ариадне Аркадьевне заблаговременно послали телеграмму, в которой было точно указано, когда, в какое время, каким поездом и в каком вагоне приезжает ее родственница.

Прочитав телеграмму вслух своему единственному любимцу — здоровенному коту по кличке Кошмар, тетя Ариадна Аркадьевна довольно насмешливо усмехнулась и, переплетая косички, заговорила еще более насмешливо, почти саркастически:

— Они, Кошмарик, наивно рассчитывают, они наверняка убеждены, они, видимо, нисколько не сомневаются в том, что я ее встречу. Что ради этой будто бы для меня радостной и желанной встречи я приобрету в магазине большой торт или специально для нее испеку немаленький сладкий пирог. Как бы не так, моя дорогая младшая

сестра и не менее дорогая племянница! Когда она, моя племянница, захочет есть, я предложу ей вчерашней каши! Посмотрим, какая будет у нее физиономия! Представляешь, вместо большого торта или немаленького сладкого пирога — обыкновеннейшая вчерашняя каша!

Кот в откровенно ехидненной ухмылочке оскалил зубы, великолепно зная, что ему-то сейчас дадут колбасы и молока.

И поскольку Кошмару в нашем повествовании предстоит играть определенную роль, сообщу вам, уважаемые читатели, некоторые необходимые биографические и другие сведения о нем.

По натуре Кошмар был самый обыкновенный бродяга. Трех месяцев от роду он уже вел себя так безобразно, что хозяин то и дело, то есть при каждой котовой проделке, в ужасе восклицал:

— Какой кошмар!

Он восклицал так часто, что все, в том числе и сам безобразник, решили: это кличка. Вот и стали кота звать Кошмаром.

Пяти месяцев от роду он упал в кастрюлю со специально приготовленным для гостей борщом и был изгнан хозяином из дома.

После этого Кошмар сменил еще четырех хозяев, вернее, еще четырьмя хозяевами был изгнан и превратился, так сказать, в профессионального хулигана, драчуна, задиру, вора, нарушителя всех законов кошачьего мира, то есть просто-напросто стал бродягой.

Таким бы он и остался на всю свою мерзкую жизнь, если бы однажды его не подобрала невероятнейшая благодетельница — тетя Ариадна Аркадьевна. Она принесла бандита домой и сразу же всей своей одинокой душой привязалась к нему.

Она и понятия не имела об истинном моральном облике своего любимца-проходимца, искренне полагая, что все коты, все кошки и даже все котята издеваются над ее единственной симпатией.

Но если бы коты, кошки и особенно котята умели жаловаться людям, они бы такое порассказали-намяукали Кошмаровой благодетельнице о поведении ее притворщика, что она тут же бы навсегда рассталась с ним. Но ни коты, ни кошки, ни тем более котята не умели жаловаться людям, и тетя Ариадна Аркадьевна не имела абсолютно никакого понятия о поведении Кошмара вне стен ее домика.

По вечерам они смотрели телевизор, и умиротворенная благодетельница больше любовалась котом, чем обращала взгляд на экран, и говорила ласково:

— О тебе распространяют ужасные слухи. Но ни одному из них я, естественно, не верю. Особенно меня беспокоит нелепое утверждение, что ты будто бы хулиганишь. Я знаю, что больше всего на свете после колбасы, свежей рыбки и молока ты любишь свободу. Но, миленький, я убеждена, что ты прекрасно понимаешь: свобода — не повод для хулиганства.

Кошмар все это слушал с таким довольным и гордым видом, словно перечислялись его выдающиеся заслуги, сладко и шумно зевал, долго потягивался и наконец отправлялся на кухню, что означало: пора кончать разговоры, наступило время вкусно и много поесть.

Шерсть у Кошмара была белейшая с черными пятнышками, но после своих хулиганских походов он возвращался совершенно чернейшим от грязи, обязательно только на трех лапах (одна была ранена и поджата), шерсть торчала клочьями. Он был безобразен. Кроме того, он пронзительно чихал и гулко кашлял.

И вот такое потерявшее кошачий облик существо тетя Ариадна Аркадьевна встречала, так сказать, с распростертыми объятиями, налюбоваться на него, грязнулю и хулигана, не могла. Она плакала, когда любимец-проходимец покидал ее.

За несколько дней Кошмар отъедался, отсыпался и приобретал вид тихого, будто бы культурного, чистоплотного домашнего животного, которого следовало бы называть не Кошмаром, а, по крайней мере, Восторгом.

Потом он опять исчезал, потому что не выносил слишком уж долго нормальной жизни, начинал жизнь бродячую, хулиганскую, превращался в потерявшее кошачий облик существо и опять возвращался к своей благодетельнице. То есть не мог безобразник сознательно и навсегда отказаться от хулиганской деятельности, но и тем более не был способен добровольно отказать себе в удовольствии пожить тепло и сытно.

С любовью встречала, с любовью провожала негодника тетя Ариадна Аркадьевна. Не берусь, уважаемые читатели, разобраться в причинах такой слепой любви. Могу только одно с уверенностью отметить: жили они очень довольные друг другом и особых претензий друг к другу не имели.

Теперь вернемся к тому моменту, когда эта милая Людмила с непомерно громоздким для ее маленького роста рюкзаком за плечами, с зачехленными удочками и коробкой в руках сошла с поезда.

Она внимательно посмотрела по сторонам, разглядывая встречающих, и быстро направилась, как объяснили ей родители, к автобусной остановке и уже через полчаса подходила к домику своей принципиально не любящей детей тети Ариадны Аркадьевны.

Домик по сравнению с другими был крошечный, словно игрушечный. Его даже не было видно с улицы за деревьями, кустами и цветами на длинных стеблях.

Эта милая Людмила через калиточку вошла в малюсенький дворик, поднялась на крылечко, долго и безрезультатно нажимала кнопочку звонка и стучала.

Поняв бесполезность своих действий, она обернулась и увидела, что за ней с интересом наблюдает тетенька, редкие полуседые волосы которой сплетены в тоненькие косички с бантиками. Они смешно торчали в стороны прямо-таки совсем по-девчоночьи.

Тетенька, вернее, даже старушка, только не очень старая, была невысокая ростом и выглядела необычно: как заправский рыбак, оделась в зеленую куртку до колен, в джинсы из грубой материи, на голове — черная клеенчатая кепка, на ногах — болотные, похожие на мушкетерские сапоги.

В руках она держала топор.

— Добрый день, тетечка! — радостно приветствовала ее эта милая Людмила. — Вот я и приехала! У вас прекрасный дворик! И домик чудесный! И какой замечательный кот! — восторженно восклицала она. — Наверняка ваш любимец и баловень!

Тетя Ариадна Аркадьевна переложила топор из руки в руку, слишком громко произнесла:

— А я только его и люблю. Больше я никого принципиально не люблю! Тем более де-тей!

— Ну, меня-то вы полюбите! И тоже принципиально! — беспечно сказала эта милая Людмила и, подбежав к возмущенной и ошеломленной ее словами тетечке, чмокнула ее в обе щеки. — Вы меня, может быть, полюбите, потому что вас и вашего кота я уже люблю! А вы научите меня колоть дрова? Пилить я давно научилась, но вот колоть мне еще не доверяли. А я вас научу готовить такой вкуснящий салат из моркови...

— Не тараторь, пожалуйста, — мрачным голосом перебила тетя Ариадна Аркадьевна. — Не терплю тараторок. У меня из-за них аллергия — уши страшно начинают чесаться.

— Это я от волнения, тетечка! От радости, что наконец-то встретились с вами!

— Не перевариваю подхалимок. У меня из-за них тоже аллергия — щеки страшно чешутся.

— Не подхалимка я, тетечка. В самом деле, я рада, я счастлива...

— Девчонок я вообще не терплю, — устало оборвала тетя Ариадна Аркадьевна. — Да и мальчишек тоже. Я в принципе не люблю.

— Ни за что не поверю, — очень мягко, но довольно твердо проговорила эта милая Людмила. — Быть такого не может. Наоборот, вы, по-моему, любите детей, но почему-то...

— Да откуда ты, самоуверенная девчонка, можешь знать...

— У вас очень добрые глаза, тетечка, — ласково объяснила эта милая Людмила, — и такие милые, прямо-таки детские косички! Трогательные и немножечко смешные...

Кошмар издал недовольное мяуканье, взглянул на гостью в высшей степени недружелюбно, почти откровенно злобно и еще раз издал совершенно недовольное мяуканье.

А тетя Ариадна Аркадьевна до того растерялась, что даже не замечала своей большой растерянности, а когда случившееся дошло до ее сознания, сказала в высшей степени недружелюбно:

— Мне пора кормить... Его зовут Кошмар, хотя на самом деле он просто восторг. Обожает колбасу и свежую рыбку. Тебя, дорогая племянница, я буду кормить только каша-ми!

— Прекрасно, прекрасно! — искренне обрадовалась эта милая Людмила, и не потому, что ее привлекала перспектива питаться только каша-ми, а потому, что обнаружила первую возможность хоть чем-то угодить слишком уж суровой тетечке. — Я привезла большой торт и маленький сладкий пирог, который приготовила вчера. Правда, меня консультировала мама, но совсем немного. Если хотите, я вас научу делать необычный, удивительно вкусный суп из плавленых сырков.

— Презираю хвастушек, — обеспокоенно произнесла тетя Ариадна Аркадьевна. — У меня из-за них аллергия —

начинаю задыхаться. Я всего ожидала от тебя, моя дорогая племянница, самого наинеприятнейшего... самого... самого, допустим, безобразного! — Она отбросила топор, взяла на руки уже непрерывно издававшего дикие мяуканья Кошмара. — Но ты... ты... ты... превзошла все мои опасения! Запомни: больше одного-двух дней нам с тобой не ужиться. Ни за что! Так что готовься к отъезду обратно.

— Но вы же, тетечка, писали: двух-трех суток, — невозмутимо уточнила эта милая Людмила. — Так что готовиться к отъезду обратно еще рановато. Где можно умыться?

Кошмар издавал уже какие-то неопишуемые мяуканья — будто раскрывали голодные пасти несколько штук котов вроде него здоровенных.

— Сейчас, Кошмарчик, сейчас! — Тетя Ариадна Аркадьевна поцеловала хулигана в лоб. — Ты, дорогая племянница, даже не удосужилась представиться, даже не удостоверилась, что я это я, а сразу затеяла разговор... тетечка, тетечка... И я не обязана помнить, как тебя зовут.

— Меня зовут Людмила. Вас зовут Ариадна Аркадьевна. Кота зовут Кошмар, хотя вы считаете его восторгом. Все ясно. Я люблю кашу. И очень хочу, тетечка, прожить у вас все лето. Но если я не сумею вам понравиться, то с сожалением, прямо-таки с глубочайшим сожалением, уеду чуточку пораньше. Неужели вы не научите меня колоть дрова? Неужели вам неинтересно узнать, как готовится суп из плавленных сырков?

Из горла Кошмара исходил хриплый сип, сменявшийся сильным хрипом...

— Идем, идем, дорогой! Из-за нее я извела тебя. В жизни я не встречала такой... о-со-бы!

— А я в жизни не встречала такого загадочного человека, как вы, тетечка!

Вот теперь настало время, уважаемые читатели, рассказать, кто она в самом деле такая — эта милая Людмила.

Она была единственным ребенком в семье, и родители чуть ли не с первых лет ее жизни опасались, что дочь вырастет избалованной, то есть самой себе и им на горе-беду. Они так этого опасались и столь часто рассуждали об этом, что с годами дочь еще больше их начала бояться стать горем-бедой для себя и для мамы с папой, то есть избалованной.

Но с малых лет у нее развилась привычка стараться как можно больше все делать самой. В три года она ежедневно умоляла маму с папой разрешить ей мыть хотя бы игрушечную посуду и стирать платья хотя бы куклам. И трехлетнему человечку уже входило в приятную для него обязанность помогать родителям мыть настоящую посуду и стирать настоящее белье. Правды ради следует не обращать внимания на то, сколько сначала было перебито посуды, даже не будем уточнять, кем именно.

Когда Людмиле было четыре года, она случайно увидела, как папа вбил гвоздь, и тут же загорелась желанием немедленно научиться делать такое интересное дело. Она славно потрудилась — вбила в пол тридцать девять гвоздей, могла бы вбить еще больше, но попала молотком по пальцу. Как говорится, палец не гвоздь, и в следующий раз Людмила действовала осторожно.

Школьницей, буквально с первого класса, Людмила так много и с такой радостью занималась домашними делами, что знакомые шутили:

— Угомонись, девочка, а то папу с мамой избалуешь, тунеядцами они состарятся.

— Вполне возможно, — соглашался папа. — Мама вон совсем разучилась обеды готовить.

Мама не возражала против такого обвинения, но дополняла:

— А раньше ты, отец, хоть рубашки себе гладил. Давненько я тебя не видала за этим занятием.

Но в глубине души родители ох и ах как гордились дочерью!

А она такой и росла. Одно увлечение сменялось другим. Ей мечталось стать то балериной, то поваром, то врачом, то портнихой, то геологом, то учительницей, то милиционером, а как-то она целых четыре дня собиралась стать водолазом! Но вот после встречи с Юрием Алексеевичем Гагариным Людмила раз и навсегда решила, что единственная цель ее жизни — участвовать в освоении Космоса.

Вы, уважаемые читатели, можете, конечно, усомниться в реальности такой мечты: мало ли кто о чем мечтал в детстве? Это — несложное занятие, а вот, мол, интересно бы узнать, делала ли что-нибудь эта милая Людмила, что-бы мечта ее исполнилась?

На сей счет у нашей будущей космонавтки было свое совершенно определенное мнение. Она полагала и верила, что надо сначала постараться быть просто настоящим че-

ловеском вне зависимости от того, кем собираешься стать. Ведь только у настоящих людей сбываются большие мечты.

А если хотите, уважаемые читатели, узнать, **ЧЕМ МНЕ, АВТОРУ, ЛИЧНО ДОРОГА ЭТА МИЛАЯ ЛЮДМИЛА И ПОЧЕМУ Я РЕШИЛ НАПИСАТЬ О НЕИ КНИГУ**, отвечу с удовольствием.

Мне эта милая Людмила понравилась тем, что всегда, везде, при любых обстоятельствах была сама собой, как говорится, никого из себя не строила. Была она доброй, понятия не имела о зависти, чужой радости радовалась больше, чем своей, представить не могла, что такое скука или ничегонеделание.

Она вовсе не производила впечатления этакой пай-девочки, абсолютно послушной, так сказать, наипредельно скромной и мухи не обижавшей. Нет, нет и нет. Эта милая Людмила во всем была искренней. Поэтому и ошибки она делала, и глупости совершала, и недостатков в характере у нее хватало. Но она все старалась делать сама. Когда ей было грустно, предположим, она не ждала, что кто-то придет и развеселит ее. Точно так же эта милая Людмила не ждала, что кто-то явится и научит ее хорошему делу. Она сама умела победить грусть, сама искала возможности научиться чему-нибудь интересному и полезному, всегда спешила кому-нибудь помочь или научить полезному и интересному делу.

Вполне возможно, уважаемые читатели, что я и перехваляю свою героиню, вполне возможно, что у кого-то из вас сложится о ней свое, отличное от моего мнение. Не исключено, что кто-то и поспорить со мной захочет. Пожалуйста. У вас есть полная возможность судить об этой милой Людмиле по ее поступкам, которые я опишу подробно и достоверно.

А пока я продолжу изложение своего мнения о ней. На мой взгляд, самым главным в этой милой Людмиле было следующее. Мечты мечтами, сбудутся они или не сбудутся, действительно, еще вопрос, но она не только мечтала, она искала для себя большое, важное, трудное дело и нашла его.

Представьте себе, уважаемые читатели, эта маленькая и ростом и по годам девочка САМА, без посторонней, как говорится, помощи догадалась, **ЧТО ЕЩЕ МОЖНО ПРЕДПРИНЯТЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПЛОХИМ МАЛЬЧИШКАМ, С КОТОРЫМИ НИЧЕГО УЖЕ НЕ**

МОГУТ ПОДЕЛАТЬ НИ УЧИТЕЛЯ, НИ РОДИТЕЛИ, НА КОТОРЫХ РУКОЙ МАХНУЛИ.

Как можно, — примерно так рассуждала эта милая Людмила, — отмахнуться от них, бездельников и хулиганов, если они продолжают расти, рано или поздно вырастут и станут плохими или отвратительными взрослыми?! Если от плохого ребенка можно ожидать много горя или хотя бы неприятностей для окружающих, то плохой взрослый человек весьма, а иногда и очень весьма опасен!

Но что же еще можно сделать с плохими или даже просто отвратительными мальчишками, воспитывать которых или, вернее, уже перевоспитывать практически отказались и родители, и школа?

Над ними, — примерно так продолжала рассуждать эта милая Людмила, — должны взять шефство хорошие девочки. ВЕДЬ ЕСЛИ КАЖДАЯ ХОРОШАЯ ДЕВОЧКА ПЕРЕВОСПИТАЕТ ХОТЯ БЫ ОДНОГО ПЛОХОГО ИЛИ ПРОСТО ОТВРАТИТЕЛЬНОГО МАЛЬЧИШКУ, НЕГОДНЫХ ЛЮДЕЙ ВЫРАСТЕТ ЗНАЧИТЕЛЬНО МЕНЬШЕ!

Не знаю, как вам, уважаемые читатели, а мне такое отношение этой милой Людмилы к жизни очень даже по душе. Я считаю его принципиальной заслугой моей героини. Тут даже не так важно, получится ли что-нибудь или вовсе ничего не получится из ее необычной и, казалось бы, заранее обреченной на неудачу затеи, восхищает само стремление! Маленький человек, ребенок беспокоится не о себе, а о других, выбирает в жизни не легкий путь, а неизведанный и трудный, — честь и хвала такому человеку, если даже пока он еще и ребенок!

Таково мое личное мнение, уважаемые читатели, убедительно прошу вас присоединиться к нему! Далее вы сами увидите... Впрочем, подождем, почитаем.

Сразу сообщу: увы и увы, и еще четырнадцать раз увы, никто из подружек этой милой Людмилы ее не поддержал. Она ведь ожидала восторгов, хотя бы заинтересованности, на худой конец, любопытства, а в ответ получила почти презрительные насмешки: дескать, больно надо на всяких там тунеядцев и хулиганов время тратить.

Хуже всего то, что и у самой этой милой Людмилы до сих пор ничего из перевоспитательной работы с плохими мальчишками не получалось. Выбранные ею подшефные как были, так и продолжали быть хулиганами и тунеядцами.

Эта милая Людмила не унималась и сдаваться не собиралась. Наоборот, при каждой новой неудаче у нее прибавлялось сил и желания добиться своего. И когда она надумала ехать к тете Ариадне Аркадьевне, то надеялась здесь, в поселке, доказать свою правоту. Как вы уже знаете, уважаемые читатели, знакомство этой милой Людмилы с подходящими личностями состоялось.

Продолжаем наше повествование.

Зашли они с тетей Ариадной Аркадьевной в ее уютнейший домик, в котором была неопишуемая сверхчистота, необыкновеннейший порядок, и хозяйка сказала сурово:

— Ты пока посиди, я покормлю Кошмарчика, потом буду вынуждена заниматься то-бой.

— Мною заниматься не надо, — ответила независимым тоном эта милая Людмила. — Я разберу вещи, умоюсь. Папа с мамой послали вам ценный и необходимый для вас подарок.

— Для того, чтобы задобрить меня! — резко объяснила тетя Ариадна Аркадьевна. — Для того, чтобы я растрогалась и баловала те-бя! Подарок я возьму, так как отказываться неприлично, но баловать те-бя...

— Я вас буду баловать, тетечка! — весело пообещала эта милая Людмила. — Я даже вашему Кошмару кое-что привезла. Вот, пожалуйста! — И она достала из рюкзака желтую пластмассовую миску, на дне которой была нарисована толстая, вкусная, веселая мышка. — Я ее сама нарисовала! — восторженно продолжала эта милая Людмила. — А вот торт! Очень вкусный, но готовить его ах как трудновато! Вот обыкновенный, но тоже должен быть вкусным, яблочный пирог. А вот я главное: от папы с мамой вам набор рыболовных крючков и поплавков. Когда мы с вами, тетечка, пойдем рыбачить...

— Спасибо те-бе за все, — весьма очень мрачно перебила тетя Ариадна Аркадьевна, — и, пожалуйста, не тараторь, очень прошу тебя. Своим тара... торием ты мешаешь котику нормально принимать пищу. Рыбачить я привыкла одна. А ты своим тара... торием всю рыбу испугаешь. — Она невольно залюбовалась набором крючков и поплавков, но сразу, в один момент, опять помрачнела. — Кошмар мышей не ест, он брезглив. Вообще интеллигентный кот... Умывальник, как спустишься с крылечка, налево. Полотенце справа у дверей перед выходом.

— Я захватила с собой полотенце, — гордо сказала эта милая Людмила и не менее гордо вышла.

Проводив ее растерянным, недовольным и подозрительным взглядом, тетя Ариадна Аркадьевна обессиленно опустилась в плетеное кресло и устало, обреченно уронила руки на колени.

Яростно насытившись, Кошмар вместо обычного снисходительного урчания злобно промяукал, еще более злобно распушил хвост и выгнулся крутой дугой, будто готовясь к непомерно жестокой драке.

Он ведь по давней привычке ожидал, что сейчас его начнут нежно ласкать и уговаривать успокоиться, попросят забыть обо всем неприятном и еще дадут колбасы, и еще нальют молока, но благодетельница не только не обращала на него ни малейшего внимания, а даже и отвернулась. Кошмар так злобно промяргал, так наизлобно распушил хвост, выгнулся в такую крутую дугу, словно готовился к почти смертельной драке.

Благодетельница по-прежнему не обращала на него ни наималейшего внимания, вернее, если можно так выразиться, еще больше не обращала на него ни наималейшего внимания и совершенно не собиралась кормить и поить его. И, оскорбленный до глубины своей подлой души, если она была у него, конечно, Кошмар, очень громко и угрожающе мягнув четыре раза, с наипредельно обиженным видом направился к дверям, абсолютно уверенный, что его тут же остановит ласковый, виноватый, умоляющий голос благодетельницы.

Кот у самых дверей остановился, а ни ласковый, ни виноватый, ни умоляющий голос его не останавливал!

Тетя Ариадна Аркадьевна смотрела прямо перед собой невидящим взглядом, губы ее беззвучно шевелились, будто она что-то подсчитывала в уме. Выражение лица было растерянное, недоуменное и обиженное.

Кошмар призадумался, озабоченно почесал правой передней лапой за правым ухом, еще немного призадумался и почесал задней левой лапой за левым ухом; прилег в ожидании, зорко наблюдая полузакрытыми глазами за благодетельницей.

Она по-прежнему неподвижно сидела в плетеном кресле, и выражение лица у нее было по-прежнему растерянное, недоуменное и обиженное. Вот она очень медленно поднялась, но на кухню вдруг прошла быстро, суетливо открыла коробку, выложила торт на блюдо, подумала немного, а потом решительно убрала торт обратно в коробку, опустилась на стул медленно и устало, опершись

руками о стол. Выражение лица ее стало страдальческим и даже чуть-чуть не очень добрым.

Кошмар наблюдал за благодетельницей с откровенным презрением и таким же негодованием.

Вошла эта милая Людмила, спросила испуганно:

— Что с вами, тетечка?

— Ты, ты со мной, — еле слышно отозвалась тетя Ариадна Аркадьевна. — Вот что со мной.

— Но ведь я — кто, а не — что!

— Какая разница... Ты уже спутала всю мою жизнь. Совершенно расстроила нервную систему Кошмарчика... Дело дошло до того, что бедный котик давно уже просит добавки, а я... а я... — Тетя Ариадна Аркадьевна буквально сорвалась с места, дергающимися движениями достала из холодильника бутылку молока, налила его в кастрюльку и поставила на газ.

Эта милая Людмила убрала бутылку в холодильник.

— Спасибо, но я не просила те-бя, — весьма возмущенно проговорила тетя Ариадна Аркадьевна. — Может быть, моя дорогая племянница, ты уже убедилась, что у твоей тетечки сверхнепереносимый характер? Ведь ты не могла не заметить, что тетечка твоя груба, придирчива, несправедлива и действительно не переваривает детей. Ты ведь уже убедилась, что те-бе с твоей те-теч-кой будет тяжело, неудобно и скучно... Понимаешь... — В ее голосе появились умоляющие нотки. — Мы с Кошмарчиком привыкли жить одни, мы привыкли, чтобы нам никто не мешал. Зачем тянуть? Еще никто из детей-родственников не выносил моего невозможного характера более двух-трех суток.

— А я вынесу, — беспечно пообещала эта милая Людмила, подумала и поправилась: — Я попробую вынести. Приложу все усилия. Разрешите, я вскипячу чайник. Очень хочется есть.

Тетя Ариадна Аркадьевна подала подогретое молоко Кошмару, долго уговаривала его, чтобы он соизволил простить ее и подняться на лапы, а он еще, прежде чем начать лакомиться, потянулся семь раз.

— Чай — не еда, — сказала тетя Ариадна Аркадьевна, — я разогрею те-бе, дорогая племянница, вчерашней ка-ши.

— Благодарю, тетечка. Я так голодна, что с удовольствием поем вчерашней ка-ши. А вы, тетечка, попробуйте, пожалуйста, мой большой торт и немаленький сладкий пирог.

— Огромное те-бе спасибо, моя дорогая племянница, но, к счастью, я ни тортов, ни сладких пирогов в пищу не употребляю. Питаюсь я в основном каша-ми. А то-бой мне заниматься вообще некогда. У меня уйма дел, от которых ты меня оторвала. Вот сейчас я уйду рыбачить и вернусь домой лишь довольно поздно вечером. Кошмарик привык на ужин лакомиться свежей рыбкой.

Если бы знала тетя Ариадна Аркадьевна, чем окончится данная рыбалка, она бы осталась дома!

— Я тоже постараюсь сходить на рыбалку, — сказала эта милая Людмила. — Тетечка, а чего же вы все-таки любите?

— О! О! О! — насмешливо воскликнула тетя Ариадна Аркадьевна. — О-пята! Я обожаю маринованные опята, но в наших окрестностях они почти не встречаются. Я их обожаю, ну и что?

— А вот что! — Добродушно усмехнувшись, эта милая Людмила порылась в рюкзаке, достала оттуда двухлитровую банку, поставила на стол со словами: — Маринованные о-о-опята моего собственного приготовления. Кушайте на здоровье!

Тетя Ариадна Аркадьевна схватилась за сердце, покачнувшись, тяжело опустилась на стул и прерывистым голосом выговорила:

— Ты нарочно... нарочно... чтоб доказать... чтоб доко-нать меня... дескать, я злая... а ты... ты будто бы добрая... те-бя научили... твои родители те-бя научили... они знают, что я... обожаю мари... нованные опя...та...

— Да, да, совершенно верно, — подтвердила эта милая Людмила, — мне подсказала мама. Но ведь грибы-то я заготовила раньше, еще прошлой осенью, когда к вам и не собиралась.

— Все равно... нечестно... все равно нарочно... да, обо-жаю мари... нованные опя... та, но детей я... не обожаю и ни... когда не бу... ду обо... жать.

Эта милая Людмила в задумчивости помолчала и заговорила с сожалением:

— Простите, тетечка, но я вам не верю нисколько. Мне кажется, что вы сами на себя чуть ли не клевете-те или возводите напраслину. Может быть, вы и не любите торты и сладкие пироги. Хотя вряд ли. Но если вы не ис-ре-ва-ри-ва-ете детей, то, значит, тут есть какая-то ваша ошибка. И я уверена, что вы жалеете об этом. По-моему, вы и детей любите, и маринованные опята тоже.

— Я не жалею о том, что обожаю маринованные олята и не обожаю детей, — сверхнасмешливо произнесла тетя Ариадна Аркадьевна и попыталась рассмеяться.

— Вы ведете себя, тетечка, простите, неестественно, — четко констатировала эта милая Людмила. — Значит, вы неискренни. Позвольте, я выскажусь до конца, — остановила тетю Ариадну Аркадьевну эта милая Людмила. — Мне будет очень жаль и даже очень больно, если мы с вами не подружимся. Но что бы ни случилось, я приложу максимум усилий, чтобы прожить у вас все лето и многому у вас научиться. И я постараюсь вам помочь кое в чем разобраться.

Тетя Ариадна Аркадьевна резко поднялась, почти вскочила, но сдержала негодование, спросила дрожащим голосом:

— В чем, в чем, скажи на милость, в чем ты собираешься помочь мне разобраться?

— Пока не знаю в точности, но...

— Она не знает! В точности! Не знает, а... а... а собирается! Собирается, а ... а ... а не знает!.. Ешь кашу!

— С большим удовольствием, тетечка!.. Прекрасная каша!

И действительно, эта милая Людмила ела кашу с неподдельным аппетитом, что и поразило, и в какой-то степени удовлетворило тетю Ариадну Аркадьевну.

Даже Кошмар приподнял голову и, презрительно сощурив глаза, смотрел на странную маленькую особку, которая прямо-таки уплетала кашу. Если бы ему, коту, осмелились предложить в качестве пищи кашу, он, кот, счел бы такое преднамеренным оскорблением кошачьей личности и тут же бы покинул дом, где столь грубо измываются над живыми существами.

— Кстати, моя дорогая племянница, — заметно виноватым голосом сказала тетя Ариадна Аркадьевна, — каша, конечно, не вчерашняя. Я приготовила ее сегодня утром. Те-бе к чаю отрезать торта или пирога?

— Честно говоря, и того и другого. Признаться, я очень люблю сладкое, хотя и знаю, что быть сладкоежкой вредно. Особенно для нас, женщин.

Когда эта милая Людмила напилась чаю и вымыла посуду, тетя Ариадна Аркадьевна, недоверчиво и подозрительно проследив за ней, спросила:

— Итак, чем ты намерена заниматься без меня?

— Сначала посмотрю ваш поселок. Узнаю, где у вас

тут рыбачат. Может быть, на рыбалку пойду... А кот у вас, я вижу, ревнивый.

— О, еще какой ревнивый! Он кошмарно ревнив! — мгновенно обрадовалась тетя Ариадна Аркадьевна. — Он просто страдает, когда ко мне кто-нибудь даже ненадолго заходит. А уж если кто-то живет у меня, смотреть на котика — сердце кровью обливается. Кошмарик никого, кроме меня, не признает... Что ж, моя дорогая племянница, иди осматривай поселок. Ключ под ковриком на крылечке. Обедай без меня и ужинай без меня. На обед и ужин у нас, конечно, каша. Кстати, не общайся, пожалуйста, с соседями слева. Мальчишка там — невероятно избалованный тунеядец. А дед ему во всем потакает. Как говорится, он находится под каблуком у внука... Я остаюсь при своем мнении: у меня те-бе долго не выдержать.

— А я, наоборот, все больше убеждаюсь в том, что мне и выдерживать нечего. Вы меня, тетечка, все пугаете и пугаете своим характером, а вы мне всё нравитесь и нравитесь.

— Я тебе нравлюсь?! — обрадованно вырвалось у тети Ариадны Аркадьевны, но она тут же ужасно возмутилась: — Ты еще и обыкновенная лгунишка! И подлиза! Заявляю те-бе категорически: зря стараешься, моя дорогая племянница! Меня не проведешь!

— Не лгунишка я и не подлиза, — спокойно возразила эта милая Людмила. — Для чего мне вам лгать? Для чего мне к вам подлизываться? Когда я увижу, что я вам действительно неприятна, я тут же уеду, чтобы не быть вам в тягость, милая тетечка.

— Вот! Вот! Вот! Вот! — торжествующе воскликнула тетя Ариадна Аркадьевна. — Она уже обиделась!.. Я устала от те-бя, моя дорогая племянница, — резко заявила она. — Иди гуляй. А я отдохну от те-бя.

Честно говоря, уважаемые читатели, эта милая Людмила и вправду обиделась, но сильнее обиды была жалость к тетечке. Какие у нее смешные, трогательные, совсем почти девчоночьи и... жалкие косички с бантиками!

Эта милая Людмила представила себе, как тетечка сидит в своем уютнейшем аккуратнейшем домике одна-одинешенька, переплетает косички, потом одна-одинешенька на кухоньке ест кашу... Обожает единственное существо на свете — кошмарного кота!.. Эта милая Людмила, если бы не сдерживалась, могла бы и расплакаться сейчас от жалости, глубокой и нежной... Может быть, Кошмар и

занимательное по-своему животное, но ведь не способен же он заменить человека!

И почему тетя Ариадна Аркадьевна так настойчиво и все-таки неубедительно утверждает, будто бы принципиально не любит детей? Эта милая Людмила никак не могла заставить себя поверить в странное тетечкино утверждение. Скорей всего тут крылась ТАЙНА, тщательно скрываемая и оберегаемая.

Ведь если бы тетя Ариадна Аркадьевна и вправду не переваривала детей, она бы попросту не разрешила племяннице приезжать!

Но если она позволила к себе приехать, то почему пугает и пугает своим, будто бы невозможнейшим характером и все время заговаривает о скорейшем отъезде только что приехавшей племянницы?

ТУТ ЧТО-ТО НЕ ТО...

НЕ ТО ТУТ ЧТО-ТО...

ЧТО-ТО ТУТ НЕ ТО...

Однако она не была бы этой милой Людмилой, если бы могла позволить себе без конца заниматься бесполезными размышлениями и догадками. Она сразу же поставила перед собой задачу — разгадать тетечкину тайну. Приняв такое решение, эта милая Людмила немного успокоилась и через калиточку вышла на улицу, думая уже о том, как бы встретить плохого мальчишку и попытаться за лето хотя бы частично его перевоспитать.

И встретила она, как вы помните, уважаемые читатели, Герку Архипова, сидевшего на улице за специальной загородкой, где он тренировался, чтобы стать музейным экспонатом наравне со скелетом мамонта.

Седьмая глава

НАЧАЛО ИСТОРИИ СО ШЛЯПОЙ ВРАЧА П. И. РАТОВА

Эта милая Людмила поставила на газовую плиту чайник, поразмыслив, отрезала Кошмару колбасы, которую кот проглотил не жуя и тут же требовательно замяргал.

— Я тебя кормить не обязана, не получила указаний, — строго сказала ему эта милая Людмила. — Жди хозяйку. Тем более она должна принести те-бе рыбки.

Напившись чаю со сладким пирогом, эта милая Людмила вдруг ойкнула и спросила Кошмара:

— Твоя хозяйка часто так поздно задерживается на рыбалке? Она не боится возвращаться в темноте?

Кот презрительно издал какой-то звук, резкий и непонятный, похожий на хрюканье, убегая в комнатку и развалился на диванчике. Эта милая Людмила взяла куртку, карманный фонарик и вышла на крылечко, совсем уже обеспокоенная. Во дворике густо пахло цветами, в воздухе ощущалась вечерняя прохлада.

«Или она ушла далеко-далеко, — с тревогой думала эта милая Людмила, — или... не могла же она заблудиться в знакомых местах! А вдруг она упала и... ужас какой! Ведь что угодно могло с ней случиться, а я тут... чаи со сладким пирогом распивала!»

Верная правилу — долго не раздумывать, когда надо действовать, она бегом бросилась через дворик, пробежала по улице и вскоре уже стучалась в двери соседнего дома.

На крыльцо вышел дед Игнатий Савельевич, шумно обрадовался, дескать, в самое время, дорогая гостья, прямо к чаю угодила, голубушка, милости просим...

— Тетечка еще с рыбалки не вернулась! — испуганно сообщила эта милая Людмила. — Уже почти темнеет, а ее все нет! Надо ее искать! — И сама заметила, что голос у нее встревоженный.

— А где искать?

— Ну... не знаю... везде!

— Может, еще придет... — Дед Игнатий Савельевич опустился на крыльцо и показал ей на место рядом. — Сейчас, голубушка, будем соображать. А! Рядна Аркадьевна — человек отменной серьезности и рыбак опытный. Все здешние рыбные места она знает распрекрасно.

— Тем более! Тем более! — Эта милая Людмила вскочила. — Значит, с ней что-то случилось! Рассуждать, соображать, размышлять нам просто некогда! Посмотрите, с каждой минутой все темнее и темнее! У вас есть фонарик?

— Фонарик-то, Людмилушка, имеется, — явно недовольным тоном ответил дед Игнатий Савельевич. — Только вот, извини, противно даже и подумать, что соседка моя уважаемая из-за кота ведь заблудилась где-то! Из-за ко-та!

— Да при чем здесь кот?! С тетечкой, может быть, случилось что-нибудь, а вы про кота!

— Так ведь она ему, извергу, рыбу ловит! Он чуть ли не килограмм за раз слопать способен!

— Меня абсолютно не интересует ни его аппетит, ни он сам! — очень рассердилась эта милая Людмила. — Одевайтесь, пожалуйста, быстрее, забирайте Германа и фонарик...

— Есть, товарищ командир! Один момент, и я в вашем распоряжении. С фонариком, конечно дело, но без Герки. Зачем он нам? Он еще и сам по дороге потеряется, чего доброго.

— Идите, дедушка, идите, а Германа пришлите ко мне. Я сама с ним поговорю.

— Ну, если нужна тебе, голубушка, лишняя обуза, пожалуйста.

А Герман как раз перед самым приходом этой милой Людмилы все думал о ней и в который уж раз принял наитвердшее решение: больше со странной и опасной будущей женщиной он даже и разговаривать не станет!

Но когда этот вреднющий дед сказал ему, что его кличет Людмилушка, Герка, сердясь на себя, обрадовался и быстренько оказался на крыльце, спросил грубовато:

— Чего еще надо?

— Пойдем искать мою тетечку. Представляешь, она до сих пор не вернулась с рыбалки! И пожалуйста, не отказывайся, Герман! Мне без тебя будет страшновато. Понял?

— Ну да...

— Да, да! Иди собирайся скорее!

— А где мы ее искать-то будем?

— Везде! Разделимся на два отряда. В одном — дедушка, в другом — мы с тобой. Если хочешь, будешь командиром как здешний житель.

Командиром-то Герка всегда хотел быть, а тут еще командовать не кем-нибудь, а вредной будущей женщиной... Но вот идти в темноту...

— Где, где мы ее искать-то будем?

— Уже испугался? — презрительно поразила эта милая Людмила. — Пересиль страх, Герман! У тебя блестящая возможность доказать, что ты настоящий мужчина! Иди, иди, одевайся! — заторопила она. — Положение очень серьезное! Может погибнуть человек! Герман, ты должен помочь спасти человека! Я жду тебя!

— Дед, а дед, где моя куртка? А сапоги мои где, дед? Неси давай скорее, мне человека спасать надо!

Через огород они прошли молча, а когда оказались за изгородью, дед Игнатий Савельевич не без иронии спросил:

— В какую сторону идти прикажешь, Людмилушка?

— На берег, — уверенно ответила она, оглянувшись вокруг и невольно поежилась: сзади, в поселке, весело горело множество огней, а впереди, слева и справа, — темнота. — Предлагаю разделить на два поисковых отряда.

— Я тебя, Людмилушка, одну не отпущу! А Герка один...

— Мы с Германом и составим один поисковый отряд по розыску моей тетечки. Вы, дедушка, составите второй поисковый отряд.

— Так ведь он не пойдет, Герка-то! Он ведь у меня трус. Не совсем, конечное дело, трус, а так... трусик, можно сказать.

— У вас он, может быть, и трусик, а у меня он храбрецом будет! Уверяю вас! Вперед, к реке! Станем кричать во все горло или петь! Только обязательно громко-громко-громко!

И когда они остановились на берегу, дед Игнатий Савельевич закричал во все горло, изо всех сил, громко-громко-громко:

— Главное, ребята, сердцем не стареть!!!!

— Не надо печалиться, вся жизнь впереди! — подхватила эта милая Людмила. — Герман, а ты?

— Трали-вали! Трали-вали! — прямо-таки завопил Герка. — Это мы не проходили! Это нам не задавали!

Они кричали, пока не устали, и дед Игнатий Савельевич спросил уже серьезно:

— Ну, а теперь куда, товарищ командир? Или так и будем орать до утра?

— Может, костер запалить? — предложил Герка. — И кричать по очереди?

— Нет, нет, надо именно искать, — возразила решительно, даже непреклонно, эта милая Людмила. — Дедушка идет вниз по течению, мы с Германом — вверх. Через час встречаемся здесь. Какие будут вопросы, замечания, предложения?

— Не имею я права отпускать несовершеннолетних одних в ночь, — недовольно ответил дед Игнатий Савельевич. — А если с вами что случится? Или заблудитесь?

— Когда речь идет о спасении человеческой жизни, — эта милая Людмила резко повысила голос, — необходимо

рисковать своей собственной несовершеннолетней жизнью! В конце концов, вопрос может быть решен просто: вы, дедушка, идете с Германом, а я одна. Тетечка ведь моя, и я должна...

— А я не позволю! — Дед Игнатий Савельевич возмущенно покряхтел, помолчал, виновато кашлянул. — Не решаю я. Не имею права. Идемте все вместе. Впереееееод... — неуверенно скомандовал он.

Они направились вверх по течению, изредка выкрикивая по очереди:

— Тетечка-а-а-а-а!

— А-а-а-ариадна-а-а-а! А-а-а-арка-а-а-адьевна-а-а-а!

— Соседушкаа-а-а-а-а!

Шагали они все медленнее и медленнее, кричали все реже и реже, все тише и тише.

Первым не выдержал дед Игнатий Савельевич, скомандовал:

— Отряд, стой! Отряд, молчи! Надо посоображать, товарищи. Никак не могла здесь заблудиться Ариадна Аркадьевна. Вон все еще поселок видно. Потеряться она могла только где-то вдалеке, но опять же очень далеко она никогда не уходила. Так что глотки дерем мы напрасно.

— Значит, по-вашему, ничего не надо делать?! — возмутилась эта милая Людмила. — Значит, по-вашему, надо возвращаться домой, попивать чаек, глазеть в телевизор и забыть о том, что человек попал в беду?!

— Я таких глупостей и подлостей и в уме не держал, Людмилушка. Но можно хоть всю ночь тут ходить и орать, а толку никакого не будет. Надо придумать что-нибудь поумнее и, главное, эффективнее. Герка прав: запалим костер, вы тут останетесь, кричите, если еще способны, а я бегом-бегом-бегом вперед. Так? Согласна, Людмилушка, товарищ командир?

— Вполне приемлемый выход из положения. Ничего лучшего не придумаешь.

— Тогда вот вам спички, а я — вперед! Главное, ребята, сердцем не стареть!

Дед Игнатий Савельевич, громко распевая одну и ту же строку из любимой песни, исчез в темноте, а ребята стали собирать сучья для костра, не замечая, что стараются не отходить друг от друга далеко: честно говоря, уважаемые читатели, им было довольно страшновато, особенно когда луну ненадолго закрывали облака.

— Давай разжигай. — Голос у этой милой Людмилы, сколько она ни сдерживалась, заметно дрожал. — С костром будет не так боязно. А ты не боишься, Герман?

— А чего бояться-то? — еле слышно отозвался Герка, и голос у него дрогнул. — Тигров здесь нет. Медведей и волков тоже... — Не мог же он признаться, что в ее присутствии он обязан не выглядеть трусиком. Он чиркнул спичкой, она сломалась, второй чиркнул — сломалась. Третья, четвертая сломались...

— Не торопись, не торопись, — шептала эта милая Людмила, — сейчас вспыхнет огонек, и сразу...

Руки у Герки немножечко дрожали, и от неловкого движения коробок вдруг вылетел из них, и все спички высыпались на землю.

— Мне страшно... — почти писклявым голоском искренне сказала эта милая Людмила. — О-о-очень страшно...

— Не надо, не надо, не надо... — бормотал Герка, суетливо шаря руками по мокрой траве. — Сейчас, сейчас, сейчас!

— Коробочку сначала найди!

Уже выпала обильная роса, и когда эта милая Людмила догадалась зажечь фонарик и увидела коробок, оказалось, что он успел отсыреть. И вместо того чтобы обождать, когда он хоть немного подсохнет, Герка яростно ломал об него спички, пока не сломал последнюю...

— Вот мы и остались без огня! — Эта милая Людмила едва не всхлипнула. — Какой же ты неловкий, Герман! И я не сообразила, что тебе даже спички доверять нельзя... Ничего, ничего, постараемся не расстраиваться. Ведь трудности только закаляют характер... Но все-таки неприятно... боязно...

Мало сказать, что Герка очень переживал глупый казус со спичками, он прямо-таки терзался, разыскал в траве еще несколько отсыревших спичек, аккуратно разложил их с коробком на ветках. Ощущение страха немного улеглось, потому что явно трусила эта будущая женщина, и Герка отвлекся тем, что размышлял, как бы ее успокоить.

— Скоро дед вернется, — сказал он, — дед далеко не уйдет. Он ведь за нас боится.

— Он за нас боится! — плачущим и в то же время возмущенным голосом отозвалась эта милая Людмила. — А что вот сейчас с тетечкой? Где она? — Ей было по-настоящему страшно, и она не знала, как побороть страх, как

скрыть его от Германа, и с отчаянием предложила: — Пойдем навстречу деду, а?

Герка тоже начал побаиваться, и даже довольно здорово побаивался, и тоже старался не выдать своего состояния, да и к тому же он устал — ноги подкашивались, а присесть было не на что.

— Пойти-то можно, — неуверенно выговорил он, — а вдруг дед обратно какой-нибудь другой дорогой пойдет?

— Какой — другой? Вдоль берега одна дорога.

— Он велел ждать его здесь.

— Напрасно мы согласились на бездействие! Надо что-то делать! Я вот трушу оттого, что ничем не занята. Надо бы хоть какое-нибудь занятие... Не имеем мы права вот так глупо торчать на берегу и трястись от страха и холода! Хорошо еще, что комаров почему-то мало, а то бы давно засли нас! И правильно бы сделали!.. Тебе страшно, Герман?

— Ну... немного. Не страшно, а неприятно. Давай в петушков играть? Прыгаем на одной ноге и толкаемся плечами — кто кого заставит на обе ноги встать!

Игра оказалась подходящей, они скоро согрелись, увлеклись и забыли о страхе. И в один прекрасный момент, когда Герка ловко увернулся от толчка этой милой Людмилы, она плюхнулась в воду!

Герка заметался по берегу, хотя и видел в лунном свете, что она сразу вынырнула. Подплыв к берегу, она крикнула:

— Руку дай... петушок!

Берег был обрывистый, хотя и невысокий. Герка встал на четвереньки, мокрая холодная ладошечка ухватила за его руку, и он легко вытащил эту милую Людмилу на землю.

— Спасибо, Герман! Спасибо, петушок! — прыгая, чтобы согреться, дразнилась эта милая Людмила. — Давно ночью не купалась! Давно в куртке не ныряла! Спасибо. Петенька! Сам-то ты сегодня днем в воду упал, а мне ночью пришлось!

— Ты куртку сними, — пробормотал Герка, — на, возьми мою, а то простудишься ведь... воспалением легких заболеть можешь... Ох и попадет мне от деда!

Запахнувшись в сухую куртку, эта милая Людмила спросила:

— А ты думаешь, мне от тетечки не попадет?

— Тетечку еще найти надо, а дед скоро вернется.

— Что делать-то будем?

— Домой, домой! Я не мокрый, а и то холодно.

— Нет, нет, кто-то из нас должен обязательно оставаться здесь. Ты ведь не струсил?

— Не... струшу, — ответил Герка, и сам не расслышал своего голоса, спросил: — А ты одна идти не боишься?

— Я уже ничего не боюсь, — гордо заявила эта милая Людмила. — Я боюсь за тебя, Герман.

— А ты... ты сама-то не бойся, а я... я... я попробую... — Герка весь похолодел, представив, как он останется тут, в темноте, один, но выговорил, с очень большим трудом шевеля непослушными губами: — Беги давай.

— По... бегу, Герман. Только потому, что другого выхода нет.

— Да, да... — И он снова не услышал своего голоса и поэтому несколько раз кивнул. — На, фонарик возьми.

Они немного поспорили, кому фонарик нужнее. Герка был до того уже напуган, что ему было все равно: какая разница — трястись от страха с фонариком или без него? Герку неудержимо тянуло броситься вслед за этой милой Людмилой, но он впервые в жизни испытывал что-то вроде почти неосознаваемого желания перебороть самого себя.

Стоя в темноте — луну закрыли огромные облака, — продрогший от холода, дрожащий от страха, он смотрел обреченно, как удаляется лучик фонарика, рассеивается и тает... Герка непрерывно, почти судорожно оглядывался по сторонам и не для того, чтобы чего-нибудь разглядеть, а, наоборот, чтобы ничего не увидеть, и от этого боялся еще больше. Ему стали слышаться разные таинственно-жуткие шорохи и звуки, заставлявшие вздрагивать, а сквозь них прорывались иногда гулкие угрожающие голоса...

Не выдержав напряжения, Герка побежал в сторону поселка, хотя и сознавал, что делать этого не следует, что он все равно вернется назад, должен вернуться, что ему нельзя убегать отсюда. Что тогда скажет эта милая Людмила? Как посмотрит на него своими большими черными глазами?.. Но страх был сильнее всего, он мешал даже следить за бегом. Едва успев подумать, что он может оступиться или споткнуться, Герка взвыл от дикой боли в правой ноге: она попала в ямку, и что-то с ней, с ногой, случилось. Герка грохнулся на землю, инстинктивно вытянув руки вперед, но все равно ударился лицом так, что в голове загудело, в носу заломило, из глаз брызнули слезы. Он схватился рукой за нос и ощутил теплую кровь.

Боль в ноге была нестерпимой.

Герка откровенно подвывал, громко и жалобно, зажав нос двумя пальцами. Устав подвывать и немного придя в себя, он сел, поудобнее устроил ногу на земле, с облегчением почувствовал, что боль угасла, однако тут же определил, что шевелить ногой нельзя — боль мгновенно возвращалась.

Несколько минут он подержал голову запрокинутой, потом сел нормально, но долго не мог заставить себя открыть глаза. Страха вроде бы поубавилось, зато появилась злость, и Герка, чтобы отвлечься, шептал, а в темноте ему казалось, что кричал:

— А тетечка, может, сейчас чаек попивает... колбасу с котом ест... телевизор смотрят... мультики всякие... ну, погоди!.. А я себе ногу поломал... и всё из-за этой будущей женщины... и тетечки с ее косичками... Дед-то куда делся?

Герка ощутил, как от плеч по всему телу начал расползаться холод, брюки неприятно намокли от росы, сидеть было зябко, и мальчишку снова охватил страх.

Морщась еще не от боли, а от ее предчувствия, Герка осторожно встал на четвереньки, приподняв и чуть отведя в сторону правую ногу. Стоять-то он так вполне мог, но вот двигаться — никак не получалось. Он попробовал сделать что-то вроде прыжка, но прыжок оказался таким маленьким, что стало ясно: передвижение невозможно.

— Де-е-ед! — с отчаянием крикнул Герка. — Де-е-ед, где ты-ы! Я ведь погибаю-ю-ю-у-у-у!!!!

Он опять попытался сделать что-то вроде прыжка, вернее, прыжочка, но на сей раз даже и на сантиметр вперед не продвинулся, только ушиб колени, да в правой ноге будто проскочил электрический ток, и боль отозвалась даже в правом ухе. Герка долго и осторожно усаживался. Ведь ему до прихода этой милой Людмилы необходимо было вернуться на прежнее место!

— Из-за нее, из-за нее всё... — ощупав нос, прошептал он, чувствуя, что сейчас его затрясет от озноба. — Тетечка у нее принципиально детей не любит, а дети ее ищут!.. Коту ушла рыбу ловить, а у человека воспаление легких будет... Кто этой будущей женщине велел в воду плюхаться?.. Кто вообще разрешил ей нас с дедом в свои глупости впутывать? — Герка прислушался к темноте и тишине и удивился, что ему нисколько не страшно, а зябко, и тоскливо, и обидно еще очень. И он совсем удивился, ко-

гда обнаружил, что бранить эту милую Людмилу ему уже не хочется. Он так обрадовался, что крикнул весело:

— Де-е-ед! Где ты-ы-ы?

И он будто не сам поднялся, а словно какая-то сила легко подбросила его вверх. Он встал на одной ноге, прыгнул вперед, еле удержался на ноге, понял, что и так передвигаться нельзя, однако не растерялся. Ему показалось, что он привыкает к своему положению и что простоять на одной ноге может довольно долго.

А там, далеко впереди, слабой рассеянной полосой покачивался лучик света.

— Уре-е-е-ей! — восторженно завопил Герка. — Людмила иде-е-е-о-о-о-от! Милая Людмила-а-а-а!

Лучик все светлел и светлел — становился ярче и ярче, покачивался в темноте часто-часто, — значит, эта милая Людмила шла быстро или даже бежала. От несусветной радости Герка сразу обессилел, в изнеможении опустился на землю, разгоряченный и взбудораженный, ликующий и, скажем прямо, уважаемые читатели, обалделый. Ведь он понял, что впервые в жизни совершил что-то невероятно важное для себя, о чем он еще вчера и подумать бы не мог!

Герка уже видел темный силуэт спешившей к нему этой милой Людмилы, а вот и луч фонарика ослепил его, а вот и раздался звонкий и громкий встревоженный голос:

— Ой, кто тебя так разукрасил?! Что с тобой, Герман?! Ты же весь в крови!

— Я еще и ногу поломал! — гордо и радостно сообщил Герка. — Побежал, чтобы согреться, и — трах-тарарах! Думал, что совсем погибну!

— Ужас какой... Значит, ни минутки одного тебя оставлять нельзя. Бери телогрейку, а вот бутерброды с колбасой. Сейчас я костер разожгу, я бересты принесла... Знаешь, Герман, а я очень и очень волнуюсь. Пора ведь и деду давно возвратиться, — торопливо говорила эта милая Людмила.

Герка в ответ только мычал удовлетворенно, так как рот его был полон. В телогрейке он сразу осоловел от блаженного ощущения тепла, сытости и присутствия этой будущей женщины.

Быстро разгорелся костер. Герка, можно сказать, с большим удовольствием наслаждался тем, как маленькие и ловкие руки мокрым платком обтирали ему лицо.

— Я ведь идти-то не могу, — сказал он опять же гордо и радостно. — Пробовал на четвереньках — не вышло. Пробовал на одной ноге скакать — то же самое.

— Если вывих, то не страшно, — обеспокоенно проговорила эта милая Людмила, — но вот если перелом... Как же ты так неосторожно? Зачем было бегать в темноте, прыгал бы на месте, если хотел согреться.

— Все-таки страшно было, — с уважением к самому себе сказал Герка, но подивился своей откровенности. Сейчас его смущало только одно: брюки от росы насквозь промокли, и он попеременно садился то на одну, то на другую ладонь, то на обе вместе.

— Я страшно трусила! — призналась эта милая Людмила. — А считала себя храброй. Но представила, что я в Космосе, и... стыдно стало за страх... Что же с тетечкой могло случиться? И куда дедушка исчез?

Герка объяснил:

— Он у меня упрямый. Как он пошел вверх по течению, так, наверное, до сих пор топает и поет, что главное, ребята, сердцем не стареть. Придется тебе меня домой на тачке везти.

— Болит нога?

— Нет, если не щевелюсь. Ноет немного.

Они долго молчали, любясь и наслаждаясь огнем, но вдруг эта милая Людмила возмутилась:

— Так вот и будем сидеть?! — и сама себе ответила уныло: — А что мы, собственно, можем еще делать?.. Герман, а где, когда, по-твоему, мы совершили главную ошибку? Когда ты спички рассыпал или когда я в воду булькнула?

— По-моему, везде только одни ошибки, — не сдержавшись, раздраженно ответил Герка, тщетно пытаясь переменить положение затекшей больной ноги. — Потерялась тетечка, надо было сразу в милицию заявить. Там много дружинников на мотоциклах, и почти все они рыбаки. А теперь вот и дед потерялся.

— Я с тобой категорически не согласна, — горестно произнесла эта милая Людмила, — хотя понимаю, что сейчас тебе, может быть, труднее, чем мне. Надо было, конечно, заявить в милицию. Но такое мог сделать любой посторонний человек. А мы-то ведь близкие люди! Мы сами, понимаешь, сами обязаны были помочь...

— Вот и помогли! — Герка откровенно хмыкнул. — Тише, тише... Слушай-ка, слушай...

Вскочив, эта милая Людмила стала напряженно вглядываться и вслушиваться в темноту, вытянув шею. Далекий-далекий, неясный голос едва улавливался чутким слухом.

— Я побегу, Герман?

— Нет уж, нет! Если еще и ты не вернешься...

— Но, может быть, нас зовут на помощь!.. Я слышу тетечкин голос!

— Подожди, подожди еще немножечко! — взмолился Герман. — Слышишь, голос-то приближается?

Эта милая Людмила настолько обрадовалась и растерялась, что не догадалась крикнуть, я, не в силах побороть нетерпение, несколько раз отбегала от костра, и каждый раз ее сердито и испуганно окликал Герка.

Наконец они отчетливо услышали голос:

— Игнатий Савельевич, я вижу костер!

— Тетечка, моя милая тетечка! — закричала эта милая Людмила и бросилась в темноту.

Вскоре она вернулась с дедом Игнатием Савельевичем, который сразу уселся у костра, не сказав ни слова, а лишь виновато покашляв, и начал сворачивать сигарку.

На другом берегу Герка разглядел темную человеческую фигурку с фонариком в руке, которая кричала голосом тети Ариадны Аркадьевны:

— О, как я счастлива! Ах, как я рада! Я уже приготовилась чуть ли не проститься с жизнью, думала, что погибаю от страха и ужаса! Узнайте, что случилось с уважаемым Игнатием Савельевичем? За весь долгий путь он не проронил ни звука! Видно, что уж очень безмерно он сердит на меня!

— А почему вы на том берегу, тетечка?

— Я не помню, как попала сюда. Просто заблудилась. Впервые в жизни. Абсурд какой-то.

— Дед, а дед! — позвал Герка. — Ты чего в молчанки играешь?

Тот уныло отмахнулся, показал рукой на горло и продолжал сосредоточенно дымить.

— Нелепое, тетечка, создалось положение, — огорченно сказала эта милая Людмила. — Вы — на том берегу, Герман сломал или вывихнул ногу. Транспортировать его можно лишь в тачке. Дедушка безмолвен...

— Где-то тут поблизости в узком месте есть мостик! — крикнула тетя Ариадна Аркадьевна. — Сейчас я к вам перейду!

— Ой, тетечка! Вы опять заблудитесь!

— Исключено!

— Я вас встречу!

Когда эта милая Людмила убежала, Герман спросил:

— Да что с тобой, дед, а?

И в ответ раздался сильный, с присвистом и хрипением, еле-еле-еле слышный шепот:

— Голос сорвал.

А случилось это, уважаемые читатели, так. Дед Игнатий Савельевич шел, шел, шел, кричал, кричал, кричал... Опять шел... Опять кричал...

— Ну, тут хоть изорись весь, — вслух сказал он, — никакого толку. И куда ее занесло?

Он уже несколько раз намеревался повернуть обратно, потому что и устал, и за ребят начал беспокоиться, а главное, это хождение и крики в темноте казались ему сейчас абсолютно бессмысленным занятием. Он даже рассердился на себя, что ввязался в нелепую затею, набрал в грудь побольше воздуха да ка-а-а-а-а-ак гаркнул:

— А-а-а-а!..

В горле у него что-то вроде бы порвалось, и вместо «...риадна» раздалось еле слышное хриплое сипение, от которого в горле стало больно. Дед Игнатий Савельевич, честно говоря, хотел выругаться, правда, не очень уж крепко, но только зря раскрывал рот — оттуда с трудом, больно прорывались лишь сипение и хрипение...

Ему ничего не оставалось, как повернуть назад: бродить в темноте, да еще не имея возможности не только кричать, но и просто разговаривать, сейчас стало действительно абсолютно бессмысленным занятием. Но, пристально взглядевшись в темноту, он далеко впереди увидел какое-то слабое свечение. Это мог быть только костер, и дед Игнатий Савельевич радостной рысцей затрусил по берегу вверх по течению. Еще издали он различил у костра фигурку своей уважаемой соседки. Она была на другом берегу, в скорбной, усталой до предела, безнадежной позе стояла у костра спиной к реке. А дед Игнатий Савельевич никакого громкого звука издать не мог, сипел, хрипел, сипел, хрипел, пока резкая боль в горле не вынудила его закрыть рот.

Что делать? Он и топать пробовал, и ветками шелестел, долго искал палку какую-нибудь, чтобы с шумом бросить в воду, пока не догадался хлопнуть в ладоши, сунув фонарик под мышку.

Тетя Ариадна Аркадьевна обомлела: еще не узнав уважаемого соседа, она увидела, что кто-то прыгает на противоположном берегу и чему-то восторженно аплодирует!

— Вы кто? — испуганно и радостно спросила она, взгляделась и обрадовалась невероятно: — Соседушка милый! Да как вы оказались здесь, спаситель мой великодушный! Что бы я без вас делала?

А великодушный спаситель мычал, отчаянно размахивая руками, и уважаемая соседушка не сразу догадалась, что он предлагал ей идти вниз по течению. Еле-еле она поняла его, затушила костер, и вот таким необычным способом: она на одном берегу, ее спутник — на другом — они и продвигались, изредка освещая друг друга фонариками.

— Почему вы молчите? — то и дело спрашивала тетя Ариадна Аркадьевна. — Неужели вы так презираете меня, что считаете недостойной хотя бы одного вашего слова?

Бедный уважаемый сосед и великодушный спаситель мысленно молил только об одном: чтобы и спасенная молчала! Но она всю дорогу расспрашивала о причине его будто бы намеренного молчания.

Лишь сейчас у костра рядом с единственным внуком дед Игнатий Савельевич постепенно успокаивался. Герка рассказал ему и о Людомилином купании, и о своей ноге, а закончил так:

— Не видать нам, дед, нормальной жизни, пока эта милая Людмила здесь. Точно, точно. Еще неизвестно, чего она завтра придумает. Может, она завтра мне голову раскокает или руку оторвет!

— Ерунда, — на ухо ему с хрипом просипел дед Игнатий Савельевич. — Чепу... — Он поднатужился и сипло прохрипел: — ...хххха.

Тут с шумом вернулись тетечка и племянница, наперебой стали хвалить Герку и деда, те от похвал тоже повеселели, но вдруг Герка с изумлением и даже возмущением услышал:

— Главная же героиня сегодняшнего вечера, вернее, уже ночи, конечно, моя дорогая племянница! Ведь если бы доброе и смелое сердце Людомипочки не позвало ее, прямо скажу, на подвиг, я бы в лучшем случае приобрела двустороннее воспаление легких и еще что-нибудь на нервной почве.

«Так, так, так, — совсем мрачно подумал Герка, — дед без голоса остался, я ногу поломал, а эта будущая женщина в героинях оказалась! Меня домой на тачке повезут,

а Людмилочка налево-направо о своем подвиге трещать будет!»

— Короче говоря, я вам благодарна от всей моей расстроганной души, — восторженно продолжала тетя Ариадна Аркадьевна. — А мое мнение о Германе изменилось в самую лучшую сторону. Отважный, добрый мальчик.

Дед Игнатий Савельевич согласно и долго кивал головой, затем просипел почти слышно:

— Тачку бы ему...

— Какую тачку?! — возмутилась тетя Ариадна Аркадьевна. — Такого человека транспортировать в тачке? Ему же необходима немедленная квалифицированная медицинская помощь! Я сейчас подниму на ноги весь поселок, и Герман будет доставлен в районную больницу должным способом — в машине!

Они с этой милой Людмилой ушли.

Подбросив в костер сучьев, дед Игнатий Савельевич просипел:

— Страшно тут было?

— Еще как! — признался Герка, но не без гордости. — Ногу вот только зря повредил. Достанется нам еще от Людмилочки с ее тетечкой. Придумают они еще чего-нибудь на наши головы. Сами целехоньки, конечно, останутся, а мы с тобой какие-нибудь ранения обязательно получим.

На это дед Игнатий Савельевич что-то возбужденно отвечал, и выглядело это так, словно он говорил на экране телевизора с выключенным звуком.

— Дома выскажешься, — предложил Герка, — если, конечно, меня надолго в больницу не упрячут. Пошевелить ведь ногой-то нельзя. А спать как охота...

Вообще-то гордость его так и распирала, и, если бы не больная нога, Герка стоял бы сейчас в свете костра, расправив плечи и выпятив грудь колесом...

...А когда к потухшему костру подъехала машина «скорой помощи», дед и внук крепко спали, прислонившись спинами друг к другу.

— Просыпайтесь, герои! — разбудил их звонкий и громкий голос этой милой Людмилы. — Вставайте, люди подвига! Карета подана!

Тетя Ариадна Аркадьевна сдержала свое слово: среди ночи она добилась, чтобы из медпункта домостроительного комбината медсестра вызвала «скорую помощь», хотя все врачи там были заняты.

Если бы только Герка слышал, как хвалила, превозносила, я бы сказал, уважаемые читатели, воспевала его теть Ариадна Аркадьевна! По ее взволнованным и торжественным словам получалось, что этой крошечной ночью Герка проявил такие высочайшие моральные качества, так ярко осуществил на деле принцип «человек человеку друг», что с полнейшим основанием может считаться героем наших дней.

Конечно, Ариадна Аркадьевна преувеличивала и здорово преувеличивала, но делала это столь искренне и убедительно, что машину вызвали быстро.

Когда Герке помогли влезть в кабину, возник маленький спор, кому ехать с ним в больницу, и эта милая Людмила довольно легко настояла на своем:

— Поеду, конечно, я. Дедушка, вы и сами больны. Вам необходимо пить горячее молоко с содой. И какой от вас прок, извините, если вы даже и слова вслух сказать не способны. А тетечку я уже уговорила лечь.

И сопротивлявшегося и сипевшего деда Игнатия Савельевича высадили около дома, а «скорая помощь» помчалась дальше.

Увы, уважаемые читатели, вы и без меня знаете, что в жизни не всегда даже очень радостные события обязательно оканчиваются радостно или хотя бы благополучно.

Дежурный врач П. И. Ратов, правый глаз которого закрывала черная повязка с кругляшком, оказался человеком чрезвычайно неприветливым, прямо говоря, просто грубым. Когда он стаскивал сапог с Геркиной ноги, мальчишка, сколько ни сдерживался, истошно выль самым откровенным образом. Дежурный врач П. И. Ратов сказал презрительно и насмешливо:

— Всю больницу разбудил... герой!

— Я не герой, — сквозь слезы ответил Герка. — Больно!

— Дурака валять не надо. И терпеть надо, когда тебя за героя выдают.

У Герки слезы текли уже не от боли, а от обиды.

— Если будешь орать, герой, — почти ядовито проговорил дежурный врач П. И. Ратов, — лечить тебя не буду. Так обратно на одной ноге и прыгай... Учти, что сейчас будет очень и очень больно. Только попробуй хотя бы пикнуть!

Закрыв глаза, вцепившись руками в край кушетки, Герка почувствовал, что от страха сердце у него отвердело и вроде бы даже не бьется. А когда дежурный врач П. И. Ра-

тов цепкими, сильными и ледяными пальцами больно-пре-пре-больно взялся за его ногу, Герка чуть ли не сознание потерял и сквозь зубы цедил:

— Главное... ребята... сердцем... не стареть...

Ему показалось, что одноглазый дежурный врач П. И. Ратов своими цепкими, сильными и ледяными пальцами старается выдернуть кость из его ноги да еще НАРОЧНО ее поворачивает... В голове загудело, перед глазами поплыли черные круги, боль захлестнула сознание, и Герка уже не слышал, как шептал:

— Не стареть... ребята... сердцем... главное... не... ребята... не... не...

И тут Герка услышал тишину, а сквозь нее насмешливый, издевательский голос:

— Все в порядке... герой! Главное, ребята, нюни распускать не надо. Отдохнешь немного и топай отсюда... герой!

Дежурный врач П. И. Ратов направился к дверям не попрощавшись, и Герка зло сказал:

— Спасибо, дяденька... врач!

Но тот вышел не обернувшись.

— Уж такой у него характер тяжелый, — виновато, словно извиняясь за дежурного врача П. И. Ратова, проговорила медсестра, пожилая тетенька с веселыми молодыми глазами. — Все мы от его характера страдаем. А ну-ка пройдишь, миленький... Да смелее, смелее. Вот и хорошо. А куда ты на ночь-то глядя? Поспи вот тут на кушетке до утра. Я тебе сейчас чайку принесу.

Честно говоря, уважаемые читатели, я вот, прожив на белом свете более полувека, так и не уразумел до сих пор, откуда берутся злые и равнодушные люди. Причем эти бессердечные злюки избирают себе такие профессии, которые как раз и требуют доброго, щедрого, отзывчивого сердца. Зачем было надо дежурному врачу П. И. Ратову так грубо и насмешливо обращаться с ни в чем не повинным мальчиком? Какое, скажите мне, удовольствие испытывал этот дежурный эскулап, обижая больного ребенка?

Зато своим, мягко выражаясь, нехорошим поведением он толкнул Герку на нехороший поступок, и в нем, в этом нехорошем поступке, я его, бедного мальчишку, винить и не собираюсь.

Уже перед самым выходом из больницы Герка увидел на вешалке красивую зеленую шляпу с полосатой ленточкой над полями.

Медсестра перехватила его взгляд, сказала с уважением:

— Из Москвы такую красавицу привез недавно. Всегда ее в кабинете держит, а тут, видать, забыл сегодня. Шляпа у него распрекрасная, а характер нечеловеческий какой-то. Все мы от него страдаем, а шляпой, конечно, любимся.

Не успев ничего сообразить, Герка бросился к вешалке, правда осторожно припадая на правую ногу, схватил шляпу-красавицу, скрутил ее, как говорится, в бараний рог, швырнул на пол, затопал по ней левой ногой, приговаривая:

— Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! Будешь знать! Будешь знать! Будешь знать!

Он попрощался с ошеломленной медсестрой, выскочил во двор, крикнул ожидавшей его на скамейке этой милой Людмиле:

— Побежали отсюда!

Ни о чем не спрашивая, она быстро пошла за ним. Герка сказал через плечо:

— Вывих мне вылечили, но опозорили меня всего, обзвали всяко!

— Кто?!

— Врач дежурный. Одноглазик такой. Но я ему отомстил! Будет помнить!

— А куда мы идем, Герман?

— Куда? — Герка остановился. — Домой нам надо. Скоро уже светать начнет.

— А тебе разве не предложили... машины?

— Машины?! — Герка пять раз хмыкнул. — Он меня вообще за человека не считал. Смеялся надо мной. Издевался. Чуть кость мне из ноги не вытащил. А я ему шляпу скрутил и ис-топ-тал!

— Ах, Герман, Герман! — с жалостью, нежностью и восторгом сказала эта милая Людмила. — У тебя, оказывается, гордый характер!.. А дорогу домой ты знаешь?

— Надо выйти на тракт и идти.

— Далеко идти?

— На автобусе полчаса примерно. А пешком я ни разу не ходил. Не уснуть бы по дороге.

Взявшись за руки, эта милая Людмила и Герка медленно брели по улицам, освещенным редкими фонарями. Он шел еще боязливо, словно не веря, что нога у него теперь в полном порядке.

Неожиданно Герка заметил, что у него замечательное настроение, которое не могли испортить даже навязчивые воспоминания о дежурном враче П. И. Ратове, зато воспоминания о его шляпе — бывшей красавице — веселили. Но больше всего он радовался излечению, если не считать того, что рядом была эта милая Людмила...

— А ведь тетечка наверняка не спит, — озабоченно проговорила она, — наверняка меня поджидает.

— А дед мой горло лечит, — сказал Герка. — Он у меня упрямый. Он хоть до утра будет что угодно пить, чтобы только звук у него в горле включился... А вот и тракт! К утру домой притопаем, — уже уныло сообщил он, — если, конечно, ничего больше не случится.

— Будем голосовать, — очень уверенно и даже беззаботно предложила эта милая Людмила. — Не все же люди такие недобрые, как тот дежурный эскулап-грубиян. Кто-нибудь нас и подберет.

Нет, уж если не везет, то не везет, сколько ни старайся: ноченька выдалась такая, что, кроме неприятностей, ничегошеньки не преподносила. Герка с этой милой Людмилой и кричали, и руками махали, и кулаками грозили, чуть ли не под колеса бросались, но все машины равнодушно проносились мимо.

А ноги уже давно подкашивались от необыкновенной, непривычной усталости, в глазах был сонный туман, головы отяжелели. Увидев бревно у дороги, Герка обнаружил, что ноги сами направились к нему, но его остановил резкий голос этой милой Людмилы:

— Нет, Герман, нет! Если мы только присядем, нас сразу разморит и нам уже не встать! Эй! Эй! — не своим голосом закричала она, размахивая руками и выскочив почти на середину дороги, и тут же около нее затормозил огромный грузовик.

Из кабины высунулся дядька со страшным выражением свирепого пучеглазого лица и неожиданно заботливым тоном спросил:

— В чем дело, граждане? Чего вы тут ночью на проезжей части дороги шумите?

— Понимаете, мы идем из больницы, — переборов невольный страх, пробормотала, но громко эта милая Людмила, взяла себя в руки и продолжала твердым голосом: — Вот у него была вывихнута нога. А дежурный врач оказался самым обыкновенным хамом.

— Одноглазый? — свирепо спросил шофер.

— Вот именно! А в каждой машине, представьте себе, едут равнодушные люди. Никто нас не берет. А у нас уже и сил нету...

Лицо шофера стало еще страшнее, глаза еще пучеглазее, и он грубо крикнул:

— Так я вас возьму! Залезайте! Мне этот одноглазый пират тоже много нервов испортил!

Герка от страха слова не мог выговорить, а эта милая Людмила с отчаянием крикнула:

— Я ошиблась! Простите, но мы от усталости плохо соображаем! Я вас зря остановила! Нам же надо совершенно в обратную сторону! Нам же в поселок надо!

Шофер прямо-таки рывкнул:

— Тогда решайте, граждане! Я мигом до станции, там мигом сдаю груз и мигом обратно, в поселок! Если согласны, залезайте!

А гражданам было уже не важно, куда ехать, им было важно хотя бы сидеть...

...Свирепого вида шофер разбудил их уже в поселке на рассвете. И когда они вылезли из кабины и начали его благодарить, он яростно рывкнул:

— Будьте здоровы! Не чихайте! Не кашляйте! Живите богато!

Восьмая глава

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ СО ШЛЯПОЙ ОТЦА И ВРАЧА П. И. РАТОВА

Совершая какой-нибудь поступок, никогда нельзя быть уверенным, что на этом все и кончится. Так сказать, останутся только воспоминания — приятные или наоборот. Часто бывает, что самый вроде бы незначительный поступок является лишь началом длиннейшей истории — приятной или наоборот.

Так именно и было в случае с зеленой шляпой-красавицей дежурного врача П. И. Ратова, когда эту самую шляпу Герка скрутил, как говорится, в бараний рог, швырнул на пол и истоптал ее левой ногой.

Нормальный человек обругал бы мальчишку мысленно всякими, пусть даже и не очень приличными словами, попытался бы привести шляпу в порядок или просто выбро-

сил бы ее, но наш дежурный в ту ночь эскулап был не таков. Он СВОИ ВЕЩИ ценил, дорожил ими и не мог позволить какому-то негодяйному мальчишке уродовать СВОЙ головной убор стоимостью четырнадцать рублей тридцать копеек. Но даже если бы шляпа стоила не дороже, предположим, одного рубля сорока копеек, хулиганствующему мальчишке все равно было бы несдобровать. Врач П. И. Ратов дорожил каждой СВОЕЙ копеечкой.

И прежде чем продолжить наше повествование, предлагаю вам, уважаемые читатели, серьезно порассуждать на одну совершенно недетскую тему — О РОЛИ ДЕНЕГ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА. Конечно, полностью и во всей глубине нам с вами этот вопрос не разрешить, но кое-что уточнить мы обязаны, иначе вам, к примеру, может быть, не понять странного и даже нелепого поведения врача П. И. Ратова в дальнейшем.

Абсолютно известно, и вы, уважаемые читатели, это и без меня знаете, что деньги в жизни человека играют далеко не главную, но далеко и не последнюю роль. Проще и точнее говоря, деньги в жизни человека играют весьма важную роль. На них, на деньги, в частности, покупают пищу и одежду, без которых обойтись никому невозможно и которые никому даром не даются, а только ПРОдаются. Книжку без денег не купишь, кинофильм не посмотришь, в цирк или театр не пойдешь, даже газировки без сиропа не выпьешь, если нет у тебя денег.

Но увы и увы и еще множество раз увы, встречаются и, к сожалению, нередко встречаются люди, для которых самое главное и самое дорогое в жизни — деньги. Таких людей называют алчными, хотя проще было бы называть их жадюгами. Они, эти алчные жадюги, из-за денег готовы, было бы вам известно, уважаемые читатели, даже на уголовные преступления, за которые попадают в тюрьму.

Но таких, из-за денег становящихся преступниками, не очень уж много, хотя и немало. Гораздо больше алчных людей, которые всю свою жизнь и все свои силы без остатка отдают накоплению денег. Но ведь для того, чтобы копить деньги, надо их добыть. Вот алчные люди, или, проще, жадюги, и добывают деньги, добывают, копят деньги, копят, копят, добывают... И чем больше у них денег, тем жадюги алчнее!.. Другие же жадюги без конца все покупают, покупают, покупают. А что покупают? А все, что продается. И невдомек им, алчным, что самого-то ценного в

жизни не купишь! Кто вам и за какие деньги продаст, например, здоровье или доброе сердце? Ни за какие деньги не станешь умнее, если ты глуп. Никто тебе не ПРОдаст дружбу или хотя бы просто хорошее к тебе отношение.

Но алчные ни в дружбе, ни в добром сердце, ни в уме, ни хотя бы в хорошем к себе отношении и не нуждаются, а ради денег готовы и здоровье отдать!

Таким вот алчным и оказался врач П. И. Ратов. И глаз-то свой правый он потерял, уважаемые читатели, даже писать об этом страшно и стыдно, из-за денег. Думаете, из-за немаленьких, больших, огромных денег? Да нет, из-за рубля всего! Гулял он как-то в парке, задумался очень глубоко о каких-то денежных делишках и вдруг увидел, что под кустом на траве блестит монета достоинством в один рубль. Врач П. И. Ратов с такой радостью, точнее, восторгом и так стремительно нагнулся за рублем, что наткнулся на сухую ветку и — стал одноглазым!

Больше мне вам, уважаемые читатели, сообщить на данную тему нечего. Думайте сами. Но обязательно думайте.

Когда буквально чуть ли не насмерть перепуганная медсестра показала врачу П. И. Ратову топтаную-перетоптаную-истоптаную, а предварительно скрученную, как говорится, в бараний рог, его шляпу — бывшую красавицу, он хриплым от закипавшей в нем злобы голосом спросил, сжав кулаки:

— К... к... кто-о-о-о?!?

— Мальчик тот, которому вы ногу...

— Не-е-егодай! А ты куда смотрела?

— Я... я... я не успела... Я ведь пожилая, а он ловкий... быстрый... — еле-еле-еле-еле-еле выговорила медсестра. — Он как схватил ее, как...

— А ты, а ты, ты-то куда смотрела?!

— Я никуда... не... смотрела... А он как схватит...

— Схватит, схватит! Его надо было хватать!!! Кто мне теперь за нее заплатит?! Кто-о-о-о-о?!

— Может, я в мастерскую отнесу...

— Новая, совершенно, абсолютно новая шляпа! — свирепо сокрушался врач П. И. Ратов, и голос его опять охрип от злобы: — Кто, кто мне заплатит за нее четырнадцать рублей тридцать копеек? По-твоему, такие деньги на дороге валяются, да? Пожилая, а с мальчишкой справиться не могла! На твоих глазах погубили МОЮ вещь, а ты с места не двинулась! Я подаю на тебя докладную главному

врачу! Таким, как ты, не место в нашей больнице!.. Откуда этот негодяй?

— Там... там... там все записано... — всхлипывая, ответила медсестра, и молодые глаза ее стали сразу пожилыми, как она сама. — Я... я могу заплатить! Не надо подавать на меня докладную... Я всю жизнь проработала без замечаний... Я люблю нашу больницу!.. Честное слово, я из первой же зарплаты заплачу!

Подумав, врач П. И. Ратов в бессильной ярости потряс кулаками и ответил:

— Не нужны мне твои деньги! Я СВОИ ДЕНЬГИ ИЗ ЭТОГО НЕГОДЯЯ ВЫКОЛОЧУ!

— Он совсем не негодяй, он...

— Поговори еще у меня!

— Ну, не буду, не буду, не буду...

Вот так, уважаемые читатели. Поверьте, писать мне об этом крайне не хотелось. Противно было писать. Но — надо.

Может быть, кто-то подумает, что врач П. И. Ратов содержал большую семью, денег у него на нее не хватало и он, бедный, еле-еле, как говорится, сводил концы с концами?

Как бы не так. Денег у него хватало, и именно потому, что каждая копейка была на специальном учете, тратить, сто раз не подумав, одну копейку он себе не разрешал. Перед каждой самой наималейшей тратой им производились сложнейшие и длительнейшие расчеты.

Семья врача П. И. Ратова состояла всего из трех человек — его самого, конечно, жены — тоже врача, и дочери Голгофы. Кроме них, в семье всегда жила одна бабушка, исполнявшая обязанности домработницы.

И вот достойная всяческого удивления картина: завтра после работы врач П. И. Ратов садится в собственные «Жигули» цыплячьего цвета и отправляется на поиски Герки Архипова, чтобы ВЫКОЛОТИТЬ из него четырнадцать рублей тридцать копеек. В машине с ним следует дочь Голгофа, невероятно тощая и так же невероятно длиннющая девочка. Ее нельзя оставлять дома одну: бабушка уехала навестить родственницу, мама на дежурстве, а Голгофе разрешалось даже дома сидеть только с кем-нибудь из старших — так ее бдительно, я бы сказал, *уникально* опекали.

В классе Голгофу звали Цаплей, и она не обижалась, сама понимала, что похожа на эту нелепую с виду, но симпатичную птицу.

Несколько лет подряд родители пытались устроить Голочку в хореографическое училище, мечтая, чтобы она стала известной или хотя бы неизвестной, но обязательно только балериной. Ничего из этого, конечно, не вышло, а почему — догадаться не трудно.

Но вот в секцию фигурного катания родители всеми правдами и неправдами, в основном, между нами говоря, неправдами, Голочку устроили, сколько она, бедняжка, ни сопротивлялась.

Поглазеть, как несчастная Цапля сидит или лежит на льду и рыдает, сбегалась вся секция. Кататься на коньках, просто стоять на коньках Голгофа могла лишь при одном неременном условии: если ее поддерживали сразу четыре человека — двое с боков, один — спереди, другой — сзади. Они-то и катали перепуганную Цаплю до тех пор, пока она в конце концов не плюхалась на лед. Получалось, так сказать, фигурное падение, а не катание!

Мне вот над ней смеяться нисколько не хочется. Мне ее попросту жаль. Ну не тянет человека заниматься фигурным катанием, нет у него для этого никаких способностей, а его, несчастного в данном случае человека, заставляют и принуждают, хотя он дрожит от страха при одном упоминании о занятиях-падениях!

Зато Голгофа любила и умела плавать, но едва увлеклась этим, как ей запретили посещать бассейн — там можно простудиться и — о, ужас! — подхватить инфекцию.

Росла Голочка без подружек, потому что они тоже могли передать инфекцию да еще оказать на девочку дурное влияние. Вот и росла она вообще без всякого влияния и даже без инфекций.

Простывала она действительно часто, потому что с малых лет ее К-У-У-УТА-А-А-АЛИ, а форточки дома не открывали никогда: летом будто бы из-за пыли, зимой — ясно, из-за холодного воздуха.

В прошлую зиму родители были вынуждены освободить дочь от фигурного падения: она сломала руку. Так сказать, докаталась, бедная.

А ведь ей рекомендовали играть в баскетбол, прыгать в длину и высоту, но папа с мамой ни об одном из этих видов спорта и слышать не хотели, считая их опасными и немодными, и намеревались заставить Голочку учиться пению, хотя она не обладала для этого никакими данными.

Вот и мечтала Голгофа поскорее вырасти, получить паспорт и — мне даже о таком и писать страшно! — бегом из дома. Да, да, чтобы жить как люди живут, заниматься тем, к чему душа твоя лежит, а не тем, чего хочется папе с мамой.

Об остальных, не менее тяжелых и неприятных, условиях жизни Голгофы я сообщу вам, уважаемые читатели, несколько позднее.

Итак, отец и врач П. И. Ратов в сопровождении дочери Голгофы прибыл на собственных «Жигулях» цыплячьего цвета в поселок, чтобы ВЫКОЛОТИТЬ из Герки Архипова четырнадцать рублей тридцать копеек.

«Жигули» остановились около дома, где должен был проживать этот негодяйствующий хулиган.

Отец и врач П. И. Ратов в нетерпении, но с достоинством вышел из машины, аккуратно прикрыл дверцу и с достоинством, но в нетерпении направился к калитке. Около нее на скамейке сидел дед с длинными усами, с широкой, почти до пояса бородой и дымил сигаркой.

— Привет, старикан. Я разыскиваю...

А дед показал пальцем себе на бороду. На ней была приколата бумажка со словами: «Говорить не могу!»

— Не можешь говорить? — удивился отец и врач П. И. Ратов. — А что с тобой? Ах, да, ты, видимо, отвечать только не можешь? Но слышать ты, надеюсь, способен?.. Так вот, я разыскиваю некоего хулиганствующего негодяя Герку Архипова...

Некий хулиганствующий негодяй Герка Архипов все это видел и слышал и, конечно, сразу сообразил, что ему несдобровать, если он попадется на глаза, точнее, на единственный глаз эскулапу-грубияну.

Притаившись за углом, Герка смотрел, как из машины вылезла длиннющая и худющая девочка в коротком желтом платье и с голубыми волосами до плеч.

— Не смей уходить далеко, Голочка! — крикнул отец и врач П. И. Ратов. — Здесь наверняка полным-полно хулиганья! А еще лучше — вернись в машину и жди меня! — И он продолжал говорить деду Игнатию Савельевичу: — Понимаешь, старикан, я этому негодяйному хулигану ногу отремонтировал, хогя он и орал как недорезанный. А он, этот хулиганствующий негодяй, изуродовал, практически привел в негодность мою совершенно новую шляпу стоимостью четырнадцать рублей тридцать копеек! Я могу видеть родственников малолетнего преступника?

Дед Игнатий Савельевич отрицательно и старательно помотал головой, показал на горло и пожал плечами.

— Темнишь, старикан! А где самого Герку обнаружить можно?

В ответ отец и врач П. И. Ратов опять увидел отрицательное и старательное мотание головой, пожимание плечами, указывание на горло и резко повысил голос:

— Если ты, старикан, сидишь у дома, где, по моим сведениям, живет нанесший мне материальный ущерб Герка, значит, ты имеешь к нему, да и к его преступлению хоть какое-нибудь отношение! Я все равно В Ы К О Л О - Ч У из него деньги!.. Голочка, дальше ни шагу!.. Так вот, старикан, заявляю тебе категорически: я отсюда без моих денег не уеду! Четырнадцать рублей тридцать копеек на дороге не валяются!

Девочка, вылезшая из «Жигулей» цыплячьего цвета, длинная-предлинная, худющая-прехудющая, в коротком желтом платье, с голубыми волосами до плеч, прошла мимо Герки, не заметив его. А он увидел, что выражение ее лица было страдальческим, словно у нее сразу заболело три или четыре зуба и одно ухо. «Верно, доченька одноголазика, — подумал Герка. — И чем это она недовольна?»

За деда он несколько не боялся: тот знал об истории со шляпой, знал и причину, из-за которой эта история произошла.

Когда девочка шла обратно, Герка спросил:

— Там твой отец шумит?

Девочка остановилась и кивнула, и выражение ее лица стало еще более страдальческим, словно у нее сразу заболело пять, шесть или семь зубов и оба уха.

— Ты почему голубая?

— Мама красила меня и что-то напутала.

— А почему ты такая уж здорово длинная?

— Откуда я знаю? — Голос у девочки был печальным, но и чуть-чуть ободованным. — Бабушка утверждает, что у нас в роду ничего подобного не было. Видимо, что-то медицинское. Ненормальность развития.

— Голочка! Голочка! — раздался громкий рассерженный голос. — Тебя же просили никуда...

— Да здесь я, здесь, папа, рядом! — так же громко и так же рассерженно отозвалась девочка. — Никуда я не денусь!

— А что ты там делаешь, Голочка?

— Цветочки рву, папочка!

— Осторожнее, деточка! Тут могут быть энцефалитные клещи! Возвращайся быстрее!

— Следят за тобой... внимательно. Машина, конечно, ваша собственная? — продолжал расспрашивать Герка. — И не лень ему из-за какой-то шляпы...

— Я не знаю! Я ничего о его делах не знаю! Меня они не касаются! Мне они про-тив-ны! — залпом выкрикнула, но негромко, девочка. — Давай лучше с тобой о чем-нибудь разговаривать. Как начались каникулы, я еще ни с кем, кроме родителей и бабушки, не разговаривала. Тебя как зовут?

— Герка. А тебя?

— Голгофа. — И девочка посмотрела на него выжидающе. — Меня зовут Гол-го-фа.

— А... ну, ничего, только запомнить трудно.

— Можешь звать меня Цаплей. Я не обижусь.

— Я выучу, — великодушно пообещал Герка. — Гла...

— Гол...

— Го-о-ол... — осторожно выговорил Герка. — Га-а-а...

— Гол-го-фа.

— Минуточку! — Он передохнул, набрал в грудь побольше воздуха и неуверенно произнес: — Гол... гла... Цап-ля — все-таки легче!

— А ты попробуй еще раз, — предложила девочка, — не выйдет — не надо. Гол-го-фа.

— А я вчера плавать научился, Голгофа! — вдруг быстро проговорил Герка, и они с девочкой расхохотались.

— Я очень люблю плавать, — грустно сказала она, — и хорошо плаваю. Только мне не разрешают. И не спрашивай, пожалуйста, почему. Мне вообще ничего не разрешают. Даже дома одну не оставляют. Потому-то я и оказалась сейчас здесь. Вот у всех лето, каникулы, а я — как Барбос на цепи. Через месяц поеду с родителями в дом отдыха. Меня в кино одну не отпускают. Вот исполнится мне шестнадцать лет, получу паспорт и, наверное... сбегу из дома!

Не успел Герка поразиться такому желанию, как до них долетел голос Голгофиного папы, совсем уж грозный, совсем уж очень рассерженный:

— Если ты, старикан безголосый, сейчас же не приведешь ко мне этого негодяйного хулигана, этого малолетнего преступника, я забираю тебя с собой в милицию! Там-то ты заговоришь! Или выкладывай четырнадцать рублей тридцать копеек!

— Беги ты из дома сегодня! — вдруг радостно предложил Герка. — Поживешь здесь у нас на свободе! Накупаешься вволю!

— Подожди, подожди... Сегодня сбежать из дома? — восторженным шепотом переспросила Голгофа. — А как?

— Да очень просто! Оставайся здесь, и все тут! Чего тебе паспорта ждать, мучиться? Спрячем тебя так, что никто не найдет!

— Жить на свободе... купаться вволю... — истомленным от счастья голосом шептала Голгофа. — Спрятаться так, что никто меня не найдет... — Лицо ее стало серьезным. — Но мне надо взять из дома кой-какие вещи.

— У тебя кто сейчас дома? — деловито спросил Герка.

— Никого.

— Ключ у тебя есть?

— Вот.

— Тогда слушай, Гла... то есть Голгофа! Слушай внимательно, — важным, но в то же время и возбужденным голосом предложил Герка. — Есть тут одна... будущая женщина. Сообразительная она девчонка. Вредная, правда, бывает, но соображает здорово. Вот мы с ней сейчас и посоветуемся.

— О чем?

— О том, чтоб тебя сегодня же на свободу выпустить!

— Но... но... но ведь папа будет искать меня!

— Он пусть ищет, а мы тебя прятать будем. Это же очень интересно! Хочешь ты жить на свободе или не хочешь?

Голгофа закрыла от страха глаза, но ответила твердо:

— Я хочу жить на свободе!

— Тогда за мной — бегом!

И только они пробежали несколько метров, Голгофа ласково позвала, так ласково, что Герка смутился.

— Послушай, Герман... Неужели все это правда?

— Что? Что? — уже в нетерпении спросил Герка.

— Ну... что мы с тобой познакомились... что я буду жить на свободе... купаться вволю... Неужели это правду?

— Если ты не струсил, все так и будет. Пошли! Торопиться ведь надо.

Вскоре Герка лишний раз убедился в сообразительности этой милой Людмилы. Она все быстренько поняла, хотя часто перебивала рассказ недоуменными «Почему?! Да почему же?!».

— Получится самый настоящий детектив, не знаю только, из скольких серий! — радостно заключила она. — Итак, я уговариваю тетечку идти на помощь деду Игнатию Савельевичу. Они будут тянуть время. Мы втроем на рейсовом автобусе мчим к Голгофе домой. Она мгновенно собирает нужные вещи, оставляет записку, и мы — ура! — на свободе. Мы купаемся, загораем, а вечером сидим у костра под звездным небом и едим печеную картошку!.. Подожди, подожди... — Эта милая Людмила вдруг призадумалась. — Тебя зовут Голгофа?! — поразилась она. — Но ведь Голгофа — место, где будто бы погиб Иисус Христос! Я слушала лекцию... А при чем здесь ты, девочка... Голгофа?!

— Мама думала, что это цветок. Мне обещали, что, когда я достигну совершеннолетия, мне сменят имя. Мама хочет назвать меня Клеопатрой.

— Была такая царица где-то в древности! — возмущенно сказала эта милая Людмила. — Ее до смерти ужалила змея. Почему тебе не хотят дать человеческое имя?.. Ну ладно, ладно, вся жизнь впереди, не надо печалиться. Подрастешь, сама придумаешь себе нормальное имя. Теперь же надо действовать, и без промедления. Согласны с моим планом?

— Я просто не верю своему счастью! Встретить таких замечательных людей, как ты и Герман!

— А ты не испугаешься? Не струсíš? Не пожалеешь?

— Не испугаюсь, не струшу и уж тем более не пожалею!

— Ждите меня, товарищи детективы!

Но эта милая Людмила была чуточку излишне самоуверенной, надеясь уговорить тетечку быстро, без особых осложнений. Та долго ничего не могла понять и все переспрашивала, переспрашивала...

— Тетечка! Миленькая моя! Дорогая! — Эта милая Людмила начала нервничать. — Я вам потом все, все, все, все объясню! А сейчас я ужасно спешу! Врач-одноглазик требует с Игнатия Савельевича четырнадцать рублей тридцать копеек за шляпу, которую истоптал Герман!

— Так надо заплатить, — недоуменно произнесла тетя Ариадна Аркадьевна. — А куда ты, милая племянница, так ужасно спешишь?

— У меня нет времени даже объяснить! Тетечка, милая! Идите, пожалуйста, к Игнатию Савельевичу и... и посоветуйте ему отдать деньги! Или... вспомните, тетечка, что

бедный дед даже говорить не может! Помогите ему разобраться в создавшейся обстановке!

— А ты считаешь возможным вмешиваться в чужие дела?

— А вы не вмешивайтесь, вы просто поинтересуйтесь. Я у-у-у-у-умоляю вас, тетечка, пойти к Игнатию Савельевичу и помочь ему хотя бы своим присутствием! А я убегаю! Вернусь через час! Вчера вас спасал Игнатий Савельевич, сейчас вы должны помочь ему!

Как раз к этому времени дед Игнатий Савельевич изнемог от речей и угроз отца и врача П. И. Ратова и, сделав ему знак помолчать, просипел:

— Через... неделю... пенсия... отдам...

— Через неделю?! — раздалось в ответ. — Я что, обязан за СВОИМИ деньгами приезжать по десять раз?! Ты знаешь, сколько стоит сейчас бензин?! Если нет денег, займи! Я не отстану от тебя, старикан, пока не получу СВОИ деньги!

Тут подошла тетя Ариадна Аркадьевна, постояла, послушала, а затем ледяным тоном спросила:

— На каком основании, гражданин, вы называете уважаемого пожилого человека на «ты» и еще... как это?.. стариканом?

— А ты... а вы кто такие? — чуть растерялся отец и врач П. И. Ратов. — Я с тобой... с вами я, бабушка, не собираюсь разговаривать... А где Голочка? Где моя Голочка? Дед, занимай деньги, пока не поздно! А то — со мной в милицию! — Он бросился к машине, заглянул в нее, закричал, оглядываясь по сторонам: — Голочка! Голочка! Тебя просили не уходить далеко? Гол-го-фа! Гол-го-фа! — Он вернулся к скамейке. — Бабуся, иди... те своей дорогой. Дед, ты мне достанешь сейчас денег или нет?

Дед Игнатий Савельевич отрицательно и решительно помотал головой.

— Ах, понятно, понятно! Вы тот самый грубый эскулап, — с презрением сказала тетя Ариадна Аркадьевна, — который обидел больного мальчика.

— Не мальчика, а оголтелого хулигана! Он привел в полную негодность мою почти не ношенную шляпу стоимостью четырнадцать рублей тридцать копеек! Такие деньги, к вашему пенсионерскому сведению, на дороге не валяются! Вот я и требую...

— Сначала вы обидели ребенка, и только уже потом он коснулся вашего головного убора.

— К... к... коснулся?! Он изуродовал его! То есть ее, шляпу! И я сегодня, слышишь, дед, сегодня **ВЫКОЛОЧУ СВОИ ДЕНЬГИ!** Голгофа-а-а!

— Простите, вы второй раз произносите «голгофа». Что вы имеете в виду?

— Не что, а кого. Я имею в виду свою дочь Голгофу. Вот она куда-то исчезла. А здесь кругом одно хулиганье всех возрастов и полов. Голгофа-а-а!

— Какое ужасное имя! — всплеснув руками, воскликнула тетя Ариадна Аркадьевна. — Ведь Голгофа — место, где, по церковным преданиям, совершались казни! Кто только мог дать бедной девочке такое страшное имя?!?!?

— Моя жена. Она думала, что это цветок.

— И ребенок вынужден жить под таким жутким именем! — Тетю Ариадну Аркадьевну всю передернуло. — Неграмотность родителей дорого обходится в первую очередь детям.

Словом, получалось именно так, как задумала эта милая Людмила: сама того не подозревая, тетя Ариадна Аркадьевна тянула время.

А наши беглецы уже катили в автобусе. Всем троим было весело и немного страшновато, но зато ух как детективно!

Они устроились на заднем сиденье и молчали, восторженно и таинственно переглядываясь.

— Не боишься? — спросила эта милая Людмила.

— Чуть-чуть, — ответила Голгофа, — временами — очень боюсь, но зато как приятно! Ведь как все здорово получается! Жуть! Вообразите, я первый раз еду в автобусе без папы, мамы и бабушки!

— Но почему?!

— Меня берегут, потому что считают болезненной и беззащитной.

— От кого берегут? От чего берегут?

— От всего и от всех. Приехали!

Когда вышли из автобуса, эта милая Людмила посоветовала:

— В записке сообщи, что тебя позвала в гости на несколько дней подруга.

— Но у меня нет подруг!

— А я?

Голгофа исчезла в подъезде, а Герка спросил:

— Смешная она?

— Милая, но довольно нелепая, зато очень искренняя. Ей не позавидуешь. Голгофа! Цветок! — рассмеялась, впрочем, не очень уж весело эта милая Людмила. — По-моему, мы делаем для нее доброе дело, хотя нам и порядком достанется. Интересно, как будет развиваться наша детективная история? Нам-то с тобой — еще ничего, тетечка и дедушка у нас добрые. А вот какие действия предпримут ее родители... Замечательно, когда дети начинают понимать, что их неправильно воспитывают!

Из подъезда выбежала Голгофа, переодевшаяся в синий тренировочный костюм, с большой сумкой в руках.

Троица молча и быстро направилась к автобусной остановке, молча и томительно дождалась посадки, молчала всю дорогу. Вышли они за остановку до поселка и бегом промчались до опушки леса.

Здесь эта милая Людмила приказала:

— Носов из кустов не высовывайте, пока я не вернусь. Даже если меня долго не будет, не обнаруживайте себя ни при каких обстоятельствах! Учтите, что нас может выдать любой случайный прохожий!

Когда она прибежала в поселок и выглянула из-за угла, к ее огромному удивлению, «Жигулей» цыплячьего цвета на месте не было и скамейка возле дома пустовала. Эта милая Людмила немного растерялась, но сразу же бросилась к тетечкиному домику, увидела ее во дворе, проскочила через калиточку и спросила:

— А где одноглазый вымогатель?

— О, целая, прелюбопытнейшая история! — Тетя Аркадна Аркадьевна загадочно и удовлетворенно улыбнулась. — Представляешь, куда-то совершенно бесследно исчезла его дочь под жутким именем Голгофа. — Ее всю передернуло. — Вышла из машины и — словно испарилась. Он тут бегал, бегал, кричал, кричал, даже немного попрыгал, погрозил в пространство кулаками и укатил домой.

— За дочерью? Искать ее?

— В том-то и дело, что нет! Как только обнаружилась реальная возможность получить четырнадцать рублей тридцать копеек, грубый эскулап сел в машину и укатил. Скоро он вернется обратно, получит деньги и тогда, видимо, и примется искать свою дочь.

— Ничего не понимаю. Куда и зачем он уехал?

— За шляп-пой! — Тетя Ариадна Аркадьевна долго смеялась. — Игнатий Савельевич решил наказать алчность! — Она опять долго смеялась. — Он обещал заплатить деньги за шляпу лишь в том случае, если ему ее пре-дос-та-вят! Дескать, я должен лично убедиться, что головной убор действительно приведен в негодность!.. — Тетя Ариадна Аркадьевна стала серьезной, даже чуть печальной. — Кстати, эскулап-грубиян вызвал во мне не только презрение, но и омер-зение. Знаешь, у него руки трясутся, когда он разгла-гольствует о рублях и даже копейках!

Услышав шум подъехавшей машины, эта милая Людмила сказала:

— Взгляну, как он отправится обратно.

Когда она вышла на улицу, то с удивлением и радостью узнала знакомый голос, весело и громко распевавший:

— Главное, ребята, сердцем не стареть! Сердцем не стареть — главное, ребята!

— Поздравляю вас, дедушка, с возвращением голоса! — крикнула эта милая Людмила, с интересом разглядывая выходящего из машины отца и врача П. И. Ратова.

Он потребовал:

— Деньги, дед!

А в ответ услышал:

— Шляпу!

— Сначала — деньги!

— Шляпу — сначала!

— Заговорил, притворщик! — зло отметил отец и врач П. И. Ратов. — Немедленно — деньги!

— Шляпу — немедленно!

— Для чего она тебе?

— Нам, а не тебе! — грозно поправил дед Игнатий Савельевич. — Хватит тыкать!

— Для чего она те... вам? — сквозь зубы процедил отец и врач П. И. Ратов. — Ведь она не годится для употребления после того, как ее изуродовал тво... ваш внук!

— Во-первых, шляпа нужна нам как доказательство, — наставительным тоном ответил дед Игнатий Савельевич. — Я должен удостовериться, что она пришла в негодность. А то вдруг вы и деньги получите, и в шляпе щеголять будете, нанося людям обиды и оскорбления? Во-вторых, шляпа необходима нам для огородного пугала.

Отец и врач П. И. Ратов побагровел быстро и густо, сжал кулаки и в отчаянии зло пожаловался:

— Выбросили шляпу, дед!.. Вы... понимаешь, кто-то из уборщиц несознательных выбросил! — Но тут же его охватила ярость. — Я все равно **ВЫКОЛОЧУ** из те... вас **МОИ** деньги!.. И Голгофа куда-то пропала... — Голос его снова стал жалобным. — Наверняка купается... Мне надо собрать все, все оставшиеся силы и навести здесь порядок!

— А я видела вашу дочь, — с невинным видом сказала эта милая Людмила. — Такая высокая, с голубыми волосами, да?

— Да, да, да! Где, где, где ты ее видела?

— Примерно час назад мы садились с ней в рейсовый автобус до райцентра.

— Не может быть! Ей запрещено одной ездить в автобусе!

— А она ехала и выглядела очень веселой.

— Я абсолютно ничего не соображаю... отказываюсь, абсолютно отказываюсь соображать... вернее, я пытаюсь соображать, а голова отказывается... — обескураженно признался отец и врач П. И. Ратов. — Какой-то идиотский день!.. Сначала меня путал старикан, который притворялся немым и которому огородное пугало дороже меня, человека и специалиста с высшим все-таки образованием... Потом вошла в мои дела нравоучительная бабуся, которая считает, что им, пенсионерам, я должен оказывать, видите ли, вы-канье, а не ты-канье... Да ей еще и имя моей дочери не нравится!.. А моя дочь?! Послушнее ребенка я не встречал, и вдруг... Голочке строго-настрого запрещено ездить в автобусах! Там любую заразу подхватить можно!.. Шляпу кто-то выбросил... Дед, может, все-таки закончим конфликт?

— При наличии шляпы. Четырнадцать рублей тридцать копеек, как вы сами сформулировали, на дороге не валяются. Мне пугало крайне необходимо. Птицы в огороде совсем распоясались — от воробья до сороки. Пиджак и штаны есть, а шляпы нету. Какое же пугало без шляпы?

Нет, нет, нет и нет, не мог отец и врач П. И. Ратов просто так расстаться, вернее, он вообще ни при каких обстоятельствах не мог расстаться со сжигающей его страстью вернуть **СВОИ** деньги. Он обессиленно опустил-ся на скамейку, в изнеможении вытянул ноги, нервно по-свистел мелодию «Главное, ребята, сердцем не стареть», вдруг резко вскочил, заговорил, грозно потрясая кулаками:

— Если бы я не беспокоился о судьбе дочери, я бы не уехал отсюда, пока ты... пока вы не отдал бы мне МОИ деньги! Я бы ВЫКОЛОТИЛ их из те... вас! Но дочь, дочь, Голочка, Голгофа! Она-то что вытворила! Сейчас съезжу, узнаю о ее судьбе и — снова сюда! Я буду здесь действовать до тех пор...

— Ко-о-ончай конфликт! — вдруг крикнул, как скомандовал, дед Игнатий Савельевич. — Надоело торговаться из-за ба-рах-ла! Чтобы только больше жадюжности вашей не видеть, берите мои деньги! И — айда отсюда! На все четыре стороны на всех четырех колесах!

Несколько удивленно и предельно удовлетворенно улыбнувшись, отец и врач П. И. Ратов осторожно, с неопишуемым уважением, трясущимися руками пересчитал деньги, вежливо проговорил:

— Простите, дедушка, но не хватает десяти копеек. Мелочь, конечно, ерунда, с точки зрения некоторых, но ведь рубль состоит из копеек...

Дед Игнатий Савельевич, возмущенно кряхтя, крякая и кашляя, порылся по карманам, протянул монету.

— Благодарю те... вас! — Отец и врач П. И. Ратов даже поклонился и довольно низко, тоже протянул монету. — Прошу те... вас, вот сдача. Пятачок, но зато полный и точный расчет. Наконец-то!

Он буквально вскочил в кабину «Жигулей» цыплячьего цвета и укатил...

Только лишь сейчас эта милая Людмила вздохнула громко и облегченно и устало сказала:

— Герман скоро придет. Вы очень расстроены?

— Есть немного. Как-никак деньги. Больше противно, конечно, чем жалко. Пойду переживать и морковь полоть. От нервов помогает.

Эта милая Людмила бегом вернулась к ребятам, издала крикнула:

— Полный порядок, товарищи детективы! Сюжет нашей истории развивается стремительно и неожиданно! — Подбежав, она сообщила уже заговорщическим тоном: — Папе твоему я сказала, как ты садилась в рейсовый автобус. Деньги он ВЫКОЛОТИЛ. Значит, сюда сегодня, может быть, и не явится. Голгофа, ты пока на свободе. Ура, товарищи!

Они втроем в полный голос прокричали трехкратное «ура!», и Голгофа восторженно воскликнула:

— Купаться! Свобода — это значит купаться!

— Купаться, пока хватит сил! — добавила эта милая Людмила. — А дальше? Есть два варианта. Скрыть Голгофу от деда и тетечки или все открыть им сразу и честно. Как, по-вашему, они будут реагировать?

— За деда я ручаюсь, — уверенно ответил Герка, хотя в точности и не знал смысла последнего слова. — Он свой человек. Меня всегда слушается.

Эта милая Людмила вскинула удивленно на него большие черные глаза, удержалась от какого-то замечания и огорченно призналась:

— А я вот не могу ручаться за тетечку. Понятия не имею, как она отнесется к нашему детективу.

— Пусть Голгофа живет у нас на сеновале, — предложил Герка. — И пусть твоя тетечка ничего не знает.

— Мне бы хотелось, чтобы она была с нами, но... Предположим, мы прячем Голгофу на сеновале. Но ведь папа все равно будет искать ее.

— Еще как! Если меня одну не отпускали гулять в городе, то что будет дома, когда узнают, что я уехала куда-то к какой-то подружке! Папа первым делом обратится в милицию.

— Тем интереснее! — неожиданно обрадовалась эта милая Людмила. — Товарищи, предлагаю план! Мы не будем гадать, какотреагируют дед и тетечка на нашу замечательную затею! Мы прямо и честно заявим им обо всем! Пусть они размышляют, как быть дальше! Они взрослые, они обязаны нам помогать!

— Вот сейчас я испугалась по-настоящему, — прошептала Голгофа. — Скоро пройдет. Поживу на свободе, пока меня не поймают. Купаться мы сегодня будем или нет?

— Сегодня мы будем все! — торжественно и весело пообещала эта милая Людмила. — Товарищи детективы, за мной!

— Подожди, подожди, — остановил Герка. — Предлагаю сейчас же ввести в курс дела деда. Так нам удобнее будет жить на свободе.

Геркино предложение было принято.

Не переставая полоть морковь, вернее, делая вид, что он продолжает полоть морковь, дед Игнатий Савельевич терпеливо и даже покорно выслушал многословный, сбивчивый и торопливый рассказ ребят. Потом он сел на травку, медленно достал кисет, еще медленнее и очень долго искал по карманам аккуратно сложенную квадратиками бумагу, не спеша оторвал листочек, старательно согнул

его, осторожно развязал кисет, насыпал в бумажку табак, свернул сигарку, завязал кисет, по всем карманам медленно и долго искал спички, закурил и лишь тогда ответил измученным ожиданием ребятам:

— Допустим, Голгофа не выдержала ненормальной домашней обстановки и покинула дом. То есть сбежала. Допустим, прекрасно получилось. Для нее. И вы довольны. Но ведь все равно поймают. От милиции не скроешься.

— А пока не поймают, я хоть немножечко, хоть крохотулечку поживу по-человечески, — печально сказала Голгофа, на которую сейчас было жалко смотреть, до того она несчастно выглядела.

Дед Игнатий Савельевич строго спросил:

— Твое окончательное мнение, Людмилушка?

— Мы отчетливо сознаем, что поступаем, с точки зрения взрослых, неверно. Но мы поступаем так не ради шалости или озорства, а принципиально, — твердо ответила эта милая Людмила. — Мы помогаем человеку, у которого нет иного выхода. И больше ему никто не поможет. Ведь Голгофа живет, вернее, существует сверхненормально. Она попросту со временем зачахнет. А ведь она может стать выдающейся спортсменкой, способной умножить славу советского спорта! Я уверена в этом... Пусть она побеждает с нами, покупается, подзакалится, позанимается домашним хозяйством, поживет жизнью будущей женщины. Ты умеешь готовить?

— В каком смысле?

— Супы варить, картошку жарить, котлеты...

— Ой, что вы?! Зачем это девочке?! — казалось, в неподдельном ужасе воскликнула Голгофа, но тут же стало ясно, что она кого-то передразнивает. — Ведь я могу порезать руки, вполне вероятно, что произойдет заражение крови. Кроме того, я родилась не для того, чтобы проводить жизнь у газовой плиты в кухонном смраде. Мамочка и бабушка не допустят, не позволят, они себе представить не могут...

— Понятное дело! — властным и мрачным голосом обрывал дед Игнатий Савельевич. — Одно из основных зол и бед нашего века — избалованность детей, достигшая почти наивысшей точки. Идите, ребята, живите!

— Товарищи, пошли жить! — радостно позвала эта милая Людмила. — Сначала искупаемся сколько хватит сил, а потом будем уговаривать тетечку! Не надо печалиться, вся жизнь впереди!

— Главное, ребята, сердцем не стареть! — вдогонку по-советовал дед Игнатий Савельевич.

Купаться ребята отправились на пруд, километра за полтора от поселка, но шли они, счастливые и взбудораженные, туда так долго, словно до пруда было не меньше одиннадцати километров да еще в гору! Радость прямо-таки распирала их сердца, и, чтобы хоть как-то дать ей выход, они кричали, хохотали, визжали, толкались, хрюкали, лаiali, мяукали, кукарекали и даже ржали!

За ними увязался злостный хулиган Пантелеймон Зыкин по прозвищу Пантя, надеясь выколотить из Герки два рубля, которые тот ему вчера вроде бы и обещал. Пантя немного робел от присутствия маленькой девочки, которая вчера отлупила его удилищами, но рассчитывал, что поймает Герку одного, схватит его за нос и ухо... Увидев, что троица не расстается и ведет себя слишком уж буйно и дружно, злостный хулиган счел за разумное просто издали подглядывать за ней — все равно делать-то ему, как всегда, было нечего...

А тут Герка предложил состязание: кто быстрее преодолеет сто метров на четвереньках. Сначала вперед вырвалась Голгофа, но быстро устала, ее обогнал Герка, но на финише первой оказалась все-таки эта милая Людмила!

Тогда Герка предложил другое соревнование: кто дольше простоят на голове. Пять раз рухнула Голгофа и выбыла из соревнований. А когда упал Герка, эта милая Людмила еще несколько минут стояла на голове, да еще в воздухе ногами болтала, да еще звонко и громко смеялась!

И Герка, раздосадованный неудачами, выдумал новый вид спорта: бежать задом наперед, уже заранее считая себя победителем. Но увы! Он не смог догнать даже этой милой Людмилы, которая на много метров отстала от Голгофы.

— Спасибо, спасибо, дорогие мои! — совершенно растроганно сказала она. — Первый раз в жизни я живу! Я чее-е-лове-е-е-ек! — закричала она в небо.

— Мы все люди-и-и-и-и! — заорал Герка.

— Мы на свободе-е-е-е-е! — подхватила эта милая Людмила, и они втроем завопили:

— Ура-а-а-а-а!

И все время за ними, конечно, не замечаемый ими, неотступно следовал злостный хулиган Пантелеймон Зыкин по прозвищу Пантя. Он до того увлекся подглядыванием, что самозабвенно повторял все проделки нашей троицы:

пытался обогнать себя в беге на четвереньках, стоял на своей непропорционально маленькой голове, бежал задом наперед и даже тихонько пропищал: «Уря-я-я-а!»

Кажется, впервые в жизни Пантя был самозабвенно увлечен, впервые не изнывал от безделья и одиночества, впервые забыл, что он злостный хулиган, забыл, что ему надо делать людям гадости, подлости и мерзости.

Оставим его и нашу троицу, уважаемые читатели, пусть она беспечно веселится, а мы с вами займемся наименее приятным делом: поинтересуемся, чего там предпринимает отец и врач П. И. Ратов, чтобы разыскать свою дочь.

В данный момент он находился в отделе внутренних дел горисполкома, то есть в милиции, и требовал объявить всесоюзный (по всей нашей стране, значит) розыск неизвестно куда и совершенно неожиданно исчезнувшей дочери. А она, по его словам, отличалась наиполнейшей неприспособленностью к жизни, на редкость слабым здоровьем и усиленной способностью подвергаться любым заболеваниям, особенно посредством инфекции.

И еще отец и врач П. И. Ратов требовал, чтобы вечером по телевидению показали портрет Голгофы, а самый лучший диктор чтобы объявил, что все, кто видел данного ребенка...

— Спокойнее, спокойнее, товарищ Ратов, — остановил его беседовавший с ним капитан милиции. — Ни о каком всесоюзном розыске не может быть и речи. Ваша дочь, как сказано в оставленной ею записке, уехала на неделю к подруге.

— У нее нет никаких подруг! Мы следили за этим! А вдруг какая-нибудь банда или шайка самых опасных преступников вынудила нашу несчастную Голочку под страхом смерти сочинить такую записку?!

— У вас большая фантазия, товарищ Ратов. Девочка все продумала. Взяла нужные для отдыха вещи. Оставила записку спокойного, делового содержания. Конечно, ее своеволие вам неприятно...

— Она — ребенок! — подняв руки вверх, почти патетически воскликнул отец и врач П. И. Ратов. — Записка подозрительна! Я повторяю, у Голочки нет ни одной подруги! Мы все делали для того, чтобы она не испытывала дурных влияний! Мы ей даже не все мультики разрешали смотреть! Достаточно было моего влияния, жены и бабушки! И вдруг невесть откуда взявшаяся так называемая подруга!

— И как обнаружилось, — веско заметил капитан милиции, — подруга все-таки есть. Вашего влияния оказалось мало. Видимо, вы не пользовались у дочери достаточным авторитетом, ей явно не доставало общения с людьми.

— Но почему нельзя показать ее портрет по телевидению и объявить населению...

— Потому что нет никаких оснований. Ваша дочь, повторяю, сознательно покинула вас. Она находится где-нибудь поблизости, может быть, в том поселке, где она вас и оставила. Рекомендую вам, вашей супруге и бабушке серьезно подумать над случившимся и сделать соответствующие выводы. Во всяком случае, не лишать дочь возможности иметь хотя бы подруг и смотреть все мультики.

— Благодарить мне вас не за что! — очень желчно проговорил отец и врач П. И. Ратов. — Я отправляюсь в областное управление внутренних дел.

— Бесполезно. Но — ваше право.

— Я свои права знаю все.

— Не забывайте и о ваших обязанностях.

В областном управлении разговор был примерно такой же, как вышеописанный, только здесь отец и врач П. И. Ратов всл себя, скажем прямо, настырнее, а принявший его майор отвечал ему совершенно спокойно:

— Нет никаких оснований предполагать, что ваша дочь потерялась. Просто из-за ненормальной обстановки в семье девочка решила на отчаянный и первый в жизни самостоятельный поступок. Видимо, у нее давно была потребность в этом.

— Потребность сбежать из родного дома?! Потребность бросить любимых родителей и не менее любимую бабушку?! — даже не возмутился, а просто-напросто взъярился отец и врач П. И. Ратов. — Извиняюсь, но это же... ерунда! Если бы Голочка была обыкновенным ребенком, я бы за нее не беспокоился так ужасно, как беспокоюсь сейчас. Но она шага одна сделать не в состоянии. К тому же она уникально болезненна. Мы оберегали ее, хранили, охраняли, следили за каждым ее движением, мы старались...

— Вы старались ее уникально избаловать, товарищ Ратов. Но вам не удалось полностью изолировать дочь от живой действительности. Девочка, судя по всему, рвалась к нормальной жизни, которой живут ее сверстники. И едва представилась возможность, дочь ваша и ушла в жизнь.

Спокойнее, спокойнее, — предложил майор милиции, когда отец и врач П. И. Ратов подпрыгнул на стуле. — Проблема избалованных детей давно уже стала непосредственно касаться и нас, работников милиции. Понимаете? И не вы должны предъявлять нам претензии, а мы должны спросить вас: для чего вы баловали вашу дочь?

Здесь, уважаемые читатели, я опускаю довольно длинный и достаточно запутанный спор о том, как невероятно баловал или предельно примерно воспитывал свою дочь Голгофу отец и врач П. И. Ратов. Я просто своими словами изложу речь майора милиции на тему: почему и для чего родители очень уж слишком усердно балуют детей.

Другими словами, я делаю попытку ответить на крайне важный, не менее крайне сложный и совсем крайне актуальный вопрос: **ДЛЯ ЧЕГО ЖЕ, В КОНЦЕ-ТО КОНЦОВ, БАЛУЮТ ДЕТЕЙ, В ЧАСТНОСТИ ДОЧЕРЕЙ?**

Сначала отметим самое главное: балование детей, особенно девочек, воспитание из них не настоящих людей, а таких говорящих кукол — дело не личное, не семейное, а общественное и даже политическое.

Всегда необходимо помнить, что избалованный ребенок, особенно девочка, повзрослев, редко приносит нашему государству хотя бы наиничтожнейшую, прямо-таки микроскопическую пользу, а вот вред от последствий их избалованности бывает явный, достаточно ощутимый даже в масштабах страны.

Основной вред, приносимый нашему государству избалованными детьми, особенно девочками, утверждает милиция, заключается в том, что со временем они воспитывают себе подобных, но еще более избалованных и еще более вредных для нашего государства.

И если этот неописуемо опасный процесс — избалованные воспитывают еще более избалованных — не остановить, то в будущем наше общество примерно на одну четвертую часть (а точнее, 24,6 процента) составят неполноценные люди, особенно женщины, то есть бывшие избалованные девочки.

Вот тогда-то бывшие избалованные дети, а ныне неполноценные взрослые, и будут хотя бы в незначительной степени потихонечку если и не подрывать экономическую мощь страны, то и нисколько не содействовать ее росту.

Итак, для чего же в конце-то концов балуют ребенка, в частности девочку?

Опять отмечаем самое главное: родители это делают, чаще всего сами того не подозревая, в своих сугубо личных интересах, не имеющих ничего общего с интересами государства.

Детей, в частности девочек, балуют для того, чтобы они всю жизнь полностью зависели от родителей и без их помощи ничегошеньки бы не умели делать. Ибо чем избалованней ребенок, особенно девочка, тем он беспомощней, тем больше на каждом шагу нуждается в родителях, особенно в мамочке. Без нее, мамочки, она, доченька, не полноценный, живущий настоящей жизнью человек, а такая говорящая кукла, которая одно только и умеет — звать мамочку на помощь. Известно даже несколько случаев, когда старушки в возрасте старше семидесяти лет по застаревшей привычке по многу раз в день звали: «Мама!»

Тогда что же такое получается? Вместо человека растет кукла, а мама рада?

Еще как бывает рада мама!

Ведь ей кажется, что если доченька без нее шагу ступить не может, то, значит, мамочке будто бы и цены нету. Интересы государства, которое нуждается в сильных, самостоятельных, трудолюбивых детях, конечно, не только не учитываются, а практически отрицаются.

К величайшей озабоченности, даже тревоге нашего общества, немало мамочек все силы отдают тому, чтобы их доченьки ничего не умели делать путного.

И ни трудового подвига такая говорящая кукла не совершит, ни спортивного рекорда от нее ждать не придется, дельного специалиста из нее не получится, никому она радости и пользы не принесет и, главное (так настаивает милиция), своего ребеночка воспитает таким же ничемным и беспомощным...

Таким образом, подвергающийся избалованию и нию ребенок — этакий продукт неправильного воспитания в семье — не сулит государству никаких реальных надежд стать в будущем настоящим гражданином.

В семье отца и врача П. И. Ратова дело обстояло примерно так, и что-либо менять в отношении бедной Голгофы никто там и не собирался.

Но жизнь рассудила по-своему.

Когда отец и врач П. И. Ратов, возмущенный до край-

него предела и даже озлобленный, однако отнюдь не раскаявшийся, выходил из здания милиции, наша счастливая и веселая троица бежала, с визгами, криками и воплями удирали от грозы. Вволю, то есть сверх всякой меры, накупавшись, ребята увидели, что небо со всех сторон обложено темно-сизыми тучами. Далеко-далеко прохрипел гулкий гром.

Троица бегом помчалась в поселок. Конечно, Герка споткнулся, упал, о него споткнулась Голгофа, и эта милая Людмила не сумела увернуться. Получилась куча мала! Сидели они на земле, потирали ушибленные места, корчили друг другу рожицы, дескать, ой как больно, и хохотали, хохотали, хохотали...

От невероятного восторга Голгофа встала на голову и — не рухнула! Простояла она до тех пор, пока в глазах не потемнело.

Герка от зависти хотел огромную лужу перепрыгнуть, но опустился прямо в нее — посередине! И хохотал вместе с девочками, которые за компанию тоже плюхнулись рядом!

Вдруг эта милая Людмила вспомнила:

— Товарищи дорогие детективы! Ведь время-то идет, а мы в луже сидим! Да и есть хочется! Вперед, к еде! Правильное питание — залог здоровья!

И конечно, не видели они, как злостный хулиган Пантелеймон Зыкин по прозвищу Пантя старательно и, я бы сказал, вдохновенно повторял все их проделки, даже в луже посидел и тоже хохотал...

Примерно километр наша троица бежала под проливным дождем, опять она хохотала, песни распевала, через лужи прыгала, в лужи падала, и, когда вернулась домой, оказалось, до того устала, что шевелиться могла только с большим трудом. Эта милая Людмила ушла к своей тетке, Голгофа и Герка переоделись и в изнеможении расселись на полу перед печуркой, предусмотрительно растопленной дедом Игнатием Савельевичем.

Он дал ребятам молока, хлеба, вареных яиц и картошки и спросил:

— В воде бултыхались, покуда синими не стали?

— Темно-синими! — радостно ответила Голгофа. — А ливень какой был замечательный! Я первый раз в жизни бегала босиком, да еще под дождем и без зонтика!

— Так-то оно так, — печально произнес дед Игнатий Савельевич. — А о доме ты вспоминаешь? Не боишься?

— Сейчас вот вспомнила, — уныло призналась Голгофа. — Я боюсь только одного: не поймали бы меня уж очень быстро. Ужасно хочется как можно дольше пожить на свободе! Вот как сегодня!

— Если дед захочет, — небрежно, но довольно хвастливо сказал Герка, — никто тебя ни за что не найдет.

Дед Игнатий Савельевич весьма долго молчал, сосредоточенно разглядывая огонь в печурке, и проговорил мечтательно:

— В поход, ребята, надо, только в поход!

— В какой, дед, поход? — почему-то сразу насторожился Герка. — Чего это ты еще придумал?

— Не я придумал, а Людмилушка. Сегодня мне она о походе долго толковала. Понимаете, ребята, пойти бы нам в многодневный поход, а? На Дикое озеро! Места там прекрасные. Рыбалка гарантийная. Грибы, ягоды — чего еще надо? И, главное, избушка там есть пустая. Для рыбаков. — Он помолчал загадочно, добавил значительнейшим тоном: — И, конечное дело, полная конспирация.

— А это еще что такое? — недовольно спросил Герка.

— Это значит — здорово спрятаться, — восторженно прошептала Голгофа. — Неужели все это может быть?!

— Все зависит только от вас, — почему-то не очень весело ответил дед Игнатий Савельевич. — Нужны следующие качества: сила воли, смелость, смекалка, терпение, способность переносить любые трудности. Но главное — дисциплина. И еще более главное: дух коллективизма. Если согласны, я приступаю к сборам. Людмилушка согласна. Надо бы ее известить, внучек, какое решение мы примем.

— Твою Людмилушку тетечка не отпустит, не беспокойся. — В голосе Герки явно сквозили растерянность и раздражение. — Она ведь только на словах больно самостоятельная. А на деле ей тетечка пикнуть не даст.

— А мне Людмилочка очень понравилась, — тихо, но твердо возразила Голгофа. — По-моему, она на самом деле самостоятельная. Очень решительная и очень веселая. Ты же сам говорил, Герман, что она и сообразительная и что с ней всегда посоветоваться можно.

— Выдающийся человек, — авторитетно заключил дед Игнатий Савельевич, — но с тетечкой ей договориться будет, конечное дело, трудно. Да и не одна тетечка помешать походу может, — многозначительно добавил он, как бы ненароком и мельком взглянув на внука.

— Вряд ли что из вашего похода получится, — сердито сказал Герка. — Предположим, даже тетечка в поход отправится... — Он слишком громко хмыкнул. — Поход, поход, а кот?

— Какой еще кот? — удивилась Голгофа.

— По имени Кошмар, по характеру — тоже, — хмуро ответил дед Игнатий Савельевич. — Отвратительный тип. Невыносимая личность. У меня в огороде все время пакостит. А уважаемая соседushка его обожает и, пожалуй, ни за что не оставит одного.

— И Людмилушку твою ни за что не отпустит! — торжественно заявил Герка.

Тут неожиданно явилась тетя Ариадна Аркадьевна с племянницей — первый визит уважаемой соседushки к уважаемому соседу года за два. Гости были словно чем-то смущены или чувствовали себя виноватыми, и разговор поначалу никак не клеился.

— Может, чаек организуем? — растерянно спросил дед Игнатий Савельевич, но тетя Ариадна Аркадьевна довольно холодно отказалась:

— Благодарим вас, мы только что из-за стола. А пришла я вот по какому поводу. Не кажется ли вам, уважаемый сосед, что наши малолетние родственники ведут себя достаточно неразумно? Побег Голгофы, организованный ими, далеко не пустяковый проступок. А тут еще Людмилочка задумала какой-то... поход!

— Обыкновенный многодневный поход, — обиженно сказала эта милая Людмила. — Великолепное средство для проверки и закалки физических и моральных качеств.

— Девочка Голгофа должна завтра же вернуться домой, — очень запелляционным тоном произнесла тетя Ариадна Аркадьевна. — Мы, взрослые, не имеем права потакать детским сумасбродствам.

Дома Голгофа всего добивалась только страшным ревом с обильнейшим выделением слез. И вот сейчас она по привычке, забыв, где находится, ка-а-а-а-ак зареве-е-е-ет, и тут же у нее из обоих глаз хлынули слезы в большом количестве.

Все, грубо говоря, обалдели от неожиданности, а Герка с презрением воскликнул:

— А еще в поход собралась... деточка!

Рот у Голгофы оставался широко раскрытым, но некоторое время никаких звуков из него не выходило, хотя слезы продолжали литься из обоих глаз, и по-прежнему в

большом количестве. Затем потихоньку-полегоньку из рта все громче и громче зазвучал тонкий-тонкий-претонкий пи-и-и-иск. И когда пи-и-и-иск достиг такой высокой ноты, что, казалось, вот-вот оборвется, Голгофа зарыдала почти Б-А-А-СОМ и слез стала выделять еще больше...

Тут даже и Герка промолчал. Все жалели девочку и терпеливо ждали, пока она затихнет.

А тетя Ариадна Аркадьевна подумала, что именно она одна виновата в обильном выделении слез из глаз Голгофы, и сказала примирительным тоном:

— У нас есть время во всем досконально разобраться и принять справедливое, разумное решение.

Голгофа проговорила тихо и виновато:

— Простите меня... Я знаю, что доставила вам массу неудобств... Но позвольте мне, пожалуйста, первый раз в жизни самой ответить за свое поведение. Возьмите меня, пожалуйста, в многодневный поход!

— Но ты только представь, ЧТО у тебя сейчас происходит дома, — мягко, вроде как бы попросила тетя Ариадна Аркадьевна. — Подумай о своих родителях.

— Я стараюсь о них не думать, — печально призналась Голгофа. — Я знаю, что поступаю дурно. Но у меня нет иного выхода. Я все равно туда не вернусь, пока меня туда не доставят. Но вы только поверьте, что я все делаю для пользы самих же мамы, папы и бабушки. Они считают меня болезненной, хилой, внушают мне, что я ни на что не способна. Представляете себе, товарищи, мы три недели жили на берегу моря, и мне ни разу, понимаете, ни разу не разрешили выкупаться! Все дети, кроме меня, целыми днями не вылезали из моря, наслаждались, а я — нет!.. Каждое утро у меня начинается с градусника! Все как будто только и ждут, что у меня будет высокая температура!.. Мне не разрешают купаться, ходить на лыжах! Меня не отпускают ни в пионерский, ни, тем более, в спортивный лагерь! Меня не подпускают к газовой плите! Мне запрещают мыть посуду и стирать хотя бы рукавички!.. Сколько можно ТАК жить?

Все удрученно молчали и ничегошеньки не понимали.

Сознавая, что сейчас судьба Голгофы в значительной степени зависит от нее, тетя Ариадна Аркадьевна проговорила нерешительно:

— В трудное, почти безвыходное положение ты ставишь нас, девочка. Я всем сердцем сочувствую тебе, но... не знаю... не знаю... не знаю...

— А я вот знаю! — вдруг запальчиво, но тихо выкрикнул дед Игнатий Савельевич. — То есть наоборот, я ничего не знаю и знать не желаю!.. Голгофа, с моей точки зрения, человек умный, а то, что она пока еще дите, она в этом, конечное дело, не виновата. Пусть сама с родителями ведет переговоры. Пусть они ее в угол ставят или по одному секретному месту шлепают — это их дело. Я с такими дел иметь не желаю. Пусть Голгофа сама свою судьбу сформулирует. Мы с внуком отправляемся в многодневный поход. Кто хочет, может присоединиться. Никому отказа не будет.

Опять все удрученно молчали. Опять все жалели Голгофу и ничегошеньки не понимали.

И никто не мог подумать о том, что отец и врач П. И. Ратов уже знал, где примерно скрывается его дочь. Двое любопытных и наблюдательных, можно сказать, бдительных людей — пенсионеров из соседнего подъезда со своего балкона углядели Голгофу с мальчиком и девочкой, по их детальному описанию очень похожими на тех, которые жили в поселке. А мальчик так уж точно был Геркой Архиповым.

Разыскал отец и врач П. И. Ратов и автобус, на котором наша детективная тройца возвращалась обратно.

— Длинная, длинная, тощая, тощая, — несколько раз подтвердила кондукторша, — и волосы голубые, я еще здорово подивилась.

Непонятым оставалось лишь то, почему тройца сошла на остановку раньше. Но, как бы там ни было, отец и врач П. И. Ратов знал, где примерно искать беглянку, и собирался ранним утром нагрянуть на своих «Жигулях» цыплячьего цвета в поселок. Он нисколько не сомневался в успешном завершении поисков дочери, оставалось только придумать для нее соответствующее наказание.

И хотя Голгофа не догадывалась обо всем этом, она была убеждена, что искать — изобретательно, терпеливо и настойчиво — ее будут. Но сейчас она восторженно винила словам деда Игнатия Савельевича, который рассуждал так:

— Наш многодневный поход — не легкая прогулочка для праздных людей, а, как справедливо заметила Людмилашка, серьезное испытание наших физических и моральных качеств. Берем с собой только самое необходимое, все остальное будем брать у природы.

— Я бы обязательно рекомендовала взять хотя бы

круп, вермишели или рожков, — обеспокоенно предложила тетя Ариадна Аркадьевна, но тут же смущенно и испуганно поправилась: — Впрочем, я чисто теоретически...

— Никаких круп, вермишелей и рожков! — отрезал дед Игнатий Савельевич. — С ними любой избалованный ту-неядец в лесу проживет! А мы идем закаляться и бороться со всеми трудностями!

— Как прекрасно... — в упоении прошептала Голгофа.

— И консервов не возьмем?! — очень возмущенно вырвалось у Герки.

— И консервов, конечно, не возьмем, — ответила эта милая Людмила, неожиданно улыбнулась и воскликнула: — Товарищи! Человек создан для счастья, как птица для полета! Наше счастье в наших руках! Да здравствует многодневный поход! Ура, товарищи!

Она и Голгофа крикнули громко и торжественно, дед Игнатий Савельевич — негромко, но серьезно. Герка промолчал.

Тетя Ариадна Аркадьевна не только промолчала, но даже на некоторое время отвернулась в сторону, затем медленно поднялась и ледяным тоном проговорила:

— Первая обязанность ребенка — слушаться родителей и старших родственников.

Девятая глава

«ВАЛЯЙ, СЫНОК, ВАЛЯЙ! ДАВАЙ, СЫНОК, ДАВАЙ!»

Приступая к написанию этой главы, автор считает абсолютно обязательным сделать, уважаемые читатели, следующее крайне принципиальное заявление.

Есть еще и, видимо, долго еще будет среди вас немало таких людей, которые наивно, но предельно твердо полагают, что, мол, писатели повествуют только о том, о чем им очень хочется рассказать и о чем рассказывать им необыкновенно приятно.

Автор же вынужден категорически и со всей гражданской ответственностью опровергнуть эту досужую и небезвредную выдумку.

Писатель обязан поведать читателям лишь о том, о чем он не может промолчать, а уж приятно это для него

или противно, радостно или отвратительно, — его не касается. Он выполняет свой долг перед обществом, сообщая ему правду о жизни.

Главное, повторяю, писатель обязан поведать только о том, о чем у него нет сил молчать.

Вот я, к примеру, долго-долго, очень-очень долго не хотел, даже, честно говоря, **БОЯЛСЯ** писать о злостном хулигане Пантелеймоне Зыкине по прозвищу Пантя, тем более о семье, в которой он вырос и которая содействовала превращению карапузика Пантелейки в Пантю.

К вашему сведению, уважаемые читатели, у писателя, как у солдата, должна быть смелость. Писатель, как солдат, должен обладать и мужеством, и стойкостью, и выносливостью, не говоря уже об умении переносить любые трудности.

Однако ни смелости, ни мужества, ни стойкости, ни выносливости, не говоря уже об умении переносить любые трудности, писателю не понадобится, если он будет рассказывать только о приятном.

Увы и увы, двести с лишним раз увы, жизнь-то состоит не из одних лишь приятностей! И чем дальше и чем дольше вы будете жить, уважаемые читатели, тем сильнее будете убеждаться, что жизнь прекрасна не оттого, что в ней на каждом шагу вас будто бы ожидают пирожки и пирожные, а оттого, что она, жизнь, всем предоставляет возможность победить все трудности, невзгоды и несчастья.

И если я скрою от вас, так сказать, наличие в жизни немалого количества разного рода **блякостей**, вы об этом со временем и без меня узнаете. Зато я тогда перед вами окажусь если и не лгуном, то трусливым молчальником. Ведь знал я о зле, а промолчал, не предупредил вас о нем, не подготовил к встрече с ним.

К очень прискорбному сожалению, мы, взрослые, в том числе и писатели, никак не можем прийти к единому мнению в спорах о том, о чем безоговорочно **МОЖНО** или категорически **НЕЛЬЗЯ** рассказывать детям.

Считается, например, что если в детской книге описать неблагоприятные деяния хулигана, то дети только из-за этого и начнут безобразничать. Дескать, если о безобразиях не писать, то никому и в голову не придет хулиганить.

Я же абсолютно убежден, что об этих, прямо говоря, негодях приходится писать правду и лишь потому, что

они, хулиганы, живут на белом свете в свое удовольствие, а людям жить нормально не дают. И страдающие от них люди иногда даже и не знают, как с ними, пакостниками, справиться. Хулиган — паразит, но не клоп, не клещ, хотя и вреднее, ядохимикатами его не уничтожишь.

Еще сложнее и запутаннее вопрос о том, как в книгах для детей рассказывать о нас, взрослых. Вернее, ЧТО о нас, взрослых, МОЖНО рассказывать детям.

Кое-кто ратует за то, чтобы сообщать детям о взрослых лишь на редкость приятное, дескать, все взрослые столь замечательные люди, что вам, детишкам, ни о чем беспокоиться нет смысла: как повзрослеете, так и сами все без всяких там малейших усилий будто бы станете замечательными людьми.

Мол, эти приятные взрослые являются для подрастающего поколения хорошим, отличным, прямо-таки замечательным примером, так называемым образцом для подражания.

Спорить тут вроде бы не о чем и незачем: ведь все здесь, казалось бы, предельно правильно, логично, разумно и убедительно.

Но вот как мне тогда объяснить моим уважаемым читателям, почему карапузик Пантелейка стал злостным хулиганом Пантелеймоном Зыкиным по прозвищу Пантя, если не рассказать о семье, в которой он вырос?

Конечно же, проще простого, легче легкого, приятней приятного, спокойней спокойного было бы вообще не писать об этом, очень мягко выражаясь, скверном субъекте.

Но ведь напишу я о нем или нет, он существует и творит людям пакости и мерзости, подлости и гадости! И вы, уважаемые читатели, рано или поздно можете встретиться с ним или ему подобными!

И если я о нем напишу, а вы о нем прочтете, хулиган уже не будет для вас неожиданностью. Вы, столкнувшись с ним в жизни, не захлопаете от удивления глазами, не вытаращите их. Вы будете готовы к встрече со злом.

Мы привыкли считать — и это совершенно справедливо, — что книга — наш друг. А разве может друг врать? Разве может друг что-нибудь утаивать? Разве друг тот, кто говорит тебе лишь приятное?

И откуда же детям узнать, что на белом свете, кроме хороших, отличных, замечательных взрослых, встречаются и плохие, очень плохие и даже отвратительные взрослые?

Вы всегда должны помнить, что стать плохим челове-

ком легче, чем хорошим, еще легче стать очень плохим, и уж совсем не требуется усилий, чтобы вырасти отвратительным.

Поэтому я и считаю, уважаемые читатели, что ваши друзья-книги должны подготовить вас к встрече со всем прекрасным и ужасным, что бывает в жизни. Правда придаст вам сил, уверенности, мужества и выносливости в борьбе со злом.

Только такие книги смогут быть вашими подлинными друзьями. Повторяю, что друг — это тот, кто вам не врет, кто ничего от вас не скрывает.

И последнее. Чтобы наглядно, убедительно, запоминающе показать, какой ценой хорошие люди добиваются победы над злом, его, зло, надо тоже показать наглядно, убедительно и запоминающе. Тогда-то вам и захочется подражать хорошим людям.

Продолжаем наше повествование.

Хулиганами, а тем более злостными, как всем известно, не рождаются, ими становятся, и не сразу, а постепенно, иногда долго незаметно для окружающих.

Вот и карапузик Пантелейка лет до трех рос достаточно обыкновенным, относительно нормальным карапузиком, почти ничем не отличающимся от сверстников, кроме очень ярко выраженного стремления мучить кошек и особенно котят.

Кошки-то от этого, скажем прямо, некарапузиковского стремления не страдали; они и цапнуть могли маленького изверга, и убежать от него могли, а над беззащитными котятами он измывался изо всех силенок.

— Валяй, сынок, валяй! Давай, сынок, давай! — весело подбадривал его восхищенный папаша. — Живи так, чтобы все тебе боялся! Сначала котята тебе служатся, опосля — кошки, потом — собаки разные, и дело пойдет!

И — дело не только пошло, а, если так можно выразиться, побежало. Примерно годам к пяти Пантелейка просто не мог не безобразничать. Собственно, единственное, чем он умел заниматься, так это всякими хулиганствами. Например, Пантелейка был просто не в состоянии пройти мимо человека, не толкнув или не стукнув его. А уж если ни толкнуть, ни стукнуть было нельзя, так хоть страшную рожицу не мог не соорудить Пантелейка или, на худой конец, — язык показать. Да что — человек! Пантелейка даже мимо стула не мог спокойно пройти, не опрокинув его на пол.

— Во разбойник растет! — безмерно торжествовал папаша. — Не, не, такой в жизни не пропадет! Он ждать не будет, когда его брякнут, он сам — рrrраз! — и знай наших! Валяй, сынок, валяй! Давай, сынок, давай!

Ни братьев, ни сестер у Пантелейки не было, дружить с ним никто не хотел, посему он целыми днями изнывал, страдая от безделья и неумения чем-нибудь заняться.

Только два развлечения усвоил Пантелейка: всем пакостить и никого не слушаться.

Мама его, тишайший и наидобрейший человек, почти все время болела, но ни разу не попросила любимого сыночка хотя бы стакан воды поднести. Он, любимый сыночек, все равно бы не принес!

— И в кого ты такой уродился? — горестно сокрушалась мама.

— В мене орел растет, в мене! — безмерно восторгался папаша. — Еще дале мене пойдет! У-у-у-ух, какой разбойник растет!

— Да что же в этом хорошего? — недоумевала мама.

— В обиду себе не даст! — радостно объяснял папаша. — Сам заbijать умеет. На тихих воду возят, тихие землю копают, а наш орел над собой командовать не даст! Молодец, сынок! Валяй, сынок, валяй! Давай, сынок, давай!

Никто, кроме папаша, Пантелейку не хвалил: не за что было его похвалить хотя бы немножечко. Все Пантелейку бранили, все жаловались на Пантелейку, но никто ничего не мог с ним поделать. Никого он не слушался, будто и не слышал никого, будто у него и ушей-то не было.

Одна мама жалела непутевого сыночка, знала уже, предчувствовала, что вырастет он плохим человеком, никому не принесет радости. Даже когда мама пыталась приласкать Пантелейку, он вырывался и убегал делать пакости.

Рос он не по годам крупным, сильным, вот только голова у него росла медленно, непропорционально.

Не берусь, уважаемые читатели, сделать хотя бы самую робкую, самую незначительную попытку описать, как учился, вернее, НЕ учился Пантелей.

Сразу отмечу, что если он ни с кем не дружил, точнее, никто с ним не дружил, то и разговаривать ему было не с кем. И придя первый раз в первый класс, он даже имени своего не мог нормально выговорить.

— Как тебя зовут, мальчик? — глядя на него чуть ли

не с ужасом, спросила учительница, которая ростом оказалась чуть-чуть выше его.

Он с очень большим трудом выговорил:

— П... п... ппа... нтя... лей... — и, устав от непосильного напряжения, безнадежно махнул длинной ручищей и сел, опустив непропорционально маленькую голову.

Так его и прозвали: Пантя.

Всего за четыре дня учительница совершенно с ним измучилась, ибо он ее абсолютно не слушался, на уроках ничегошеньки не делал, домашние задания не выполнял, а только хулиганил.

А Пантя, как это ни покажется на первый взгляд странным, любил ходить в школу. Он сразу уразумел, что лучшего места для хулиганских и прочих безобразнических выходов на земле не существует. Сначала он даже несколько растерялся от изобилия возможностей совершать всякие, самые разнообразные пакости и в любом количестве, описывать которые у меня, уважаемые читатели, рука не поднимается.

В скором времени, едва завидя Пантю, девочки-первоклашки с визгами улетучивались...

И мальчишки-первоклашки быстренько ушмыгивали в разные стороны...

Настоящей грозой первоклашек Пантя стал, когда своей непропорционально маленькой головой сообразил, что портфель — очень удобная штука.

Стук! Стук!

Бряк! Бряк!

Бац!

Стук! Хлоп! Бряк!

Бац!

Бац!

Бац!..

пока однажды ручка у портфеля не оборвалась.

Ростом-то Пантя был почти как семиклассник, и от него уже убегали третьеклассники, не говоря о третьеклассницах.

Но все-таки наибольший, прямо-таки захлебывающийся восторг вызывало у Панти то обстоятельство, что все его школьные пакости практически оставались безнаказанными. Получалось, что школа не имела никаких реальных возможностей по заслугам наказать распоясавшегося хулигана. А тот даже своей непропорционально маленькой головой сделал для себя важный вывод: вытворяй чего

только тебе в эту голову взбредет, и ничегошеньки тебе не будет, даже чего-нибудь мало-мальски неприятного тебе не будет! Валяй, Пантя, валяй! Давай, Пантя, давай!

Будут одни лишь разговоры. И все будут помогать тебе. Даже кормить тебя будут, когда после уроков заниматься оставят! А то еще и конфет дадут!

Мама очень страдала из-за его злостного хулиганства. Вызвали как-то папашу в школу, он несколько удивился:

— Чего я там не видал? Надо ежели, пусть сами к мено топают. Разбойника моего забижать не дам. Плохо учиться? Пушай хорошо учат. За то и деньги получают.

И хотя мама болела, пришла она в школу.

Когда она скрылась за дверью в учительскую, Пантя крепко призадумался, так крепко призадумался, как никогда еще в своей нудной и бесполезной жизни. Дело заключалось в том, что он поймал большую черную муху, осторожно держал ее в кулаке и не мог сообразить, чего с этой большой черной мухой делать. Отпустить — глупо, зачем же он ее тогда ловил? Убить — неинтересно.

И Пантя, весь содрогнувшись от предстоящего наслаждения, решил оторвать насекомому лапки. Задумано было, как решил злостный хулиган, здорово, а вот выполнить задуманное оказалось не так-то просто. Возился-возился-возился Пантя с мухой, вспотел даже от усердия. Муха ухитрилась и освободилась, но, видимо, от радости растерялась и, вместо того чтобы вылететь в окно, влетела — сильно и шумно — Панте в нос, точнее, в правую ноздрю.

Пантя от злобной злости или злостной злобы изо всех сил стукнул муху кулаком, а так как муха свирепо жужжала у него в носу, точнее, в правой ноздре, то сами понимаете, уважаемые читатели, что Пантя от самоудара неимоверно яростно и громко взвыл и еще более неимоверно и яростно и совсем громко чиииииииииихнул!

Обезумевшая от страха муха вылетела из правой Пантиной ноздри и, простите за выражение, сдуру влетела в левую.

Это был ее, мухи, бессознательный, но типично хулиганский поступок, и злостный хулиган, полностью растерявшись от мушиной наглости, тоже бессознательно ударил своей непропорционально маленькой головой о большую оконную раму и выбил муху из ноздри!

Шишечка у него на лбу получилась... и довольно быстро превратилась в шишку.

Из учительской с заплаканными глазами вышла мама. Всю дорогу до дома молчала, а дома зарыдала.

Папаша же, узнав о посещении школы и о том, чего там говорили о его сыне, пренебрежительно отмахнулся и стал поучать:

— Мене, сынок, слушайся, мене, боле никого! Учителка сообразила, что ты плохо соображаешь? Зато те, которы больно много соображают, тебе пугаются! И шишку не прикрывай, сынок! Гордися ей! Сегодня у тебе шишка, завтра семь шишек другим набей! Которы много соображают! Живи, как тебе отец учит! И дело пойдет! Валяй, сынок, валяй! Давай, сынок, давай!

Вечером маму увезли в больницу. И там она умерла. Незадолго до смерти она сказала:

— Не от болезней я умираю, а от горя. Любимый сын мне это горе принес.

И уж если мне, автору, уважаемые читатели, быть откровенным и честным до конца, должен я сообщить вам, что смерть мамы не произвела на Пантю особенного впечатления. Видимо, и сердце у него было меньше человеческого.

Все стали жалеть Пантю, перевели его, конечно, в следующий класс, пытались ему помочь, убеждали, предлагали, советовали, уговаривали. Но, полностью предоставленный самому себе, Пантя слонялся по поселку, изнывая от безделья и одиночества, мучил котят и людей, ловил мух и обрывал им лапки...

Папаша приходил домой поздно, иногда приносил сыну поесть, иногда ничего не приносил и, если сын пробовал хныкать, успокаивал:

— Погодь, сынок, погодь. Скоро подрастешь, сам себе кормить научишься.

Сейчас, уважаемые читатели, мне придется написать самые горькие слова в этом повествовании. У Панти появилась мачеха, а папаша стал пьяницей.

Мачеха сразу невзлюбила Пантю. Пантя сразу возненавидел мачеху.

Папаша уже не только больше не хвалил сына, а вообще не обращал на него внимания. А когда сын пытался пожаловаться на мачеху, папаша самым решительным образом пытался отколотить его.

Вот и стал Пантя злостным хулиганом. На кого же, почему он злился? Злился на всех, потому что всем завидовал. Он ведь видел, что не только люди, но и кошки, и котята, даже мухи живут интереснее его.

В школе Пантю и жалели, и боялись, и, скажем прямо, ненавидели. Время от времени пытались злого хулигана хоть чем-то заинтересовать, но все безрезультатно.

Стал Пантя и в милицию попадать, но даже и это не толкнуло его на какие-нибудь полезные размышления о своем нудном и бесполезном существовании. Умственных способностей у безобразника хватало лишь на то, чтобы твердо усвоить одну: ничего ему не грозит, кроме бесполезных разговоров, которые сводились к не менее бесконечным уговариваниям.

Но если для Панти вся забота о нем представлялась ненужной и бесполезной, то на самом деле в его судьбе уже как раз к началу нашего повествования намечались значительные изменения. Совместными усилиями многих людей было решено добиться лишения Пантинного папаша отцовских прав, а злого хулигана направить в детдом.

Ни о чем не подозревающий Пантя по-прежнему изнывал от безделья и одиночества, но придумал себе интересное занятие: пробовал отнимать деньги у малышей и у всех, кто его слабее. И хотя из этого ничего пока не получалось, Пантя не отступал, а стал соображать, как бы ему действовать половчее и понахальнее. Ведь им овладел большой замысел: наотбирать много-много-много-много денег, чтобы после освобождения из школы не работать, а ловить мух и делать людям пакости.

На этом, уважаемые читатели, заканчиваю изложение некоторых, к сожалению, необходимых сведений о нудном и бесполезном для себя и тем более для других существовании злого хулигана Пантелеймона Зыкина по прозвищу Пантя и продолжаю наше повествование.

Десятая глава

НАСТОЯЩИЕ ЗВЕЗДЫ НА НАСТОЯЩЕМ НЕБЕ

Тетя Ариадна Аркадьевна повторила самым суровым тоном, исключаяющим всякую, даже наималейшую возможность ей противоречить:

— Первая обязанность ребенка — слушаться родителей и старших родственников.

Дед Игнатий Савельевич крикнул громко и вроде бы одобрительно, а эта милая Людмила охотно, торопливо, но как-то уж слишком небрежно согласилась:

— Никто и не собирается спорить с неоспоримой истиной.

— Ааа-аах... — с чрезвычайно глубоким сожалением выдохнула Голгофа. — Но если бы... хотя бы на одни суточники... на один бы еще денечек... поспорить с неоспоримой истиной!

— Тебе надобно возвращаться домой, девочка, — очень-очень-очень строго сказала, почти приказала тетя Ариадна Аркадьевна. — Ведь тебя уже наверняка разыскивает милиция! Вполне вероятно, что родители и бабушка полагают тебя чуть ли не по-гиб-шей... А кроме того, если смотреть в корень, ты, девочка, нарушаешь общественный порядок! А если в корень смотреть еще глубже, ты, девочка, совершаешь моральное преступление!

Крякнув громко и довольно испуганно, дед Игнатий Савельевич пробормотал тихо, но вполне решительно:

— В корень еще глубже посмотреть можно.

— Дорогие товарищи! — относительно мягко, однако и достаточно твердо произнесла эта милая Людмила, а продолжала почти вкрадчиво: — Ну пусть девочка хоть один разик в жизни сама ответит за свое поведение. Если ее одну не пускают даже в кино, значит, ей просто необходимо принять участие в нашем многодневном походе.

Голгофа пронзительно и часто-часто-часто зашмыгала носом и несколько минут радостно рыдала, но слез на сей раз выделяла не очень много.

И пока она радостно рыдает, а все ждут, когда она прекратит заниматься этим, проинформирую вас, уважаемые читатели, о том, что поделявает кот Кошмар, которому предстоит, повторяю, сыграть в нашем повествовании немалую роль. Ведь он, если вы помните, относился к происходившим вокруг него событиям довольно безразлично и не собирался быть всего лишь сторонним наблюдателем их.

Всем своим до предела возмущенным существом Кошмар почуял в происходивших на его плутовских глазах событиях что-то крайне для себя недоброе, даже устрашающее.

Кошачьим умом, вернее, умишечком, он смутно догадывался: если сейчас же, немедленно не предпримет самых очень наирешительнейших и не менее наинаглейших мер, то вполне может быстренько и уже навсегда лишиться столь привычной для него необыкновенной любви своей благодетельницы.

Мало того, что она, благодетельница, перестала беспрекословно выполнять его, любимого, желания! В домике, где все недавно безраздельно принадлежало ему, Кошмару, она, благодетельница, еще поселила эту неприятнейшую особку по кличке Людмила!

И Кошмаровых мозгов вполне хватило сообразить, что она, неприятнейшая **особка**, уже завладела вниманием, а может быть, и необыкновенной любовью его, кота, благодетельницы.

Ни одного доброго дела не сделал, даже и не пытался, не собирався сделать Кошмар в течение всей своей хулигански-бандитски-разбойничьей жизни, зато уж на всяческие пакости, мерзости, гадости и безобразия он был почти весьма великий выдумщик.

Вот и сейчас он вдруг без всякой, как говорится, подготовки завыл-завопил изо всех сил таким истошным голосом, будто ему хвост горячим электрическим утюгом придавили.

Услышав отдаленный вой-воплъ, тетя Ариадна Аркадьевна охнула, ахнула, собралась снова охнуть или ахнуть и буквально испарилась...

— Ждите меня! Я быстро! Готовьтесь к походу! — И эта милая Людмила исчезла следом. Она сразу догадалась, что Кошмар чего-то задумал и требуется ее немедленное вмешательство.

Едва они с тетей Ариадной Аркадьевной стремительно влетели в комнатку, как кот, свержистошно и не менее дико мягнув четыре раза, устрашающе захрипел и хлоп на спину — лапы вверх!

— Игривый котик, — насмешливо сказала эта милая Людмила. — Пошутить решил, шалунишка, от нечего делать.

От злости, злобы и возмущения Кошмар едва не задохнулся. Дрыгая четырьмя лапами одновременно, он три раза дернулся, опрокинулся на бок и шесть раз очень-очень хрипло мяукнул.

— Он захворал, заболел, занемог! — испуганно воскликнула тетя Ариадна Аркадьевна.

— Вряд ли. С чего ему хворать, болеть, занемогать?

Кошмар поднатужился и с большим усилием издал хриплое и прерывистое мяуканье, несколько похожее на хрюканье, и мелко-мелко-мелко-мелко подергал лапами.

— Сейчас мы моментально определим состояние его здоровья! — весело сказала эта милая Людмила, сбегала

сложны, и не всегда в нас легко разобраться. — Она устало передохнула. — Конечно, среди нас есть немало людей недостойных, но среди нас и немало выдающихся личностей.

— Колоссальнейшее самомнение! — жалобно воскликнула тетя Ариадна Аркадьевна и возмущенно продолжала: — И более того, колоссальнейшее заблуждение!.. Вы... вы... вы еще не вы... дающиеся личности, а... а... а личинки личностей!

— Предположим, предположим, предположим! — громко и звонко, с явным вызовом ответила эта милая Людмила. — Но ведь вы не будете отрицать, что любая взрослая личность когда-то была личинкой личности? И вы, дорогая тетечка, в свое время тоже были ребенком! НАМ, ДЕТАМ, ТРУДНО ПОНИМАТЬ ВАС, ВЗРОСЛЫХ, ПОТОМУ ЧТО МЫ ЕЩЕ НЕ БЫЛИ ВЗРОСЛЫМИ! — В ее голосе проскользнули обиженные нотки, но постепенно голос становился все звонче и громче, словно она находилась не в маленькой комнатке, а в большой аудитории на трибуне. — ВЕДЬ СТОИТ ВАМ, ВЗРОСЛЫМ, ТОЛЬКО ХОРОШЕНЕЧКО ПРИПОМНИТЬ, КАКИМИ ВЫ БЫЛИ В ДЕТСТВЕ, И ВЫ НАС, ДЕТЕЙ, СРАЗУ ПОЙМЕТЕ! Все наши желания станут вам понятными! Все наши ошибки! Все наши стремления! Все наши глупости! И тогда ваш наглый кот не будет вам дороже хотя бы родной племянницы!

Можно сказать, что Кошмар в высшей степени подло захихикал, вернее, заиздавал звуки, очень отдаленно напоминающие что-то именно вроде в высшей степени подлого хихиканья.

И эта милая Людмила проговорила наставительным тоном, обращаясь к подло хихикающему коту:

— Смеется тот, кто смеется последним... — А тетечка она сказала: — Вы зря на меня обиделись. Ведь я от всего сердца...

— У тебя нет... сердца... — еле-еле-еле-еле слышно прошептала тетя Ариадна Аркадьевна, сжав виски ладонями, низко и бессильно опустив голову... — У... такой... не может... быть... сердца...

Торжествующе прохрипев, Кошмар прыгнул к своей благодетельнице, долго устраивался, свернулся клубком и удовлетвореннейше замурлыкал.

В совершенной растерянности эта милая Людмила спросила:

— Почему вы решили, что я будто бы... бессердечная?

— Не знаю, не знаю, не знаю... — совсем-совсем-совсем тихо пробормотала тетя Ариадна Аркадьевна, резко выпрямилась и неожиданно суровым голосом торопливо заговорила: — Да, да, да, да, в свое время я действительно была маленькой! Но я была не, не, не, НЕ ТАКОЙ! Я была послушной и уважала старших! А ты... а ты... а вы... а вы не вы... дающиеся личности, а нарушители общественного порядка! — Она величественно поднялась, прижав к груди блаженно и ехидно мурлыкавшего Кошмара, и скорбным голосом продолжала: — Сюда с минуты на минуту может нагрянуть милиция. Представляешь? Как ты посмела сбить с толку, с истинного пути эту бедняжку со страшным именем? И ты все делаешь для того, чтобы и судьба ее была страшной!.. Покинуть родной дом! — Тетя Ариадна Аркадьевна в ужасе взмахнула руками, и Кошмар тяжело шмякнулся на пол, едва успев вытянуть лапы, но тут же с громчайшим хрипо-сипо-стоном повалился на бок.

Он лежал, стонал усиленно и натужно, а тетя Ариадна Аркадьевна даже не взглянула на любимца-проходимца. Очень нервно теребя косички — то одну, то другую, то обе вместе, — она торопливо-торопливо говорила:

— Я не буду потакать твоим сумасбродствам! Не имею права! Пока ты живешь здесь, ты должна слушаться меня беспрекословно! Ни в какой поход ты не пойдешь! Девочка с жутким именем завтра же отправляется домой! И ты... ты... ты тоже отправляйся домой... если, конечно, хочешь... Неужели, неужели ты способна на такой чудовищный поступок, как... нелепый куда-то поход?

Она спросила так недоуменно, что вопрос прозвучал почти по-детски, беспомощно. Зато ответ этой милой Людмилы оказался по-взрослому спокойным и рассудительным:

— Мы еще все не один раз обсудим. Я даже не теряю надежды, что вы, дорогая тетечка, согласитесь с нами полностью и с удовольствием примете участие в походе.

— Ты полагаешь... — гневно возвысила голос тетя Ариадна Аркадьевна, но растерянно замолчала, словно не решаясь досказать мысль, бессильно опустила на стул и печально закончила: — Мне смешно...

Кошмар обеспокоенно вскочил на лапы, выгнулся крутой дугой, потянулся, предостерегающе мягнул и с очень большим презрением фыркнул. Видимо, своим кошмарным

умишечком он уловил, что его благодетельница и не собирается любить эту неприятнейшую особку.

И с гордо поднятой головой Кошмар важно прошествовал на кухню, абсолютно уже убежденный, что сейчас-то благодетельница немедленно и стремительно последует за ним, откроет холодильник и... Плотно прорывав, Кошмар приготовился уничтожить вкусную пищу.

Но — что это?!

Это — что?!

Благодетельница не только не бросилась немедленно и стремительно за своим любимцем-проходимцем, а продолжала разговаривать:

— Завтра же девочка с жутко-ужасным именем должна быть возвращена семье!

В ответ после весьма продолжительного молчания раздался сдержанный, но решительный голос:

— Девочка сама решит все сама. Она живет в таких условиях, что почти не дышит свежим воздухом. Ее заопекали! А когда она поживет хотя бы немножечко настоящей нормальной человеческой жизнью, то больше уже не позволит переопекать себя. Я умоляю вас, дорогая тетечка, пойти с нами в многодневный поход. Уверю вас, вы не пожалеете.

— Я безууууумно устала от те-бя, — еле-еле-еле-еле слышно произнесла тетя Ариадна Аркадьевна, — устала от твоих раз-гла-голь-ство-ва-ний... Я завтра же телеграфирую твоим родителям о твоём вызывающе неразумном поведении.

Эта милая Людмила молчала, смотря прямо перед собой жалостливым взглядом.

О чем же она сожалела?

А сожалела она о том, что вынуждена была не только не соглашаться с тетечкой, но и принципиально и последовательно ей возражать.

И совсем печальным было то, что тетечка не понимала ее, даже не пыталась понять, да и не хотела.

А уж совсем-пресовсем печально было то, что от своего собственного непонимания страдала сама тетечка.

— Я скоро вернусь, — сказала эта милая Людмила, помедлила немного, ожидая ответа, не дождалась и вышла.

На крылечке она остановилась, взглянула на огромное темнеющее небо и пожалела, что еще не выпалили звезды. Они всегда напоминали ей о чем-то далеком, прекрасном, недостижимом и чистом.

Завтра они будут любоваться небом, сидя у костра. Звезд будет много-много, и все они будут яркими-яркими!

Ей вдруг подумалось, что тетя Ариадна Аркадьевна редко, может быть, слишком редко или даже никогда не смотрит на звезды. Ведь звезды очень похожи, вернее, напоминают маленьких детей: они веселые, беззащитные и приносят только радость. Печальных звезд не бывает, недобрых — тем более, злых звезд и представить нельзя. Когда смотришь на них, хочется быть как они — приносить людям только радость.

И, войдя в соседний дом, эта милая Людмила сразу спросила:

— Голгофа, ты когда-нибудь смотрела на звезды? Любовалась ими?

— Да, конечно. Два раза меня возила бабушка, а один раз ездили всем классом.

— Куда возили? Куда ездили?

— Как — куда? — удивилась ее непониманию Голгофа. — А где же еще можно любоваться звездами, если не в планетарии? Очень красиво!

У этой милой Людмилы было такое жалкое и растерянное выражение лица, она так часто-часто-часто заморгала своими большими черными глазами, словно собиралась горько-горько-горько расплакаться. Она спросила глухо:

— Ты ни разу не любовалась настоящими звездами на настоящем небе?

— Я много читала о них... но... но... — Голгофа виновато помолчала. — Я иногда видела их, но не обращала особого внимания. Я не знала, что ими можно любоваться. А может, и знала, но... надо было идти домой... Я ведь даже ни разу не видела, как растут грибы, чего уж там говорить о небе? Я не представляю, как растут ягоды... Я и в настоящем-то лесу ни разу не была... Стыдно сказать, но я видела божью коровку и кузнечика только в книжках... Какие, какие уж там звезды...

— Завтра мы отправляемся в многодневный поход! — торжественно, решительно, но почему-то с нотками отчаяния проговорила эта милая Людмила. — Берем с собой только самое необходимое! Постараемся испытать как можно больше трудностей! Чтобы закалиться! Будем у костра любоваться настоящими звездами на настоящем небе!

— Но ведь попадет! — крикнул Герка. — Здорово ведь попадет!

Дед Игнатий Савельевич весело согласился:

— Попадет, попадет, конечное дело, попадет! Особенно, я считаю, достанется мне, потому как я среди вас — единственный совершеннолетний! Мне-то вообще полагается вас остановить, а я с вами отправлюсь! Главное, ребята, сердцем не стареть!

— Да нас же в два счета поймают как миленьких, — растерянно сказал Герка. — Пока идем да пока дойдем...

— Если ты трусишь, можешь оставаться дома, — с нескрываемым презрением произнесла эта милая Людмила и с еще более нескрываемым презрением добавила: — Мы уйдем в многодневный поход, а ты можешь готовиться к отправке в областной краеведческий музей в качестве живого отрицательного персонажа наравне со скелетом мамонта!

Герка задохнулся от возмущения и обиды, вскочил и, сжав кулаки, подпрыгнул к этой милой Людмиле, хриплым голосом затараторил:

— Чего ты тут раскомандовалась? Не успела приехать, а сколько уже из-за тебя всяких чепухов... чепухей... чепух... ерунды всякой получилось!

Эта милая Людмила спокойно, с некоторой долей сострадания смотрела на него большими черными глазами, и он вдруг мельком подумал, что неправ, что никакой она не командир, но он все равно может подчиниться каждому ее слову.

— Я очень прошу тебя, Герман, перестань нервничать и сердиться, — тихо сказала она. — Я и сама немножечко трушу. Но мы обязаны пересилить себя, если мечтаем стать настоящими людьми. И мы обязаны, понимаешь, обязаны помочь Голгофе, чтобы ее никогда не назвали Клеопатрой. А без тебя нам в походе будет совсем трудно. Во всяком случае, не так весело, как с тобой.

— Ну... — Герка от радости и гордости сначала принял озабоченный вид, потом, как говорится, напустил на себя важность. — Я-то что... Я за нее и беспокоюсь... Ей ведь попадет. И тебе от тетишки твоей дорогой попадет. Первая обязанность ребенка, — насмешливо закончил он, — слушаться родителей и старших родственников.

— Я тоже старший родственник! — весело воскликнул дед Игнатий Савельевич. — Можно организовать так, что попадет одному мне!

— Нет, нет! — Голгофа резко встала. — Я хочу сама, понимаете, сама хочу отвечать за свое поведение!

— И не боишься? Неужели не боишься?! — поразился Герка.

— Пока... не очень, — неуверенно призналась Голгофа. — Вот если бы мы сегодня не купались, не попали под грозу... А сейчас я без этого уже жить не смогу! Пусть мне попадет, пусть мне грандиозно попадет, но я должна на настоящем небе увидеть настоящие звезды и любоваться ими!

И тут эта милая Людмила решительно прервала все разговоры, сказав:

— Собираемся здесь в семь часов утра. Я еще попытаюсь поговорить с тетечкой. Идемте посмотрим на звезды.

Звезд было много-много, и все они были яркие-яркие.

— Они совсем не такие, как в планетарии, — прошептала Голгофа. — А я вспомнила... Конечно, я видела настоящие звезды, но только мельком... В это время я обыкновенно уже сплю. А сегодня мне спать совершенно не хочется.

— Но придется, — сказал дед Игнатий Савельевич. — Вставать-то рано. Я сейчас займусь подготовкой к походу, а вы марш на боковую! Поход потребует дополнительных сил!

— Никаких походов! — Все вздрогнули, услышав резкий, суровый голос тети Ариадны Аркадьевны, которая незаметно подошла к ним. — Да, да, никаких походов! Девочки, немедленно домой! Завтра Голгофа должна быть дома!

— А! — грозно воскликнул дед Игнатий Савельевич. — Риадна! Аркадьевна! Если вы в самом деле беспокоитесь о Голгофе, милости просим с нами в многодневный поход! Можете взять с собой даже вашего бандитского кота!

Нет особой надобности подробно передавать очередную словесную распрю между уважаемыми соседями. Следует лишь отметить, что на сей раз получилась не обычная очередная словесная распря, а почти ссора, сугубо принципиальная и на сложнейшую педагогическую тему.

Тетя Ариадна Аркадьевна самым-пресамым наирешительнейшим образом требовала завтра же отправить Голгофу домой, не ожидая прибытия милиции или отца и врача П. И. Ратова.

Дед Игнатий Савельевич меньше говорил, а больше покашливал, побрякивал, побряхывал то возмущенно, то яростно, то гневно, то презрительно и вдруг сказал прямо-таки загробным голосом:

— Сейчас, сейчас я вам сообщу, уважаемая соседка... вы у меня... Только дайте мне возможность собраться, подготовиться...

Он медленно достал кисет, еще медленнее и очень долго искал по карманам аккуратно сложенную квадратиками бумагу, неторопливо оторвал листочек, старательно согнул его, осторожно развязал кисет, высыпал в бумажку табак, свернул сигарку, завязал кисет, по всем карманам медленно и долго искал спички, закурил и лишь тогда заговорил:

— Детей надо уважать даже тогда, когда они делают глупости и даже вредности. Вот ведь своему хулиганствующему коту вы любые безобразия прощаете, а...

— А мне смешно, — с обидой прервала его тетя Ариадна Аркадьевна. — Из-за бедного котика смешно. А из-за детей мне горько и страшно. Вы пожилой, вернее, старый человек, втягиваете их в опасную АВАНТЮРУ и толкаете на моральное преступление.

— Он никого никуда не втягивает и не толкает, — осторожно возразила эта милая Людмила. — Просто дедушка понимает нас. И хочет нам помочь. Ведь мы должны развиваться, закаляться, совершенствоваться, учиться самостоятельности, ответственности и... И не сердитесь на нас, дорогая тетечка! Идемте с нами в многодневный поход! Он вам тоже необходим! Вы представляете, ночь у костра под огромным звездным небом... Кругом темнота и тишина...

— Боюсь, очень боюсь, что завтра ты отправишься не в многодневный поход, а домой, — плачущим голосом проговорила тихо тетя Ариадна Аркадьевна. — И конечно, Голгофа тоже.

— Разрешите, тетечка, нам с ней спать на сеновале? — боязливо, но с оттенком настойчивости спросила эта милая Людмила. — Пусть она хоть вволю подышит свежим воздухом!

— Пусть она до утра делает чего ей вздумается. А ты, дорогая племянница, будь любезна, со мной! Я отвечаю за тебя перед твоими родителями! — И тетя Ариадна Аркадьевна быстрыми, решительными, почти солдатскими шагами не прошла, а прямо-таки промаршировала к калитке, резко толкнула ее, и...

И калитка обо что-то стукнулась, раздался приглушенный писклявый вскрик, и послышался стремительно удалявшийся топот ног.

Обескураженная спорами о многодневном походе, раздосадованная, разгневанная, растерянная, тетя Ариадна Аркадьевна ничего не заметила и уже не промаршировала, а медленно и устало, опираясь рукой о заборчик, прошла в свой дворик.

После ее ухода все уныло, удрученно и даже обреченно молчали. Только дед Игнатий Савельевич изредка ободряюще кашлял или виновато покряхтывал. Голгофа часто, громко и глубоко вздыхала, видимо собираясь вот-вот зарыдать.

Первым не выдержал тягостного молчания Герка и спросил довольно насмешливо:

— Ну, какие будут предложения или указания с приказаниями? — и добавил почти торжествующе: — Говорил я вам, что ничего у вас...

— А я вам вот что скажу! Вернее, тебе, дорогой внучек, заявляю! — Дед Игнатий Савельевич в сердцах два раза яростно крикнул, грозно покряхтел три раза и притопнул сначала левой, а затем правой ногой. — Утро вечера мудренее! Я лично сейчас же начинаю готовиться к многодневному походу! В восемь часов нуль-нуль минут мы с Геркой выступаем. Желающие могут присоединиться. Кто в чем сомневается, пусть до утра подумает.

— Чего думать-то? Думать-то чего? — запальчиво воскликнул Герка. — За этой завтра милиция или папаша прикатит! Эту тетечка дорогая не отпускает! Обоих завтра домой отправляют! Чего тут думать-то? Поход Людмилушка придумала, а топать мне?

— Пойду я в поход или не пойду, — задумчиво и медленно проговорила Голгофа, — мне все равно попадет. Так уж лучше пусть мне попадет после того, как я вдоволь налюбуюсь у костра настоящими звездами на настоящем небе. Проводите меня, пожалуйста, на сеновал, дедушка.

— А не боязно будет тебе там с непривычки-то?

— Еще как! Но, понимаете, я хочу побояться! Я хочу чего-нибудь испытать! Переживать хочу! Я даже хочу, чтобы мне попало!

— Ты становишься нормальным человеком, — с уважением заметила эта милая Людмила.

— Нет, обе вы ненормальные, — грустно сказал Герка. — Если ее одну в кино не пускают, то в многодневном походе она запросто и спокойненько и помереть ведь может!

Все вскочили, чтобы ему возразить, и Герка продолжал уже совсем-совсем запальчиво:

— Она же не-прис-по-соб-лен-на-я! Нам же ее на руках нести придется! Или носилки специальные делать! А вдруг еще и деда из-за нее в милицию заберут? Какой же многодневный поход получится, когда за тобой милиция гонится? Людмилушка тут с тетечкой и котиком будут мультики по телику смотреть, а я и дед с Голочкой мучаюсь, да?

— Ты со мной мучаться будешь?! — возмутилась Голгофа. — Я не предоставлю тебе такой возможности, — ледяным тоном закончила она.

— Да Герман просто сам побаивается идти в поход, — насмешливо заявила эта милая Людмила. — А сам-то ты прис-по-соб-лен-ный? А не тебя ли придется на руках нести или на специальных носилках тран-спор-ти-ро-вать? Ты, Герман, в данном случае о себе позаботься, а не о нас.

— Может быть, я физически и не очень подготовлена к многодневному походу, — уже почти сквозь слезы сказала Голгофа, нервно поправляя свои голубые волосы, — но зато я... я зато... зато у меня достаточно желания, чтобы выдержать все трудности! И, к твоему сведению, Герман, я от тебя ни капелюшечки не завишу и прошу тебя обо мне не беспокоиться.

— Главное, ребята, картошки не забыть! — выходя на крыльцо с рюкзаком в руках, пропел дед Игнатий Савельевич. — Лук, главное, ребята, не забыть, лавровый лист, перец. Уха у нас будет... на всю жизнь запомните. А чаек мы будем заваривать на смородиновом листе... И не важно, кто из нас к походу многодневному подготовлен, кто — нет. Для того мы в поход и отправляемся, чтобы сил набраться, закалиться, укрепить наши нервные системы. Сейчас — спать!

Он ушел устраивать ночлег для Голгофы на сеновале. Людмила отправилась к тетечке, даже не взглянув в сторону Герки. Тот медленно, словно неуверенно скрылся в доме, плюхнулся на табуретку, сидел с мрачайшим видом и никак не мог сообразить, чем же конкретно он так раздосадован и почему ему необходимо с кем-нибудь поругаться? Только что состоявшийся спор настолько перепутался у него в голове, что Герка вдруг метнулся к дверям, в ужасе подумав, что именно сейчас сюда примчится милиция!

Суетливыми, мешающими друг другу движениями он пытался закрыть дверь на крючок, и лишь когда услышал во дворе пение: «Главное, ребята, топорик не забыть!», — в изнеможении опустил руки, вернулся в комнату и рухнул на кровать.

А на улице тем временем происходило нечто весьма и весьма любопытное, из ряда, так сказать, вон выходящее. Появившись на улице, закрыв за собой калитку, эта милая Людмила услышала довольно громкое и злое сопение и не менее злое пыхтение. Пройдя несколько шагов, она услышала что-то, напоминающее визгливое рычание, всмотрелась в темноту и сначала ничего толком не могла разглядеть. На земле барахтался и катался, сопя, пыхтя и визгливо рыча, человек.

Приглядевшись, эта милая Людмила чуть не вскрикнула от страха: он весь был опутан веревками. Он попытался встать на ноги и упал, гулко ударившись о землю.

— Развяжи мене! — писклявым голосом крикнул человек, увидев ее. — Развяжи мене! — Он продолжал барахтаться и кататься, стараясь освободиться от веревок, и, кажется, запутывался все больше.

И тут эта милая Людмила рассмеялась так звонко и громко, что Пантя (а перед ней был именно он) перестал двигаться, а когда она засмеялась еще звонче и громче, яростно пропищал:

— Я тебе нос оторву, если...

— Да как же... да как же... — пытаюсь сдержать смех, с трудом выговорила эта милая Людмила. — Да как же ты МЕНЕ нос оторвешь, если ты связан по рукам и по ногам?

Но злостный хулиган, видимо, уже плохо соображал и слышал и пропищал еще более яростно:

— Я тебе и уши оторву! Если ты мене не развяжешь! — И с каждой новой попыткой освободиться он все крепче запутывался в веревках. — Если ты мене... я тебе... — угрожал он все писклявее. — Я тебе... если ты мене... я тебе... если ты мене...

Вполне вероятно, уважаемые читатели, что вы пока еще сами не догадались, что же произошло со злостным хулиганом Пантелеймоном Зыкиным по прозвищу Пантя, так я вам с удовольствием и, честно говоря, с большой радостью объясню.

Помните, дед Игнатий Савельевич сделал для единственного внука специальную загородку — между четырех

кольев натянул веревку? Ну, чтобы не в меру избалованный Герка мог тренироваться, готовиться быть живым экспонатом наравне со скелетом мамонта в областном краеведческом музее?

Так вот, привычно слоняясь по улицам, но уже не в надежде сделать кому-нибудь пакость или мерзость, а просто изнывая от безделья и одиночества, Пантя вспоминал и вспоминал, как весело провел он день, подглядывая за нашей троицей. Сейчас его и тянуло к ней, и он не сразу догадался, где ее разыскать. И когда Пантя обнаружил ребят во дворе деда Игнатия Савельевича, то с интересом, хотя ничего толком и не понимая, стал подслушивать спор о каком-то многодневном походе.

И как вы помните, уважаемые читатели, тетя Ариадна Аркадьевна оборвала спор и быстрыми, решительными, почти солдатскими шагами не прошла, а промаршировала к калитке и резко толкнула ее.

Калитка обо что-то стукнулась, раздался приглушенный писклявый вскрик, и послышался стремительно удалявшийся топот ног.

Обескураженная спором о походе, раздосадованная, рассерженная, разгневанная, растерянная, тетя Ариадна Аркадьевна ничего не заметила и уже не промаршировала, а медленно и устало, опираясь рукой о заборчик, прошла в свой дворик.

Пантя же, получив довольно крепкий удар по лбу калиткой, бросился бежать, в темноте налетел на веревку, упал на спину, перевернулся, чтобы встать, и начал запутываться, выдернув к тому же колья... И чем сильнее и отчаяннее старался он выпутаться, тем крепче запутывался...

Тут и подошла эта милая Людмила. Тут Пантя и стал требовать, чтобы она освободила его, да еще и угрожал:

— Ты мене... я тебе...

Она поинтересовалась возмущенно:

— А ты по-человечески попросить не можешь?

— Не! Не! — искренне признался Пантя. — Ухи оторвать тебе могу! И нос оторвать могу! Развяжи мене!

— Ну тогда и лежи! — рассердилась эта милая Людмила. — Пока на ТЕБЕ грузовик не наедет! Или трактор! А еще лучше — бульдозер!

— Не! Не! Не-е-е-е... — таким жалобным голосом пропихивал Пантя, что она сразу же пожалела его, но строгим тоном приказала:

— Повтори за мной: пожалуйста, развяжи меня.

— Рrrrrrrrrразвяжи мене!!!!

— Не rrrrrrrrrразвяжу я ТЕБЕ, — передразнила эта милая Людмила, — пока ты МЕНЕ не скажешь «пожалуйста»!

Пантя учашенно, испуганно и громко запыхтел, стараясь впервые в жизни выговорить абсолютно непривычное для него слово, и, когда пыхтение стало жалобным, тихим и беспомощным, он прошептал умоляюще:

— Развяжи мене... а я тебе... ничего не буду... ну развяжи мене... — И он сделал отчаяннейшую попытку произнести абсолютно непривычное для него слово: — Пжа... жла... ластва...

— Ну, молодец! — не то насмешливо, не то искренне похвалила эта милая Людмила, принялась распутывать веревку, восторженно или насмешливо повторяя: — Молодец, молодец, просто молодчина! Конечно, «пожалуйста» — очень трудное слово. Недаром так нелегко приучить к нему детей. Но я с тобой позанимаюсь, и ты осилишь его.

Пантя уже стоял во весь рост, и ловкие Людмилины пальцы быстро освобождали его от веревки.

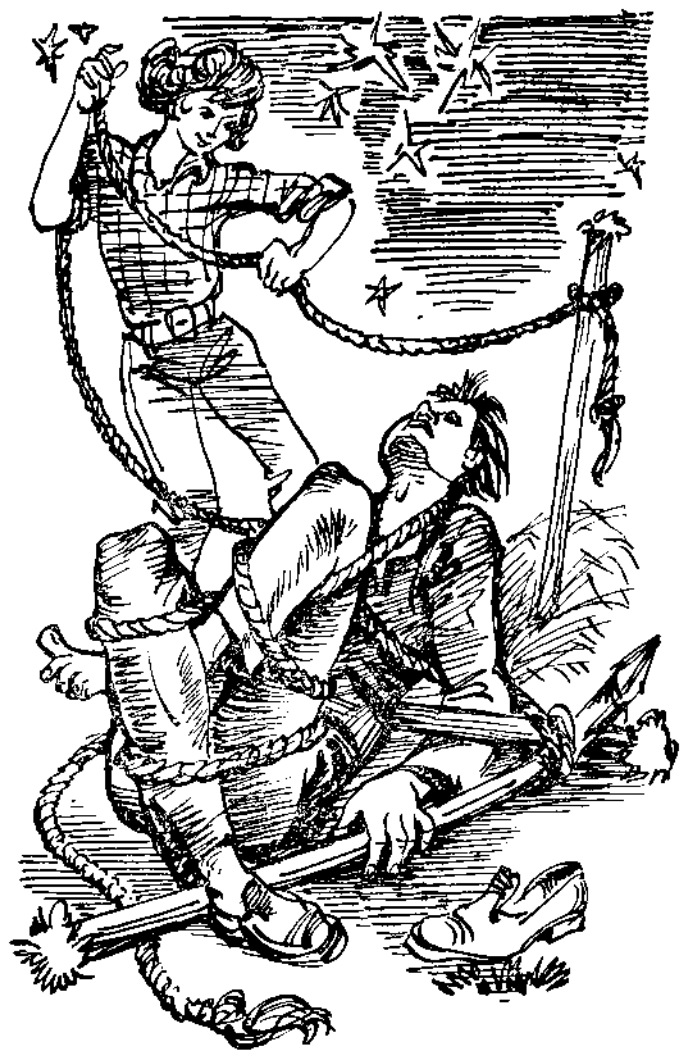
Даже и не знаю, уважаемые читатели, как мне передать необычайнейшие ощущения, которые сейчас испытывал злостный хулиган. Проще всего было бы сказать, что он ничегошеньки не понимал. Всего в жизни он привык добиваться угрозами, грубостью, наглостью, запугиваниями, жестокостью, а тут... какая-то махонькая — муха по сравнению с ним, верзилой! — девчонка заставила его просить, он ПОСЛУШАЛСЯ ее, и она выполнила его просьбу из-за одного только слова. И уже во второй раз не испугалась его, которого все боялись.

— Вот ты и свободен. Забыла, как тебя звать?

Все еще ничегошеньки не соображая, кроме того, что какая-то махонькая — муха по сравнению с ним, верзилой! — девчонка освободила его, и не из-за страха перед ним, а из-за одного только слова, Пантя от старания наи-напряженнейше выговорил, почти с болью шевеля губами:

— Пжа... жла... ластва...

— Да просто пожалуйста! По-жа-луй-ста! — Эта милая Людмила громко и звонко рассмеялась. — Ничего, ничего, под моим непосредственным руководством научишься выговаривать и не менее, видимо, трудное для ТЕБЕ еще одно слово — спасибо. Как тебя зовут?

— Пантя.

— Странное имя. Ни разу не слышала ничего подобного. Пан-тя. А еще как тебя можно звать?

— Пантя... лей.

— А-а-а, Пантелеймон! Роскошное имя! Редкое!

— Не, не! — отмахнулся Пантя. — Так мене только в милиции зовут.

— Значит, ты и в милиции побывал! — Эта милая Людмила сразу стала серьезной. — Значит, еще интереснее будет заниматься с тобой перевоспитательной работой. Ну, а МЕНЕ зовут Людмилой. Научу, научу я ТЕБЕ правильно говорить! Пора по домам, к сожалению. МЕНЕ было бы очень любопытно расспросить ТЕБЕ о твоей жизни. Но ведь мы еще увидимся? Иди, иди. А то дома тебе попадет. Очень уже поздно.

— Не, не! — Пантя замахал длинными ручищами. — Не попадет. Мене домой не пустят. Спят.

— Чепуха какая. А где же ты спать будешь?

Пантя беспечно хмыкнул и быстро пошел прочь, вдруг резко обернулся и сказал:

— Я вот... есть хочу! Здорово есть мене охота! — И он вздохнул так произвольно, громко, жалобно и беспомощно, что эта милая Людмила скомандовала не свойственным ей, грубым тоном:

— А ну жди меня здесь! Накормлю! Безобразие какое!

Вам, конечно, известно, уважаемые читатели, такое совершенно разумное правило: сначала подумай, а потом делай. Но есть у данного совершенно разумного правила, впрочем, как и у всякого правила, исключение: сначала сделай, а затем подумай. И если, например, человек очень хочет есть, то сначала накорми его, а уж потом разузнай, по каким причинам он оказался голодным.

Тетя Ариадна Аркадьевна с котом сидели перед телевизором, точнее говоря, Кошмар настороженно подремывал, удивляясь, почему благодетельница не ложится спать, но надеясь еще вкусно и обильно второй раз поужинать. Настроение у него было вроде бы распрекрасное: **особка** исчезла, значит, ему не о чем беспокоиться, опять он здесь единственная любовь.

Не замечал самоуверенный, самодовольный и самонадеянный Кошмар, что благодетельница не обращает ни на него, ни на телевизор никакого внимания, что глаза ее полны слез, что давным-давно она сидит неподвижно, будто окаменев.

И лишь когда в комнатку стремительно ворвалась особка, Кошмар сразу почувал, что его благополучие все еще под опасной угрозой.

— Дорогая тетечка, простите, что я так задержалась, — виновато и торопливо сказала эта милая Людмила, — но мне пришлось спасать Пантю, а сейчас его необходимо накормить. Он очень хочет есть, и ему даже ночевать негде!

— Можешь делать все, что взбредет в твою голову, — после долгого молчания еле-еле-еле слышно прошептала тетя Ариадна Аркадьевна и чуть-чуть-чуть громче добавила: — Если злостный хулиган дороже тебе, чем я, можешь делать все, абсолютно все, что взбредет в твою голову. Завтра мы расстанемся, как я и предполагала и предупреждала тебя.

— Пусть он злостный хулиган, — голос этой милой Людмилы дрогнул от несдерживаемого сожаления, — но сейчас он просто голодный человек.

— Иди, иди, иди, иди...

— И никуда я завтра не уеду. Если вы даже и выгоните меня... Тем более, никто не знает, что еще может случиться завтра.

— Да иди же, иди же, иди же, иди же...

Кошмар очень удовлетворенно разлегся, вытянув передние лапы, как бы указывая особке на дверь — вон, мол.

— Он, может быть, потому и злостный хулиган, что его дома не кормят регулярно.

— Я, кажется, сказала: делай до утра все, что хочешь. Постель тебе приготовлена в соседней комнатке.

— Ах, как мне жаль, тетечка, что я невольно так часто огорчаю вас! — печально воскликнула эта милая Людмила. — Но, честное слово, вот увидите, что я сумею и порадовать вас! Ведь я вас полюбила!

Она выбежала из комнаты, не расслышав, как тетя Ариадна Аркадьевна с большой горечью призналась:

— Злостный хулиган тебе дороже меня. Теперь это называется, видите ли, любовью... — И она неожиданно прошептала: — Но как добра...

И конечно, не умишком своим, а бандитски-разбойничьим чутьем Кошмар уловил, что огорчаться ему нет причин. Он подхалимски заурчал у ног своей благодетельницы и торжествующе помяргал.

Но стоило ему услышать звук открываемого на кухне холодильника, как он сразу же там оказался!

Эта милая Людмила отрезала колбасы, остаток сунула обратно в холодильник, отрезала большой кусок сладкого пирога и убежала.

Пантя ждал ее, сидя на скамеечке перед заборчиком, и уже собирался пристроиться здесь провести ночь.

— Не торопись, не торопись, не торопись! — просила эта милая Людмила, с удивлением и страхом глядя, как Пантя уничтожал колбасу и пирог. — Подавиться ведь можешь! Жевать ведь надо!

А Пантя легко глотал пирог и колбасу, казалось, не жуя и не останавливаясь.

— Не торопись, не торопись, не торопись... — испуганно повторяла эта милая Людмила. — Подавиться ведь можешь... Жевать ведь надо... Не наешься — я тебе еще чего-нибудь вкусного принесу... Что с тобой?

Суетливо, почти судорожно откусывая то пирог, то колбасу, Пантя издавал какие-то странные хлюпающие звуки, и эта милая Людмила не сразу догадалась, что он рыдает. Когда левую руку Пантя толкал ко рту, то правой вытирал слезы, и наоборот: когда откусывал из правой руки, то левой размазывал по щеке слезы.

Теперь он уже вроде бы жевал пищу, прежде чем проглотить ее, но жевал все медленнее и медленнее, а рыдания вырывались все чаще и чаще, и вдруг Пантя, с писком взрыднув, бросился бежать.

— Куда ты? Куда ты? Что с тобой?! — Эта милая Людмила сама почему-то чуть не расплакалась, горько и жалобно, помчалась за Пантей, но сразу же остановилась: он быстро исчез в темноте, и топанье его ног стихло.

«Что, что, что с ним случилось? — недоуменно и даже испуганно думала эта милая Людмила. — Неужели я его чем-то обидела?.. Наверное, я зря сказала о том, что он может подавиться? Но ведь он и впрямь мог подавиться!.. Злостный хулиган и — разревелся!.. Значит, я сказала ему что-то уж очень для него обидное и несправедливое. Но — что?!»

Едва войдя в домик, расстроенная и недовольная собой, она услышала обреченный голос тети Ариадны Аркадьевны:

— Исчез Кошмарик... бесследно... неожиданно... довели бедного котика... не выдержал... не вынес... все против него, все... конечно, конечно, какой-то злостный хулиган, антиобщественный элемент тебе дороже... А мне что теперь делать?

— Спокойно ложиться спать, — ответила эта милая Людмила, еле сдержав вспыхнувшее возмущение любимцем-проходимцем. — Ничего с вашим Кошмаром не случится. Если, конечно, он сам чего-нибудь не натворит.

— Но он никогда не уходил из дому глядя на ночь! К тому же он привык перед сном обязательно поест. Вот своего злостного хулигана ты накормила, а...

— И правильно сделала. Он плакал, тетечка!

— Кто?! Пантя?! Плакал?! Не смеши меня, все равно мне не до смеха. Пантя плакал! До сих пор от него люди плакали. От него страдали кошки и даже мухи!

— Он был голоден, тетечка. Понимаете?.. А Кошмара мы найдем. Вернее, он сам объявится. Захочет есть и — придет.

— Мне все равно не уснуть, не успокоиться, пока я не выясню его судьбы, — мрачным голосом проговорила тетя Ариадна Аркадьевна. — Разогрей, пожалуйста, чайник. Не представляю, как я буду жить, если с Кошмариком что-нибудь стряслось. Такое преданное существо, такой терпеливый характер, такой...

— Тише, тетечка, тише... — прошептала эта милая Людмила, прислушалась, на цыпочках подошла к холодильнику, наклонилась к нему ухом, помедлила и открыла дверцу.

Нет, нет, уважаемые читатели, не зря данного кота прозвали Кошмаром!

Он выпал из холодильника. Вместо головы у него была пол-литровая банка, вернее, голова-то у него, конечно, осталась, но он всунул ее в банку со сметаной, а вытащить обратно не смог.

Кот стукнулся об пол, и банка разбилась...

Тетя Ариадна Аркадьевна ааааАХнула...

«Только бы не рассмеяться! Только бы не расхохотаться! Только бы...» — задыхаясь от сдерживаемого смеха, то-ропливо и даже чуть испуганно думала эта милая Людмила, увидев, что глаза Кошмара залеплены сметаной, а живот так набит пищей, что почти касается пола, а тяжесть мешает коту трястись от холода. Шерсть у него встала дыбом, он не двигался, лапы подкашивались, и Кошмар был вынужден повалиться на бок. Он лежал, казалось, бездыханный, и лишь то-о-о-о-оненькие, вроде бы виноватые мяуканья — мяяк, мяяк, мяяк — свидетельствовали о том, что безобразник, по крайней мере, полужив.

Эта милая Людмила осторожно собрала осколки бан-

ки, бросила их в мусорное ведро, потерла пол и стала отмывать Кошмара под умоляющий шепот тети Ариадны Аркадьевны:

— Осторожнее, осторожнее, прошу тебя, осторожнее...

Промыв коту глаза, увидев мутный и сытый до предела, даже чуть выше предела взгляд, эта милая Людмила сказала:

— Рекордсмен... по обжорству!

— Он... он... по-о-о-о... гибнет? — пролепетала тетя Ариадна Аркадьевна. — Он... останется... жить?

— Еще как будет жить! Еще как останется! — Только сейчас эта милая Людмила позволила себе рассмеяться звонко, но не громко. — Да он просто объелся!

— Просто объелся! — возмутилась тетя Ариадна Аркадьевна. — А что ему оставалось делать, если я из-за тебя его не покормила вовремя? — Она заглянула в холодильник. — Ты посмотри, что мы наделали?! Он съел плавленые сырки вместе с обертками!

— И колбасу съел вместе с целлофаном, — спокойно добавила эта милая Людмила. — Ничего, ничего с вашим милым разбойником не случится. Выспится и снова примется за свои проделки.

Немного придя в себя, тетя Ариадна Аркадьевна спросила строго:

— А как он попал в холодильник? Ведь раньше ничего подобного ему и в голову не приходило!

Видно было, что Кошмар чем-то недоволен, а вот вины за собой никакой не чувствует. Стоять на лапах от тяжести в животе он пока еще не мог и, развалившись на полу, лениво тер свою плутовскую мордалию.

— Он юркнул в холодильник, наверное, тогда, когда я резала на столе колбасу или... словом, я проглядела, — объяснила эта милая Людмила. — Он же знает, что за любое безобразие ему никогда ни за что ничего не будет. Садитесь пить чай, тетечка, пожалуйста.

— Спасибо, я пойду лягу. — Тетя Ариадна Аркадьевна потрогала себе виски. — Вот и давление сразу подскочило, конечно... вот и сердце уже пошаливает. Завтра с утра придется вызвать врача. Я хорошо знаю, что мне грозит. Несколько дней постельного режима. Уж извини, дорогая племянница, но мне без твоей помощи не обойтись.

Вот так, уважаемые читатели, и бывает в жизни: никогда не угадаешь, какой и когда она преподнесет тебе сюрпризик!

Кстати, ведь одно из главных зол плохого человека заключается не только в том, что он намеренно замышляет и вытворяет подлости. Нет, хулиган, к примеру, просто не может не безобразничать. Он, как говорится, органически не способен не хулиганить. Он убежден, что если за день не сделает хотя бы одной маленькой пакости, то к вечеру заболает, а к утру, чего доброго, еще и помрет. Вот в чем его главная опасность для людей: он, безобразник, не может не безобразничать, и чтобы сотворить гадость, подлость или мерзость, ему не требуется ни малейшего повода.

И хотя Кошмар был не человеком, а котом, по своей натуре он от хулиганов ничем не отличался. И в холодильнике он проник не потому, что намеревался напакостить, а просто — случай подвернулся сделать очередное безобразие.

А результат? Представьте себе, уважаемые читатели, безобразники даже и об этом не думают, не заботятся, не интересуются. Им главное — безобразничать, так сказать, выполнить свое жизненное назначение.

Именно так поступил и Кошмар. А эта милая Людмила потеряла всякую возможность отправиться завтра в многодневный поход.

Она помогла тете Ариадне Аркадьевне лечь в постель, подала лекарства, кота устроила в кресле, как попросила благодетельница, пожелала обоим спокойной ночи и сказала:

— Только не волнуйтесь за своего... шалунишку. Ничего с ним не будет. Если он сам снова чего-нибудь не вытворит.

— Ты не поздно встаешь? — озабоченно спросила тетя Ариадна Аркадьевна. — Вызосы врача на дом принимают с восьми часов утра.

— Хорошо, тетечка, в семь я проснусь и, надеюсь, застану вас в добром здравии. Вы просто переволновались, и вам просто надо отдохнуть.

И не слышала, осторожно прикрывая за собой дверь, эта милая Людмила, как тетя Ариадна Аркадьевна, словно не веря самой себе, удивленно шептала:

— А все-таки она мила... добра... внимательна... терпелива... может быть, действительно мила-я Людмила?.. И тогда я не права?

Но та, повторяю, ничего не слышала и отправилась не спать, а уселась на крылечке и по привычке стала смот-

реть на звезды, очень невесело размышляя о случившемся. Какой-то негодный кот сорвал многодневный поход!

Звезд было много-много. Они были яркие-яркие. Они словно просили эту милую Людмилу полюбоваться ими, потому что привыкли к ней, всегда находили ее на Земле и старались обрадовать ее.

А она будто бы и не видела их сейчас. Звезды мигали-мигали ей, а она думала-думала горько и горько... Бедная, бедная тетечка! Ведь совершенно ясно, что к своему хвостатому любимцу-проходимцу она привязалась, как говорится, не от хорошей жизни. Она привыкла жить одна, вернее, она приучила почему-то себя жить одиноко. У нее много любви к людям, особенно к детям, вот и потребовалось ей несуразнейшее по вредности существо, чтобы прикрыть большой любовью все его и глупости, и мерзости... Лежит она сейчас, обиженная, встревоженная, может быть, больная от переживаний, и тут же рядом дрыхнет Кошмар, тоже ведь злостный хулиган, только всегда сытый, избалованный, всегда обеспеченный уютнейшим ночлегом...

А Голгофа? Кормить-то ее, конечно, кормят, а вот нормально жить не дают. Почему?

Вдруг этой милой Людмиле с особой ясностью подумалось, что тетя Ариадна Аркадьевна и сама бы пошла с ними и с удовольствием в многодневный поход... Предположим, она отказывается из-за Голгофы: дескать, ее ищут родители, и мы не имеем права скрывать ее. Но ведь если бедную девочку лишить похода, жизнь ее станет совсем невыносимой.

Конечно, ВЗРОСЛЫЕ ОЧЕНЬ ЗДОРОВО ПРИДУМАЛИ: детям их критиковать нельзя. Считается, что они, взрослые, всегда справедливы. Но тогда почему они, взрослые, то есть бывшие дети, не всегда понимают детей?

Что-то будет завтра... Этой милой Людмиле до того стало печально, что захотелось расплакаться так, чтобы услышали звезды.

А звезды уже отчаялись ждать, что она взглянет на них, и потихоньку, одна за другой, стали гаснуть...

Эта милая Людмила переборолá желание расплакаться, вернулась в домик и не раздеваясь легла на раскладушку поверх одеяла.

Не спалось... Надо было решить, что же делать утром. Если тетечка расхворается, ясно: поход сорвется. А если он сорвется завтра, то может не состояться вообще, пото-

му что появится милиция или папаша Голгофы. А уйти надо до их приезда...

Ведь как надо, как необходимо Голгофе посидеть у костра под звездным небом, и чтобы звезд было много-много-много, и чтобы одна другой — ярче. Так и бывает, когда очень захочешь поговорить со звездами. Они отзывчивы, как дети...

И странно, нелепо, глупо, в конце концов просто возмутительно, что многодневный поход срывает какой-то препротивнейший кот!

А если взять его с собой, как запланированную дополнительную трудность? Тогда тетечка наверняка забыла бы все свои возражения.

Нет, нет, человек она очень принципиальный. Увы, все-таки кот срывает поход!

Конечно, эта милая Людмила несколько преувеличивала значение Кошмара, но зато и не преуменьшала, что было бы гораздо ошибочнее. Кот лишь усложнил и без того сложные обстоятельства. Если тетечка расхворается, то именно из-за него.

Тут она вспомнила, как угощала голодного Пантю, как тот почему-то зарыдал и убежал, и вот от такого воспоминания ей сразу стало приятнее, и она сразу уснула — провалилась в сон.

Но спала она беспокойно, видела много обрывочных, мелькающих снов:

Кошмар съел у нее удилища,

Пантя хотел съесть Кошмара,

тетечка гналась за убегающей Голгофой в милицейской машине с дико воющей сиреной,

Герка сломал обе руки и обе ноги,

дед Игнатий Савельевич плясал вприсядку и пел «Главное, ребята, сердцем не стареть!»,

Юрий Алексеевич Гагарин улыбался ей радостно и ободряюще, шутливо грозил пальцем, что-то говорил, но она никак не могла расслышать...

И последним сном было

черное небо с несколькими печальными звездочками...

Резко сев на раскладушке, еще не проснувшись окончательно, эта милая Людмила почувствовала что-то недоброе, проснулась, увидела, что спала в одежде, вспомнила вчерашние события, быстро вскочила и бросилась в комнату тети Ариадны Аркадьевны.

На часах было ровно семь, а в комнатке, да и во всем домике, никого не было — ни тетечки, ни ее архипрожорливого любимца-проходимца.

А с улицы раздался встревоженный голос деда Игнатия Савельевича:

— Людмилушка! Голгофы-то нигде нету! Нету нигде Голгофы-то, Людмилушка!

Одннадцатая глава

ЕСЛИ ВЫ СПРОСИТЕ МЕНЯ, УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ...

Увлеченные своими пусть пока еще немногими радостями и не более того многочисленными, часто неожиданными заботами, главные действующие лица нашего повествования целый день не замечали, как за ними почти неотступно, что-то натужно соображая, следил злостный хулиган Пантелеймон Зыкин по прозвищу Пантя.

Он до того был захвачен подглядыванием (кстати, при возможности, конечно, и подслушиванием), что за целый день ни одному человеку не сделал ни одной пакости и даже не поймал ни одной мухи!

Получилось все это случайно или потому, что Пантя вообще не привык думать над своими поступками. Просто делать ему, как всегда, было нечего, как всегда, он изнывал от одиночества и тунейдничества да к тому же не терял надежды любым способом получить от Герки два рубля. И еще он не собирался расставаться со своей сокровенной мечтой — наотбирать у малышей и у всех, кто его слабее, столько денег, чтобы после освобождения из школы не работать, а жить по-прежнему: делать людям пакости, мучить кошек и ловить мух.

И вот тут Пантя неожиданно, повторяю, увлекся подглядыванием за главными действующими лицами нашего повествования, так увлекся, что жить ему стало интересно.

Более того, важнее того, немыслимее — Панте захотелось жить именно так, как те, за кем он подглядывал, а при возможности и подслушивал. Он даже забыл сбегать домой перекусить чего-нибудь, а когда вспомнил, что пора бы поесть, и прибежал, мачехи дома не было. Ключа от квартиры ему не доверяли.

Мачеха работала в овощном киоске, куда изредка Пантю и пригонял голод. Она совала пасынку несколько яблочков, черствый пирожок, а при хорошем настроении (редчайший случай!) еще и стакан томатного соку наливала. Вечерами, если он возвращался точно к приходу отца, кормили нормально, зато могли и не пустить ночевать: спать ложились рано, а Пантя любил слоняться по улицам допоздна.

Сегодня, когда он пришел к овощному киоску, мачеха была глубоко не в духе и угостила его только советом:

— Где ночевал, там и кормись.

Ночевал Пантя в лесу, в шалашике, который оставили рыбаки. Еды, конечно, там никакой не было.

Однако к голоду Пантя был привычный, отобрал у одной девчонки баранку, ну и пообедал, так сказать.

Он напрочь забыл (кроме случая с баранкой), что является злостным хулиганом, что в его обязанности входит издеваться хотя бы над мухами. Подглядывая и подслушивая, Пантя вроде бы сам интересно жил, а не просто глазел со стороны. Временами ему даже казалось, что он именно сам совершает интересные дела и готовится к новым, еще более интересным.

Но чем ближе было к вечеру, чем сильнее ему хотелось есть, тем неотвязнее росло в Панте желание, чтобы этот день никогда не кончался, даже если бы ему пришлось умереть с голоду.

Ведь подглядывал и подслушивал он абсолютно бескорыстно, без всякого доброго или злого умысла. Просто впервые он не страдал от одиночества и безделья.

А вот когда тетя Ариадна Аркадьевна неумышленно, но довольно сильно стукнула его по лбу калиткой, он убежал, запутался в веревке, то сразу сообразил, что такой день больше никогда не повторится, что завтра все станет на свои прежние места в его нудной и бесполезной жизни. И, запутавшись в веревке, он уже ощутил себя прежним — злостным хулиганом Пантелеймоном Зыкиным по прозвищу Пантя.

И когда появилась эта милая Людмила, он уже вспомнил о своей привычке обижать маленьких, которые его очень боялись. А тут, опутавшись в темноте веревкой, Пантя сам в достаточной степени испугался. Зато махонькая — муха по сравнению с ним, верзилой! — девочка не только не боялась его, а еще и разговаривала с ним, будто учительница.

Поэтому опять Пантя на какое-то время перестал быть Пантей. Он вдруг с удивлением ощутил, что подчиняется ей, СЛУШАЕТСЯ ее; а ведь, как вы помните, уважаемые читатели, до сих пор он никого не слушался. Вот и растерялся, бедный, от такого необычного своего собственного поведения. Когда же эта милая Людмила принесла ему большой кусок пирога и немало колбасы, Пантя, между нами говоря, совершенно перестал соображать. Сейчас, если можно так выразиться, соображал, и очень здорово соображал его желудок. А его непропорционально маленькая голова была пока полностью освобождена от своих прямых и главных обязанностей. Пока голова ему требовалась лишь постольку, поскольку в ней находился рот.

И если эта милая Людмила опасалась, что Пантя подавится, то он, слыша ее встревоженный голос, но не понимая смысла слов, неожиданно и с большим испугом ощутил, что у него в груди что-то забилося, и от этого он вдруг зарыдал. И не головой, а сердцем, о свойствах которого он раньше и не подозревал, Пантя испытал неведомое ему доселе чувство глубокой благодарности. А так как все это было ему предельно непонятно, то он совсем испугался, и оттого, что рыдает, зарыдал еще сильнее и убежал.

Он бежал, рыдал и ел, вернее, так: бежал и рыдал, потом ненадолго останавливался, быстро-быстро-быстро проглатывал несколько кусков и снова бежал и рыдал — до тех пор, пока все не съел. Тут и рыдания тоже окончились. Тут и понемногу заработала в меру своих способностей маленькая голова. Она из всех сил старалась сообразить, что же произошло с ее владельцем. Он, который всю жизнь заставлял рыдать других, он, от безобразий которого рыдали бы даже мухи, если бы обладали таким свойством, рыдал сам — да как громко, да как долго! Голове было больно вспоминать, до чего сильно она сотрясалась от рыданий ее владельца.

Самое странное заключалось в том, что Панте сейчас было очень хорошо, почти-почти весело, и не оттого, что он необыкновенно вкусно и сытно поел. Конечно, Пантя, вернее его желудок, был премного доволен, что неожиданно насытился. Главное было в чем-то другом. Вот этого-то Пантина голова при всех ее усилиях никак не могла сформулировать.

Главное, уважаемые читатели, пожалуй, заключалось в том, что Пантя пока перестал чувствовать себя злост-

ным хулиганом, а ощутил себя обыкновенным мальчишкой, которого в любой момент могут обидеть.

А тут он еще вдруг вспомнил маму, и ему снова захотелось порыдать, и он побежал, словно мог убежать от этого желания.

Он бежал и рыдал, можно сказать, во весь голос и чувствовал, что остановиться пока ему не удастся. Панте казалось, что если он остановится, рыдания прекратятся, или, наоборот, если рыдания прекратятся, он остановится.

Бежал он уже по дороге из поселка, и сообразил он это лишь тогда, когда его ослепил свет фар мчавшейся ему навстречу автомашины. Вот тут-то Пантя остановился, тяжело дыша, и медленно, уже без рыданий, побрел дальше.

Трудно мне, уважаемые читатели, достоверно и тем более убедительно передать душевное состояние все еще пока бывшего злостного хулигана. Просто говоря, своей заботой о нем эта милая Людмила напомнила Панте его маму. Вот отчего он рыдал, а не потому, что вкусно и сытно поел. Мама всегда его кормила. Мама никогда не оставляла его ночевать на улице. Мама и не ругала его никогда.

Ноги у Панти подкашивались от усталости и переживаний, он чувствовал, что так хочет спать, что вот-вот уляжется прямо тут на дороге. Он побрел, спотыкаясь и запинаясь почти на каждом шагу, к опушке леса через поле. Там, в чаще, был у него небольшой шалашик, который когда-то соорудили рыбаки. Недавно Пантя натаскал сюда свежего сена, и место для ночлега получилось замечательным. Можно даже сказать, что шалашик и был для Панти родным домом. Правда, в нем не появлялось ни гостей, ни друзей, но зато здесь Пантя хоть очень изредка, да забывал, что он злостный хулиган, и отдыхал от собственных безобразий.

И он страшно боялся, что кто-нибудь когда-нибудь разрушит его шалашик. И сейчас он даже прибавил шагу, испуганно подумав, что шалашика уже может не быть!

Так вот и устроены все хулиганы на всем свете: сами другим гадости делать считают своим долгом и правом, а их, представьте себе, обижать нельзя — очень они обижаются.

Шалашик был на месте, цел и невредим. Пантя пролез в него и с великим блаженством вытянулся на сене, правда ноги его остались почти все снаружи, но вскоре он подтя-

нул их, свернулся калачиком и, вспомнив эту милую Людмилу, похожую на его маму, сладко-сладко и крепко-крепко заснул.

Но проснулся Пантя в отвратительнейшем настроении, до того отвратительнейшем, что сразу очень постарался снова заснуть. Ничего из этого не получилось. Наоборот, чем старательнее снова хотел заснуть Пантя, тем отвратительнее становилось настроение. И если бы он ощущал себя злым хулиганом, то немедленно бросился бы в поселок и натворил бы столько пакостей людям, кошкам и мухам, что настроение у него стало бы распрекрасным.

У Панти даже голова болела с каждой минутой все сильнее от ужаснейшего настроения. Он выполз из шалашика и по полю направился к дороге в поселок и только недалеко от обочины сообразил, что идет на четвереньках. Пантя до того рассвирепел, что сразу потерял всякую возможность думать, и вместо того, чтобы подняться на ноги, яростно запрыгал на четвереньках вперед.

Если вы спросите меня, уважаемые читатели, чем же объясняется странное поведение Панти, я, конечно, постараюсь вам ответить, но недостаточно убежден, что мое объяснение можно считать исчерпывающим.

Вы только представьте себе, ЧТО творилось в непропорционально маленькой голове злого хулигана Пантелеймона Зыкина по прозвищу Пантя вчера! А что произошло в его сердце, о свойствах которого он раньше и не подозревал! Он даже на какое-то время перестал ощущать себя злым хулиганом и рыдал подобно нормальному человеку, и осмыслить все это ему было просто не под силу. Переживать Пантя мог, но ничего толком понять из происшедшего пока еще был не способен.

А если к этому добавить и острое опасение, что разынтересный и распрекрасный для него вчерашний день больше уже никогда не повторится, — тогда только одно и остается, что прыгать на четвереньках!

Наконец-то устав, просто вымотавшись до изнеможения, Пантя рухнул на землю и услышал над собой голос: — Что с вами, дяденька?

Пантя глянул одним глазом вверх, увидел что-то очень длинное в брюках и побурчал:

— А какое тебе дело, тетенька?

— Но вы как-то ужасно странно прыгали на четвереньках, — раздалось в ответ. — Я сначала даже не поверила, что это человек.

— А кто ж я, по-твоему, — сразу разозлившись, пропищал Пантя, — козел, что ли? Или лягушка?

— Я оценила ваш юмор. Но ведь люди так не прыгают ни с того ни с сего, дяденька.

— Какой я тебе дяденька?! — Пантя вскочил на ноги и увидел, что перед ним стоит вовсе не тетенька, а длиннющая, чуть ли не с него ростом девочка с голубыми волосами, за которой он вчера подглядывал целый день. — Да и ты тоже не тетенька... Ну, чего стоишь? Чего тебе от мене надо?

— Мне от тебя ничего не надо, — грустно ответила девочка. — А что ты так рано в лесу делал? Ведь сейчас, — она взглянула на маленькие ручные часики, — всего-навсего половина седьмого. Многие люди еще спят.

— Деньги у тебе есть? — вдруг неожиданно даже для самого себя спросил Пантя.

— Немного есть. А что?

— Сколько?

— Рубль с мелочью.

— Давай! — И Пантя протянул свои длиннющие ручки ладонями вверх. — Ну!

— А почему, собственно, я должна отдавать тебе деньги? — удивилась девочка. — Они мне самой могут пригодиться. А тебе для чего деньги нужны? — живо поинтересовалась она. — Да и вообще, прежде чем просить взаймы, надо хотя бы познакомиться. Тебя как зовут?

— Мене зовут Пантя. А ты деньги скорей давай. Некогда мене с тобой тут...

— Так ты и есть тот самый злостный хулиган? — поразилась девочка. — Мне о тебе рассказывали. Меня зовут Голгофа, но ты можешь называть меня Цаплей. Я не обижусь.

— Деньги, деньги, деньги, Цапля, давай!

Голгофа внимательно посмотрела на Пантю и задумчиво ответила:

— Я бы могла отдать тебе деньги. Только помоги мне куда-нибудь спрятаться.

— Это как? Куда спрятаться? Зачем?

— Да хоть куда, но только чтобы никто не знал, где я, хотя бы до вечера. Понимаешь?

— Не, — признался Пантя. — Ты деньги мене скорей давай... А почему ты мене не боишься? — пропищал он обиженно и угрожающе, хотя и пискляво, добавил: — Ведь я могу тебе уши оторвать. И нос.

— Не болтай глупостей, — отмахнулась Голгофа. — Не такой же ты дурак, чтобы драться с девочкой. Отдам я тебе деньги, только посоветуй мне, пожалуйста, где спрятаться хотя бы до вечера. Понимаешь, меня ищет мой папа. А нам надо идти в многодневный поход. И если папа меня найдет, ни в какой поход я не пойду. И жизни мне никакой от папы не будет.

Панте надо было все это осмыслить, и Голгофа терпеливо ждала, но уж больно долго он соображал, и она спросила недовольно:

— Сколько можно ждать?

А Пантя в это время думал вовсе не о том, куда спрятать эту длинноногую Цаплю в брюках и с голубыми волосами. В его непропорционально маленькой голове возникли, если так можно выразиться, вчерашние мысли, а сердце точно так же, как вчера, сильно забилось. В нем появилась, неизвестно откуда, совсем-пресовсем махонькая надежда, что и сегодня жить будет интересно.

— Айда! — решительно предложил он, быстро зашагал по полю к лесу, а Голгофа, ни о чем не спросив, подхватила свою большую сумку и направилась следом.

Мне, уважаемые читатели, долгое время поведение Голгофы в данном эпизоде было не очень понятно. Действительно, почему она не испугалась Панти? Почему она решила уйти от всех, ни с кем не посоветовавшись, и спрятаться от всех?

Но постепенно мне удалось найти объяснение ее поведению.

Всю жизнь Голгофа, начиная с пеленочного возраста и по сей день, была окружена таким неумным, непрерывным, сверхпредельным вниманием, что не обладала никакой, самой маломальской самостоятельностью. Родители и бабушка почти ни на минуту не оставляли ее одну. Голгофа была нормальной, здоровой, умной девочкой, а с ней обращались как с больной и, простите, бестолковой, которая будто бы без них ни на что не способна. Взрослые называют это заботой о ребенке, на самом же деле это обыкновенное ОКУКЛИВАНИЕ, то есть воспитание из нормального ребенка живой говорящей куклы.

Однако Голгофа такой вот живой говорящей куклой вырасти не хотела. Она ведь училась в школе, она ведь читала книги, она ведь хоть с бабушкой, да ходила в кино, смотрела телевизор, слушала радио и знала, что жить можно в сто с лишним раз интереснее, чем живет она.

И мечтала Голгофа не о кукольном существовании, а о настоящей жизни, и уже во втором классе поняла, что голова дана девочке не для того, чтобы на ней несколько раз в день менять банты, а чтобы она, голова, думала как можно больше.

Родители и бабушка имели возможность и право не разрешать несчастной девочке самой размешивать чай ложечкой или самостоятельно отрезать кусок хлеба, но Голгофа мечтала о том, что наступят дни, когда она без посторонней помощи разогреет суп, нальет его САМА в тарелку, САМА достанет ложку, отрежет кусок хлеба и поест! А потом — скорей бы добиться этого! — она и тарелку, и ложку САМА вымоет.

В глубине души Голгофа давно уже была полна решимости при первой же возможности доказать родителям и бабушке, что в ОКУКЛИВАНИИ она не нуждается, что давно уже пора ей помогать родителям и бабушке, а не сидеть, как говорится, у них на шее.

И ей давно надоело, что в классе ее жалеют. Ей было легче и необиднее, когда над ней смеялись.

Так что ко времени знакомства Голгофы с этой милой Людмилой и Геркой она была достаточно готова доказать, что способна быть сильным, смелым, выносливым, трудолюбивым, самостоятельным человеком.

Ко всему вышесказанному, уважаемые читатели, мне остается добавить лишь одно. ОКУКЛИВАЯ Голгофу, родители и бабушка совершенно не придавали значения тому, что своим поведением они ее еще и ОЧЕЛОВЕЧИВАЛИ, то есть подавали примеры доброты, заботливости, трудолюбия: ведь сами-то они были заняты все время! И Голгофа не могла не замечать этого, и это не могло не произвести на нее впечатления.

Короче говоря, девочка была готова на все, чтобы стать нормальным человеком.

И сейчас, следуя за торопливо шагавшим Пантей, она весело думала о том, как здорово она все замыслила! САМА! Теперь никто не виноват в ее поведении! Только она одна!

Это Голгофа сообразила вчера ночью на сеновале перед сном. Ей было страшновато, даже — страшно, временами — очень жутко. Кругом — наитишайшая тишина, которой она не слышала ни разу в жизни, чудесно пахнет свежим сеном, но в голове тягучая, тяжелая мысль: завтра меня заберут домой и...

И проснулась Голгофа, поверьте мне, уважаемые читатели, совершенно другим человеком. Дома-то ей, честно говоря, просыпаться не хотелось. А тут она, взглянув на часики — всего около шести, — быстренько слезла с сеновала и сразу направилась к окраине поселка.

Точного, продуманного плана действий у нее не было. Ей было важно спрятаться так, чтобы никто ее не нашел, а вдохновляло Голгофу то, что теперь никому не придется врать из-за нее и отвечать за нее! Приедет папа, поищет-поищет дочку, уедет, а завтра она спокойненько отправится в многодневный поход. И попадет за это только ей!

Около опушки леса Пантя остановился, оглянулся на Голгофу, задумчиво почесал затылок и спросил:

— Спрятать тебе? А дале что?

— Ничего. Хотя, впрочем, нет! — Она оживилась и заговорила весело и торопливо: — Лучше, конечно, Пантя, если ты мне поможешь! Сейчас, сейчас все объясню! Понимаешь, за мной приедет папа, будет меня искать. Вот когда он уедет обратно, ты мне об этом и сообщишь! Согласен? Я тебе буду очень, очень, очень благодарна!

— Отец тебе ищет? — сочувственно спросил Пантя. — На машине он гоняет?

— Да, да, на желтенькой. Только не гоняет, а очень осторожно ездит.

— А чего он тебе ищет?

— Не «тебе», а «тебя» надо говорить, — поправила Голгофа. — У нас сложнейшие отношения в семье. Он мне не разрешает...

— Айда! — коротко бросил Пантя и шагнул в чащу леса. — Тут недалеко.

Увидев шалашик, Голгофа восторженно завизжала, нагнулась, заглянула внутрь и еще более восторженно крикнула:

— Прелесть, прелесть какая!

— Если пить захочешь, вон там речка, — сказал довольный Пантя. — А тут у мене банка есть.

— Как я тебе благодарна! Ах, как я тебе благодарна! Если бы ты знал, милый Пантя, как я счастлива! — прижав руки к груди, Голгофа с умилением смотрела на него. — Ты же просто спас меня!

У Панти, как вчера, в груди что-то громко застучало, прямо-таки забухало, и чтобы, чего доброго, не зарыдать, как вчера, он сжал свои кулачища и зло пролищал:

— Давай мне деньги!

— Пожалуйста, пожалуйста! — Голгофа расстегнула карман на сумке, достала оттуда кошелек, высыпала на ладонь деньги, протянула Панте. — Бери, пожалуйста, бери! Здесь больше рубля.

Как-то вроде бы неохотно, даже вроде бы по принуждению Пантя подставил свою широченную ладонь. Голгофа высыпала в нее деньги, но он не сжал пальцы, стоял с протянутой рукой, будто не зная, куда эти монеты девать.

— Ты чего? — удивилась Голгофа. — Бери, бери, мы же договорились. Если ты не веришь, что здесь больше рубля, сосчитай.

Пантя почему-то пересыпал деньги в другую ладонь и, опять помедлив, опустил их в карман, спросил:

— Не забоишься... без мене?

— А чего мне бояться? Вода здесь есть. Еды у меня немного имеется. И книжка интересная. А самое главное, я ведь первый день на настоящей свободе, да еще в лесу... Если тебе некогда, — смущенно продолжала Голгофа, — ты попроси прийти сюда Людмилочку или Германа. Только тогда, когда папа уедет.

— Никакого я Гер... мана не знаю, — пробурчал Пантя. — А к этой я не... у ей тетка злая.

— Ничего она не злая, просто строгая. Но ведь Германа-то ты знаешь! Ну, Герку!

— А-а... так бы и сказала. Сам я к тебе приду! — твердо пообещал Пантя. — Отец тебе не поймает. Не бойся.

— Да не «тебе», а «тебя»! — с укоризной поправила Голгофа. — Почему ты так неправильно говоришь? Такой хороший человек, а...

Пантя, возмущенно и жалобно пискнув, зашагал прочь, треща сучьями и спотыкаясь о кочки. Он шагал по полю, то замедляя шаги, словно собираясь остановиться и повернуть назад, то почти бежал, словно в поселке его ждали неотложные дела.

Случайно сунув руку в карман, нащупав там деньги, Пантя замер на месте и с удивлением отметил, что испытывает не радость, а недоумение, смешанное с разочарованием. Деньги-то он отобрал, значит, начала исполняться его заветная мечта... Но ведь он намеревался их отбирать, а тут... а Цапля их вроде бы сама отдала, спокойненько отдала, без страха, охотно и даже вроде бы с удовольствием. Вот это никакой радости Панте и не доставило.

Да и вообще зря он у Цапли деньги просил. Ему ее отца спрятать надо, а он...

Взглянув на дорогу, Пантя издал тихий, но достаточно яростно-торжествующий вопль и рванулся вперед: по дороге в сторону поселка пылила машина желтого цвета.

Двенадцатая глава

РАССУДИТ НАС БУДУЩЕЕ

— Голгофы нету! — растерянно и довольно испуганно повторил дед Игнатий Савельевич. — Нету Голгофы-то!

— И тетечки с котом нет! — еще испуганнее и еще растерянее крикнула эта милая Людмила. — Я проснулась, а дома ни тетечки, ни Кошмара!

— Голгофа куда-то запропастилась! — совсем испуганно и почему-то угрожающе крикнул дед Игнатий Савельевич. — А ты мне про кота!

— Так ведь вместе с котом куда-то исчезла тетечка! Вернее, тетечка куда-то исчезла вместе с котом!

— Котом! Котом! Котом! Котом! — Дед Игнатий Савельевич четыре раза возмущенно и сильно топнул правой ногой и один раз левой. — Котом! Они ведь с тетечкой твоей местные жители! Они же все чердаки и подвалы знают! Они на любой крыше устроятся!

— Тетечка... на... на... на любой крыше?! Тетечка по всем чердакам и подвалам?!

— Кот! Кот! Кот! А не тетечка! Ничего с ними не случится, а вот Голгофа... Она-то куда подевалась? И зачем?

— Может быть, она просто домой на автобусе уехала? — горестно предположила эта милая Людмила. — Испугалась встречи с папой и уехала?

— Почему-то вчера поздно вечером не испугалась, а сегодня рано утром испугалась? — насмешливо спросил дед Игнатий Савельевич. — Нет, нет, тут что-то не то! Тут что-то новое!.. Но ведь мы за Голгофу в ответе! — торжественно и сурово закончил он.

— Да, мы за нее в ответе, — печально согласилась эта милая Людмила. — Ведь сегодня приедет ее папа, а что мы ему скажем?

— Скажем, что знать ничего не знаем. Но легче нам не будет. Придется пока ждать... А я к походу все приготовил.

— Что-то надо делаты! Я ведь и за Голгофу отвечаю, и за тетечку.

— И за кота, конечно, ты отвечаешь? — ехидно, сколько ни сдерживался, спросил дед Игнатий Савельевич.

— Представьте себе, и за кота! — виновато ответила эта милая Людмила. — Вчера по моей халатности он ужасно-ужасно обьелся, и тетечка до того расстроилась, что очень заболела или ей очень показалось, что она заболела. А может быть, она уже в больнице?! Давайте решать, что мы будем делать?

— Ты мне только про кота не вспоминай, и я чего-нибудь да придумаю. Можно, например...

— Ой! Ой! Ой! — воскликнула эта милая Людмила — первый раз удивленно, второй раз пораженно, третий раз со страхом. — Она на крыше!

— Кто?

— Тетечка! Смотрите, смотрите! Вон, вон там!

— С котом, конечно!

— Да, да, вон он лежит!

— А чего я говорил? Чего я говорил? — торжествовал дед Игнатий Савельевич, вертя головой по сторонам. — Из-за своего разбойника она готова... Да где они?

— Вон! Вон! На своей крыше! Бедная тетечка! Ну, зачем она туда залезла?

— За сво-им ко-том, — угрюмо объяснил дед Игнатий Савельевич. — Пошли, Людмилушка, их спасать.

— Но почему она там сидит? Почему не слезает? — по дороге спрашивала эта милая Людмила. — Да ведь она и упасть может!

— Вполне может, — через плечо сумрачно ответил дед Игнатий Савельевич. — Но не о себе она заботится. Боятся, что кот навернется!

Едва они вошли во дворик, как почти все стало ясно: лестница, по которой тетя Ариадна Аркадьевна, видимо, поднималась на крышу, лежала на земле.

Тетечка сидела с одной стороны трубы, держась за нее руками, а Кошмар — с другой.

— Сейчас мы вас спасем, тетечка! — крикнула эта милая Людмила.

Они с дедом Игнатием Савельевичем приставили лестницу к краю крыши, и он виновато прошептал:

— Что делать-то будем? Она без кота слезть откажется, а я его со злости могу... я его, изверга, видеть не способен!!!!

— Обо мне не беспокойтесь, пожалуйста, — раздался оскорбленный голос тети Ариадны Аркадьевны. — Помогите мне спасти Кошмарику. С ним творится что-то неладное. Я боюсь за его психику.

— Психика у него всегда вредной была, уважаемая соседка, — довольно мягко отозвался дед Игнатий Савельевич. — Давайте потихонечку слезайте, а бандит ваш...

— Я его в беде не оставлю!

— Да какая у него, хулигана, беда может быть? Издевается он просто над вами! А теперь еще и над нами!

— Тогда я попрошу вас избавить нас от вашей помощи! Даже от вашего присутствия! Мы в нем не нуждаемся!

— Полежай, Людмилушка, полежай, — прошептал дед Игнатий Савельевич. — Осторожно бери его за хвост и кидай сюда. А то она с ним до ночи просидеть может или пока не свалится от усталости.

Эта милая Людмила быстро влезла по лестнице на крышу, и Кошмар, увидев непрошеную спасительницу, издал негодующий мярг, затем еще более негодующий воооооопль, отбежал от трубы, спустился вниз, устроился у самого края крыши и еще немного угрожающе помяргал и повооооооопил.

На четвереньках поднявшись к трубе, эта милая Людмила ухватила за нее рукой и спросила:

— Как вы оказались здесь? Зачем?

— О, вам не понять! — с затаенным презрением отозвалась тетя Ариадна Аркадьевна. — На ваших глазах может погибнуть живое существо, а вы... вы... Как ты не можешь понять, что мне с ним общаться и полезнее, и приятнее, и легче... Вот зачем ты согнала его на самое опасное место? — Она оскорбленно замолчала, а эта милая Людмила сказала:

— С ним вам лучше, чем со мной. Ясно. И все-таки, тетечка, надо спуститься на землю. У нас там, на земле, несчастье. Исчезла Голгофа.

— Не исчезла, а просто ушла.

— Откуда вы знаете?!

— Уважаемая соседка! — раздался снизу сердитый голос деда Игнатия Савельевича. — Вопрос я ставлю так! Вызываю пожарную команду! Престарелым людям сидеть на крышах воспрещается! А кота вашего...

Наизялобнейше мякнув, Кошмар еще ближе пододвинулся к самому краю крыши и хрипло состонал.

Тетя Ариадна Аркадьевна прошептала:

— Я не вынесу... я не переживу... я не могу видеть, как он рискует жизнью...

— Всем оставаться на местах! — неожиданно весело и властно скомандовала эта милая Людмила. — Выхожу в открытый космос!

— Не... не... не смей... — еле-еле-еле слышно попросила тетя Ариадна Аркадьевна.

— Прекратить рисковать ради кота... — хотел скомандовать дед Игнатий Савельевич, а получилась жалобная просьба.

Эта милая Людмила осторожно, но решительно встала во весь рост и начала довольно быстро спускаться вниз по крыше. Тетя Ариадна Аркадьевна ахнула три раза.

Дед Игнатий Савельевич возмущенно и в то же время восторженно дважды крякнул.

И пока кот соображал, чего же ему предпринять, он оказался в руках этой милой Людмилы. Тут он попытался сотворить очередную подлость — приготовился царапаться и кусаться, но было уже поздно. Дед Игнатий Савельевич, взобравшийся вверх по лестнице, взял кота, моментально спустился обратно, и через несколько мгновений Кошмар приземлился на крылечке. Как говорят в подобных случаях футбольные комментаторы, удар был несильным, но точным.

Пока эта милая Людмила и дед Игнатий Савельевич помогали тете Ариадне Аркадьевне достичь земли, Кошмар имел время обдумать случившееся. Как всякий хулиган, он категорически не терпел, когда с ним обращались грубо, но зато отчетливо сознавал, что тот, кто с тобой, хулиганом, хотя бы не очень вежлив, сильнее тебя, и с ним лучше не связываться, а надо найти кого-нибудь побеззащитнее. Таких поблизости не было, и Кошмар встретил свою благодетельницу притворно радостным урчанием.

— Как ты испугал меня! — нежно воскликнула она, взяв здорового любимца-проходимца на руки. — Едва рассвело, — начала рассказывать она, — я проснулась от жуткого ощущения невероятной беды. Точно! Кошмарика на месте не было. Я бросилась искать его по всему дому, выбежала во дворик, в огородик — нет нигде! Я звала, просила, умоляла, почти требовала, едва не приказала, чтобы он отозвался... Тщетно! И я сделала вывод, что он погиб.

По возможности вежливо кашлянув в кулак, дед Игнатий Савельевич так же по возможности вежливо спросил:

— А на крышу-то, уважаемая соседка, зачем вознеслись? В вашем-то возрасте...

— Только в моем возрасте, уважаемый сосед, — подчеркнуто любезно перебила тетя Ариадна Аркадьевна, — и начинаешь понимать, кто из живых существ тебе по-настоящему дорог и кто тебя по-настоящему ценит.

Назревала очередная словесная распря, и эта милая Людмила, чтобы остановить спор, спросила:

— Как же вы обнаружили своего любимца?

Вот что было с любимцем-проходимцем на самом деле. Отославшись, переварив уничтоженную вчера в холодильнике сверхобильную пищу, Кошмар через форточку на кухне выбрался в огородик, погулял, сбегал на речку, напился, вернулся домой.

А раннее солнышко было уже теплым. Кошмар и залез поближе к нему — на крышу, разлегся и сладко задремал в ожидании завтрака. Но, разморенный солнечным теплом, он заснул так крепко, что голоса разыскивавшей его благодетельницы не слышал, а когда услышал, шевелиться и отзываться ему было элементарно лень. Он и лежал себе не двигаясь, решив, что, как только лень пройдет, он и спустится позавтракать. А благодетельница пусть поволнуется, попереживает, пострадает за него.

Тетя же Ариадна Аркадьевна решила, что ему худо со вчерашнего, что он, по крайней мере, медленно умирает. Борясь со страхом и головокружением, она залезла на крышу по лестнице и тут неосторожным движением толкнула ее.

Лестница упала, но тетя Ариадна Аркадьевна сначала не заметила этого, торопясь к своему якобы умирающему любимцу-проходимцу. Едва она добралась до него, как негодяй встал и передвинулся подальше от нее. И так несколько раз. Хулиган явно издевался над своей благодетельницей, чтобы в дальнейшем она слушалась его еще послушнее. А она, бедная, думала, что ему стыдно за вчерашнее, что он, несчастный, опасается наказания, а когда распоясавшийся безобразник предостерегающе зарычал на нее, тетя Ариадна Аркадьевна едва не лишилась чувств. Она решила, что у Кошмарика из-за вчерашних переживаний нарушилась психика и он не понимает, что он делает, и может вообще повредить себе, например, разбиться!

Посему тетя Ариадна Аркадьевна как-то машинально, не придавая этому значения, отметила, что из калитки соседнего дома вышла Голгофа и направилась по улице в сторону окраины поселка. Когда через некоторое время тетя Ариадна Аркадьевна скользнула рассеянным взглядом по дороге за поселком, то увидела, что Голгофа идет по полю к лесу с каким-то человеком... Но ей было не до Голгофы!

И вот сейчас, умиротворенная, успокоившаяся, держа на руках своего здорового и здоровенного Кошмара, она благодарила его спасителей. (Будто бы его, хулигана, надо было от чего-то спасать! Спасали-то ее, а не его!)

Зато они, спасители, не испытывали ни спокойствия, ни тем более умиротворения, и эта милая Людмила сказала озабоченно, даже тревожно:

— Мы потеряли Голгофу. Вчера она захотела спать на сеновале, а рано утром ее там не оказалось. Вы, тетечка, говорили мне там, на крыше, что она ушла...

Тут они услышали громкие, резкие, требовательные автомобильные гудки. Все сразу поняли всё, а тетя Ариадна Аркадьевна сказала:

— Вполне вероятно, что я видела именно ее... но я была в таком состоянии, что не могу категорически утверждать... А вот как вы намерены объясняться с ее отцом? Как вы ему объясните отсутствие, вернее, пропажу его дочери?

Гудки становились громче и громче, резче и резче, требовательнее и требовательнее, в них проскальзывали нетерпеливые и даже угрожающие нотки.

— Ничего мы объяснять не намерены, — невинным тоном ответил дед Игнатий Савельевич. — Мы знать ничего не знаем. Пусть ищет.

— Пусть ищет, — с укором повторила тетя Ариадна Аркадьевна. — Вам не кажется странным, нелепым, противоестественным, наконец, что по вашей вине отцу приходится искать дочь?

— Странно, нелепо, противоестественно, тетечка, — проговорила эта милая Людмила, — что дочь сбежала от отца. Правда, ненадолго сбежала. Всего на несколько дней. Чтобы хоть несколько дней пожить нормальной жизнью.

— Вы, вы, вы втянули девочку...

— А! — сердито воскликнул дед Игнатий Савельевич. — Ариадна Аркадьевна! Рассудит нас будущее! А я твердо верю в наше светлое будущее! Я верю даже в то, уважае-

мая соседушка, что мы с вами вскоре найдем общий язык, то есть станем единомышленниками, то есть не станем ссориться! Идемте! Главное, ребята, сердцем не стареть!

Они вышли на улицу. «Жигули» цыплячьего цвета стояли у соседнего дома. Отец и врач П. И. Ратов толкал калитку обеими руками, бил по ней кулаками, пинал ее и зло приговаривал:

— Ну, я вам... ну, вы у меня... вы у меня еще... Кончайте валять дурака! — крикнул он. — Открывайте!

— Доброе утречко, — приветствовал его, подойдя, дед Игнатий Савельевич. — Как доехали? Как самочувствие? Как...

— Где Голгофа? Где моя дочь, спрашиваю! Учтите, что я обо всем уже заявил в милицию! И если я сейчас же, немедленно не увижу Голочку, вам несдобровать! Вас призвуют к порядку!

— Собственно, а на каком основании вы кричите на нас? — с достоинством и возмущением спросила эта милая Людмила. — Мы даем вам честное слово, что понятия не имеем, где ваша дочь.

— С тобой, мерзкая девчонка, я разговаривать не собираюсь! — сквозь зубы процедил отец и врач П. И. Ратов. — Хотя я и осведомлен, что ты, именно ты, хулиганка и наверняка двоечница, сбила мою девочку с истинного пути...

Тут вперед вышла тетя Ариадна Аркадьевна и презрительнейшим тоном заговорила:

— Гражданин! Не имею чести знать вашего имени и не испытываю необходимости знать! По-человечески сочувствуя вашему горю, я тем не менее требую, чтобы вы разговаривали с нами не только вежливо, но и уважительно! Мне начинает казаться, что от такого, простите, отца...

— Хорошо, — почти прошипел со свистом отец и врач П. И. Ратов. — Я постараюсь разговаривать с вами вежливо, хотя вы и не достойны ничего подобного. И ни о каком уважении к вам и речи быть не может! Учтите, что я вызову со-бак! Специальной породы и специально обученных! Они-то и обнаружат следы моей дочери, которые вы от меня скрываете!.. А сейчас прошу предоставить мне возможность осмотреть все ваши помещения. И не вздумайте чинить мне препятствия! Тут же появятся со-ба-ки!

— Осмотреть все помещения? — ехидно переспросил дед Игнатий Савельевич. — Сделайте одолжение. Будем

очень рады. Особое внимание не забудьте обратить на одно помещение в огороде. Летнего пользования.

— В мой дом я вас не пушу! — отрезала тетя Ариадна Аркадьевна. — Тем более, что туда Голгофа даже и не заходила. Людмила, идем отсюда. У меня к тебе серьезный разговор.

Когда они ушли, а отец и врач П. И. Ратов опять намеревался закричать, дед Игнатий Савельевич угрюмо произнес:

— Мы ведь и сами Голгофу-то вашу потеряли.

— То есть как?!

— То есть так. Проснулись утром, а ее нету. Нигде. Ни в одном помещении.

— В высшей степени подозрительно... — Отец и врач П. И. Ратов первые слова выкрикнул, а последнее почти прошептал. — Может, дед, ты не знаешь, где Голгофа, а сынок твой...

— Точнее, внук. Он все еще спит. И ничего еще знать не может. Никто из нас понятия не имеет, куда она делась.

— И все-таки осмотрим помещения. У меня нет никаких оснований доверять вам.

Когда за ними закрылась калитка, из-за машины появился Пантя. Как он здесь оказался, никто и не заметил.

Вид у него был крайне озабоченный и довольно напуганно-подозрительный. Пантя медленно обошел вокруг «Жигулей» дыплячьего цвета, оглянулся по сторонам и присел у правого заднего колеса на корточки, еще раз оглянулся по сторонам...

И пока отец и врач П. И. Ратов осматривал все помещения во дворе и огороде, Пантя возился около машины...

А в домике тети Ариадны Аркадьевны была такая тишина, словно там никого не было. Нет, там были и хозяйка, и эта милая Людмила, но они молчали. Я бы назвал такое молчание, уважаемые читатели, громким.

Тетечка и племянница (обе уже дорогие друг для друга) сидели неподвижно, отвернувшись друг от друга. Выражение лиц у обеих было обреченное, словно они намеревались совершить что-то крайне нежелательное для них, но необходимое.

Первой не выдержала тетя Ариадна Аркадьевна, заговорила тоскливым голосом, каким обыкновенно говорят перед долгой разлукой:

— Можешь думать обо мне что угодно, считать меня кем те-бе удобно...

— У-годно или у-добно?

— Как хочешь. Но, понимаешь, я не умею, не могу, я не способна лгать. Даже если бы я и захотела соврать, рот у меня все равно не раскрылся бы, а если бы и раскрылся против моей воли, прозвучала бы из него только правда.

— Ах, тетечка... — устало и беспомощно прошептала эта милая Людмила, сжав кулачки, потому что ей хотелось не шептать, а кричать, да еще как кричать: возмущенно-возмущенно, громко-громко. — Ведь вас никто и не просит лгать.

— Зато ты желаешь, чтобы я промолчала. А это хуже лжи — молчание.

— Я ничего от вас не хочу. Я ничего от вас не прошу. Отец ее — грубый и жестокий человек. Хотя и врач. Голгофе необходим многодневный поход. Она ни разу в жизни не сидела у костра под звездным небом! Она ни разу в жизни не видела живого кузнечика и божьей коровки! — Эта милая Людмила резко вскочила. — И не пойдет она в поход из-за вашего любимчика-проходимчика!

— Пропускаю мимо ушей оскорбление, которое ты нанесла ни в чем не повинному существу. Но при чем здесь он?

— Если бы не он, хулиган, лентяй, разбойник, простите, обжора и притворщик, вы бы не залезли на крышу и не увидели бы, как уходила Голгофа! И мы бы, если не сегодня, то завтра бы обязательно ушли в поход! И если бы не кот, вы бы пошли с нами в поход! А вот кот, кот, кот... подумать только, какой-то несознательный кот срывает многодневный поход!

— Бедный Кошмарик! — Тетя Ариадна Аркадьевна взялась руками за возмущенно дрожащие косички. — Сколько несправедливых обвинений сыплется на его несчастную голову! Как он выносит все?!

— Дорогая тетечка! Поступайте, как считаете нужным. Никто вас не осудит. Идите и расскажите грубому и жестокому эс-ку-ла-пу, где его дочь.

— Я не знаю, где она. Я только, кажется, видела, что будто бы она вышла из соседнего двора. А потом я, КАЖЕТСЯ, видела, что она с кем-то шла к лесу.

— Но с кем и зачем?! Она же здесь никого, кроме нас, не знает. А как он найдет ее в лесу? И чего она там делает?

Я пойду, тетечка. Боюсь, что всем нам вместе придется искать Голгофу. Уж очень загадочно ее неожиданное исчезновение.

Едва она спустилась с крылечка, как ее окликнула тетя Ариадна Аркадьевна:

— Постой, постой! — Она тоже спустилась вниз. — Я хочу, чтобы ты поняла меня и не считала такой... какой ты меня считаешь. Мол, старуха не хочет и выслушать нас... Молчи, молчи! Присядем.

Они присели на ступенечку, тетя Ариадна Аркадьевна долго молчала, теребя косички, потом заговорила, сжав виски ладонями:

— Конечно, с твоей точки зрения, я смешна. В моем возрасте взбираться на крышу за котом!.. А если мне не о ком больше заботиться? — Голос ее дрогнул. — Вот у меня выросли, стыдно и горько сознавать, нехорошие дети. Может быть, я сама во всем виновата. Я слишком любила их, от всего оберегала, короче, безмерно ба-ло-ва-ла. Они были такими маленькими-маленькими, такими миленькими-миленькими... Я даже не заметила, как они стали большими-большими, плохими-плохими... И сейчас мне кажется, что все дети вырастут вроде моих... то есть плохими-плохими...

Эта милая Людмила порывисто обняла ее за плечи, прошептала:

— Вы пойдете с нами в поход. Мы проведем вместе несколько восхитительных дней. Вы просто устали от переживаний. А мы вас развеселим.

— Я и не заметила, когда же мои дети перестали меня слушаться, — продолжала будто бы самой себе рассказывать тетя Ариадна Аркадьевна. — Страшно, ужасно, о-пас-но, если дети не слушаются старших. Из таких вырастают страшные, ужасные, о-пас-ны-е люди... Ну, иди, иди... Мне надо побыть одной. Я должна решить, что мне делать.

И этой милой Людмиле захотелось побыть одной, подумать над тем, что она сейчас услышала от тетечки — над ее ТАЙНОЙ. Но из соседнего двора доносились рассерженные голоса, и она быстро направилась туда. Сейчас больше всего беспокоила Голгофа. Зачем она покинула их? Почему не предупредила? Что она может делать в лесу, где не бывала ни разу в жизни? А если заблудится? И что за человек мог быть с ней? Кто он?.. А вдруг тетечке все просто показалось?

И затея с походом представилась ей по меньшей мере не очень удачной. Ведь Голгофу будут искать, и искать будут до тех пор, пока не найдут...

А в соседнем дворе, уважаемые читатели, происходил скандал. Дело в том, что отец и врач П. И. Ратов нашел на сеновале носовой платок своей дочери и неудержимо раскричался:

— Ну, ты мне ответишь, дед! Почему ты мне вчера не сообщил, что прячешь ее у себя? Да ты знаешь, какое тебя ждет наказание за такое преступление?!

На крыльцо вышел заспанный Герка, слушал-слушал, как бранят его деда, обиделся за него и, не зная, что Голгофа давно ушла, сказал:

— Сама она, сама от вас прячется. Чего вы к деду пристали? Она сама так спряталась, что вам ее ни за что не найти.

— А со-ба-ки? Специальной породы и специально обученные со-ба-ки для чего? — Разбушевавшийся отец и врач П. И. Ратов бросился к Герке, но его остановил властный голос этой милой Людмилы:

— Минуточку! Рано утром Голгофа одна, сама, никого из нас не предупредив, ушла. В лес. Тетечка видела.

— В ле-е-е-е-ес?!?!?! — обескураженно, извините, проорал отец и врач П. И. Ратов. — Не... не... не может быть!!!! Ведь она... она погибнуть может!!!!!! Что, что, что вы наде-ла-ли?!?!?!? Зачем вы заманили ее сюда? — обессиленно спросил он и всем погрозил кулаком.

— Во всем виновата я, — спокойно проговорила эта милая Людмила. — Я пожалела бедную девочку.

— А она не нуждается в твоей жалости, негодная девочка! За что ее жалеть? Ее жизни может позавидовать любой ребенок, в том числе и ты! Мы обеспечили Голочку всем! Она окружена такой любовью и такой заботой, какие вам и во сне не снились! Я почти каждый вечер катаю ее в машине!

— А она пешком ушла от вас в лес, — весело сказал Герка. — Ей купаться охота, а не в машине вашей кататься.

— Герман абсолютно прав, — подходя к отцу и врачу П. И. Ратову, прямо глядя ему в глаза, вернее, в один глаз, произнесла эта милая Людмила. — Мы знаем: старших надо слушаться. Но вы тоже должны хотя бы попытаться понять нас. Если мы вынуждены вас не слушаться, значит, есть серьезные причины, и в них надо разобраться. Голгофе необходимо...

— Болтать ты научилась, хулиганка! А ума у тебя...

— Прекратить оскорбление хороших детей! — скомандовал дед Игнатий Савельевич. — Прошу вас отсюда шагом марш! — Видно было, что он очень старался сдержаться, но не мог. — Дети обязаны слушаться старших только тогда, когда старшие являются для них положительным примером! Ваша дочь — прекрасный человек. И не беспокойтесь, не погибнет она в лесу. Она знает, что делает, знает, на что идет, и знает, что ей попадет! И все-таки она идет!

— Хо-ро-шо! — нехорошим голосом выговорил отец и врач П. И. Ратов. — Я еду в милицию. Ты, старикан, за все ответишь. Под твоим непосредственным руководством дети безобразничают. Ну, пока я не привез сюда со-бак специальной породы и специально обученных...

— Собаками нас не запугаешь, — грустно перебил дед Игнатий Савельевич. — Скатертью вам дорожка!

Отец и врач П. И. Ратов пробежал к калитке, открыл ее пинком, выскочил на улицу, суетливыми движениями отомкнул дверцу, влез в кабину, предварительно погрозив кому-то кулаком.

Заурчал мотор, машина медленно двинулась с места, проехала несколько метров, остановилась. Мотор заурчал грозно и злостно, машина снова медленно двинулась с места, проехала несколько метров и — остановилась.

Появившись из кабины, отец и врач П. И. Ратов обошел машину, внимательно осмотрел колеса, ощупал их и сказал тихо-тихо-тихо, жалобно-прежалобно:

— Преступники... шайка преступников... уголовные элементы... хулиганье... бандиты... Дед, дед, старикан! Иди, иди сюда, полюбуйся!

Все четыре покрышки на колесах были изрезаны.

— Серьезное преступление, — сочувственно проговорил дед Игнатий Савельевич. — Вот тут, конечное дело, без милиции не обойтись.

— Кто? Кто? Кто мог? — предельно жалобно восклицал отец и врач П. И. Ратов. — Когда успели? Зачем? Кто?.. Ведь мне придется выбросить бешеные деньги! Бешены-е! — Он прооооостоооонаал... — Кто? Кто? Зачем? Зачем? — уже, можно сказать, вопил он. — Я знал, я сразу догадался, что здесь орудует шайка преступников! Ты хоть понимаешь, дед, чем пахнет это?

— Серьезное преступление, — очень сочувственно повторил дед Игнатий Савельевич. — Но ума не приложу,

кому и зачем оно понадобилось. В нашем поселке ничего подобного никогда еще не бывало.

— Бандиты! Бандиты! Бандиты! — яростно прокричал отец и врач П. И. Ратов. — Кто-то почему-то преследует меня! Я должен принимать решительные меры! Без со-бак не обойтись! Они унюхают след негодяев! Ведь тут не обычное преступление, а какое-то изуверство! Ведь не просто прокололи одно колесо, а из-ре-за-ли, и все че-ты-ре! Бандиты! Бандиты! Бандиты!

— Пропадай моя телега, все четыре колеса, — очень очень сочувственно произнес дед Игнатий Савельевич. — Герка мой только что глаза продрал. Людмилушка на такое изувечивание машины не способна по всем статьям. Тетечка ее — смешно подумать. Я в момент преступления был с вами тут. Значит, преступник действовал — как? Моментально! Чик-чирик, чик-чирик, чик-чирик, чик-чирик и...

— Мне твои чик-чириканья ни к чему! — оборвал отец и врач П. И. Ратов. — Ни одного дельного слова так и не сказал, старикан!

— Сейчас скажу! — радостно пообещал дед Игнатий Савельевич. — С какой целью преступник нанес вашей частной машине такие серьезнейшие, дорогостоящие повреждения?

— Откуда мне знать?!

— А я вот догадываюсь.

— Ну! Ну! Ну! — Отец и врач П. И. Ратов трижды подпрыгнул от нетерпения, хотел еще прыгнуть, но дед Игнатий Савельевич важным тоном остановил его:

— Попрошу мне не мешать. Я догадываюсь... — Он медленно достал кисет, еще медленнее и очень долго искал по карманам аккуратно сложенную квадратиками бумагу, неторопливо оторвал листочек, старательно согнул его, осторожно развязал кисет, насыпал в бумажку табак, свернул сигарку, завязал кисет...

— Ну-у-у-у... — в величайшем нетерпении и в таком же изнеможении простонал отец и врач П. И. Ратов.

Дед Игнатий Савельевич бросил на него сверхукоризненный и даже подчеркнуто возмущенный взгляд, по всем карманам медленно и долго поискал спички, закурил и лишь тогда ответил вконец измученному ожиданием собеседнику:

— Колеса вам повредил человек, который лично вас, а не машину ненавидит. Вот и соображайте, кто в нашем

поселке может испытывать к вам такую невообразимую ненависть? Именно, повторяю, к вам!

Настало время, уважаемые читатели, объяснить вам поведение деда Игнатия Савельевича. Дело в том, что из своего двора через забор он, как говорится, краем глаза видел у машины «Жигули» цыплячьего цвета злостного хулигана Пантелеймона Зыкина по прозвищу Пантя и сейчас выигрывал время, чтобы выяснить по возможности самым точным образом, способен ли тот пойти на столь серьезное и столь же загадочное преступление... А если и способен, то с какой целью? Ведь раньше серьезные поворждения он наносил только мухам!

Вообще-то дед Игнатий Савельевич знал, что любой хулиган на любое безобразие способен лишь потому, что он хулиган и не безобразничать не может. Но в данном случае надо было крепко подумать, прежде чем взять на себя право обвинять Пантю. Что-то удерживало деда Игнатия Савельевича от самого естественного на первый взгляд решения — заявить на Пантю в милицию. Так, мол, и так, толком ничего не видел, но вот подозрения имеются, а вы уж, будьте настолько любезны, разберитесь...

Но знал он и то, что грубостью своей отец и врач П. И. Ратов довел его внука до мелкого, но все-таки хулиганского поступка. Вспомните, уважаемые читатели, историю с зеленой шляпой за четырнадцать рублей тридцать копеек!

А почему бы тогда не предположить, что кого-то когда-то где-то отец и врач П. И. Ратов мог вынудить совершить серьезное преступление? Например, Пантю?

Это не значит, что дед Игнатий Савельевич собирался прощать или даже поощрять поведение Панти. Нет, нет, ему просто требовалось время, чтобы разобраться в своих подозрениях и предположениях и лишь тогда принять твердое решение.

Сейчас мы с вами, уважаемые читатели, имеем возможность взглянуть, чем же занимаются в это время Голгофа с Пантей.

Они сейчас ели пряники и запивали их речной водой. Сырой, конечно. Если бы узнал про такое страшное дело отец и врач П. И. Ратов, то скорее бы простил преступнику приведение в негодное состояние колес, чем угощение его дочери сырой водой, да еще из речки!

Голгофа с Пантей ели пряники, запивали их водой из банки и хохотали.

Хохотали они по нескольким причинам, а иногда и беспричинно — просто так хохоталось. Пантя был безмерно доволен, даже горд своим поведением, до того доволен и горд, важен даже, что ему хотелось прекратить хохотание и сказать: «Здорово я твоего папашу припечатал!»

Устав хохотать, Голгофа спросила:

— А что дальше делать будем?

— Прятаться. И тебе, и мене ищут.

— Слушай! — чуть рассердилась Голгофа. — Давай учиться говорить по-человечески! Не МЕНЕ, а МЕ-НЯ! ТЕ-БЯ ищут! Ну-ка, повтори.

Немножко спотыкаясь, Пантя повторил, и Голгофа удивилась:

— Тебя тоже твой отец ищет?

— Не! Мене... меня тоже твой отец ищет.

— А он разве уже приехал?! — Голгофа в испуге вскочила на ноги. — Ты его видел?

Медленно поднявшись с земли, Пантя молчал, и Голгофа, будто впервые увидев его, с некоторым опасением неожиданно отметила, что перед ней стоит здоровенный верзил с длиннющими, почти до колен, ручищами, непропорционально маленькой головой на длинной шее, широкоплечий... Но его холодные голубые глаза вдруг потеплели.

— Отца — не... Машину — ага!

— Где?

— У Герки.

— Не слышал, о чем они говорили?

— Не. Со злости у мене... у меня уши не работали.

— Уши, а не уши! — Голгофа грустно улыбнулась, с легкой горечью подумав, что сама она тоже ведь не красавица, и проговорила озабоченно: — Понятия не имею, что же мне сейчас делать, как поступить. Папу жалко. И маму, конечно. Тем более бабушку.

Она сразу заметила, что Пантя вдруг разволновался, вернее, занервничал. Он испуганно заглянул в глаза Голгофе и очень тонко пропичал:

— Жалеть не надо... Мене вот... меня никто не жалеет. Я тоже никого не жалею. Тебе жалею. Те-бя...

— Смешной какой! — ласково воскликнула Голгофа, но тут же стала грустной. — Мне очень хорошо здесь. С вами, со всеми. И с тобой тоже. Но понимаешь...

— Вот! Вот! Вот! — Пантя протянул ей в длиннющей ручище монеты. — Хлеба купим! Конфеток! Я соли достану!

— Зачем? Зачем хлеб, соль, конфетки?

— Я и котелок достану! — с хрипотцой от очень большого волнения пропищал Пантя. — Я грибы варить умею! Ух, вкусно!

Подумав, с сожалением покачав головой, Голгофа поправила:

— Вкусно, ты хотел сказать.

— Ага, ага, здорово... свкусно! — Последнее слово Пантя выговорил с трудом, но потом затараторил, бегая вокруг Голгофы, а она стояла неподвижно, опустив голову. — Спичек еще купим! Там, на озере, плотик есть! Кататься будем! Ты купаться будешь! Загорать! Там нырять можно! А потом я тебе домой отведу! Те-бе... ТЕ-БЯ! Там еще ягод много... — упавшим, безнадежным голосом закончил он.

— Это же называется похо-о-о-од! — вдруг зарыдала Голгофа. — Многодне-е-е-евны-ы-ы-ый! — Она внезапно оборвала рыдания. — А кто нам с тобой это разрешит? Да ведь и собирались-то идти все вместе...

У Панти был такой разнесчастный, жалкий, даже униженный вид, что он вроде бы и ростом стал значительно меньше, и ручищи у него заметно укоротились, а длинная шея, можно сказать, совсем исчезла, до того сильно втянул он маленькую голову в широкие плечи.

Голгофа пожалела его и стала утешать:

— Подожди, подожди, еще не все потеряно. Ты потихонечку, незаметно проникни к ребятам, узнай, как там обстоят дела. Надо обязательно посоветоваться с Людмилочкой. А мне просто необходимо знать, что же намеревается делать папа.

Если бы, уважаемые читатели, я рискнул бы определить состояние Панти одним словом, я бы написал: его, Пантю, РАЗРЫВАЛО. Дело в том, что за всю свою жизнь он никаких особых чувств, кроме обыкновенной злобы и не менее обыкновенной зависти, не испытывал и ни о каких других чувствах и не подозревал.

А тут... Злостный хулиган Пантелеймон Зыкин по прозвищу Пантя, который всю жизнь только тем и занимался, что мучил людей, кошек и мух, тут вдруг застрадал оттого, что испытывал непонятные ему чувства.

Он не хотел, не мог, не мыслил расстаться с этой длинноногой девчонкой! Вот его и РАЗРЫВАЛО от желания сделать для нее что-то такое, чтобы она была с ним, чтобы не отдавать ее никому, а сейчас же, немедленно

уйти с ней в поход на Дикое озеро. Он бы насобирав ей много-много-много ягод, сварил бы ей в котелке грибов, катал бы ее на плотике и любовался бы, как она плавает, и слушал бы, как она хохочет... И никто бы ни за что бы никогда бы не нашел их!

— Давай принимать решение, — твердо сказала Голгофа, тряхнув голубыми волосами. — Я что-то запуталась. И помочь мене... — Она удивленно замолчала, расхохоталась. — И помочь мне можешь только ты. Иди узнай, что там происходит. После этого и решим, что нам с тобой делать.

Обиженно пискнув, Пантя плюхнулся на траву во весь свой здоровенный рост.

— Это еще что за новости? — растерялась и обиделась Голгофа. — Ведь меня там потеряли. Иди, иди. Я прошу тебя. Я очень прошу тебя.

И Пантя впервые в жизни испытал неведомое ему доселе желание ПОСЛУШАТЬСЯ, и желание это оказалось настолько приятным, что он моментально вскочил на ноги и радостно сказал:

— Ладно, ладно!

И он зашагал по лесу к полю, а по нему бросился бегом к дороге в поселок.

Тринадцатая глава

СЕМЬ БЕД — ОДИН ОТВЕТ

Сильнее всех отправиться в многодневный поход хотелось тете Ариадне Аркадьевне, но она, как вы сами понимаете, уважаемые читатели, желание свое хранила в самой глубочайшей тайне. В нем она старалась не признаваться даже себе.

Когда она впервые узнала о возможности провести несколько дней на берегу Дикого озера, ночами посидеть у костра под звездным небом в компании хороших людей, тете Ариадне Аркадьевне показалось, что она вроде бы помолодела, вспомнила, что давным-давно не любовалась звездами. Более того, она на некоторое время уверилась, что несколько дней не будет скучать по Кошмарику и беспокоиться особенно о нем не будет.

Можно, конечно, сразу и не поверить в такие неожиданные сведения о тете Ариадне Аркадьевне. Но дело в том,

что эта милая Людмила и напомнила о самой светлой, абсолютно неповторимой, самой переполненной впечатлениями, бесконечными открытиями поре жизни человека — детстве. И если к сказанному добавить, что в детстве тетя Ариадна Аркадьевна была почти такой же, как эта милая Людмила, вам, уважаемые читатели, многое станет ясным и понятным.

Но далеко не всем людям удастся сохранить в душе свое детство. Попросту говоря, взрослые люди нередко забывают, какими они были в далеком детстве.

Так случилось и с тетей Ариадной Аркадьевной. И лишь пожив с этой милой Людмилой, она, хотя и не сразу, неуверенно стала как бы возвращаться в свое детство и многое начала понимать в детях, осторожно потянувшись к ним.

А дети есть дети. Любить и понимать их можно и нужно, но не так уж это легко и просто. Слишком много дети совершают глупостей, часто вредных, а иногда и опасных и для себя, и для других.

И совсем, по-моему, нетрудно понять, почему тетя Ариадна Аркадьевна, мечтая о многодневном походе, принципиально возражала против него. Она очень жалела Голгофу, но пойти против своих убеждений была не способна. Если каждый ребенок, пусть его и действительно неправильно воспитывают, будет сбегать из дома, то милиции уже некогда будет ловить настоящих преступников!

Теперь, уважаемые читатели, когда наше повествование начинает приближаться, так сказать, к своей вершине, мне следует сообщить вам и об отношении тети Ариадны Аркадьевны к злостному хулигану Пантелеймону Зыкину по прозвищу Пантя.

Представляю, как вы изумитесь, узнав, что она его не только не ненавидела, но и жалела давным-давно, еще с тех пор, когда он был карапузиком Пантелейкой. В свое время она даже мечтала, чтобы он подружился с Кошмариком. Однако хулиганы не подружились, а еще более обезобразились, предельно охулиганились, переняв друг у друга все самое дурное, и благодетельница скрепя сердце была вынуждена расстаться с Пантей: вреда он приносил неизмеримо больше, чем котик.

Пантя же не сумел оценить забот тети Ариадны Аркадьевны и легко расстался с ней, потому что никаких чувств, кроме обычной злости и обычной зависти, ни к кому не испытывал, а она поводов для злости не давала,

вот он и злился на кота и завидовал ему. Короче говоря, не был создан Пантя для нормальной жизни.

Жизнь самой тети Ариадны Аркадьевны и ее соседей протекала довольно однообразно, хотя и не скучно, изредка встряхивалась проделками Кошмара.

Зато с приездом этой милой Людмилы все изменилось, и тетя Ариадна Аркадьевна жила теперь в непрестанном напряжении и необходимости принимать решения и действовать. Сначала она, как вы помните, уважаемые читатели, сопротивлялась всеми своими силами, стараясь сохранить прежний образ жизни в неприкосновенности.

Но эта милая Людмила как бы почти лишила ее воли, упрямо и последовательно заставляла поступать по-своему, но сколько бы самых неприятных переживаний ни доставляла племянница тетечке, та уже не чувствовала себя одинокой.

Однако события, главную роль в которых играла племянница, развивались таким образом, что тетя Ариадна Аркадьевна оказалась, мягко выражаясь, в наисложнейшем положении. Мечтающая идти в многодневный поход, она была вынуждена выступить против него, всячески сопротивляться его осуществлению.

Когда же исчезла Голгофа, а тетя Ариадна Аркадьевна своими собственными глазами видела, как девочка с кем-то ушла в лес, никого не предупредив... Но и тут эта милая Людмила все взяла на себя, сама объявив отцу и врачу П. И. Ратову об уходе Голгофы.

Конечно, в принципе поведение племянницы было восхитительным, но не подсказывало выхода из положения, а, наоборот, усложняло его.

Какой же выход найдет она, тетя Ариадна Аркадьевна? Ведь перед нею был со своими сверхэгоистическими, но формально справедливыми требованиями грубейший отец и врач П. И. Ратов!

И тетю Ариадну Аркадьевну в полнейшую растерянность приводило предчувствие, что она скорее согласится с мнением девочки, чем с требованиями взрослого человека!

А потом... а потом... а потом тетечка едва не упала в обморок, услышав, что кто-то изрезал все четыре колеса у П. И. Ратовых «Жигулей»! Она пошатнулась и ухватилась руками за заборчик, чтобы не упасть, еле-еле-еле-еле пришла в себя и выдохнула:

— Пантя...

Нет, нет, у нее не было оснований с твердой уверенностью утверждать, что колеса изуродовал именно Пантя, но она видела, что именно он один некоторое время кружился около машины цыплячьего цвета. Правда, тетя Ариадна Аркадьевна не приглядывалась к его действиям, однако не могла не учитывать того очевидного факта, что, кроме Панти, здесь никто не появлялся, даже прохожие...

Значит... Она, охнув, схватилась за сердце: неужели он такой уж злостный хулиган, что способен ни с того ни с сего совершить дикое преступление! Не столько жаль владельца «Жигулей» цыплячьего цвета, сколько самой машину!

И если тетя Ариадна Аркадьевна промолчит о своем подозрении, оно ведь может пасть на совершенно невинного человека!

Чтобы хоть немного успокоиться, она трясущимися руками переплела косички, после чего они стали торчать не в разные стороны, как обычно, а вверх, и медленно открыла калиточку.

Неожиданно тетя Ариадна Аркадьевна довольно легко, но глубоко передохнула, вдруг подумав, что сначала надо посоветоваться с племянницей. И от этой мысли у нее до того стало светло на душе, что к соседнему дому она подошла улыбаясь.

Но здесь все были мрачны.

— Вот! Вот, по-лю-буй-тесь! — обращаясь к ней, яростно прокричал отец и врач П. И. Ратов, обеими руками показывая на деда Игнатия Савельевича. — И это называется: моя милиция меня бережет! Будто бы! Она не только не бережет меня, отца и врача, она не заботится даже о самом дорогом в моей жизни — автомашине! Подходи среди белого дня любой негодяй, которому никогда в жизни машины не иметь, и делай с машиной честного человека что угодно!

Тетя Ариадна Аркадьевна переглянулась с племянницей, та пренебрежительно пожала плечами, дед Игнатий Савельевич глубокомысленно кашлянул, а Герка откровенно и почти громко хихикнул.

— А что произошло? — из вежливости, но все-таки с долей сочувствия спросила тетя Ариадна Аркадьевна.

— Что произошло?! — Можно было подумать, что отец и врач П. И. Ратов собирается броситься на нее с кулаками, но ограничился тем, что сжал их и довольно-таки высоко подпрыгнул на месте. — Какой-то опасный преступник

типа крупного негодяя нанес дорогостоящие повреждения моему личному автомобилю! Вот здесь! На этом самом месте! Я вызывал участкового уполномоченного! Он соизволил явиться, но... но... но...

— Успокойтесь, пожалуйста, — в волнении, но чуть брезгливо посоветовала тетя Ариадна Аркадьевна.

— В таком положении спокойным может быть только дурак, который не знает, что такое — владеть личной машиной!

— У большинства людей нет личных машин, — заметила эта милая Людмила. — А вы удивительно грубый человек, простите.

— Может быть, я и грубый человек, — неожиданно почти спокойно ответил отец и врач П. И. Ратов. — Но не дурак... И вот участковому уполномоченному все они, а особенно их главарь — дед, отказались дать честные показания. То есть девчонка специально улизнала, показания мальчишки не в счет; значит, один старикан...

— Мои показания честны, — гордо проговорил дед Игнатий Савельевич. — Я заявил участковому уполномоченному товарищу Ферапонтову, — торжественно повысил он голос, — что вы приезжали на данной машине В Ы К О Л А Ч И В А Т Ь из меня четырнадцать рублей тридцать копеек. Сегодня на той же самой данной машине вы приехали искать свою дочь. А ваша ли машина, откуда мне знать?

— А я забыл взять с собой документы! Все! Впервые! Забы-ы-ыл... — простонал отец и врач П. И. Ратов. — Преступника искать не будут, пока я не представлю документы!

— Неправда у вас получается, — с большим укором возразил дед Игнатий Савельевич. — Преступника искать будут, но это дело длинное. И все-таки надо доказать, что машина ваша.

— Для этого мне надо ехать в город! А машина останется здесь! И кто мне даст гарантию в том, что, вернувшись, я застану ее на месте? Или что ее не растащат по частям? — ехидно и даже несколько радостно спрашивал отец и врач П. И. Ратов. — Дед, открывай ворота. Я загоню машину во двор. Будешь охранять! Будешь отвечать за нее! Рублевки тебе хватит?

— Чего мне с ней, с вашей рублевкой, делать? — отмахнулся дед Игнатий Савельевич, хитрюще подмигнув этой милой Людмиле. — Машина — штука дорогая. Только дурак не понимает ее ценности. Она — самое дорогое в

жизни умного человека. Пять-десять рублей! Половину сейчас же, чтоб обмана не получилось. У меня ружье есть. Правда, не стреляет. Но я с ним на жигулевскую крышу залезу и любого жулика испугаю. Любой бандит моего вооруженного вида убоится.

Герка, отвернувшись, хихикал, а эта милая Людмила смеялась звонко и громко, зажав рот ладошками, но громкий и звонкий смех прорывался сквозь них, и Герка захохотал, уже не сдерживаясь, во все горло.

— Прекратите неуместный смех, — недовольно проговорила тетя Ариадна Аркадьевна. — Разговор идет совершенно серьезный.

— Чего тут серьезного? — жалобно спросил, обессиленно опускаясь на скамейку, отец и врач П. И. Ратов. — Ты же, дед, поцарапаешь кабину, когда наверх полезешь.

— Поцарапаю? — обиделся дед Игнатий Савельевич. — Кошка я, что ли? Я остороженько, я в валенках. И не бойтесь, не продавлю, легонький.

— Тройка тебе хватит?

— В полном-то вооружении за тройку?! Опасная работа хорошей оплаты требует. Пятьдесят, как договорились.

— Да не договаривались мы! То есть мы договаривались, что ты берешься охранять...

— Еще и Герке платить вам придется, — озабоченно перебил дед Игнатий Савельевич. — Он снаружи, у калитки, дежурить будет. Я ему вилы дам. А вы ему пять рублей.

Отец и врач П. И. Ратов уже собирался не просто высоко подпрыгнуть, а взлететь — от злости, но его остановила виноватым голосом тетя Ариадна Аркадьевна:

— Не сердитесь на них. У них хорошее настроение, и они шутят, но, признаться, не совсем удачно. Если позволите, я беру охрану вашей машины на себя. Правда, в мой дворик въехать нельзя...

— Какой толк от те... вас, бабуся! — отмахнулся отец и врач П. И. Ратов. — Дед, последняя цена — пятерка тебе, мальчишке — рублевка.

Дед Игнатий Савельевич огорченно крикнул, уныло проговорил:

— Пошутили, и хватит. Мне надо воды для огурцов натаскать.

— Ладно, ладно, — мрачно сказал отец и врач П. И. Ратов. — За свои шуточки вы мне еще ответите. Подгоню машину хотя бы к забору поближе. — Он открыл

дверцу, и из кабины с воюще-мяргающим воплем вылетело и перемахнуло через забор что-то большое и белое.

— Кошмарчик! — умилилась тетя Ариадна Аркадьевна. — Он удивительно любопытен! Но как он там оказался, бедняжка? Сколько он там в духоте пробыл?

Предельно плачущим голосом отец и врач П. И. Ратов, показывая внутрь кабины, заикаясь, выговаривал:

— Он... он... там... на... на... на... на... на... забыл, как это называется! На... нагадил он там!!!! На место водителя!!!! То есть меня! Кто, кто, кто мне за это заплатит?!?!?

— И за это платить надо?! — поразился дед Игнатий Савельевич. — И сколько?

— А сколько, по-вашему, стоят такие чехлы?

— Но не все же он чехлы...

— Здесь я сойду с ума! Здесь меня доконают! — Отец и врач П. И. Ратов снял чехол с переднего сиденья, брезгливо морщась, отряхнул его, повесил на забор. — Что, что, что делать? Чего, чего, чего, чего еще ждать?

— Спокойно отправляйтесь в город, — сказала эта милая Людмила. — Ничего больше с вашей машиной уже не случится.

Воистину несчастный владелец «Жигулей» цыплячьего цвета обреченно махнул рукой и тяжело опустился на скамейку.

— Котик мой, — смущенно, виновато, растерянно и жалобно сказала тетя Ариадна Аркадьевна. — Позвольте, я выполоскаю чехол в реке?

Ответом ей был негодующий отрицательный жест и унылый голос:

— Только химчистка... Я остаюсь здесь ночевать. Позвоню жене, пусть ищет баллоны, покрышки и привозит. Но ведь какие деньги! Какие деньги! Дикие, безумные, бешеные деньги!

Эта милая Людмила прошептала тетечке:

— Он ведь ни разу не вспомнил о дочери.

Тетя Ариадна Аркадьевна ответила настороженным и приглушенным шепотом:

— Вполне вероятно, что машину изуродовал Пантя. Утром я его видела около «Жигулей». Ведь ему такое грозит...

— Милая тетечка, — чеканным шепотом отозвалась племянница, — а для чего ему это надо было делать? В конце концов нельзя все сваливать на Пантю, если даже он и

злостный хулиган. Сейчас надо думать о том, куда девалась Голгофа.

Отец и врач П. И. Ратов поднялся со скамейки, угрюмо проговорил:

— Иду звонить жене. Надеюсь, без меня никто не посмеет прикоснуться к машине.

— Будьте спокойны, — заверил дед Игнатий Савельевич. — Только за кошек и собак ответственности на себя не берем.

А Пантя давно уже околачивался здесь, подглядывая и подслушивая, никем не замечаемый. Улучив момент, он подозвал к себе сразу перепугавшегося Герку, за руку притащил его в огород и пропищал:

— Где два рубля? Ну! Ухов тебе не жалко? — Длинными, сильными, холодными пальцами он схватил Герку за уши, больно, но ненадолго сжал. — Еще надо? Ну? Тащи два рубля, а то я тебе...

— Да где я тебе их возьму?

— У деда, у деда, у деда! — пропищал Пантя столь яростно, что Герка от страха закрыл глаза, успев подумать, зачем же он послушался Пантю и подошел к нему.

Никогда еще Пантя не был так страшен, как сейчас. Герка, не выдержав его угрожающего взгляда, пробормотал:

— Сейчас, сейчас...

— Быстренько, быстренько! — совсем тонко пропищал Пантя. — За обман без ухов останешься! И чтоб никто про мене не знал!

Дед Игнатий Савельевич никогда не прятал от внука деньги, они всегда лежали в серванте под верхней тарелкой. «Возьму два рубля, — со страхом и стыдом думал Герка, пробираясь через двор, — а потом скажу... ну, соведу что-нибудь, насочиняю...» Руки тряслись у него, когда он приподнимал тарелку. Она стучала о нижнюю, и Герке казалось, что это слышно на улице.

Как назло, рублей не было, пришлось взять трешку. У Герки пальцы сводило от желания изорвать ее, лишь бы не отдавать Панте... Но куда от него спрячешься? Ведь или завтра, или послезавтра он опять деньги запросит, да еще неизвестно, сколько... Герку трясло уже не от страха, а от бессильного возмущения, а обида выталкивала из глаз слезы...

Обиженным, униженным и оскорбленным Герка чувствовал себя еще и потому, что в любой момент могло слу-

читься так, что Пантя вздумает издеваться над ним при этой милой Людмиле.

Вернувшись в огород, где навстречу ему стремглав бросился Пантя, Герка сразу заставил себя сказать ему пусть и жалобным тоном:

— Больше для тебя я у деда денег воровать не буду. Вот увидишь. Что хочешь со мной делай, а... а денег...

— Давай, давай два рубли! — торопил обрадованный Пантя. — Воровать не надо... Дед тебе... тебя любит. Попросишь. Даст. Давай, давай два рубли!

Герка замер, широко расставив ноги, словно ожидая удара, сжав потные кулаки, в одном из которых была трешка, говорил неуверенно:

— Больше ни разу денег тебе приносить я не буду. Вот увидишь. Не могу больше воровать и просить. Можешь делать со мной что хочешь. Хоть убей... — Герка чуть не всхлипнул.

— Да гони ты, гони два рубли! — пропихивал Пантя. — Потом видно будет!

И хотя Герка в прямом смысле этого слова дрожал от страха, он бросил смятую трешку, влажную от пота, Панте под ноги.

Нисколько не удивившись, тот быстро нагнулся, схватил трешку и не успел распрямиться, как Герка в слепом отчаянии изо всех сил толкнул его обеими руками.

Пантя опрокинулся, высоко задрав длиннющие ноги, а Герка бросился бежать из огорода, радостный и напуганный, взбудораженный и ошеломленный. Ему долго пришлось лежать во дворе на траве в тени, чтобы успокоилось чрезмерно колотившееся сердце, чтобы он мог более или менее отчетливо вспомнить случившееся.

Не подумайте, уважаемые читатели, что Герка вот сейчас, сразу, вдруг стал бесстрашным, и больше уже никогда не затрясется от ужаса, увидев Пантю... что больше никогда не украдет или не попросит для него деньги. И все-таки сегодня Герка совершил своеобразный подвиг, хотя бы на несколько секунд поборол столь привычный для него страх.

И уже через некоторое время радость и гордость покинули его, ибо деньги-то все равно были украдены и отданы злостному хулигану, да еще на рубль больше, чем он вымогал... Противно было еще и то, что дед не заметит пропажи, а у Герки может не хватить мужества признаться... Дед, конечно, не трешки пожалеет и не Пантю за его

хулиганскую выходку бранить станет. Нет, нет, он его, внука единственного, даже трусом не назовет, а почему-то поросенком бесхвостым, например.

Прошлым летом Герка с ребятами отвязали у одной старушки козу, рогатая убежала, ее еле-еле нашли только на другой день. Всем ребятам от родителей здорово, но по-нормальному досталось. А дед Игнатий Савельевич целую неделю вздыхал часто, очень глубоко, громко и, взглянув на внука, сокрушенно повторял: «Ах ты, поросенок бесхвостый! — снова взглядывал на внука и вроде бы отдавал команду: — Поросенок бесхвостый, вот ты кто!»

Вспомнив об этом случае, Герка едва не хрюкнул от возмущения неизвестно кем, скорее всего собой и Пантей.

— Поросенок так поросенок, — горестно прошептал он, — без хвоста так без хвоста... Отправил бы меня лучше в областной краеведческий музей экспонатом. Лучше уж со скелетом мамонта... чем тут с Пантей... Скелет хоть деньги отбирать не будет...

— Его везде ищут, — услышал он чуть рассерженный, но и обрадованный голос, — а он на травке нежится.

Герка сел, эта милая Людмила устроилась рядом, встав на колени, и начала торопливо рассказывать:

— Есть подозрения, что машину грубейшего эскулапа изуродовал Пантя. Только никто не может догадаться, зачем он совершил не просто злостный хулиганский поступок, а самое настоящее уголовное преступление. Правда, нет и полной уверенности, что виноват именно он, но подозрения не лишены оснований.

— Мне до вашего Панти дела нет! — огрызнулся Герка. — Я бы его давно в зоопарк сдал, да зверей жалко! Он их всех...

— Вот бы и жили вы с ним по соседству! — вдруг рассердилась эта милая Людмила. — Пантя в зоопарке, а ты в музее!.. Ну ладно, ладно, ни к чему ссориться. Дел много. Врач-эскулап пока совсем не вспоминает о дочери. Но мы-то не имеем права бросить ее на произвол судьбы. Надо что-то делать!.. А что с тобой, Герман? Случилось что?.. Молчишь, — с укором продолжала она. — Ну и молчи. А мы пойдем искать Голгофу. Папа ее звонил домой, там она не появлялась. Значит, она где-то здесь... Пойдешь с нами?

— Интересно получается, — как можно более ехидно проговорил Герка. — Родной эскулап о доченьке не беспокоится, а я должен ее искать. Ушла она сама. Никому

ни слова не сказала. Даже тебе. Значит, ни в ком и ни в чем она не нуждается. Может, она специально от всех прячется. В том числе и от тебя.

— Между прочим, мы с тобой вместе помогли ей убежать из дому. Значит, мы должны не гадать о ее судьбе, а выяснить...

— Ну, а она от нас с тобой убежала. Чего тут выяснять? Значит, мы ей не нужны. Она от нас бежит, а мы ее ищи?

Эта милая Людмила вскочила, побежала к калитке, на поддороге остановилась, обернулась и резко сказала:

— Ты просто на редкость черствый человек! И законченный эгоист!

И до того Герке стало обидно, и до того он разозлился, и до того ему стало все равно, что он, продолжая сидеть, насмешливо и грустно проговорил:

— Я, к твоему сведению, еще и поросенок бесхвостый.

— Вполне может быть. — И эта милая Людмила ушла.

«Все они, все против меня! — Герка погрозил ей вслед кулаком, но кулак сразу непроизвольно разжался, и получилось, что Герка как бы ручкой помахал на прощанье. — Тебе только бы командовать... Вот и командовала бы, например... Пантей! — Он вдруг вскочил, словно уколотый внезапной мыслью. — Как она сказала?.. Сказала она как? — суматошно пронеслось в его голове. — Пантя четыре колеса изрезал? Такой вам и четырех человек спокойненько изрезать может! Почему в милицию об этом до сих пор не сообщили? Его сразу за такие делишки куда следует отправят! И не видать ему больше моих денег и моих мучений!»

Охваченный несусветным торжеством, Герка с приглушенными восторженными криками запрыгал по двору. Сейчас же, немедленно надо мчаться в милицию, и сразу станет ясно, кто тут поросенок бесхвостый!

Острое, сладкое желание мести томило Герку, наполнило все его существо еще более острым, еще более сладким желанием продлить удовольствие, насладиться предвкушением справедливой мести... Нет, нет, он не сейчас, не немедленно, не сразу помчится в милицию, а еще посмотрит на эту командиршу... комментаторшу... информаторшу... анализаторшу... Пусть она еще немножечко покомандует, покомментирует, поинформирует, поанализирует... А потом пусть ей станет известно, кто тут настоящий человек, а кто только безобразия творить может!

Пантя в это самое время бежал через поле к лесу, где в шалашике ждала его та, ради которой он, как ему думалось, сделал сегодня столько замечательных дел! Он представил ее радость, когда сообщит ей новости, издал торжествующее пищание и побегал быстрее.

Ни в шалашике, ни около него Голгофы не было. Пантя, скажем прямо, в панике побегал вокруг, попищал, вернулся к шалашику, шлепнулся на землю и пока просто ничего не мог сообразить, кроме того, что жить ему не хочется. И он даже не удивился такому неожиданному, но совершенно определенному желанию. Ему сейчас ничего не надо было, даже самого себя, как это ни странно звучит. Он уныло думал, зачем он здесь, чего ему тут делать. И здесь ему делать нечего, и идти ему некуда и незачем. Никому он не нужен, да и ему никого не нужно, кроме той, которой здесь нет. Мелькнула надежда, что его охватит привычное чувство — злость, он ждал ее, и напрасно. Злости не было. Ничего не было. Вроде бы и его самого не было.

Блуждающий взгляд Панти упал на длиннющие вытянутые ноги, и непонятно подумалось: а зачем они ему? Идти-то ведь некуда. И длиннющим ручищам делать нечего.

Она ушла.

Ушла она от него.

От него ушла она.

А он шел только к ней.

Почему же так случилось, почему же так могло случиться, над этим Пантя не размышлял. Причины ему были все равно недоступны и не интересовали его.

Она ушла.

Ушла она от него.

От него ушла она.

А он шел только к ней.

— Мене... тебе... — прошептал он неожиданно глуховатым, не писклявым голосом. — Меня... тебя...

Панте отчаянно захотелось, чтобы он захотел поесть пряников. Нет, ничего он не хотел, ничего ему не надо было. Впервые он подумал, и довольно отчетливо, что злился он на всех потому, что другого выхода у него не было. Если бы он не злобствовал, никто бы его не замечал.

Вот и ушла она.

И ушла она от него.

А ведь шел он только к ней.

Вдруг Пантя застыл, окаменел. У него даже дыхание остановилось, и от этого чуть закружилась голова. Он с очень большим трудом заставил себя вдохнуть воздух и с еще большим усилием выдохнул его.

А в висках заломило от резкой боли. А во лбу появилась тупая боль, и лоб сразу стал мокрым от холодного пота.

Пантя в отверстии шалашика увидел ручку большой сумки Голгофы! В голове у него до того гудело, что он еле-еле сообразил, что если ручка от сумки здесь, то и сумка должна быть тут же!

Он боялся, он трусил, он не мог заставить себя сделать всего несколько движений, чтобы убедиться в этом. Ведь если сумка здесь, значит... значит... значит...

ОНА НЕ УШЛА ОТ НЕГО!

НЕ УШЛА ОНА ОТ НЕГО!

И НЕ ЗРЯ ОН ШЕЛ ТОЛЬКО К НЕЙ!

Пантя вскочил, несколько раз подпрыгнул высоко-высоко и закричал почти что басом:

— ТЕБЯ! МЕНЯ! ТЕБЯ! ТЕБЯ! ТЕБЯ!

И он бросился в чащобу, напрямик, не сворачивая в стороны, и, казалось, огромные стволы уступали ему дорогу, а кочки отскакивали, чтобы он о них не споткнулся.

— ТЕБЯ! МЕНЯ! — радостно кричал он. **— ТЕБЯ! МЕНЯ! ТЕБЯ! ТЕБЯ! ТЕБЯ!**

Ни разу в жизни Пантя не пел и не слушал песен. Но вот выскочил он на берег реки и услышал радостный голос:

— Я здесь, Пантя! Какая вода великолепная! Я уже не меньше часа купаюсь! Плыви ко мне!

Вот тут ему показалось, что он слышит песню.

Он, не останавливаясь и не раздеваясь, бросился в воду, рухнул в нее плашмя, забыв, что плавать-то он почти не умеет. Его сразу повлекло ко дну, а он барахтался осторожно, чтобы слышать ее голос:

— Плыви за мной! Плыви сюда!

Больше он не слышал ее голоса, потому что суматошно колотил по воде руками, а ноги уже отяжелели и не слушались его.

Но Пантю мало интересовало, вернее, он совсем не замечал, что начинает тонуть. Голгофа была тут, и его собственная судьба в данной обстановке не имела для него никакого значения. Ему было просто неприятно, что он

уже предостаточно наглотался воды, что с каждым движением все тяжелеет и тяяяяжеееееЛЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕТ
и нисколечко не приблизился к Голгофе.

И, наконец, Пантя успел в последний раз схватить широко раскрытым ртом немного воздуха, очень много воды и погрузился..... Однако соображения он не потерял и под водой, хотя и медленно, хотя и неуверенно толкал, так сказать, самого себя в сторону берега. И когда Пантя практически уже мог начинать терять сознание, оно само к нему вернулось — он почувствовал, что стоит ногами на дне, быстро выпрямился, и голова его, а затем и он весь оказались над водой. Пантя долго и шумно отплевывался, отфыркивался и, простите, отсмаркивался, пока не услышал голос Голгофы:

— Зачем ты так неумно шутишь? Я решила, что ты утонул.

И только выбравшись на берег, и упав на траву, и кое-кое-как отдышавшись, Пантя с гордостью проговорил:

— Я и тонул. Только это ерунда.

— Немедленно снимай одежду! — прикрикнула Голгофа. — Иначе простудишься и заболеешь! Надо развести костер!

Она вышла из воды в блестящем голубом купальнике, с длинными распущенными голубыми волосами, высокая, тонкая, и Пантя, не понимая, отчего он застыдился и почему он восхитился, восторженно хмыкнул.

— Спички у тебя есть? — не унималась Голгофа. — Надо быстро разводить костер! Иди, иди за спичками!

Сил у Панти было маловато, он все еще толком не отдышался, поэтому сначала сел, с удовольствием заговорил:

— Да сейчас, сейчас... Куда торопиться-то?.. Я и пряников принесу.

— Ну, а как там дела? Папа что делает?

— Там порядок. Все нормально.

— А что посоветовала Людмилочка?

С этой милой Людмилой Пантя не виделся, посему пробурчал что-то бодрое, быстренько вскочил и побежал к шалашику, сразу начав соображать, как бы ему и так бы соврать, чтобы Голгофа поверила. О последствиях вранья он, естественно, не задумывался. Он даже и не считал враньем то, чего собирался сообщить Голгофе. Ему было важно, необходимо только одно — быть с ней и отправиться в поход к Дикому озеру, а то, что придется сде-

лать для этого, Пантя полагал абсолютно правильным, вернее, обязательным.

На отобранные у Герки деньги он купил пряников, хлеба, банку рыбных консервов, спичек. Дома в сарае он разыскал котелок, ложку и нож, выпросил у соседей соли в спичечном коробке.

А вообще сейчас все вокруг представлялось ему настолько радостным, справедливым, единственно возможным, существующим только для него, что у Панти не было ни сомнений, ни опасений. Больше ему ничего не требовалось. А это ведь и называется счастьем.

Он вернулся на берег со стеклянной банкой, кульком пряников, коробком спичек и начал сооружать костер.

Голгофа была в ярком цветном сарафане, вся какая-то здешняя, будто жила здесь давным-давно.

Выжав Пантину одежду, она развесила ее на кустах, а ботинки устроила на колышках около костра. Пантя совсем успокоился и с большим блаженством смотрел, как Голгофа ест пряники, запивая водой из банки. А раньше, когда при нем ели другие, он завидовал и злился. Сейчас же он даже и позабыл, что сам голоден. Впервые в жизни он жил чужой радостью.

— Рассказывай, рассказывай, — напомнила Голгофа. — Что там происходит? Чего обо мне говорят? Что сказала Людмилочка? Что делает папа?

— Ты ешь, ешь, ешь! — попросил Пантя, когда она протянула ему пряники. — Машина у твоего отца... поломатая стала. В город он сегодня не поедет. О тебе ничего не говорят. Все про машину ругаются... Людмила говорит... Тетка никуда ее не пускает.

— Не пускает.

— Ну да... Я и говорю: не пускает... и не пускает тоже!

— Есть только слово «пускать»!

— Ладно, ладно, — с легкостью согласился Пантя, чувствуя, что рассказ получается у него таким, каким и надо. — А Людмила... привет тебе передавала!

— И больше ничего? — Голгофа насторожилась, даже перестала жевать, и Пантя моментально уловил это, на мгновение растерялся, но ответил как можно более радостно:

— Идите, сказала, идите! Машину будут чинить долго.

— Куда идти?

— Ну... хоть куда... только не туда, не к ним... там все про машину ругаются... А мы... мы пойдем?

Голгофа приуныла и молчала. Пантя жевал пряники без всякого удовольствия.

— Ты не врешь? — спросила Голгофа, но тут же сама себе ответила: — Впрочем, зачем тебе врать?.. Просто у меня испортилось настроение, но это, я думаю, ненадолго. Как я прекрасно искупалась! Наверное, я плавала больше часа и ни капельки не замерзла. О многом я тут размышляла, многое вспомнила. И знаешь, ну вот нисколько не жалею о своем поведении, хотя оно достойно и осуждения, и, конечно, наказания... Мне сейчас страшно представить, что я могла бы прожить жизнь без сегодняшнего дня! Пусть мне попадет, пусть мне здорово попадет! Это будет справедливо... И, главное, сегодня я все делаю САМА! Спасибо тебе, Пантя, за все... А тебе дома не попадет? Или ты отпросился?

Пантя собирался ответить беззаботно, а получилось у него и грустно, и даже немного жалобно:

— Мене... меня дома... отец у меня пьяница... а мачеха... она меня... — Он обреченно махнул рукой. — Я один живу... Да им хорошо, когда мене... меня дома нету...

— Да как же... да как же ты так живешь?! Это же ужасно!

— Не, не! — весело возразил Пантя. — Живу! Кормят ведь... Ну, пошли в поход-то!

— Сейчас вот? Сразу?

— А то как! Только к вечеру и дойдем. А высохну я по дороге.

— Я не уверена, что мы имеем право уйти одни.

— Пошли, пошли, здорово будет! Там все одно про машину ругаются... Айда!

И вскоре они уже радостно топали босиком по лесной дороге, ни о чем не заботясь, и, конечно, не подозревая о том, что есть на свете злостные хулиганы поопаснее Панти, и с ними вполне можно встретиться. Так сказать, в недалеком будущем.

Четырнадцатая глава

ДЫЛДЫ

— Что с тобой, внучек? — уже который раз спрашивал сначала заботливо, а теперь уже обеспокоенно дед Игнатий Савельевич. — Не заболел?

— Нет, нет! — отмахивался Герка раздраженно или испуганно. — Не обращай на меня внимания.

Наконец, примерно через час с несколькими минутами странного внукова поведения, дед Игнатий Савельевич напуганнейшим тоном потребовал:

— Докладывай, чего там у тебя!

Дело в том, что вот уже час с несколькими минутами Герка совершенно неподвижно сидел на стуле, вцепившись в него руками и напряженно, и в то же время как-то бессмысленно глядя в окно.

— Машину-то Пантя поломал! — возбужденно ответил он. — Пантя колеса-то изрезал! А участковый уполномоченный любого честного человека забрать может! Например, тебя или меня!

Дед Игнатий Савельевич удивленно крикнул два раза и принялся неторопливо рассуждать, хотя и было видно, что он раздосадован:

— Вина Панти не доказана. Его только видели около машины. Подозреть его чуть-чуть можно, но для прямого обвинения доказательств нет. А забирать любого честного человека, тем более меня и еще тем более тебя, нашему участковому уполномоченному товарищу Ферапонтову и в голову не придет, потому что она у него хорошо действует... А тебе-то какая забота? За шляпу докторскую мы расплатились, а машина...

— А я уверен, что именно Пантя сбезобразничал! — крикнул Герка, вскочив со стула. — И получить за это должен! Хватит ему над людьми издеваться! Пусть в тюрьме посидит! А люди пусть спокойно без него проживут!

— Ну уж и тюрьма сразу, — расстроился дед Игнатий Савельевич. — Школьников туда не берут. Нет такого закона.

— А есть такой закон, чтоб у людей деньги отбирать? — еще громче крикнул Герка. — Чего ты его защищаешь?

— Я его не защищаю, — печально отозвался дед Игнатий Савельевич. — Жалею я его иногда. Уж больно жизнь у него нескладная. А с машиной милиция и без нас разберется.

— Вот как раз без нас-то она и не разберется! — И Герка выскочил из комнаты.

Мысль о мести не давала ему не только покоя, но и всего его издергала. Он припоминал и припоминал со все

большим количеством подробностей многочисленные обиды и не менее многочисленные издевательства. Особенно мучило Герку сегодняшнее воровство трешки. Сначала он хотел сразу рассказать обо всем деду, но даже подумать об этом было стыдно до невозможности.

Собственная трусость угнетала Герку. Он бы давно сбегал к участковому уполномоченному товарищу Ферапонтову и сообщил бы о предполагаемом Пантинном преступлении. Ведь он не стал бы доказывать, что именно Пантя изрезал колеса, зато бы повторял и повторял, что многим известно: около машины утром крутился один только Пантя, а он вам зря крутиться не будет... Но Герка трусил! Вдруг злостный хулиган узнает, кто заявил о нем в милицию?! И постыднее всего было то, что Герка все равно не сомневался: изрезанные колеса — дело длинных ручищ Панти!

Измучился Герка, устал, изнемог, но желание отомстить не унималось, а рослоООООООООО, становилось все остреее и даже больнеееееееееее... Ой!

Не выдержав борьбы с самим собой, Герка бросился в милицию, там, заикаясь и спрятав дрожащие руки за спину, рассказал он участковому уполномоченному товарищу Ферапонтову о том, что колеса мог изрезать только злостный хулиган Пантелеймон Зыкин по прозвищу Пантя.

Участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов был хороший дяденька, в поселке его уважали за строгость, доброту и справедливость, и поэтому он обескуражил Герку своим отношением к его, очень мягко выражаясь, рассказу.

— Сам видел? — довольно грубовато спросил он, снял маленькую фуражку с огромной головы, тщательно промакнул лысину платком, надел фуражку. — Сам, значит, не видел?.. Тогда, значит, и разговаривать нам не о чем. Так мы не работаем. Пантя — элемент, конечно, частично антиобщественный, это всем известно. Но и сваливать на него любое хулиганство без достаточных оснований — не дело. За то, что поделился со мной подозрениями, спасибо. Учтем.

И обескураженный Герка убред на берег реки, уселся там в очень страшной тоске, бессилии и злости... И еще ему было почему-то стыдно... Он машинально швырял в реку камешки и никак не мог определить причину стыда... И никогда до этого не испытывал Герка такого одиночества, как сейчас. Он попытался отыскать в душе хоть бы

самое ничтожное желание, но уже не мог даже поднять руки с камешком.

Лишь что-то легонько шевельнулось в сознании, когда он вспомнил об этой милой Людмиле, вернее, о ее больших черных глазах... Чего, интересно, она сейчас делает? Кем командует? Кого учит? Кого информирует, комментирует, анализирует?

А она с тетей Ариадной Аркадьевной сидела на крылечке. Они часа два пробродили в окрестностях поселка, прошли вдоль опушки леса, рассчитывая, что Голгофа не могла уйти далеко, устали и вот сейчас размышляли о Панте, выясняя вопрос о том, надо ли сообщать в милицию о своих подозрениях.

— Вы знаете, тетечка, — решительно сказала племянница, — мне вот нисколько не жаль врача-грубияна-эскулапа. Ведь он за все время ни разика не вспомнил о дочери. Его волнует только машина. И пока вопрос с нею не будет решен, он будет здесь шуметь. Может быть, Голгофа выжидает, когда он уедет?

— Мы можем лишь гадать. Мне лично жаль Пантю, — призналась тетя Ариадна Аркадьевна, — хотя более злостного малолетнего хулигана я не встречала за всю свою жизнь. И я никак не могу понять, что могло толкнуть его на такое изуверство по отношению к машине. А вдруг есть какая-то связь между историей с машиной и уходом Голгофы. Что-то угадывается... Но — что?

— Мне ее уход совершенно непонятен. В нем есть нечто таинственное и... подозрительное.

Во дворик ворвался дед Игнатий Савельевич и еще у калиточки прокричал возбужденно:

— Герой-то мой, Герка-то мой единственный что натворил?! Участковому уполномоченному товарищу Фералпонтovu на Пантю пожаловался! Пантя, конечное дело, большой специалист по безобразиям, но ведь прежде чем жаловаться, надо факты иметь! Неопровержимые! — Он махнул рукой и так стремительно выскочил из дворика на улицу, будто бы проскользнул в щелочку между досочками калиточки.

Далее он промчался по улицам поселка с быстротой и легкостью, с какими не передвигался уже лет сорок. И хотя силы ему придавало возмущение, все, видевшие его, скажем прямо, рекордсменский бег, радовались за деда. Но постепенно силы его иссякли, и к участковому уполномоченному товарищу Фералпонтovu дед Игнатий Савель-

евич вошел медленно и покачиваясь, кивнул и тяжело опустился на стул.

— Как ты знаешь, Яков Степанович, — с трудом сдерживая усталоедыхание, выговорил он, — в нашем поселке возле моего дома совершено преступление. Приведена в негодность личная машина марки «Жигули».

— Знаю, знаю, — без всякого интереса выслушал и равнодушно ответил участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов, снял фуражку, платком промакнул лысину, помахал над нею фуражкой, надел ее. — Знаю, знаю.

— Но тебе неизвестно, кто совершил преступление!

— Пока неизвестно.

Дед Игнатий Савельевич очень тяжело поднялся и гордо заявил:

— Данное преступление совершил я.

— С какой целью? — невозмутимо спросил участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов, помахав фуражкой над головой.

— С целью мести за внука, — вызываясь ответил дед Игнатий Савельевич, снова тяжело задышав, потому что с непривычки врать ему было очень и очень трудно. — Врач, владелец машины, издевался над моим внуком, незаконно ВЫКОЛОТИЛ из меня четырнадцать рублей тридцать копеек, и я отомстил ему.

Участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов снял фуражку, долго вытирал лысину платком, надел фуражку и устало проговорил:

— Ну и понесешь, Игнатий Савельевич, заслуженное наказание по всей строгости закона. Конечно, суд учтет твой немолодой возраст, учтет также твои прежние трудовые заслуги, но все равно за дачу ложных показаний придется отвечать. Можешь идти. А вводить нас в заблуждение на старости лет позорно и постыдно.

— Я... я... я не ввожу... — виновато пролепетал дед Игнатий Савельевич, но, помолчав, собрав силы, с достоинством сказал: — Я преступник, и ты, Яков Степанович, обязан принять меры.

— Приму меры, приму, не беспокойся. Бери вот бумагу и подробно опиши, как ты совершил преступление. И если в твоём заявлении будет хоть одно слово правды, немедленно приму меры. В противном случае будешь наказан за дачу заведомо ложных показаний.

— А писать-то зачем?

— Чтобы имелось, так сказать, доказательство того,

хотел ты или не хотел, собирался или не собирался вводить нас в заблуждение.

— Не веришь мне?

— Не только не верю... — Участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов долго махал фуражкой над лысной. — Стыжусь я за тебя всеми силами души. Иди и сам стыдись и тоже всеми силами души.

Добредя до дверей, дед Игнатий Савельевич обернулся и еле слышным голосом проговорил:

— Прости, Яков Степанович. Хотел ведь я доброе дело сделать. Ошибку своего внука исправить, а... А осечка получилась. Но ты на меня не серчай.

Он ковылял по улицам, даже не замечая, куда движется. Ему казалось, что все встречные здороваются с ним насмешливо, а то и осуждающе, и все видят, как от стыда у него разгорелись уши... Эх, Герка, Герка... на какой позор вынудил деда пойти!.. Да и ты, дед, тоже сообразил... Герка-то хоть из трусости на Пантю жаловался... А ты решил по глупости его, хулигана все-таки, спасти...

И дед Игнатий Савельевич в горестных размышлениях своих не заметил, конечно, как мимо него проторопилась уважаемая соседка — тетя Ариадна Аркадьевна, но не заметил и того, что она постаралась, чтобы он ее не углядел.

А она, войдя в милицию, заговорила с достоинством:

— Я всегда считала своим долгом, Яков Степанович, быть по возможности до предела честной и правдивой. И посему, когда обнаружила, что вы не в состоянии раскрыть преступление, совершенное недавно и недалеко от моего местожительства... Я решила сама признаться, чтобы избавить вас от лишних хлопот и траты времени... Заявляю: преступление совершила я.

Участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов резко встал, налил из графина полный стакан воды, залпом выпил его, грозным взглядом посмотрел на странную посетительницу-заявительницу, выпил еще стакан, но уже неторопливо, снял фуражку, промакнул лысину платком, надел фуражку и умоляющим голосом спросил:

— Чего вы этого хулигана защищаете? Чего вы из-за него под суд захотели? Преступление она совершила! Хватит мне сказки рассказывать! — Он удивительно громко постучал указательным пальцем по краю стола. — С какой целью вы на себя напраслину возводите? С какой целью вводите меня в заблуждение?

— Прошу не разговаривать со мной в таком тоне, Яков Степанович! — возмущенно и оскорбленно сказала тетя Ариадна Аркадьевна, придерживая руками трясущиеся косички. — К вам официально обратилась, повторяю, официально обратилась прес-туп-ни-ца, а вы разговариваете с ней, как с расшалившейся школьницей! Будьте любезны отнестись ко мне со всей серьезностью и арестуйте меня! Иначе я буду жаловаться! Не пытайтесь свалить вину на несчастного мальчика!

— И! Арес! И! Туем! — Участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов не сел, а прямо-таки бессильно упал в кресло. — Арестуем, арестуем... кого надо и когда надо, — тихим голосом сказал он. — А вы отправляйтесь домой и смотрите с вашим любимым котом телевизор... Вам-то как не стыдно врать? — взмолился он. — А?

— Конечно стыдно! Еще как стыдно! — охотно и горячо согласилась странная посетительница-заявительница. — Но у меня нет другого выхода. Нельзя любое хулиганство сваливать на Пантю. Конечно, за свои прошлые безобразия он достоин осуждения, но ведь он живет в такой ужасной семье...

— И это не оправдание для введения меня в заблуждение. Преступник от нас не уйдет. А судьбой Панти мы давно занимаемся, не беспокойтесь.

— Прошу извинить меня, Яков Степанович, но ведь я действительно поступала из самых добрых побуждений.

— А я убежден, Ариадна Аркадьевна, что и преступник в данной ситуации действовал тоже из самых добрых, даже добрейших, как ему казалось, побуждений. Да, да, приводя в негодность машину таким варварским способом, он был убежден, что совершает благо! Всего вам хорошего! До встречи на рыбалке!

После ухода странной посетительницы-заявительницы участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов решил, что теперь он может хоть чуточку отдохнуть.

Именно чуточку он и успел отдохнуть, как явилась незнакомая ему маленькая девочка, кудрявенькая, с большими черными глазами, и очень вежливо поздоровалась.

— Кто тебя обидел? — ласково спросил участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов, потому что любил детей.

— Меня никто не посмеет обидеть, — с неожиданным высокомерием ответила девочка. — Я этого никому не позволю.

— Тогда на что или на кого жалуешься?

— Я не жалуюсь. Я наоборот. Вы ищете преступника, который сегодня утром изрезал колеса у «Жигулей» цыплячьего цвета. Так вот, было бы вам известно...

— Что это сделала ты! — И участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов начал громко хохотать и сквозь громкий хохот еле выговорил: — Как тебе... трудно... бедная... было! — Его буквально затрясло от хохота, но довольно скоро он перестал хохотать, потому что звонко и громко засмеялась девочка. Она заливалась смехом все громче и звонче, все звонче и громче.

— Собственно... собственно... — в совершенной растерянности пробормотал участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов, но заставил себя выглядеть суровым и суровым же голосом спросил: — Ты хоть имеешь представление, куда ты явилась?

— Явилась я туда, — крайне насмешливо ответила девочка, — где приход преступника вызывает неуместный смех у того, кто обязан ловить этого преступника, а не хохотать.

— Какая же ты преступница, милая ты моя? Ты, может, толком и не знаешь, чего это слово значит?

— Я даже знаю, что должны делать в милиции, когда куда является с повинной преступник.

— И что же тут должны делать в таком случае?

— По крайней мере, заинтересоваться личностью явившегося, серьезно заняться им, а не хохотать, будто Юрий Никулин пришел.

— Заинтересуемся, будем серьезны, — согласился участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов. — Почему ты решила взять под защиту Пантю, известного злого хулигана? Безобразника и антиобщественника? И как тебя, милая, звать? Меня — Яков Степанович.

— Очень приятно познакомиться. Меня зовут Людмилей. А откуда вы знаете...

— Я даже знаю, где сейчас находится Пантя, которого вдруг все решили защищать.

— Предположим, вы знаете, где сейчас находится Пантя, — довольно насмешливо проговорила эта милая Людмила. — Но какое имеет значение...

— А вот какое. Он идет по дороге к Дикому озеру с девочкой, которую ищет отец, — владелец кем-то искореженной машины, — тоже довольно насмешливо сказал участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов, на-

слабдаясь обескураженным выражением лица девочки. — Интересная для тебя новость?

— Потрясающая новость... Даже в голове не укладывается. Правда, отец пока не вспоминает о дочери... Но сначала о Панте. Понимаете, Яков Степанович, я не могу не жалеть его. Вот вчера поздно вечером он был голоден, да его еще не пускали домой ночевать. Я вынесла ему поест, и, представьте себе, он плакал. А тут его стали подозревать в истории с машиной, и я...

— Эх, какие вы все, я имею в виду вас, молодежь... — осуждающе, но мягко перебил участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов, долго обмахивал лысину фуражкой. — Какие вы все...

— Самостоятельные? — с вызовом спросила эта милая Людмила.

— Безответственные. И слишком уж самоуверенные. Плохо, конечно, не то, что ты пожалела Пантю, его есть за что пожалеть. Но ведь прежде чем начать делать что-нибудь серьезное, надо ведь сто раз подумать и хотя бы один раз посоветоваться. Вот пришла бы ты ко мне и вместо того, чтобы врать...

— А взрослые никогда не врут? Они никогда не поступают безответственно?

Участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов тщательно промакнул лысину платком, надел фуражку, помолчал и ответил:

— Врут. И безответственных среди нас хватает. Но только потому, что в детстве их от этого не отучили. В детстве, предположим, у ребеночка носик у-у-у какой малюсенький, а у взрослого у-у-у-у какой носина вырасти может! В детстве привыкнет на мизинец обманывать, а взрослым станет, ему и государство обмануть — пара пустяков... Чего молчишь?

— Возражать нечего. Я тоже считаю, что наличие в жизни плохих взрослых — не оправдание нашего плохого поведения... Но как наша девочка оказалась с Пантей?

— Если будешь держать язык за зубами...

— Даю честное слово.

— Хулиганы у нас стали появляться на Диком озере. Когда-то оно, видимо, диким и было, а теперь просто распрекрасное место для отдыха, рыбалки и всего такого прочего. Вот и приезжают туда целыми компаниями хулиганы и безобразничают. Мешают людям отдыхать. Дружинник Алеша Фролов сегодня туда уже наведывал-

ся, а по дороге и встретил Пантю. — Участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов помахал фуражкой над головой. — Сегодня мы туда организуем большой выезд с нашим активом. Привезем Пантю и девочку. Сами вы пока на озеро носа лучше и не показывайте.

Зазвонил телефон, и эта милая Людмила невольно прислушалась к разговору. Особенно ей запомнились слова:

— Выезжаем в семнадцать ноль-ноль... Людей хватает... Есть доложить... Ну, будь здорова, Людмила. Рад был с тобой познакомиться.

— Я тоже, Яков Степанович. Всегда приятно встретить умного и откровенного человека.

Они крепко пожали друг другу руки, довольные тем, что взрослые и дети в конечном итоге делают общее дело — помогают людям жить и работать. И лишний раз убедиться в этом им обоим было важно и даже необходимо.

А теперь, уважаемые читатели, нам с вами придется вернуться к неприятным событиям, но сначала мы понаблюдаем за двумя счастливейшими людьми.

Голгофа и Пантя чувствовали себя настолько счастливейшими, что если бы сейчас их увидел кто-нибудь посторонний, то вполне мог их счесть хотя бы чуточку ненормальными.

Например, когда Голгофа впервые в жизни увидела в траве живую землянику, то завизжала так пронзительно, что Пантя вздрогнул и бросился бежать: думал, что на них рушится дерево. А она, не переставая визжать, упала перед ягодой на колени, раскинула руки, словно собиравшись ее обнять, приникла к ней лицом.

— Да вон их тут сколько, — удивленно и покровительственно сказал Пантя.

— Но ведь это же земляника! — восторженно воскликнула Голгофа. — Настоящая земляника! Я же ее только на блюдечках видела да в стаканах! Одна ягодка, а пахнет-то, пахнет-то как!

— Ты ее ешь, ешь, чего любоваться-то?

И Голгофа ела каждую ягодку отдельно, осторожно, с наслаждением вдыхая аромат, закрыв глаза. Панте это было и смешно, и приятно, и непонятно. Он изредка стыдливо гоготал, сидя в сторонке, любовался Голгофой и от ее восторженности словно уставал, наконец ослабел настолько, что опрокинулся в траву вверх лицом.

И вдруг неожиданно крепко заснул...

Проспал он всего несколько минут, а проснулся в страхе: ему показалось, что прошло чуть ли не несколько часов! Но Голгофа ничего не заметила, она на четвереньках ходила кругами по траве, ела ягоды и уже не визжала, не восклицала восторженно, а лишь изредка тихо и ласково охала...

Пантя посидел, приходя в себя от неожиданного глубокого сна, вскочил и испуганно крикнул:

— Слушай, ты! Этак мы с тобой сегодня до озера не дойдем! А ночевать по дороге негде! А ягод там еще более, чем здесь!

— Ах, Пантя, Пантя! — выдохнула, подбежав к нему, Голгофа. — Если бы ты только знал! Как все замечательно!

— Айда, айда! — От радости Пантя хихикнул. — На озере еще красивше! Айда!

Но не успели они пройти и нескольких метров, как Голгофа, простите меня, уважаемые читатели, за многократное повторение одного и того же выражения, ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ увидела муравейник и замерла перед ним с раскрытым ртом и до предела расширенными глазами.

— Я о них столько читала, — печально и восторженно прошептала она, присев на корточки и не отрывая взгляда от муравьиной суетни. — Ведь за ними часами наблюдать можно и — не надоест! Все, все, буквально все заняты делом! Ни одного тунеядца, ни одного хулигана, ни одного воображули! И никто не мешает друг другу!

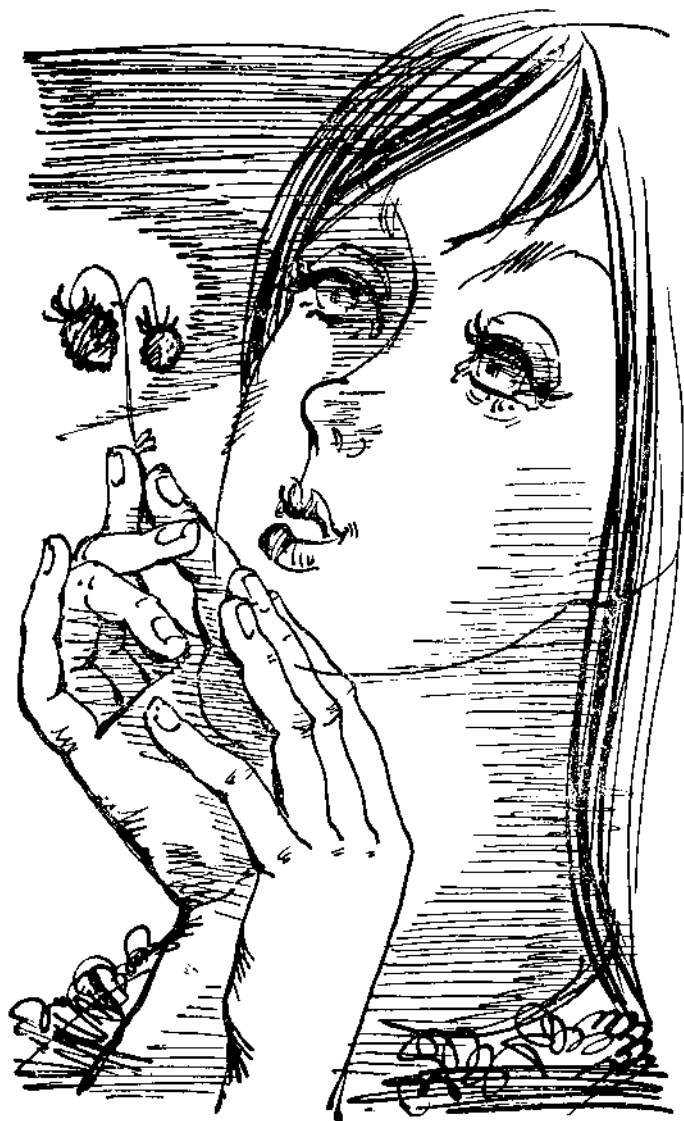
«Обалдевая она какая-то», — подумал Пантя больше с удивлением, чем с неодобрением, а вслух сказал:

— Они ведь кусаются! Они еще и куда угодно заползти могут!

— Но ты посмотри, посмотри, как интересно!

— Зато так мы до озера сегодня не дойдем, — озабоченно и важно пробурчал Пантя, но Голгофа поднялась, улыбнулась ему, и он уже сразу весело объяснил: — Да у озера там все есть! Мурашине кучи этой в три раза больше. Айда!

Его опасения были отнюдь не напрасными: они с Голгофой не шли, а, можно сказать, еле-еле передвигались с остановками чуть ли не через каждые десять метров. То она замрет, увидев на поваленном стволе ящерицу, то вцепится в Пантину руку, углядев на пеньке бурундука, то надолго присядет перед лужей, любуясь скольжением

водомерок, то прислонится к березе и начнет нежно гладить ее ствол...

— Ой! Ой! — так испуганно прошептала Голгофа, что Пантя резко обернулся, готовый броситься защищать ее. — Ведь это же настоящая лошадка! Ты посмотри, какая у нее смешная прическа!

— Это не прическа, а грива, — серьезно объяснил Пантя, но не удержался и рискнул пошутить: — А сзади у нее — хвост называется.

— Смейся, смейся, — сердито ответила Голгофа. — Но ведь я тоже кое-что знаю, о чем ты понятия не имеешь. Однако смеяться над этим я считаю ниже своего достоинства. Вернее, просто не буду смеяться.

Лошадка была низкорослой, с длинной, тщательно зачесанной на одну сторону гривой и хвостом почти до земли. На телеге, скрестив перед собой ноги в валенках, сидела старушка, одетая в телогрейку, застегнутую на все пуговицы, и в зимней шапке с завязанными на макушке ушами.

— Стой, Ромашка! — неожиданно пронзительным, звонким голосом скомандовала старушка, и лошадка остановилась. — Садись, молодежь, подвезу. Мне в компании веселее, а у вас ноги отдохнут.

Голгофа от радости растерялась, но не двигалась с места, Пантя же вроде бы намеревался продолжать путь пешком, сделал что-то вроде попытки спрятаться за Голгофу, и старушка крикнула уже сердито и нетерпеливо:

— Садись, молодежь, говорю! Подвезу, молодежь, говорю! Одной мне ехать скучно. А я страсть какая говорливая, ну прямо у меня изжога получается, коли долго промолчу... Но-о, Ромашка, поехали!.. Вы меня только слушайте, — звонким, пронзительным голосом почти кричала старушка, когда ребята поудобнее уселись сзади нее на телегу, свесив ноги. — Мне главное — самой высказаться требуется. А то живу я одна с тремя кошками, козой, с курами, поросенком, старик мой восемь лет назад помер, телевизор сломался, у радио провод оборвался, вот в субботу мастера привезу, характер у меня зверский, потому что болезней во мне много, вылечить меня нельзя, вот я со всеми и ругаюсь, то с курами, то с поросенком, особенно хорошо с козой получается ругаться...

Скоро Голгофа с Пантей перестали слушать старушку и тихонько перешептывались.

И сейчас я, уважаемые читатели, но только пусть это

останется сугубо между нами, впервые, а может быть, и в последний раз, если и не оправдываю побег девочки из дома, то стараюсь ее понять и даже кое в чем с ней согласиться. Ведь человек должен жить так, чтобы каждый день — особенно в детстве! — приносил ему новые впечатления. Жутко, опасно для его дальнейшего развития, если человек — особенно в детстве! — основные впечатления получал сидя перед телевизором. А ведь есть несчастные люди, которые лес, горы, моря, реки и все, что в них растет и водится, видели только на голубом экране.

Старушка, все-таки почувствовав, что ее совершенно не слушают, и все-таки обидевшись на это, заговорила, почти закричала так звонко и пронзительно, что Пантя с Голгофой вынуждены были замолчать, потому что уже не слышали друг друга. Старушкин голос звучал, казалось, на весь лес вокруг:

— Дети у меня не больно путные выросли. Шесть голов, половина парней. Внуков и внучек набралось у меня ровно десять головушек. А живу вот одна с кошками, козой, курами, поросенком, болею вся. Вот характер у меня и испортился. Стыдно сказать, с телевизором люблю ругаться. И смех, и грех, зато удобно! Он мне слово, я ему два, а то и три! А то и вовсе ему говорить не даю! Он иной раз аж загудит и замелькает — до того на меня рассердится... Глядишь, на душе и полегчает. Дети-то мои все по городам живут, а за картошкой, моркошкой, за луком и прочим ко мне наезжать не забывают. На это не жалуюсь. К себе зовут. А внучатки деревни еще в глаза не видывали. Я детям своим и толкую, правда без толку, какие, мол, вы родители, если дети у вас без природы растут? Ненормальными ведь они, мол, вырастут.

Когда на повороте к Дикому озеру они распрощались с разговорчивой старушкой, Голгофа сказала:

— Она очень добрая и умная.

Пантя промолчал: хорошо, что старушка его не узнала. Прошлым летом он воровал у нее огурцы, и, когда, удирая, перелезал через изгородь, старушка успела сунуть ему под рубашку крапивы.

— Есть сейчас будем или до озера потерпим? — спросил он. — Еще часа три, а то и больше топать. А если ты на каждом шагу ахать будешь...

— Знаешь что? — Голгофа очень обиделась. — Мы с тобой вперегонки у озера побегаем. А сейчас я буду идти так, как мне нравится. Как называются эти ягоды?

— Малина, — с тяжким вздохом отозвался Пантя, сразу сообразив, что здесь они застрянут надолго. Но, увы, он, конечно, и не подозревал, что главная-то беда не в этом. Их ждала настоящая большая беда.

Но пока она, большая настоящая беда, еще не пришла, нам с вами, уважаемые читатели, есть смысл вернуться туда, где у забора стояли «Жигули» цыплячьего цвета с изрезанными колесами.

Сам владелец давно уже ушел на почту звонить в город и еще не возвращался, и уважаемые соседи на всякий случай приглядывали за машиной.

Были они мрачны и молчали вот уже, наверное, не меньше часа.

Зато Герка с этой милой Людмилой примерно такое же время, мягко выражаясь, выясняли отношения в огороде, за банькой, чтобы их никто не слышал.

Подробно излагать содержание их резкого разговора, а точнее, ссоры, я не буду, потому что он, разговор, а точнее, ссора, состоял из одних и тех же утверждений и опровержений, только произносимых на разные лады — от яростного шепота до почти злого крика.

— Как ты мог, как ты посмел, как позволил себе обвинять человека в преступлении, если не видел его своими собственными глазами?! — Голос этой милой Людмилы заметно дрожал от несдерживаемого негодования. — Почему ни с кем не посоветовался? Мне один умный человек сказал сегодня, что прежде чем что-нибудь сделать серьезное, надо сто раз подумать и хотя бы один раз посоветоваться!

— Думал я не сто раз, а двести сорок раз! — кричал Герка раздраженно и обиженно. — А с кем мне советоваться? С тобой, что ли? Умнее ты всех, что ли? Или с тетечкой твоей советоваться? Так ведь у нее дорожке кота никого на свете нету! А для деда моего вредящего Пантя дорожке меня стал! И чего вы все его, бандита, жалеете?

— Во-первых, он достоян жалости как очень несчастный человек.

— Пантя — очень несчастный человек?! — Герка поперхнулся от возмущения и отвращения. — Чем он несчастный, интересно бы узнать! Тем, что людям жить не дает? Что кошек мучит? Что даже мухам от него жизни нету?

— А ему отец-пьяница и мачеха жить не дают! Его даже кормят нерегулярно! Друзей у него нет! Нет ни од-

ного человека, который бы попытался на него по-настоящему воздействовать! Душевно помочь!

Тут Герка совсем потерял способность владеть собой, лицо его перекосилось, губы задрожали, и он хрипло закричал:

— Да ведь он дурак и бандюга самая настоящая! Его же люди боятся! На такого только тюрьма воздействовать может! Очень несчастный человек! — грубо и зло передразнил Герка. — Сегодня он у меня три рубля отобрал, твой несчастный человек!

— Ах, вон оно что! Вот, оказывается, в чем дело! Отобрал, говоришь? Да ты сам их ему принес! — наипрезрительнейшим голосом крикнула эта милая Людмила. — Струсил, стыдно стало, опять струсил и в милицию побежал! Чтобы отомстить! Ты — трус! — бросила она ему прямо в лицо. — Ты — трус! Обыкновенный трус! Трусишка!

— А ты... а ты... а ты... — Герка, сжав кулаки, прыгал перед ней, словно не решаясь ударить. — А ты и на девчонку-то даже не похожа! Строишь тут из себя...

Эта милая Людмила искривила губы в брезгливой усмешке, в ее больших черных глазах сверкнуло очень сильное презрение, она сказала:

— Зато тебя называют Девочкой без бантиков! Вот ты на мальчика не похож! Спортом не занимаешься! Ничего делать не умеешь! Правильно дед решил тебя экспонатом в музей отправить, правильно! И ко всему прочему ты еще и — трус!

И эта милая Людмила, чтобы не расплакаться, убежала. Герка стоял, будто оглушенный, чувствуя, как от стыда больно горели лицо и шея, глаза остро щипало от обиды, голова плохо соображала от горя, в ней билось, как бы нанося изнутри тупые удары, одно слово: «Трус! Трус! Трус!» Герка крепко сжал виски ладонями, чтобы слово не билось, но оно звучало в голове, казалось, все громче и громче, все резче и резче...

— Трус... трус... трус... — прошептал он и с отчаянием понял, что так сам говорит о себе. — Тру-у-ус!.. — вырвалось у него, сколько он ни старался сжать губы.

Был у него один выход из жуткого положения, одно спасение — рассердиться, разозлиться, рассвирепеть на эту милую Людмилу, и ему сразу стало бы хоть чуточку легче. Но он вспоминал и видел ее большие черные глаза, наполненные гневом, презрением и брезгливостью, знал,

что взгляд направлен на него, но, кроме жгучего стыда за себя, больше уже ничего не ощущал.

Обессиленный, он опустился на землю, прислонившись спиной к баньке, крепко зажмурился, стараясь сдержать дыхание, чтобы успокоиться, но чувствовал себя так, словно бежал в крутую гору и не мог остановиться. Ему с необыкновенной отчетливостью все думалось и думалось о том, что он и взаправду трус. И очень странно: сознание этой отвратительной истины вызывало в нем сейчас не обиду, не возмущение, даже не желание возражать, а какое-то покорно-постыдное согласие. Он торопливо перебирал и перебирал разные случаи, и каждый из них доказывал ему, что он и есть самый обыкновенный трус...

И эта милая Людмила тоже не могла успокоиться. Она несколько не сомневалась в своей правоте, не сожалела ни об одном своем слове, сказанном Герману, но что-то угнетало ее. Она не находила себе места, вспоминала и вспоминала ссору и никак не могла догадаться, что же ее так угнетает. Может быть, она жалела Германа? Нет, сейчас она не жалела его.

Тогда почему она о нем думает? Действительно, что ее угнетает?

Лишь постепенно, опять восстанавливая и восстанавливая в памяти ссору с Германом, эта милая Людмила обнаружила, что ничего она не добилась, что все в его поведении останется по-прежнему, ничто и никто не заставит его серьезно взглянуть на свою жизнь и хоть немножечко что-то в ней изменить.

Ведь в милицию Герман пошел именно из-за трусости, и только из-за трусости, а не из желания добиться справедливости. Пантя потребовал у него два рубля, Герман ему их, конечно, принес, хотя и сознавал, что это и обидно для него, и унижительно, и оскорбительно. Вот тут-то и подвернулся случай отомстить Панте, попробовать добиться, чтобы его наказали. И беспокоился Герман не об изрезанных колесах, даже не о трех рублях, а о том, что пока он трусит, а трусить он будет всегда, Пантя не оставит его в покое.

Но эта милая Людмила не была бы самой собой, если бы не верила в то, что человек может и должен стать лучше, если ему помогать от всей души и без усталости. Посему она еще немного, но очень глубоко и так же искренне пострадала о том, что не сумела достаточно убедитель-

но поговорить с Германом, решила, конечно, ни в коем случае не бросать его окончательно и направилась заниматься неотложными делами.

Тем она и отличалась от многих, позвольте вам напомнить, уважаемые читатели, что у нее всегда были неотложные дела, а если таковых не оказывалось, она их находила.

Вот сейчас ей надо было любым способом попасть на Дикое озеро, узнать, что там с Голгофой и Пантей, не наварались ли они на хулиганов, о которых она узнала от участкового уполномоченного товарища Фералонтова. Но сначала требовалось как-то объяснить тетечке свое исчезновение. Тяжко вздохнув, эта милая Людмила приняла довольно твердое решение — по возможности не врать.

Уважаемые соседи по-прежнему с мрачным видом сидели на скамейке у забора, а отец и врач П. И. Ратов нежно поглаживал свои «Жигули» цыплячьего цвета и горестно восклицал, почти ныл:

— Но какие деньги! Какие деньги! Жена упала в непродолжительный, правда, обморок, когда я намекнул ей, сколько примерно придется выложить за ремонт колес! Найти бы мне преступника, я бы из него... я бы ему... я бы его... он бы у меня...

— Не везет вам, — сочувственно заметил дед Игнатий Савельевич. — За шляпу-то вы деньги выколотили, а вот за машину...

— **ВЫКОЛОЧУ! ВЫКОЛОЧУ!! ВЫКОЛОЧУ!!!!** — как заклинание, как клятву произнес отец и врач П. И. Ратов. — МОЕ от меня никогда не уйдет! Я подниму на ноги всю милицию всей области, а если понадобится, то и всей республики... соберут всех специальных со-бак, и преступник будет унюхан и обнаружен! И суд стрясет с него МОИ деньги!

Дед Игнатий Савельевич виновато побрякал, смущенно побряхтел и с опасением спросил:

— А если все республиканские силы... все специальные собаки... будут не в состоянии?

Отец и врач П. И. Ратов уверенно произнес:

— Обратимся куда следует! Соберем все силы!

Он еще чего-то там выкрикивал то зло, то радостно, то горестно, то очень уж торжествующе или очень уж даже гордо. Когда он устало замолчал, видимо, лишь для того, чтобы просто перевести дух, эта милая Людмила прошептала:

— Тетечка, мне необходимо съездить на Дикое озеро и узнать, что и как там с Голгофой.

— Съездить? — громко удивилась тетя Ариадна Аркадьевна. — На чем? Автобусы туда не ходят. Такси здесь не поймать, да и слишком дорого обойдется такая поездка. И откуда ты знаешь, что она там? И как она могла вообще там оказаться? И какая необходимость именно тебе...

— Да, необходимость. Да, именно мне, — шепотом, но твердо перебила эта милая Людмила. — Есть возможность узнать о судьбе Голгофы... — Она помолчала, с горечью подумав, что, к сожалению, не обойтись без вранья, и закончила: — Туда едет Яков Степанович, и он обещал взять меня с собой.

— Я хоть немного успокоился, — удовлетворенно сказал отец и врач П. И. Ратов. — Ты, дед, дашь мне свое ружье, и пусть только кто попробует сунуться к машине!

— Оно у меня не стреляло вот уже примерно лет около тридцати, — отозвался дед Игнатий Савельевич. — Но если пугать, то, конечное дело, еще сгодится... А чего это вы дочкой своей больше не интересуетесь?

— А у меня было время ею интересоваться? — сразу, мягко выражаясь, взъярился отец и врач П. И. Ратов. — И как я мог ею интересоваться? Она ведет себя самым безнравственным образом, где-то и зачем-то прячется от меня с вашей помощью, так что мне прикажете делать? Как мне ею интересоваться? Бросить машину и бегать? Где бегать? Где ее искать?.. Я рассудил так: девочка она неглупая, к жизни абсолютно неприспособленная, далеко она не уйдет. Воспитана она в большом уважении к родителям, вам удалось ненадолго оказать на нее дурное влияние. Она одумается и сама ко мне прибежит. Однако безнаказанно ей данная история не пройдет.

— Мне можно идти, тетечка? — скромно спросила эта милая Людмила. — Честное слово, я ненадолго задержусь.

— Действуй, действуй, — переглянувшись с недовольной уважаемой соседкой, сказал дед Игнатий Савельевич. — Действия твои всегда полезны. Только курточку захвати.

— Захвати, захвати курточку. — Тетя Ариадна Аркадьевна покорно вздохнула. — Иногда ты и вправду совершаешь полезные действия.

И эта милая Людмила моментально исчезла.

Она еще понятия не имела, как доберется до Дикого

озера, но туда ушла Голгофа, да еще с Пантей, так что, можете не беспокоиться, уважаемые читатели, — эта милая Людмила будет там и сделает именно то, что необходимо сделать.

До выезда участкового уполномоченного товарища Ферапонтова с дружинниками оставался еще целый час, но она пришла к милиции, спряталась за углом и вдруг услышала голос:

— Давай, Фролов, на мотоцикл и быстренько к озеру, погляди, сколько народу там собралось и что он за публика. И быстренько обратно.

Эта милая Людмила бросилась к мотоциклу, стоявшему у входа, ловко устроилась в коляске и накрылась брезентом.

И уже через несколько минут мотоцикл мчался по лесной дороге к Дикому озеру. Совершая рискованный и на первый взгляд необдуманный поступок, эта милая Людмила словно предчувствовала, как она сейчас необходима Голгофе и Панте! Ведь они попали в большую настоящую беду...

Когда Пантя примирился с тем, что Голгофу из малиника скоро не вытащишь, он решил организовать обедик и с банкой отправился искать где-нибудь поблизости воду.

Увлеченная, скажем прямо, поглощением сочных, крупных, ароматных ягод, Голгофа не расслышала, как по дороге, приплясывая, притоптывая, кривляясь и подвивая под треньканье гитары, двигалась откровенно неприглядная компания из трех штук дылд.

Они были в одинаковых выгоревших на солнце, неопределенного цвета рубашках без пуговиц, а завязанных на голых животах узлом; в одинаковых грязно-синих, рваных, с заплатами джинсах и в никогда не мытых кедах. У всех до плеч свисали нечесанные волосы. Первый дылда был рыжим с пробивающимися усиками под толстым круглым носом. На голове второго дылды красовалась соломенная шляпа с широченными полями и обвязанная веревкой. Третий дылда, тот, что с гитарой, водружил себе на голову дамскую шляпку без полей.

Достаточно было одного наибеглейшего взгляда на них, чтобы понять, что это разотъявленнейшие безобразники, которые смотрят вокруг лишь с единственной целью: где и как тут можно напакостить.

Увидев у дороги большую сумку, оставленную Голгофой, дылды дружно, удовлетворенно, почти по-звериному рывкнули. Рыжий расстегнул сумку и, восторженно гыгыкая, сообщил:

— Джентелементы, здесь жратва! Берем! Идем! — Он схватил сумку, и трое штук дылд двинулось дальше, приплясывая, притоптывая, кривляясь и подвывая под треньканье гитары.

Только тут Голгофа обратила на них внимание и, увидев у рыжего дылды в руках свою сумку, закричала:

— Эй, мальчики! Это же моя сумка! Как вам не стыдно! Совесть надо иметь!

Во-первых, это были не мальчики, а дылды, во-вторых, им никогда не было стыдно, и, в-третьих, они понятия не имели, что такое совесть. Они, даже не обернувшись на голос девочки, удалялись по дороге, приплясывая, притоптывая, кривляясь и подвывая под треньканье гитары.

Голгофа бросилась за ними, крича:

— Пантя! Пантя! Нас обокрали! Беги сюда! Эй вы, жулики! Стойте! Воришки противные!

Если бы она могла знать, с какими негодями она встретилась, то не бежала бы за ними. Ей ведь не только сумки с продуктами было жалко, а возмутило позорное поведение трех штук дылд — обыкновенное воровство!

Выскочив из леса на дорогу, Пантя сразу понял, что тут без него случилось, и рванул за дылдами, думая лишь о том, как они осмелились обидеть Голгофу. Не будь этого наиважнейшего обстоятельства, у него хватило бы ума сообразить, что связываться с дылдами, по крайней мере, бесполезно.

Если бы только бесполезно!

Связываться с такими было просто опасно. Что немедленно и обнаружилось со всей очевидностью.

Забегая вперед, сообщу вам, уважаемые читатели, что трое данных штук дылд пока еще не были особо опасными преступниками. Пока они были просто до сверхбезобразия избалованными лоботрясами, безгранично распустившимися. Дылды давно уяснили, что им все дозволено, любая пакость и мерзость, которые их родители квалифицируют как шалости и шутки. Еще не бывало случая, да и быть не могло, чтобы дылдины папы и мамы не выручили своих шалунов из самой грязной затей.

Перед вами, уважаемые читатели, не такое уж редкое явление, хотя и очень уж ярко выраженное, когда изба-

лованные до сверхбезобразия дети становятся не бьяками-неженками, а как бы готовятся пополнить ряды преступников, являются, так сказать, резервом уголовного мира.

Заслышав быстрые шаги, дылды разом обернулись, двое из них ловко схватили Пантю за руки, а третий, продолжая тренькать на гитаре, кривляясь, заприговаривал:

— Джентелементы, джентелементы, забросьте этого кавалера подальше! — Он опустил гитару, схватил сумку и крикнул: — Подальше его закиньте, джентелементы! Лишите его возможности мешать нам культурно отдыхать! В лес его, в чащу, в джунгли, джентелементы!

Подбегая к ним, Голгофа кричала сквозь слезы:

— Как вам не стыдно? Вы же старше нас! Вы сильнее нас! Вы негодяи! Вы воры и хулиганы!

Двое дылд, крепко держа вырывавшегося Пантю за руки и за ноги, подтащили его бегом к лесу, увидели довольно глубокую яму с водой, завопили:

— Макнем кавалера! Бу-у-у-ул... тых!

И дылды бросили бедного Пантю туда, в довольно глубокую яму с водой.

От страха, обиды и несправедливости Голгофа уже плохо соображала, что делает сама и что вообще происходит. Она подскочила к третьему дылде, вцепилась руками в его волосы, а зубами впилась в плечо — и все это сделала изо всех сил.

Дылда взвыл на весь лес. От ужасного, нечеловеческого воя Голгофа еще больше испугалась, от страха закрыла глаза, и еще крепче вцепилась в дылдины волосы, и еще крепче сжала зубы.

Дылда уже не выл, а издавал какие-то совершенно непонятные звуки:

— Ыау-у-у-у... ааа-а-а-а-а... ауу-у-у-у...

Подбежавшие дылды еле-еле оторвали от него Голгофу, грубо оттолкнули ее четырьмя руками. Она отлетела далеко и упала спиной на дорогу.

— Уы-ы-ы-ы... ааа-а-а-а-а... быы-ы-ы...

Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не раздалось громкое и грозное стрекотание мотоцикла. Дылды, даже не переглянувшись, как по команде, бросились с дороги в лес.

Мотоцикл остановился перед неподвижно лежавшей Голгофой. Она открыла глаза и с трудом, хрипло выговорила:

— Туда... вон там... человека... в яму...

Она, конечно, и не заметила, что в коляске сидела эта милая Людмила, которая от растерянности и ужаса не могла раскрыть рта и пошевелиться.

Но с переднего сиденья соскочил невысокий, коренастый, широкоплечий дружинник Алеша Фролов и побежал к лесу, туда, куда показала ему взглядом Голгофа.

Эта милая Людмила вылезла из коляски, помогла ей сесть, и только сейчас Голгофа расплакалась, забормотала:

— Какие негодяи... какие изверги... дылды какие...

— Успокойся, миленькая, успокойся...

— Нет, нет, мне теперь ни за что долго не успокоиться... такие негодяи... такие дылды... Пантю в яму...

Да, вот для Панти положение его могло оказаться просто опасным. На дне ямы была холоднющая вода, а под ней вязкое дно, которое сразу стало помаленьку засасывать его ноги. Стоило Панте вытащить левую ногу, как правая погружалась еще глубже, и он понял, что ему необходимо ухватиться руками за корень над головой и не двигаться. Но все это он проделал машинально, а думал только о Голгофе. Все его существо было переполнено жалостью к ней и, прямо скажу, дикой ненавистью к дылдам. Он даже поскулил в бессилии что-либо предпринять...

Дружинник Алеша Фролов, из-за своей сильной фигуры и невысокого роста прозванный Богатыренком, уже побывал и не в таких переделках. Посему он велел Панте не волноваться, быстро разыскал ствол ик березки, подал конец его Панте, поднатужился и помог бедняге вылезти на твердую почву.

— Сумку, сумку они у нее отобрали, — бормотал Пантя, — я за водой ушел, а она... а она... а я...

— Ладно, ладно, — оборвал его дружинник Алеша Фролов, — я спешу. Вот спички, на полянке костерок осторожненько организуйте, подсушись. Я скоро вернусь.

Через некоторое время у костра Пантя второй раз за день сушил одежду и ботинки. Девочки сидели обнявшись. Голгофа все еще изредка всхлипывала, но уже без слез, рассказывала о случившемся, о том, как все прекрасно началось и как ужасно закончилось.

Отвлекая ее от переживаний, эта милая Людмила тоже рассказала о своих приключениях, даже изобразила потрясение дружинника Алеши Фролова, когда она высунулась из-под брезента в коляске на полном ходу и мотоцикл едва не оказался в кювете. Сначала дружинник

Алеша Фролов хотел не только высадить ее, но даже грозил каким-то наказанием, но этой милой Людмиле удалось поехать с ним дальше.

А Пантя сидел мрачный, злой и в то же время растерявшийся и очень. Видимо, впервые в жизни он на себе ощутил, что такое хулиганство, что такое, когда сильный обижает слабого. И конечно же, переживал он не за себя...

— Я того, с гитарой, здорово укусила и волосы ему чуть не выдрала! — похвасталась Голгофа искренне. — Правда, все я делала со страха... Я даже не за себя потом боялась, а за Пантю... когда они его к яме потащили... и бросили...

— Мне-то что... я-то что... — радостно пробормотал Пантя. — Я-то как-нибудь... а вот ты... вот тебя они... сумку жалко... там пряники, хлеб, консервы...

— Главное, что поход сорвался. — Голгофа вздохнула несколько раз подряд. — Собирались у костра под звездами посидеть...

— У костра под звездами мы с тобой обязательно посидим... — мечтательно проговорила эта милая Людмила. — Полюбujemyся ими... Звезд будет много-много, и все они будут яркие-яркие... Но сегодня поход никак не может состояться, — уже будничным тоном продолжала она. — Милиция и дружинники будут хулиганов в порядок приводить как раз на Диком озере. А вот завтра...

— А папа?

— С папой, конечно, вопрос сложнее. Да и мама твоя завтра, кажется, приезжает.

— Значит, они меня заберут! — Голгофа собралась было зарыдать или просто расплакаться, но эта милая Людмила сказала уверенно:

— А может, и не заберут! Ты ведь не знаешь, что с машиной произошло. Кто-то изрезал все четыре колеса, да так старательно, что починить вроде бы даже и невозможно или невероятно трудно. И папа будет искать преступника до тех пор, пока не найдет. Кроме того, пора тебе поговорить с родителями серьезно. Убедить их, что ты нормальный человек и тебе необходим нормальный образ жизни.

Голгофа удивленно спросила:

— Но кто же мог и кому надо было так искалечить машину?

Пантя спокойно ответил:

— Мне надо было. Я колеса изрезал.

Девочки настолько ужаснулись, что слова вымолвить не могли, а Пантя добавил вызывающе и мрачно:

— Если он ее в поход не пустит, я ему всю машину угроблю... А дылдам я руки и ноги выдерну!

Раздалось тревожное стрекотание мотоцикла. Он остановился у обочины дороги, и дружинник Алеша Фролов крикнул:

— Ждите меня здесь! Там такое творится!

Пятнадцатая глава

ПОТРЯСАЮЩИЕ НОВОСТИ

Мы расстались с нашей троицей в тот самый момент, когда Пантя сообщил девочкам, что именно он изуродовал автомашину отца и врача П. И. Ратова, и девочки от вполне понятного ужаса еще не вымолвили ни слова. А тут примчался на мотоцикле дружинник Алеша Фролов и предупредил, что на берегу Дикого озера происходит что-то нехорошее, и велел им ждать его.

— А... а... зачем? — еле-еле-еле-еле выговорила эта милая Людмила. — Зачем ты изрезал колеса?! Я никак не могла поверить, что ты способен на такое.

— Способен! Способен! Способен! — пропищал Пантя зло и вызывающе. — Я же хулиган! Меня же люди боятся! Я же не человек! Я же...

— Не устраивай, пожалуйста, истерик, — спокойно остановила его Голгофа. — Толком объясни, для чего тебе потребовалось...

— Да чтоб поход был! Чтоб твой отец тебе не мешал! Чтоб тебе хорошо было!

— Прямо-таки благородный рыцарь, — насмешливо сказала эта милая Людмила. — Похода, правда, не получилось, зато самое настоящее преступление состоялось. И ты был, конечно, уверен, что делал очень доброе дело. Героем себя наверняка чувствовал.

— Был поход! Был поход! Был поход! — радостно, хотя и нервно выпискивал Пантя. — У мене... у меня с ней поход был! Хорошо было! Теперь пусть меня в милицию забирают! Не боюсь! Был поход!

Эта милая Людмила горько вздохнула, с упрямством произнесла:

— В милицию заберут не тебя, а твоего отца. Где он столько денег возьмет? И что он с тобой сделает?

— Но ведь пока никто не знает... — начала Голгофа, но Мантя вскочил, начал торопливо одеваться, бормоча:

— Не знает... не знает... я не для себе... я для вас... я думал... Я еще! — с отчаянием пропищал он. — Я еще у Герки три рубли отобрал! Просил два, а он три принес! Ему что... живет... ему дед котлеты варит... картошку жарит... компоты каждый день... а мене все... все...

Эта милая Людмила понимала, что сейчас Пантя, раздраженный и обиженный, все равно ничего разумного не уяснит, что сейчас толковать с ним совершенно бесполезно. Понимала она и то, что действовал он из самых благих побуждений и не ради себя, потому и сказала миролюбиво, от всей души, несколько себя не принуждая быть такой:

— В том, что ты хотел сделать как можно лучше, никто ни на секундочку не сомневается. Но мне сегодня один умный человек напомнил: прежде чем сделать чего-нибудь серьезное, надо сто раз подумать и хотя бы один раз посоветоваться.

— Я думал! — жалобно пропищал Пантя. — Я ух как думал! Я не сразу...

— Ну и молодец. Теперь будем ждать дружинника Алешу Фролова. Нам и на озеро идти опасно, и до дома далеко. Но надо сделать все, чтобы попасть на озеро с дружинниками. Чтоб самим, понимаете, самим действовать против дылд! Чтоб потом они боялись не только милиции и дружинников, но и всех людей!

Голгофа печально проговорила:

— Зря ты на нас обиделся, Пантя. Ты хороший человек, хотя у тебя достаточно очень крупных недостатков. Для меня ты вообще сделал много прекрасного... Но как жаль, что нам придется расставаться... Нет, нет, я плакать не буду, не беспокойтесь, но как жаль... как жаль, если бы вы только знали!

По дороге стремительно пропылил милицейский «газик», за ним — несколько мотоциклов, один из которых свернул к костру, давно погасшему.

— Приготовились! — скомандовала эта милая Людмила. — Сразу без лишних слов я с Голгофой в коляску, Пантя — на заднее сиденье! За все остальное отвечаю я!

Остановив мотоцикл, дружинник Алеша Фролов, не выключив мотора, крикнул:

— Там избу подожгли! Пустая изба была! Рыбаки там иногда ночевали! Вы будьте здесь, а я на обратном пути...

Но приказание этой милой Людмилы было уже выполнено: троица заняла указанные ею места на мотоцикле и в коляске.

— Да вы что?!?! — в ужасе крикнул дружинник Алеша Фролов. — Не пойдет! Я вас на обратном пути... я на задании!

— Пойдет! — уверенно и даже властно возразила эта милая Людмила. — Никаких обратных путей! Мы тоже на задании! Поехали! Полный вперед!

— С вами не поеду! Не имею указаний! Не имею права!

— Тогда я тебе автограф Гагарина не покажу!

И вот мотоцикл несся по дороге. Надо ли сообщать вам, уважаемые читатели, что троица была счастлива? А дружинник Алеша Фролов потому только согласился взять с собой добровольных помощников (точнее, одного помощника и двух помощниц), что эта милая Людмила рассказала ему о своей встрече с космонавтом номер один и о том, что у нее есть его автограф. Дружинник же Алеша Фролов жил мечтой стать покорителем Космоса, и надо ли объяснять, как ему хотелось собственными глазами увидеть подлинную подпись своего любимого героя, да еще и сфотографировать ее? И надо ли объяснять, какое уважение испытывал он к человеку, с которым разговаривал сам Юрий Алексеевич Гагарин!

— Вон они! — прямо в ухо дружиннику Алеше Фролову крикнул Пантя, именно крикнул, а не пропищал, как обычно, и мотоцикл сразу, резко с дороги свернул на довольно широкую тропу.

Трое штук дылд, вышедших из леса к дороге, бросились в разные стороны: двое — влево, один — вправо.

Дружинник Алеша Фролов остановил мотоцикл, заглушил мотор, спокойно сказал:

— Никуда они теперь не денутся. Возьмем как миленьких. Здесь кругом болота. Мы с мамашей здесь морошку берем. Вы вдвоем бросайтесь на одного, валите на землю и сидите на нем, пока я не приведу остальных. И не бойтесь, и не переживайте. Они привыкли тоже вдвоем на одного.

Увидев нашу троицу, дылда с гитарой испуганно ойкнул, а Голгофа передразнила его, завыв, правда, не очень громко:

— Ы-а-у-у-у-у... аыа-а-а-а... аыу-у-у-у-у...

Дылда стоял по щиколотки в воде, растерянно озираясь по сторонам, и подобострастно бормотал:

— Ничего, ничего, похоже...

— Попался, голубчик! — Голгофе еще хотелось передразнить его, но она сдержалась и приказала: — Пантя, не смей пока трогать его!

— Я ему... я его... — каким-то утробным голосом проговорил Пантя. — Я ему...

— Руки вверх! — скомандовала эта милая Людмила. — Отдай гитару и руки вверх!

— С превеликим удовольствием... — еще подобострастнее пробормотал дылда. — Только больше не кусаться и не портить прическу... Простите, я не могу долго стоять в холодной воде. Опасно для здоровья. — Он отдал гитару Голгофе, поднял руки вверх. — Вы прекрасно кусаетесь... Повторяю: я не могу стоять в холодной воде.

— А человека бросить в яму с холодной водой вы могли? — крикнула Голгофа.

— Бросал не я. Я как раз был искусан вами. Мы как раз с вами пострадавшие...

— Выходи сюда! — приказала эта милая Людмила. — И помалкивай! Сейчас все будем делать мы!

Едва дылда ступил на сухую землю, Пантя подножкой сбил его, уселся верхом, вывернул дылде руки и предложил девочкам:

— Садитесь. Милиция ведь велела.

Девочки сели на дылду, Голгофа, перебирая струны, спросила серьезно:

— Какую песню споем?

— Раздавите ведь вы меня... — поерзав под ними, прохрипел дылда. — Поломаете чего-нибудь в организме мне...

— Нам приказано втроем сидеть на тебе, — объяснила эта милая Людмила. — Чтобы исключить всяческую возможность твоего побега. Ну, какую песню желал бы ты послушать?

— Что-нибудь о любви к человеку, — прохрипел дылда, — о хорошем к нему отношении... Между прочим, на земле лежать вредно...

— Идут, идут! — радостно сообщил Пантя.

— Не идут, а ведут их, — поправила Голгофа. — Молодец, Алеша!

По тропе брели двое дылд, а сзади шел дружинник Алеша Фролов с Голгофиной сумкой в руке.

Когда они приблизились, наша троица разразилась хохотом: с ног до головы, включая физиономию, дылды были мокры, грязны да еще в траве и тине. Руки они как бы добровольно держали за спиной — дружинник Алеша Фролов на всякий случай связал их. Он сказал озабоченно и даже виновато:

— Попробуйте, чудак, оказать сопротивление. Это мило! Такие-то! Вот и запачкались, бедняжки.

— С меня-то когда-нибудь слезут?! — взмолился третий дылда. — Искушали да еще раздавят!

— Вставайте, ребята, — разрешил дружинник Алеша Фролов. — Пожалуйста, ручки назад. — Он связал дылде руки, сел на мотоцикл. — Спешу. Выйдите на дорогу и ждите меня там. Продукты в сумке целы. Вполне успеете поесть, ребята. Их ни в коем случае не развязывать! Чего бы они ни выдумывали! Они должны предстать и предстанут перед судом!

Мотор взревел, мотоцикл исчез за поворотом. Пантя сказал:

— Давайте пряники есть.

Так и сделали: шли, жевали пряники и хохотали.

Дылды, понуро опустив длинноволосые головы, вяло брели друг за другом. Последним шел гитарист. Он попросил заискивающим тоном:

— И нам бы немножечко... пряничков.

— Я вам таких... пряничков... — пробурчал Пантя. — В яму вас всех надо, в яму!

— Молчите, джентелементы, не унижайтесь, — сказал рыжий дылда. — Все равно они зря стараются.

— Вот ведь! — возмущенно воскликнула Голгофа. — Простого слова «джентльмен» правильно сказать не могут, а воображают чего-то.

— Вы еще узнаете, кто мы такие, — сквозь зубы процедил рыжий. — Чихали мы на вас. Понятно?

— Понятно, конечно! — весело ответила эта милая Людмила. Они вышли уже на опушку леса у дороги, и она еще веселее сообщила: — Сейчас мы будем есть, а вас будут кушать ко-ма-ри-ки!

Наша троица с большим аппетитом поела, уничтожила все продукты, Пантя три раза приносил воду в банке. Дылды мрачно молчали, только изредка покряхтывали: комары, видимо, догадались, что кусать надо именно их.

Девочки лакомились земляникой, а Пантя удрученно думал. Ведь на его долю выпал еще один замечательный

день, и вот он подходит к концу. А что будет завтра?.. А завтра или даже сегодня увезут Голгофу, и он в свой шалашик больше уже никогда не пойдет... Эх, если бы надо было, он бы опять все жигулевские колеса искромсал!.. Что, что с ним будет потом? Как он будет жить, как?.. Пантя словно потерял себя, того, прежнего, которому жилось нудно и одиноко, но привычно...

— Как мне с папой объясняться? — тоскливо спросила Голгофа.

— Очень просто, — авторитетно ответила эта милая Людмила. — Собери всю свою силу воли и настойчиво убеждай отпустить тебя с нами в поход.

— Он ни за что не согласится. Да еще мама приедет...

— Не куксись раньше времени. Я уверена: завтра что-нибудь придумаем. А вон и милиция возвращается. Дылды, встаты!

Из «газика» вылез участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов, мельком, равнодушно взглянул на дылд, приказал:

— Фролов, развяжи их. Здорово их комары поели.

— Вы ответите за все издевательства над нами! — тихо крикнул гитарист. — Нас кусали не только комары, но и некоторые особы!

— Все за все ответим, — сказал участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов, долго вытирал лысину платком и обратился к нашей троице: — За помощь спасибо. Но дружиннику Фролову все-таки немного достанется от меня.

— Яков Степанович! — умоляюще воскликнула эта милая Людмила. — Мы вас очень просим: пусть дружиннику Алеше Фролову ни капельки от вас не достанется!

— Почему же?

— Да потому что он дал нам возможность учиться бороться с хулиганами! Вы понимаете, — убежденно продолжала она, — что происходит? Хулиганить можно с маленьких лет, а бороться с хулиганами допускают только взрослых! И получается: безобразничать учись хоть с трех лет, а если хочешь учиться бороться с безобразниками, жди, когда подрастешь!

Участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов и дружинники громко рассмеялись, а он проговорил, тщательно вытерев лысину:

— Есть смысл обдумать твое предложение. Сейчас едем составлять протокол.

Дылды скромно стояли в сторонке и даже пытались невинно и дружелюбно улыбаться.

— А чего они улыбаются? — возмутилась Голгофа.

— Прикидываются, — объяснил дружинник Алеша Фролов. — Потом они попробуют взять нас на жалость, потом они будут каяться и изворачиваться, а уж потом хамить и даже угрожать.

— Чем они могут угрожать?! — еще больше возмутилась Голгофа.

— Опыт у них на сей счет есть, — усмехнулся участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов, помахав над головой фуражкой. — Дылды наши пока еще не знают, что их дружки, к которым они шли на озеро, две избы сожгли. Шу-утили. Отправили мы их уже на катере куда следует.

— Мы отвечаем только за себя! — крикнул рыжий. — Вы нам никаких дружков не приписывайте!

— Ответите, ответите, за себя ответите. По машинам!

Когда наша тройца устроилась на мотоцикле дружинника Алеши Фролова, он сказал радостно:

— Чувствую я, Людмила, что не попадет мне от Якова Степановича. А когда автограф Гагарина посмотреть можно?

— Хоть когда.

— Я и тебя на память сфотографирую.

В милиции они пробыли довольно долго. Когда дылды увели, и все вышли из кабинета, и участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов решил немножко отдохнуть, но увидел у дверей Пантю, спросил подозрительно:

— А ты чего стоишь?

Тот долго молчал, уныло глядя в сторону, ответил:

— Меня ведь тоже... забрать надо.

— Садись, рассказывай. — В усталом голосе его явно проскользнули радость и удовлетворение. Зная Пантю, он выпил два стакана воды, снял фуражку, положил ее на стол, достал платок, то есть приготовился к тому, как злостный хулиган долго, нудно и не очень понятно будет тянуть слова, спотыкаться почти на каждом из них, повторять одно и то же по нескольку раз, но сегодня Пантю будто подменили. Он вдруг заговорил легко и вразумительно:

— Колеса-то я изрезал. Девчонка эта, Цаплей велела ее звать... Имя у нее еще не русское... Но она плавать любит. А отец ее никуда не пускает.

— Не пускает.

— Ага. Не... ну, плохо ей дома-то сидеть и сидеть. А они в поход решили. Ей очень охота. А отец ни за что. Она из дому убежала. Отец ловить ее приехал. Она говорит, что свободы хочет. Чтоб жить по-людски. А отец ровно зверюга. Вот я и... Они мене ругали здорово. Зато она в походе немного была! — очень радостно закончил Пантя, вздохнул тяжко, помолчал и повторил грустно: — А колеса-то я изрезал.

— Лучше ничего придумать не мог?

— Не.

— Но затея твоя, ты считаешь, удалась? Девочка весь день провела в лесу.

— Ага, ага! Купалась. Ягоды ела. Мы на озеро пошли. Костер жечь. Она зачем-то хотела на звезды смотреть. Да тут эти дылды...

Участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов промакнул лысину платком, надел фуражку, поднялся с кресла, стал, как обычно, строгим и сурово проговорил:

— Тяжелую ты мне задал задачу. Я даже понятия не имел, чего мне делать, пока ты сам не признался в совершенном преступлении. А то, что ты сотворил, извини, дурак, есть самое настоящее, уголовно наказуемое преступление. Но вижу я, что в тебе чего-то человеческого начало проявляться. И помочь тебе надо. А у меня на тебя злости еще хватает. Понимаешь?

Пантя охотно закивал головой, заулыбался, будто его похвалили.

Раздался стук в дверь, и в кабинет ворвались эта милая Людмила с Голгофой, перебивая друг друга, затараторили:

— Он, конечно, виноват, но надо учитывать...

— Нельзя же человека только наказывать...

— Он способен и на хорошие поступки...

— В конце концов воспитание заключается...

И девочки замолчали под суровым, разгневанным взглядом хозяина кабинета. Он сказал очень возмущенно:

— Уговаривать меня бесполезно. Я действую только по закону и по совести. Не такой уж он, ваш подзащитный, миленький и добренький. У нас он числится как злостный хулиган Пантелеймон Зыкин по прозвищу Пантя. Школа с ним измучилась. Даже нам дел из-за него иногда хватает. Понятия не имеем, чего с ним делать.

— Забрать мене надо! — умоляюще подсказал Пантя.

— И заберем ТЕ-БЕ, если сочтем нужным!

— Но ведь в человека верить надо, Яков Степанович! — воскликнула Голгофа.

— А он еще не человек. Он пока еще хулиган!

— Но ведь перевоспитывают даже взрослых преступников! — поучительным тоном сказала эта милая Людмила. — Я слышала, что даже стариков иногда перевоспитать можно! А он еще мальчик, у него еще вся жизнь впереди! К тому же надо учитывать условия, в каких он вынужден жить!

Участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов сорвал с головы фуражку, протянул ее этой милой Людмиле со словами:

— Надевай! И — садись на мое место! Занимай мою должность! Раз ты такая умная! Если у тебя жизненного опыта... вагон!

— Я не принимаю вашего юмора, Яков Степанович! Мы озабочены судьбой...

— А я не озабочен! Да? Мне до него дела нет! Да? Я спокойненько передаю дело в прокуратуру, а сам еду ловить лещей! Да?

— Яков Степанович, вы клевете на себя, — обиженно проговорила Голгофа, — а нас считаете за дурушек.

— И лишаете нас обыкновенного, естественного, законного права помочь человеку, попавшему в беду! — добавила с очень большим пафосом эта милая Людмила.

— Забрать мене надо, — попросил Пантя, — вот и все. Забрать!

Тут девочки затараторили так, что ничего нельзя было разобрать, кроме того, что они кем-то возмущены, а кого-то защищают. И когда тараторство достигло предела, когда в нем уже совсем было ничего непонятно, участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов громовым голосом приказал:

— Мо-о-о-о-олчаты!

Он нарочито медленно надел фуражку, опустил в кресло, неожиданно улыбнулся устало и тихо, почти ласково заговорил:

— Я очень хочу есть. Мне надо сходить домой, насытиться как следует, отдохнуть хоть немножечко и снова заниматься вашим Пантей. А вы мне только мешаете, тараторочки. Дело-то обстоит очень серьезно. О-о-о-о-очень... — Он широко и сладко зевнул. — Историю с машиной надо ЗАКАНЧИВАТЬ немедленно. Сегодня же. Тут ваше тараторство не поможет. Пока мы были на озере,

пришла телеграмма: новых колес гражданину Пэ И Ратову жена достать не смогла. Ясна ситуация?

— Представляю, что сейчас творится с лапой, — прошептала Голгофа.

— Ничего с ним не творится. — Он устало попытался, недолго посидел с закрытыми глазами. — Гражданину Пэ И Ратову уже сообщено, что сегодня его машина будет отремонтирована, вернее, колеса уже меняют. Один баллон я отдал свой. Другой выпросил у товарища. Сейчас ищем два остальных... А осенью Пантю отправляем в детдом. Отца его заберут лечить от пьянства... Топайте-ка домой, тараторочки. Я часика через полтора загляну к вам. Проверю.

— Как нам благодарить вас, Яков Степанович, чудесный вы человек! — Эта милая Людмила обежала вокруг стола и звонко поцеловала участкового уполномоченного товарища Ферапонтова в щеку. Не успел он опомниться, как то же самое сделала Голгофа — только в другую щеку, воскликнув:

— Я таких замечательных людей еще не встречала! Спасибо вам!

— Марш домой! — раздалось в ответ. — Если хотите знать, милые девушки, очень вы мне по душе пришлись. Поверил я в вас, убедился, что можно надеяться на вас, как на подлинных граждан, вернее, пока еще гражданочек нашей страны. И вот вам первое, очень ответственное задание: Пантелеймон Зыкин. Растолкуйте ему, втолкуйте ему, что такое детдом. Ведь государство его, хулигана и почти преступника, в сыновья, можно сказать, берет, в сыновья! Так чтобы он наше государство не обманул! Не подвел! Подготовьте Пантю к детдому! Вбейте в его голову столько знаний, сколько только в нее влезет! И — марш домой! Есть мне очень хочется!

Домой девочки шли обнявшись и молча. Удивительное у них было настроение — чистое, спокойное, какое-то огромное. Не менее удивительным было у них и ощущение: будто бы они немножечко повзрослели и даже будто бы чуть-чуть-чутьочку поумнели.

Пантя брел сзади. Настроения у него никакого не было. Ощущений тоже никаких. Ему казалось, что и его самого как бы — не было. Вот был он, был и — негу. Куда-то исчез, растворился, растаял злостный хулиган Пантелеймон Зыкин по прозвищу Пантя, а вместо него шел вот — еще неизвестно, кто. И Пантю даже не интересовало, кто

же это идет по земле вместо него... Вдруг он вздрогнул: что-то очень горькое шевельнулось в душе... Увезут ведь ЕЕ сегодня! Увезут, увезут, **УВЕЗУТ, УВЕЗУТ.....**

— Чего приуныл, Пантя? — по возможности весело спросила Голгофа. — Мне вот надо печалиться, — совсем грустно продолжала она. — Вы завтра в поход уйдете. Будете сидеть у костра под звездным небом. Звезд будет много-много, и все они будут яркие-яркие...

— Не хнычь! — бодро сказала эта милая Людмила. — Предлагаю план ближайших действий. Сначала зайдем к нам, выясним обстановку. Затем... Самый реальный вариант: ты спокойно, твердо и убедительно просишь отца отпустить тебя в поход. Я почему-то уверена, что он согласится.

— Сегодня надо в поход, — глухо произнес Пантя. — Пока он с машиной возится, надо убежать.

— Нет, нет, хватит бегать, — твердо возразила Голгофа. — Надо уметь иметь свое мнение и уметь отстаивать его. Правда, представить не могу, — голос ее опечалился, — не могу представить, как вернусь домой. Не потому, что я туда совсем не хочу. Но ведь там скука! Там МЕ-НЕ нечего делать. Я все время буду вспоминать, **КАК** жила здесь. Вот здесь была настоящая жизнь. Купание. Гроза. Ягоды.

— Дылды, — насмешливо подсказала эта милая Людмила.

— А что? — с гордостью отозвалась Голгофа. — Страшно было, но полезно. Нисколько не жалею. Дома буду бороться со скукой. Сама себя развлекать буду.

Тетя Ариадна Аркадьевна встретила их так радостно, что они даже немного растерялись.

— Потрясающие новости! — заговорила она с крылечка, едва они вошли во дворик. — Он уедет! Он уедет сегодня! Что тут было! Что тут было! Сначала была телеграмма, что колес не будет. Он кричал, почти рыдал, грозился вызвать комиссию из Москвы, потом стал уверять, что колеса изрезал Герман, потом стал доказывать, что это сделал Игнатий Савельевич, требовал с него денег... По-моему, он был готов потерять рассудок. И вдруг из милиции привезли два совершенно новых колеса и сказали, что это бесплатно... что милиция, кроме колес, приносит свои извинения... что через некоторое время машина будет на всех четырех бесплатных колесах! Чу-де-са!

— Конечно, чудеса, — с горькой усмешкой сказала

Голгофа. — Меня, к сожалению, интересуют не колеса. Не бывать мне в походе. Не сидеть мне у костра под звездным небом.

— О тебе он пока не вспоминал ни разу, — виноватым тоном сообщила тетя Ариадна Аркадьевна. — Прости, что я так о твоём отце... Может, все к лучшему? Вдруг, довольный тем, что машина целая, он позволит тебе... Надо попытаться! Значит, милиция так и не напала на след преступника?

И, опережая Пантю, остановив его жестом, Голгофа ответила:

— Напала, напала, но история чрезвычайно запутанная. Мне необходимо почистить одежду и умыться.

— А мы с Пантей пойдем уточнять обстановку, — сказала эта милая Людмила. — Ты, Голгофа, жди нас. Носа отсюда не высовывай.

Тетя Ариадна Аркадьевна заговорщическим тоном призналась:

— Я в поход потихоньку все-таки собираюсь. Правда, не представляю, как быть с Кошмарчиком. Он буквально не отходит от меня. Видимо, его беспокоят предчувствия.

Тут Кошмар вдруг — шерсть дыбом, спина дугой — зашипел на Пантю.

— Да ладно тебе! — огмахнулся тот. — Не трогаю я тебя.

И кот успокоился, растянулся на крылечке, правда не сводя взгляда с благотельницы.

Выйдя из калиточки, эта милая Людмила почувствовала, что тревожится о встрече с Германом после сегодняшней ссоры.

Но у машины его не было, отсутствовал и дед Игнатий Савельевич.

Отец и врач П. И. Ратов с гордым видом сидел на скамейке, едва взглянул на эту милую Людмилу и Пантю, но когда она собралась открыть калитку, громко сказал:

— Тетку свою ко мне пришли. Надо за чехол расплачиваться. В химчистке меньше пятерки не возьмут. Кот ее, ей и платить. Сопротивляться вздумает...

— Не беспокойтесь.

— И не собираюсь. Я свое всегда ВЫКОЛОЧУ. Три колеса новеньких на месте. Сейчас готовят четвертое. Я навел тут порядок! Забегала милиция, засуетилась, сообразила, с кем имеет дело! Но я все-таки сообщу кое-

что куда следует. Здешний участковый уполномоченный ни на что не годится. Давно пора его убрать.

— Вы... вы... вы... — От очень сильного волнения у этой милой Людмилы даже в горле пересохло. — Яков Степанович — замечательный человек и прекрасный работник! Не то, что вы!

Отец и врач П. И. Ратов громко хохотал ей вслед, но она уже пожалела, что унизилась до разговора с ним.

— Я бы ему... фары... — пропищал Пантя, и вдруг эта милая Людмила закричала на него:

— Чего ты пищишь? Такая огромная верзила, а — пищит! Учись говорить по-человечески!.. Прости меня, Пантя. Просто грубиян-эскулап возмутил меня. Но пищать все-таки отвыкай.

Увидев их, дед Игнатий Савельевич, сидевший на крыльце, весело пропел:

— Главное, ребята, удочки с собой! — и помахал удилщем, которое ремонтировал. — Собираемся в многодневный поход! Скоро наш мучитель укатит обратно, и мы заживем нормальной жизнью!

— Не! Не! Не! — со страхом прошептал Пантя. — Не выйдет у нас! Увезет ведь он ее! Дочь-то!

— Кто распространяет такие слухи? — грозно удивился дед Игнатий Савельевич. — Пока он о ней ни слова, и мы чирикать не собираемся. Мы в поход собираемся. Сейчас он только о машине заботится, она у него любимое дите. Так что, посмотрим, у кого что выйдет!

— Посмотрим, посмотрим, — задумчиво согласилась эта милая Людмила. — Что поделявает Герман?

— Гордится. — Дед Игнатий Савельевич хитрюще улыбнулся. — С собой, конечно дело, гордится. Но в меру. Видишь ли, самостоятельно искупался. Один. Но зато жуткая штука случилась. Никогда еще такого не бывало. Три рубля взял без спросу и не признается. Не денег мне жалко, не трешки несчастной, а... Покраснел весь, когда я его расспрашивать стал.

— Говорил ведь я! — пропищал Пантя, помолчал, покашлял и продолжал почти нормальным голосом: — Говорил ведь я в милиции, что забрать мене надо!.. Ну, забрут мене в детдом... А кому я там нужен? — Он вдруг часто-часто-часто зашмыгал носом, будто собирался расплакаться. — Кому я нужен? — с отчаянием пропищал он. — Вон я какой уродился!.. Мачеха мене только страшилищем зовет да обезьяной! — Он не расплакался, просто по его

щекам побежали слезы, которых он и не замечал. — Чего я ни делай, все шарахаться от мене будут! Всегда все шарахаются! Жуликов я сегодня ловил! А сам я кто? Я ведь у Герки три рубли отобрал! Я два просил, а он три вынес... И нечего со мной разговаривать! Гнать мене надо! Недоразвитый ведь я! Вы все умные, а я... а она уедет...

— Перестань, пожалуйста, хныкать, — сочувственно, но строго остановила его эта милая Людмила. — Вполне может быть, что в чем-то и недоразвитый. А ты пытался развиваться?.. Конечно нет. Вот сейчас мы с Голгофой по указанию Якова Степановича и займемся твоим развитием. Красоты мы тебе, естественно, не прибавим, а соображать, может, и научим хоть немножечко. Сейчас задача у всех нас такая: добиться, чтобы Голгофу отпустили в многодневный поход. И учись не пищать, а говорить нормально.

— Спасибо тебе, Пантя, за правду, — сказал дед Игнатий Савельевич. — Но тебе она полезнее, чем мне. Иди, Людмилушка, Голгофу выручать, а мы с Пантей делами походными займемся. Главное, ребята, без дела не сидеть!

Едва эта милая Людмила вышла на улицу, как к дому подкатил милицейский «газик», и из него вылез участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов и сразу сказал:

— Четвертый баллон скоро будет здесь.

— Вы обещали впоследствии заменить его на совершенно новый! — резко и даже возбужденно напомнил отец и врач П. И. Ратов.

— Будет доставлено по указанному вами адресу. Какие еще у вас есть претензии к нам?

— Собственно, никаких... Вот только ее тетка мне пять рублей за... понимаете, принадлежащий ей кот... ну... совершенно новый чехол, а кот... нехорошо поступил... на него.

— Получите, пожалуйста. — Участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов вытащил из кармана бумажник, достал купюру. — Вот.

— Но кот, так сказать, повлиявший на чехол, принадлежит...

— В нашем поселке милиция отвечает даже за хулиганские действия котов. Получите!

— Благодарю вас!

— Пустяки. Обычные обязанности. А вон и последнее колесо везут... Людмила, на минуточку!

Отведя ее подальше, участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов спросил:

— Как Пантя?

— Вполне нормально. Нервный стал, самокритичный. Его просто нельзя оставлять одного.

— Слушай внимательно. Отца его уже отвезли. Только что. У мачехи ему делать нечего. Боюсь, что она его выгонит. А в детдом его возьмут лишь в августе. Какие будут предложения?

— Яков Степанович! — горячо-горячо прошептала эта милая Людмила. — Дело принимает наилучший оборот! Я здесь проживу до августа. Тетечка полностью на нашей стороне. Голгофа имеет на Пантю прямо-таки невероятное влияние. Вот если бы удалось уговорить ее папашу оставить дочь здесь на несколько дней...

— Я готов присоединиться к вашей просьбе.

— Попробуем!

И тут произошло несколько совершенно неожиданных событий. К всеобщему удивлению, отец и врач П. И. Рагов уже собирался сесть в машину, чтобы уехать, как вдруг спросил озадаченно:

— Позвольте, позвольте, а где же Голочка? Я же приезжал сюда специально за ней! Я был полностью уверен, что она сама вернется хотя бы к вечеру! Где, где она может быть? Где вы ее опять прячете?

И, к ужасу своему, эта милая Людмила увидела, что к машине подходит Голгофа.

— Я здесь, папа. Добрый вечер.

— А где твои вещи? Ты же взяла из дому новую сумку, купальник, сарафан...

— Нам надо поговорить с тобой, папа...

— Иди за вещами! Я тороплюсь! Поговорим по дороге! Ты еще ответишь за свое недостойное поведение!

А сюда уже торопилась тетя Ариадна Аркадьевна, из калитки выскочил дед Игнатий Савельевич, из-за забора горчали головы Герки и Панти.

— Позволь мне, папа, остаться здесь на несколько дней, — незнакомым голосом, твердым, с заметным оттенком власти и уверенности произнесла Голгофа. — Ведь у меня каникулы. Я должна отдохнуть от города хотя бы несколько дней. Очень прошу тебя, позволь мне остаться.

— А... а... а если я не позволю? — Отец и врач П. И. Рагов обескураженно разглядывал свою родную дочь, слов-

но совсем не узнавая ее. — Если я не позволю тебе остаться?

— Почему?

— Глупейший вопрос! Иди забирай вещи, и — поехали!.. Или ты решила при посторонних опозорить своего отца?

— Наоборот! Совсем наоборот! — воскликнула эта милая Людмила. — У вас замечательная дочь! Она прекрасно воспитана!

— Полностью присоединяюсь к данному мнению, — с уважением произнес участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов, размахивая фуражкой над головой. — Сам был свидетелем ее примерного поведения. Такой дочерью можно только гордиться и во всем ей доверять. Обязуюсь лично доставить ее к вам после нескольких дней активного отдыха.

— То есть вместе с новым колесом? — задумчиво уточнил отец и врач П. И. Ратов.

— Так точно.

— А я гарантирую вашей дочери строжайший режим и разнообразное калорийное питание! — радостно пообещала тетя Ариадна Аркадьевна.

— И сколько это будет стоить в день? — с опасением поинтересовался отец и врач П. И. Ратов.

— Помилуйте, она моя гостья!

— Папа, тебе ни о чем не придется беспокоиться. Просто я отдохну, наберусь сил, подышу свежим воздухом. И вместе с новым колесом меня доставят домой.

Все напряженно молчали, затаив дыхание. Слышно было только, как за забором сопел Пантя.

— Ла-а-а-дно! Оставайся! — вдруг решительно бросил отец и врач П. И. Ратов, сел в кабину, захлопнул дверцу и через окно словно продиктовал: — Никаких купаний, никаких загораний, в лес ни шагу. Жду новое колесо с тобой.

«Жигули» цыплячьего цвета рванулись с места и скоро скрылись за углом.

Все молчали не шевелясь, словно не веря случившемуся.

Пантя громко и восторженно гоготнул, но тут же сконфуженно замолк.

Думайте, уважаемые читатели, думайте! Удивляйтесь, уважаемые читатели, удивляйтесь! Поражайтесь, уважаемые читатели, поражайтесь! Если вы ничего не поняли в

поведении отца и врача П. И. Ратова, могу вам только посочувствовать, а объяснить, простите, не способен.

Нехорошие люди тем и опасны, в частности, что нормальным людям понять их трудно, а то и невозможно. Посему и надо их остерегаться всеми силами.

Первым пришел в себя участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов, сказал, обмахав голову фуражкой:

— Тяжелый выдался денечек, но результативный. Остался нерешенным один вопрос: где до августа будет жить Пантя?

— Отвечаю, — весело проговорил дед Игнатий Савельевич, — у нас. Хулиганить если снова вздумает, выслем. А так пусть живет на здоровье.

— Вопрос решен. Вернетесь из похода, доложите мне. Счастливого пути, товарищи! — И участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов всем пожал руки. — Пантя, со мной. Заберем у мачехи вещи, чтобы она к тебе не приставала, а ты от нее не зависел.

Когда они уехали, дед Игнатий Савельевич пропел:

— Главное, ребята, все-таки сердцем не стареть! Все вопросы решены! Завтра в многодневный поход! Все ли у вас готово, уважаемая соседushка?

— Все, все, уважаемый сосед! — с большой радостью отозвалась тетя Ариадна Аркадьевна. — Только вот как быть с Кошмариком? Я, конечно, могу рискнуть и оставить его...

— Кошмар будет участником похода, — твердо заявила эта милая Людмила. — Будем транспортировать его в корзине. А сейчас неплохо бы поесть.

Оставшись с дедом Игнатием Савельевичем, Герка раздраженно и недоуменно спросил:

— Ты уверен, что я соглашусь жить в одном доме с Пантей?.. Ошибаешься!

Шестнадцатая глава

МАЛЕНЬКИЙ СКАНДАЛЬЧИК

Почти стемнело, а Пантя все еще не вернулся от мачехи, к которой вечером уехал с участковым уполномоченным товарищем Ферапонтовым.

— У тебя есть фонарик? — как можно небрежнее спросила Голгофа. — Мне надо ненадолго исчезнуть.

Эта милая Людмила принесла ей фонарик, и Голгофа радостно и испуганно прошептала:

— Сейчас я приведу Пантю! Я знаю, где он. Обо мне не беспокойся.

— Но...

— Я знаю, что делаю.

— Но ведь скоро ночь!

Взглянув на нее с ласковой усмешкой, Голгофа почти огорченно сказала:

— У меня так мало времени! Всего несколько дней. И я хочу успеть пожить по-человечески. Да, мне страшно идти одной, но я хочу испытать это. Я просто хочу помочь Панте. Ведь он помогал мне! И больше никто сейчас помочь ему не сумеет. И еще я уверена, что на моем месте ты поступила бы точно так же.

Известно, что, когда человек очень боится, у него трясутся поджилки. Но Голгофа трусила столь сильно, что тряслась, можно сказать, вся.

Пока она еще шла по дороге, страх, если позволительно будет так выразиться, был странно приятен, вроде бы щекотлив. Дескать, вот уже стемнело, я одна, боюсь жутко, но и не боюсь, хотя иду в темноте. И не боюсь того, что боюсь.

Но когда Голгофа с дороги через кювет шагнула на поле, у нее от страха даже ноги подкосились, и она едва не повернула обратно. Однако ей помогало прекрасное желание победить страх, ощутить силы, которых у нее раньше не было.

Она спотыкалась на каждом шагу, потому что слабость в ногах не проходила, рука с фонариком откровенно дрожала, и луч его чаще попадал вверх, в стороны, чем на землю.

У опушки леса Голгофе стало совсем страшно, она поняла, что побоятся войти в чащу, и тихо позвала:

— Пантя... Пантя, ты здесь, я знаю... Иди сюда, я очень боюсь... Мне страшно, Пантя... — Голос ее задрожал, и в нем появились слезы. — Пожалей меня, Пантя... Я не могу тебя оставить здесь одного...

От волнения она не расслышала его шагов, и он появился в дрожащем луче фонарика неожиданно — не вышел из чащи, а как бы возник. И тут Голгофа дала волю слезам.

Пантя стоял неподвижно, с узлом в руке, стоял долго. Ей уже подумалось, что это призрак, но вдруг он громко сказал:

— Айда!

Успокоилась она лишь тогда, когда они оказались на дороге и Голгофа окончательно поверила, что все это происходит в самом деле. Пантя начал рассказывать, что было у него дома, когда они приходили туда с участковым уполномоченным товарищем Ферапонтовым. Мачеха сразу изругала его, почему, мол, раньше этого пьяницу не забирали, тут она и отца еще пуще изругала самыми последними словами, а про Пантю закричала, что и на порог его пускать не собирается, что такое страшилище, обезьяну такую ей не надо, что кормить его она не обязана, что...

— Прекратить оскорбления личности! — скомандовал участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов. — Ты сама, голубушка, вот-вот проворуешься. Есть такие сведения у нас. Мальчишку я забираю. Отдавай ему вещи и рта не раскрывай!

Расстроился Пантя не из-за мачехи, ничего хорошего он от нее и не ожидал никогда, просто маму вспомнил, и даже отца ему жалко стало.

И раньше-то Пантя был одиноким, а сейчас вот у него от родного дома остался лишь узел с бельем и обувью.

И больше ничего.

И никого больше.

— Давай топай к ребятам, — сказал участковый уполномоченный товарищ Ферапонтов, — да постепенно становись человеком. Хватит, побезобразничал, похулиганил вволю, берись за ум.

— А где мне его взять, ум-то?

— Развивай. Вон в цирке даже медведи соображают. И учти: теперь за свое поведение ты перед государством отвечаешь! Оно тебе и отцом и матерью будет. И ты уж его не подводи, как ты свою маму подводил. Будь теперь достойным сыном. Ко мне в любой момент заходи, если что. Всего тебе наилучшего. Что-то я стал верить в тебя, хотя и не очень.

Поплелся Пантя к ребятам, а на душе у него была такая тоска, сердце было так переполнено острым ощущением одиночества и полной ненужности никому, что он не замечал, куда идет. Очнулся он только у своего шалашика, залез в него, лег, положив голову на узел.

Сначала он просто надеялся уснуть, потом возникла надежда, что придет злость и отвлечет от мрачных размышлений, ощущения одиночества и полной ненужности никому.

Вам, уважаемые читатели, может быть, покажется странным или даже ненормальным такое поведение Пантя. Много людей относилось теперь к нему не просто хорошо, а замечательно, душевно, заботилось о нем сверх всяких мер, но он, видите ли... На самом же деле настроение его было вполне естественным. С непривычки к доброму и сердечному отношению Пантя давно перестал верить в него. И сейчас оно показалось ему подозрительным, точнее, временным или даже случайным. Ведь уедут скоро они, его куда-то в детдом отправят... Правда, там не будет ни отца, ни мачехи, и кормить будут... Но ведь и там он окажется никому не нужным...

И вдруг ему показалось, что он начал засыпать, что еще не видит, а только слышит сон:

— Пантя... Пантя, ты здесь, я знаю...

Он весь сжался, напрягся, чтобы не сделать ни малейшего движения, даже старался почти не дышать — не спугнуть бы сон! — и с наслаждением слушал:

— Иди сюда, я очень боюсь... Мне страшно, Пантя... Пожалей меня, Пантя...

И он, как во сне, остороженько выполз из шалашика, машинально захватив узел, и тут же понял, что все это происходит наяву. Пантя шел на живой голос Голгофы:

— Я не могу тебя оставить здесь одного...

Ее он не видел: она слепила его лучом фонарика, и подумалось, что если это и сон, то и это неплохо. И он громко сказал:

— Айда!

Сначала была сплошная темнота, но постепенно, когда глаза отдохнули от яркого луча фонарика, Голгофа увидела вокруг сказочную красоту. Лунный свет был удивительно добрым и спокойным, он не мог побороть темноты на земле, но и себя ей победить не давал. И это была не борьба темноты и света, а их согласие.

Дорога впереди напоминала ленту лунного цвета.

По ней Пантя с Голгофой шли совсем-совсем медленно. Она уже радовалась освобождению от страха, а Пантя просто-напросто приходил в себя.

— Почему ты сбежал от нас? — спросила Голгофа и не заметила, что голос прозвучал почти нежно. — Я сразу догадалась, что ты в шалашике.

И он, словно расставаясь с чем-то жутким, недавно чуть не сломившим его, рассказал еще раз о расставании с мачехой, и вдруг у него вырвалось:

— Страшилищем она меня и обезьяной опять обозвала!

— Бывают люди, очень похожие на лягушек или даже бегемотов, — спокойно отозвалась Голгофа. — Я вот на цаплю похожа. Все это ерунда, не имеет никакого значения. Не всем быть красивыми. Главное, что ты добрый.

— Я-то добрый?! — возмущенно пропищал Пантя. — Колеса изрезал, у Герки три рубли отобрал... Злой я! Злой! Меня в милиции злостным хулиганом считают!

— Как результат неправильного воспитания, — все так же спокойно говорила Голгофа. — А мы тебя, если хочешь, перевоспитаем, — продолжала она тоном этой милой Людмилы. — Тебе обязательно надо заниматься спортом. Знаешь, какой из тебя баскетболист получиться может? Запросто станешь мастером международного класса. Если, конечно, дурака валять не будешь.

— Трудно ведь это, — серьезно признался Пантя и тяжело вздохнул. — Уедешь ведь ты скоро.

— Ну и что? Если мы будем дружить, разлука только укрепит наши отношения. Мы будем писать друг другу письма. Я еще никогда ни одному мальчику писем не писала. Представляешь, как это интересно!

— Я ошибок больно много делаю, — мрачно пробормотал Пантя. — Учительница еще говорит, что я пишу как курица лапой.

— Это вполне исправимо! Если, конечно, захочешь. И потом, мы посоветуемся с Людмилочкой. Она все, все, все понимает! Она во всем, во всем, во всем разбирается! Она обязательно посоветует что-нибудь умное. А к дню рождения я буду посылать тебе подарки! А на каникулы мы можем приехать сюда!

— Тебя не отпустят.

— Кто знает... — неуверенно, но по возможности весело сказала Голгофа. — Опять же я надеюсь на помощь Людмилочки. А кроме того, я решила жить хотя бы чуть-чуть-чуть иначе. Да, да, да! Во-первых, буду помогать бабушке и маме. Не просить разрешения помочь — они все равно запретят, — а действовать буду! Во-вторых, буду учиться настаивать на своем.

— Не пойду я к Герке жить, — решительно сказал Пантя. — Мне в шалашике лучше.

— А чем же ты питаться станешь? И почему ты у него жить не хочешь? Игнатий Савельевич — прекрасный человек.

Беда Панти заключалась в том, что он не умел рассказывать о своих переживаниях, потому что раньше в этом не было необходимости — некому было рассказывать, не зачем, да и не о чем, в общем-то. А вот сейчас он готов был колотить себя руками по голове от бессилия высказаться.

Он смутно ощущал, что в нем начал просыпаться он, прежний, злостный хулиган Пантелеймон Зыкин по прозвищу Пантя, и хотел бы снова стать им, забыть два предыдущих прекрасных дня, которым никогда, конечно, больше не повториться.

И уж не подумали ли вы, уважаемые читатели, что за два дня Пантя перевоспитался, как говорится, на сто процентов? Но если вам, как мне, хочется верить в то, что Пантя может из хулигана превратиться в человека, то согласитесь, что на это требуется время, усилия многих людей и, главное, желание самого Панти в корне изменить свое отношение к жизни.

Сейчас Пантя никаких определенных намерений не имел, ничего не загадывал дальше завтрашнего дня. И все особенно осложнилось тем, что раньше он вообще ни над чем серьезно и долго не размышлял (то есть даже понятия не имел, как это и для чего делается). Жил себе как жилось, и другой жизни не представлял, посему и не тужил никогда слишком-то, а тут вдруг обнаружилось, что жить можно совсем иначе, куда интереснее. И если бы это открытие он делал постепенно, чтобы иметь возможность обдумывать каждое событие, Панте было бы значительно легче перемениться. Но за коротенький промежуток времени на него свалилось, вернее, обрушилось столько событий, переживаний, вопросов, столько раз возникала непривычная необходимость соображать, что прежняя жизнь нет-нет да и представлялась ему более надежной, чем нынешняя. А будущее Пантю просто пугало.

— Ты совсем не слушаешь меня, — донесся до него голос Голгофы. — Ты о чем задумался?

— Ничего не получится, у меня ничего не получится, — зло пропищал Пантя. — Все ты мене сказки рассказываешь. Никому я в детдоме не нужен. И здесь я обезьяна, и там. Я оттуда убегу.

— Куда? — уныло спросила Голгофа. — Куда ты можешь убежать, глупый?

— А хоть куда. Вот вырасту немного и — айда куда-нибудь.

— Когда вырастешь хоть немного, тогда хоть немного, да поумнеешь. И поймешь, что и дальше надо ума набираться.

— Сейчас я что, совсем дурак?

— По крайней мере, сейчас ты говоришь сплошные глупости! — рассердилась Голгофа. — В конце концов можешь поступать как тебе угодно. МЕ-НЕ все равно! Но если не хочешь оказаться в абсолютных дураках, не забудь правило: прежде чем совершать серьезный поступок, надо сто раз подумать и хотя бы один раз посоветоваться. У тебя появилась возможность стать настоящим человеком. Но если не хочешь, никто ТЕ-БЕ не неволит.

— Чего дразнишься?

— Заметил? Вот и исправляйся. Тогда и не буду ТЕ-БЕ дразнить. И пошли, пожалуйста, быстрее, нас ждут.

Опять Пантя вынужден был призадуматься! Совсем недавно Голгофа, позвольте мне, уважаемые читатели, так выразиться, ошарашила его своим появлением у шалашика, душу Панте, можно сказать, вверх тормашками перевернула, а сейчас вдруг отругала.

— Стой, стой... — попросил Пантя. — Ругать мене... Меня легко ругать! Ругай меня сколько хочешь, но...

— Да не прибедряйся ты! — совсем рассердилась Голгофа. — Если сам сразу соображать не можешь, просто нас слушай. Мы же твои друзья. Хотим тебе помочь. А ты двух слов — МЕНЕ, ТЕБЕ! — не хочешь научиться правильно говорить!.. Вот завтра отправимся в поход, будет время все обсудить. Захочешь — станешь настоящим человеком. Не захочешь — возвращайся в хулиганы.

Во дворе их ждала эта милая Людмила, которая сразу безошибочно определила:

— Или ты, Голочка, долго его искала, или по дороге вы чуть не поссорились.

— Не, не, не! — решительно запротестовал Пантя. — Мачеха ме-ня из дому выгнала. Отца лечиться забрали. Ме-ня в детдом отправят.

— Жизнь у тебя несладкая, — печально согласилась эта милая Людмила. — Но зато трудности закалят тебя, и ты вырастешь сильной личностью. У Германа положение сложнее. У него никаких трудностей нет. Вот и растет неженкой и не сознает этого... Теперь для тебя, Пантя, главное — подготовиться к детдому. Чтобы ты там появился не таким, какой сейчас. Будешь до августа учиться.

— У... у... учиться?! — Пантя принужденно гоготнул. — Летом-то? Дурак я, что ли, совсем?

— Эх, Пантя, Пантя! — с веселой укоризной воскликнула эта милая Людмила. — Как раз дураки-то и не учатся. Ведь если бы ты появился в детдоме хотя бы круглым троечником, жить тебе было бы уже значительно легче. Вообще сейчас все зависит только от ТЕ-БЕ... А тут у нас, друзья мои, маленький скандалчик. Но идемте к костру. Скоро будет готова печеная картошка!

На самом же деле скандалчик получился не таким уж маленьким. Возник он неожиданно, хотя причины его оказались давними.

Пока разжигали костер на берегу, пока дед Игнатий Савельевич мечтал, как они с уважаемой соседкой славно порыбачат на Диком озере, пока тетя Ариадна Аркадьевна никак не могла решить, брать с собой в многодневный поход Кошмарчика или оставить дома, эта милая Людмила все доказывала Герке, что за лето в перевоспитательной работе с Пантей можно добиться многого, да и сам Герман нуждается в таком же содействии, разговор протекал мирно.

И вдруг Герка громко сказал, а в тишине показалось, что он крикнул:

— Да я в ваш поход и не собираюсь идти! Ни за какие коврижки!

Решив, что он просто неудачно пошутил, эта милая Людмила тоже пошутила:

— Ну и оставайся дома с Кошмаром.

Герка подскочил, словно ужаленный одновременно двенадцатью осами в одно место чуть пониже спины, и яростно заговорил, так яростно, будто ругался с этими самыми осами:

— Не пойду! Не пойду! Ни за что не пойду с Пантей! Он же хулиган злостный! Он бандит почти! Он у людей деньги отнимает! А вы над ним трясетесь! Можно подумывать, дед, что у тебя новый внук появился!

Даже сучья в костре, которые до этого весело трещали, стреляли искрами, вдруг приуныли, и огонь присмирел.

— Так рассуждать ты не имеешь права, — с еле сдерживаемым осуждением проговорила тетя Ариадна Аркадьевна. — Если мы решили помочь мальчику, а он очень нуждается в нашей помощи, она ему просто необходима... Забудь все обиды, Герман, будь благороден и великоду-

шен. Пантя живет в ужасных условиях. Он не знает ни ласки, ни обыкновенной заботы, ни...

— Ни-и-и-и за что не пойду с ним! — капризно обрвал Герка и грубо добавил: — Он надо мной издевается, а дед его кормить будет?!?!?!?

Похоже было, что сучья в костре затрещали сердито, зло застреляли искрами, и почти все они полетели в Герку. Он отпрыгнул от огня и затараторил:

— Колеса у машины он изрезал? А вы его защищать бросились! А он хоть одному хоть спасибо сказал? Его печеной картошкой угостить пригласили, — уже издевательским тоном продолжал Герка, — а он, видите ли, не пришел. Так за ним с фонариком побежали! А он жулик, жулик, жулик он обыкновенный!

— А ты? — спокойно спросила эта милая Людмила. Выждала, пока дед Игнатий Савельевич предостерегающе побряхтел, покашлял. — Ты, конечно, не жулик в чистом виде. Но три рубля без спроса ты взял и не сознался.

— Так ведь он, он, он, он, ваш бандит, из-за них меня изуродовать мог! Я ведь вам не мешаю! Угощайте вашего преступника печеной картошкой! Молочком, как Кошмарика, понте! Мультики с ним смотрите! С фонариком за ним бегайте! А в поход я с ним не пойду!

— Я не понимаю, — оскорбленно возвысила голос тетя Ариадна Аркадьевна, — на каком основании ты опять неуважительно отзываешься о бедном коте, который не имеет никакого отношения... к твоим отношениям с Пантей. А твое поведение, Герман, я считаю всего-навсего капризом. Не по-мужски ты поступаешь и совершенно негуманно. И почему ты молчал до сих пор? Почему тогда, когда все приготовлено к многодневному походу, только тогда ты вдруг... раскапризничался?

После долгого и тягостного молчания дед Игнатий Савельевич кратко объяснил:

— Баловень он. А баловень, конечное дело, только об себе и печется, то есть во всю силу заботится. Вот взбрело в голову поход сорвать и — сорвет. И глазом не моргнет. Пусть из-за этого даже международная обстановка ухудшится. Ему главное — он.

А Герка ждал, что скажет, как скажет эта милая Людмила, больше его ничего не интересовало. Его даже ничего не беспокоило. Он был убежден, что одного его дед ни за что не оставит. А без деда они идти ни за что не смогут.

Эта милая Людмила молчала, безучастным, почти равнодушным взглядом смотрела на огонь и — молчала. Нарочно, конечно, молчала, чтобы еще больше обидеть, разозлить и унижить его, Герку.

— А ты, Герман... — сказала она, чуть прищурившись, глядя на него большими черными глазами, — а ты поступаешь именно не по-мужски. Ведь больше всех поход не обходим Голгофе. Но ничего у тебя не выйдет. Поход состоится. Мы пока еще рассчитываем на тебя как на настоящего мужчину. Не окажись всего-то навсего капризничьим мальчиком. К счастью, мы, девочки, давно поняли, что в трудные моменты на вас, мальчиков, часто нельзя надеяться. Пантя — испорченный, а ты — избалованный. И еще вопрос, кто хуже.

Хорошо, что от волнения и растерянности Герка не расслышал, вернее, не уразумел и половины сказанного ему.

Зато дед Игнатий Савельевич в полной мере как бы дважды пережил каждое слово, да еще как бы поддержал его в сердце и с болью, которую ему не удалось хотя бы приглушить, заговорил:

— Глубоко надеюсь, что к утру внук мой одумается. Избалован он, конечное дело, при моем непосредственном участии, а в последнее время — под моим непосредственным руководством. Мало я его анализировал. Совсем мало комментировал поведение внука. Но ты, Людмилушка, должна понять... — Он виновато покашлял. — Не привык он, чтоб при нем о ком-то еще беспокоились.

Но самого-то главного сказать он не осмелился, пожалел единственного внука: вряд ли он многодневный поход выдержит. Спасти Герку могло только самолюбие, на что дед Игнатий Савельевич и рассчитывал до последнего момента.

А Герке, раздраженному, обиженному, возмущенному, униженному, подумалось, что если он вот сейчас отступит, то потом ему будет труднее, во сто раз труднее и нападать, и защищаться. Сейчас им двигало именно раздражение, начала которого он не уследил, а когда оно овладело им, заглушить его было уже невозможно, да Герка даже и не пытался остановить себя. Ведь потом может случиться, что у него ни храбрости, ни твердости, ни раздражения не найдется, чтобы настоять на своем.

Беда его в том и заключалась, что привык он жить очень уж слишком вольготно, вернее, совершенно безза-

ботно. Вот один лишь Пантя и доставлял ему неприятности, да зубы несколько раз болели сильно.

И пока разговоры о многодневном походе были только разговорами, Герка серьезно не вдумывался в них, да еще все было под большим вопросом, но когда выступление в многодневный поход стало фактом, тут-то Геркино существо и всполошилось. Конечно, ему не доставляло никакого удовольствия само участие в походе, возмущало его и то, что придется несколько дней провести в компании Панти, и то, что злостному хулигану будет оказано много внимания, но никто не знал, что Герка боялся Панти, да очень боялся! Ведь стоило безобразнику захотеть, и он мог бы опозорить Герку в любой момент при этой самой милой Людмиле!!!!!!

Но вот как ей стало известно о данном обстоятельстве, мне, уважаемые читатели, неизвестно. Видимо, она просто высказала предположение, когда спросила:

— Почему, Герман, ты его до сих пор боишься? Он сейчас чувствует себя виноватым перед тобой.

— Ничего он не чувствует, — собрав остатки решимости, ответил Герка. — Он одно только чувствует, что ему никогда ни за что толком не попадет. Вот как теперь. Натворил чего только хотел, и — пожалуйста, куда его только не приглашают! И печеную картошку есть, и у нас с дедом жить-поживать, и в поход! А чего он в походе натворить может, вас не беспокоит! — Он помолчал немного, собрал в душе остаточки решимости и неестественно благожелательным тоном закончил: — Счастливого вам пути, дорогие.

Эта милая Людмила даже нисколько не удивилась, не пошевелилась даже, продолжая смотреть в огонь безучастным, почти равнодушным взглядом больших черных глаз.

И Герке вдруг тревожно подумалось, что вот уже давно он не отрываясь смотрит на нее, может быть, много-много-много часов. Конечно, он понимал, что времени на самом деле прошло немного, но победить ощущение его длительности не мог. Нет, нет, он давным-давно, давным-давно не сводит с нее взгляда, стыдится, боится, но оторвать взгляда не в состоянии.

И как назло все молчат!

И на него вот никто не смотрит.

— Ночное купание, — вставая, сказала эта милая Людмила, — редкое удовольствие. Вода сейчас теплая-

теплая. Я схожу за полотенцами. Мы с Голгофой обязательно поплаваем.

«Никогда не догадаешься, чего ей взбредет в голову! — хотел возмутиться Герка, а когда подумал об этом, оказалось, что он ей даже позавидовал от восхищения. — Никогда не догадаешься!»

Она быстро ушла, а дед Игнатий Савельевич сказал: — Умеет Людмилушка жить. Все время придумывает чего-нибудь занятное. Современный человек, как по телевизору говорят.

— По-моему, для девочки она слишком решительна, слишком тверда в суждениях, совершенно нетерпима к тому, с чем не согласна, — не очень уверенно проговорила тетя Ариадна Аркадьевна. — Побольше бы ей мягкости. Впрочем, важен результат. А она всегда добивается своего.

Дед Игнатий Савельевич озабоченно крикнул и осторожно ответил:

— Никто не знает, уважаемая соседка, какой в точности должна быть современная женщина. Слишком уж много у нее обязанностей. И не каждую обязанность с нежностью исполнишь.

Уважаемая соседка что-то ему возразила, но Герка не расслышал, присел к огню и уныло подумал: «Меня как будто и нету. А вот Пантя придет, все вокруг него забегают. Ладно, ладно, посмотрим, как завтра вы вокруг меня прыгать будете!» Он еще пытался придумать о себе что-нибудь значительное, а о них неприятное, чтобы к возвращению этой милой Людмилы избавиться от ощущения растерянности, ненужности, но ничего у него не получилось. Наоборот, он внезапно почувствовал, правда не очень определенно, что, может быть, он в чем-то и виноват. Но — в чем?!.. Все равно получалось, что ни в чем!

Истомленный ожиданием этой милой Людмилы, Герка совсем запутался в своих ощущениях, желаниях и решениях. Временами ему даже подумывалось, что он и в многодневный поход не прочь отправиться, чтобы она не считала его трусом.

Заслышав ее голос, он вздрогнул, засуетился и едва не бросился бежать в темноту, вон — отсюда!

Дед Игнатий Савельевич все углядел и просящим тоном посоветовал:

— Скажи ей, что образумился, передумал, извинись обязательно... Когда они искупаются, картошечка в самый раз и поспеет. А мы еще часек со смородиновым листом организуем. А он, сказывают, нервы очень уж укрепляет.

— Да, нервы в жизни играют значительную роль, — охотно продолжила разговор тоже уставшая от молчания тетя Ариадна Аркадьевна. — Вот у Людмилочки они представляются мне почти железными.

— Каждый участник нашего многодневного похода вернется из него с крепчайшими нервами, — будто продиктовала, подойдя к костру, эта милая Людмила. За ней из темноты появились Голгофа и Пантя с узлом в руках. — Мальчики, вы будете купаться? Учтите, редкая возможность — поплавать в ночной реке под звездами.

Герка ждал, чего ответит Пантя, а тот ждал, чего ответит Герка, не дождался и пропичал:

— Попробую я. Плаваю я как топор, но попробую. Да я уж сегодня раз уж и тонул.

— Сегодня я купался уже, — по возможности небрежно сообщил Герка, соображая, как бы ему набраться смелости и бултыхнуться в реку с таким шумом, чтобы все обратили внимание.

А девочки восторженно повизгивали в воде.

— Слышь, Герка, — шепнул Пантя, — столкни мене... ме-ня... сам-то я... — Он разделся, переминался с ноги на ногу. — Ме-не боязно самому-то... мне боязно... ты ме-ня в спину... а? Толкни... а?

Герка тоже разделся, тоже переминался с ноги на ногу и тоже боялся воды.

— Мальчики! Мальчики! — раздался из темноты голос Голгофы. — Нам жаль вас! Не вода, а блаженство! Да и не очень глубоко здесь!

— Да они просто трусят, наши мальчики! — крикнула эта милая Людмила. — А ну, кто из вас не совсем трус?

— Толкни, толкни ты мене! — взмолился Пантя. — Ну! Хоть по шее мне крепко дай!

«Вот тогда и получится, что он меня смелее», — мрачно пронеслось в голове Герки, и он шепнул:

— Я сам...

Но ноги словно приросли к земле, и даже чуть-чуть вросли в нее. Герка замерз и с каждым мгновением, казалось, терял последнюю надежду пересилить страх.

— Тогда давай я тебе... тебя? — предложил Пантя, и Герка непроизвольно мотнул головой, и тут же сильные

руки Панты толкнули его, и он пролетел чуть ли не до середины реки. Летя в темноте и падая в темноту, он успел обреченно подумать, что сейчас все его мучения вполне могут закончиться — прощайте, дорогие друзья, добились вы своего...

Вслед за ним с громким испуганным пищанием в воду грохнулся Пантя — его толкнул дед Игнатий Савельевич. То ли он слышал разговор мальчишек и решил помочь Панте, то ли отомстил за внука, заподозрив Пантю в недобром поведении.

Немного наглотавшись воды, Герка прокашлялся, прочихался, убедился, что и не собирается тонуть, а плывет себе и плывет, крикнул:

— Ничего водичка! Подходяще!

Правда, его несколько удручало то, что Пантя будто бы прыгнул в реку сам, но ведь все равно первым в воде оказался он, Герка.

Пантин же полет оказался куда менее удачен: он был совершенно неожиданным. К тому же Пантя не догадался сразу закрыть рот, не сообразил и сразу постараться вынырнуть.

Но и Пантя очухался быстро. Все вылезли на берег и принялись лакомиться, наслаждаться, восторгаться печеной картошкой.

Простите меня, уважаемые читатели! Я понимаю, что в серьезной книге, написанной для серьезных людей, да еще в такой ответственный момент повествования уделять внимание печеной картошке вроде бы и не совсем обязательно.

Но я вот считаю это просто необходимым и даже полезным для вас. Ведь дело тут, конечно, не в самой печеной картошке, хотя она и необыкновенно вкусна, а в том деле, что создается она в костре, а костер — на берегу реки, а вокруг — родная природа, именно родная, потому что мы тут родились. А над землей — бесконечное небо, щедро украшенное яркими звездами. (Понимаю, уважаемые читатели, что «украшенное» — в данном случае неточное слово, но другого я найти не мог, попробуйте вы.) И при всей этой бесконечности, громадности ты не кажешься себе маленьким, а, наоборот, чувствуешь, что ты — кровная частичка безграничного мира Родины, который весь твой, если ты без него не можешь...

Вот и сидели герои нашего повествования, любовались звездным небом, забыв обо всем ничтожном, некрасивом,

злом, несправедливом, обо всем том забыв, что портит жизнь, делает ее мелочной, суетливой без толку, а иногда и бессмысленной. Каждому, но, конечно, по-своему думалось лишь о добром, прекрасном, чистом, высоком, главном.

Дед Игнатий Савельевич вспоминал, как в одном из освобожденных от фашистов сел к нему, солдату, подошла старушка, трижды поцеловала его и сказала: «Спасибо, спаситель...»

Тетя Ариадна Аркадьевна украдкой смахнула со щеки слезинку, закрыла глаза и увидела своих детей таких маленьких-маленьких, таких миленьких-миленьких...

Пантя думал о маме.

Голгофа сейчас верила, что звезды разговаривают с теми, кто ими любуется на земле...

Герка смотрел в большие черные глаза этой милой Людмилы и ни о чем не думал...

А она совсем раз мечталась: вот станет она взрослой, будет у нее дочь, поедут они с ней в Звездный городок, подарят цветы памятнику Гагарина, и Людмила скажет: «Вот, Юрий Алексеевич, появилась на свете еще одна милая девочка, пожелайте ей счастья, потому что она хочет быть настоящим человеком и знает, как это трудно и как это надо...» А Гагарин вдруг как бы станет живым, в его смеющихся глазах засветится звездный отблеск, губы шевельнутся в знакомой всему миру улыбке, и он скажет: «За ее счастье я уже отдал жизнь. Значит, оно у нее будет...»

Догорал костер.

— И завтра будет так же... — прошептала Голгофа.

— Нет, немного не так, а лучше, значительно лучше! — торжественно произнес дед Игнатий Савельевич.

Пора было уходить. Тетя Ариадна Аркадьевна сказала весело, но с оттенком легкой грусти:

— Какая суматошная и разнообразная жизнь выдалась в последние дни. — И у нее вырвался печальный вздох: — Уедут девочки, Пантя уедет...

Тут Герка опять едва не взорвался, еле сдержал себя, хотел обидеться, сдерзить по крайней мере, что, мол, хорошие люди вроде Панти уедут, а останутся-то Кошмар да он, что, мол, кот-то еще какую-то ценность представляет, а вот он, Герка... Но вслух сказал другое:

— А где же вы на озере будете жить, если там избушки сожгли?

— Во-первых, туда еще надо идти, — подозрительно взглянув на него, ответила эта милая Людмила. — Во-вторых, одну ночь можно и у костра провести. Потом соорудим шалаши. В поход мы все равно пойдем. При любых обстоятельствах.

— Главное, ребята, назад не отступать! — почти бодро пропел дед Игнатий Савельевич. — Сейчас пора баньки. Завтра начинается трудная походная жизнь.

— А я бы еще посидела сейчас у костра, — мечтательно сказала Голгофа. — Я так взволнована, что мне все равно не заснуть.

— Так я запалю! — предложил Пантя. — Я и картошки могу принести!

— С ЧУЖОГО ОГОРОДА? — Слова прозвучали грубо и презрительно. Так презрительно и грубо, что Герка тут же искренне и в страхе пожалел о своей несдержанности.

На душе у него стало горько и мерзко, и ощущение это усиливалось тем, что все молчали. Но Герка заметил: все сочувственно поглядывали на Пантю.

А тот отвернулся, низко опустив голову, потом резко выпрямился и схватил свой узел.

Голгофа неторопливым, но решительным движением отобрала узел.

От молчания, казалось, резало в ушах.

Тетя Ариадна Аркадьевна, перестав нервно дергать себя за косички, строго позвала:

— Герман! Может быть, тебе действительно просто абсолютно не хочется идти в многодневный поход? Так оставайся дома. А то я запуталась в твоих... претензиях. А оскорбления твои мне, прости, отвратительны.

— Он... — Чувствовалось, что Панте не только хочется закричать, а самым обыкновенным образом врезать Герке, но этого не произошло, и все облегченно вздохнули. — Он мене не хочет! — тоненько пропищал Пантя. — Ну... я могу... идите, а я... не...

— В поход пойдет каждый, кто захочет, — остановила его тетя Ариадна Аркадьевна. — И не ты, Герман, здесь распоряжаешься... Всем надо хорошенько выспаться. Девочки, вы...

— Мы на сеновале, только на сеновале! — просительным тоном проговорила Голгофа. — Я никогда не подозревала, что сено пахнет так чудесно!

— Тогда всем спокойной ночи. Будем надеяться, что

к утру между нами не останется никаких недоразумений. — И тетя Ариадна Аркадьевна скрылась в темноте.

Пантя к тому времени вновь разжег большой костер, лег возле него и палочкой подкатывал к нему отскочившие угольки.

Спокойной ночи пока не предвиделось.

Если уж мне, уважаемые читатели, быть точным и правдивым до конца, то следует отметить, что сейчас хуже всех было деду Игнатию Савельевичу. Ведь его единственный внук вел себя ПОСТЫДНО. И деду было очень-очень-очень стыдно за него. А еще больше — за себя. Он, он, дед, во всем виноват!.. И какой может завтра произойти позор! Ведь если Герка откажется идти в поход — как быть?! Быть — как?! Одного его оставлять нельзя, просто невозможно. Ведь он отвечает за внука перед его родителями... Что, что, ЧТО делать, если внук не слушается деда?

Эта милая Людмила смотрела в огонь большими черными глазами уже не безучастным, почти равнодушным изглядом, а печальным. А Герка смотрел на нее, теперь уже не остерегаясь. Он, если и не сознавал, то смутно предчувствовал, что теряет все, что вот-вот она скажет ему такое...

Дед Игнатий Савельевич, виновато крикая и покашливая, посидел еще немного, медленно встал, постоял и проговорил очень тоскливо:

— Костер не забудьте залить, когда уходить будете. Панте я спать на диване постелю. Приятных вам сновидений. — Он как бы крайне нехотя ушел в темноту, и оттуда послышалось грустное, пожалуй, даже слишком грустное пение: — Главное, ребята, сердцем не стареть, конечное дело...

Пантя сказал:

— Я спать здесь буду. Я привычный.

Герка и жалел, что гордо не ушел с дедом, а еще больше его угнетало то, что среди сидевших у костра он явно ощущал себя чужим, лишним и ненужным. Как будто они ждали, когда же наконец он уйдет, чтобы повеселиться без него!.. Ладно, ладно... Ведь все равно смешно и глупо получается: поход-то зависит от него, а они...

Девочки пошептались и ушли в сторону реки.

— Слышь ты, тюня! — тяжело дыша, не в силах сдержаться, иступленно прошептал Пантя. — Я тебе уши оторву... я тебе все выверну... я тебе, как мухе, лапки оторву... она в поход хочет, а ты... — Голос его стал хрип-

лым. — Только попробуй у мене... я тебе... ты мене знаешь... — В отблесках костра глаза Панти казались красными. — Я за нее тебе... она в поход хочет, а ты...

Нисколько я не виню Герку, уважаемые читатели, в том, что он испугался. Не трусость Герки меня возмущает. Она в данном случае вполне естественна, понятна, и со временем победить ее можно. Дело тут совсем в другом. А в чем, сами попробуйте догадаться, сами разберитесь в происходившем. Я вам вполне доверяю, уважаемые читатели.

Девочки вернулись к костру, присели, помолчали, как вдруг эта милая Людмила, внимательно разглядев мальчишек, резко спросила:

— Что здесь произошло?.. Кто тут из вас без нас чего успел вытворить?.. Пантя?

— Не... не... ничего.

— Врешь, вижу. Герман?

— Ну... ничего... я и слова не сказал.

— Значит, Пантя что-то говорил? Вернее, пищал?

Голгофа умоляюще попросила:

— Не надо портить такой чудесный вечер. Тем более, что завтра в многодневный поход... Взгляните лучше на небо! Ведь невозможно, например, представить, что звезды способны ссориться... А тишина-то какая... послушайте... Нет, нет, теперь я буду жить иначе. Раньше я никуда не стремилась. Вернее, просто ждала, когда подрасту, чтобы убежать от домашней скуки. А в скуке, оказывается, была виновата и я... Завтра мы будем на Диком озере!

— Завтра на Диком озере, — чеканным голосом произнесла эта милая Людмила, — будем мы с тобой, Голочка, и Пантя. Мы будем там в любом случае. Несмотря ни на что и ни на кого. Ведь некоторые, — последнее слово она выговорила откровенно язвительно, — могут и не дать возможности кое-кому пойти с нами.

— До-о-о-ждик! — Герка протянул вперед ладони и торжественно повторил: — Дождик, дождик!

— Откуда он взялся? — удивилась эта милая Людмила. — Ведь ни тучечки не было. Заливай костер, Пантя! — И когда он ушел с ведром к реке, спросила: — Герман, чего он сказал тебе без нас?

— Да ничего... ничего особенного, — упавшим голосом пробормотал Герка. — Чего он мне сказать может?

— Тогда иди-ка спать, Герман. Дождь, видимо, скоро польет по-настоящему. Выспись хорошенько.

Герка уходил злым, но уже у дома его охватила растерянность: ведь эта милая Людмила выгнала его! А тот остался с ними!.. Что же получается?.. Герка опустил на крыльцо, словно собирался долго размышлять, но тут же вскочил. Ну, почему он у них всегда в чем-нибудь виноват? Не сказал об угрозах Панти, значит, трусил. Сказал бы о Пантиных угрозах, значит, тоже трусил — пожаловался!.. На них не угодишь! Ладно, ладно... Если оставили его одного, то он один и будет действовать! Идите, идите, идите в поход со своим хулиганом!.. А он, Герка, который вам не нужен, которого вы и за человека не считаете, докажет вам, кто тут главный! От кого ваш поход зависит!

Дождь как-то враз стремительно расшумелся, полил, полил, будто пошло одновременно два дождя...

Со смехом и повизгиваниями девочки вбежали во двор, не заметив, конечно, Герки, залезли на сеновал. За ними неторопливо, не обращая внимания на ливень, будто нехотя, с узлом в руке прошел Пантя и тоже забрался на сеновал.

Ну.. завтра они получают! Герка хотел разозлиться, рассвирепеть хотел, но в носу у него защипало от слез обиды, горькой и острой. Пусть Голгофа без Панти шагу ступить не может, пусть Пантя готов из-за нее человеку руки и уши оторвать, нос выдернуть готов, оба они длинные, оба ненормальные. Одна из дому сбежала, другого из дому выгнали... Но эта... эта... эта-то будто бы милая Людмила! Она-то чего в нем обнаружила? Почему она его, Герку-то, гонит?! Ведь совсем недавно, пока тут длиннющих-то не было, она же к нему иначе относилась! Анализировать его хотела, комментировать, перевоспитывать...

Еще ни разу в жизни не испытывал Герка такой наименее справедливой обиды, такого наискорбительнейшего унижения, такого издевательства...

А этот вреднящий дед? Чем он лучше их? Льет проливной дождь, ночь, а он даже не поинтересуется, где его единственный внук! Какое возмутительное безобразие!

Дождь лил и лил...

Промерз уже Герка, но стоял на крыльце, дрожа от озноба и доносившегося с сеновала смеха... Выйдет дед внука единственного когда-нибудь искать или нет?.. И Герка решил вымокнуть, простудиться так, чтобы схватить самое разностороннее воспаление легких, ангинище

какое-нибудь страшное, чтобы дед виноват был перед ним и уже ни разика бы не осмелился послушаться внука!

Он встал под проливной, довольно холодный дождь, сразу промок насквозь и только тут заметил нечто невообразимое, потрясающе ужасное, отчего сердце резанула боль, а голова мгновенно закружилась: все окна в доме были темны!

А на сеновале хохотали...

Семнадцатая глава

ВОЛШЕБНОЕ УТРО И ВЫДАЮЩИЙСЯ ПО ТРУДНОСТЯМ ДЕНЬ

А на сеновале сейчас, когда Герка очень серьезно страдал, было весело.

Весело — значит вовсе не обязательно, что кто-то хочет, кто-то прыгает, кто-то рожицы строит, кто-то кричит от радости или даже глупеет от счастья и поет.

У нашей троицы весело было на душе. Голгофа впервые в жизни наслаждалась, слушая, как по крыше стучит дождь. В наше время — это редчайшее наслаждение. Кто вот из вас, уважаемые читатели, слушал стук дождя по крыше над головой? Впечатление такое, как будто дождь разговаривает с тобой, и оказывается, ему есть о чем рассказать — и о грустном, и о смешном, о тревожном и непонятном... Дождь может быть и добрым, и злым, и задумчивым, и грозным, и просто недовольным чем-то, и виноватым... Жаль, что в городе, да и в деревне не в каждой избе можно послушать, как стучит по крыше дождь...

Сегодня у дождя было веселое настроение, даже чуть-чуть шаловливое, и оно передалось нашей троице.

Но Пантя вскоре уснул, с головой зарывшись в сено, а девочки разговаривали и разговаривали, забыв, что давно наступила ночь, а завтра предстоит длинная трудная дорога.

— Тебе не кажется, что Герман влюбился в тебя? — вдруг спросила Голгофа, и эта милая Людмила отозвалась довольно равнодушно и вполне искренне:

— Он до неприличия избалован. Просто капризен. Девчонка без косичек. Эгоист страшный. Я, конечно, приложу все силы, чтобы его хотя бы немножечко перевоспитать.

— Ты приложи не силы, а обаяние.

— Что он в этом понимает?

— А ты постарайся, чтобы понял. У тебя должно получиться.

— Пока не испытываю желания. И если он не пойдет в поход, он мне будет совершенно неинтересен. Куда важнее помочь Панте. Кстати, Голочка, давай звать его по имени — Пантелей. Ведь Пантя — прозвище!

— Бедный мальчик... — Голгофа не удержалась от печального вздоха. — Мене... тебе... Нелепый, некрасивый... И действительно самый настоящий хулиган. Но из-за его хулиганства я получила возможность пожить здесь! И у Германа он деньги отобрал... три рубли... чтобы купить нам с ним продукты! Он и у меня деньги отбирал! Пряников для нас купил!

— Тише, тише... — прошептала эта милая Людмила. — Слушай...

Дождь утихал... Вот и совсем затих, но с крыши срывались капли и с непередаваемой красотой звука разбивались о лопухи.

Капли стучали, сту-ча-ли, стууу-ча-ли по лопухам. Мне это, уважаемые читатели, всегда казалось своеобразной музыкой, ведь при желании можно даже уловить незамысловатую мелодию...

Девочки сидели у окна без стекла, и в него как бы втягивался или врывался поток воздуха необыкновенной свежести.

— Вот тебе и озон, — прошептала Голгофа. — До чего же прекрасно... Зимой буду вспоминать...

А капли гулко стучали и стучали по лопухам, и у каждой получался свой звук, а из всех звуков и получалась музыка...

А на небе вдруг засверкали звезды...

Пантя так громко и радостно захрапел, что девочки расхохотались, неожиданно порывисто обнялись, сразу устали от охватившего их чувства беспредельной радости, посидели еще немного, поцеловались и — заснули...

Утро после обильного ночного дождя, когда солнце, едва оторвавшись от горизонта, было уже теплым, такое утро — как подарок всему живому. Ты почти чувствуешь, что травы радостны, почти веселы, огурцы и кабачки из всех сил торопятся расти...

Девочки проснулись одновременно, поздравили друг друга с чудесным, прямо-таки волшебным утром и, не сговариваясь, взяли полотенца и побежали на реку. Вода после ночного дождя и сейчас была нехолодной, и подружки (а не подруги, ибо их дружба была уже взрослой) плавали до тех пор, пока Голгофа громко не чихнула три раза подряд.

— Прекратить купание! — скомандовала эта милая Людмила, и, когда они вылезли на берег и стали растираться полотенцами, она долго и внимательно разглядывала Голгофу и спросила: — А для чего ты волосы красишь, да еще в такой дикий цвет?

— Я!! Крашу!! — возмутилась Голгофа. — Мама!!!! Понимаешь, у меня какой-то бесцветный цвет волос. Вот мама и делает меня то рыжей, то белой, то черной, то и не поймешь, какой. Хотела вот сделать меня перламутровой, а я получилась голубой.

— А почему ты носишь длинные волосы? Тебе не идет.

— Я!!! Ношу длинные волосы!!!! — опять возмутилась Голгофа. — Мама!!!!!!!! Она очень-очень-очень переживает, что я некрасивая. Даже плачет иногда.

— Чего в тебе такого уж очень некрасивого? — искренне удивилась эта милая Людмила. — Ну... тощая. Ну... длиннущая. Ну и что? Ты вполне еще можешь стать красавицей. С девочками так часто бывает.

— Как? С чего вдруг?

— С чего — неизвестно. Но вот именно — вдруг. Растет замухрышечка какая-нибудь, на нее внимания никто уже и не обращает, а она вдруг — раз! — и расцветет. А бывает и наоборот. Живет красоточка. От зеркала не отходит. Собой любит. И — вдруг! — потихонечку-потихонечку, полегонечку-полегонечку, а потом все быстрее начинает дурнеть!

— Мама говорит, что я непростительно тощая!

— Тощие могут потолстеть. А вот если бы ты была непростительно, извини, жирная, это было бы непоправимо. Толстые, как правило, не худеют, а тощие часто толстеют. Давай я тебе волосы сделаю покороче? Тебе пойдет.

— А мама?

— Я же не маму остригу, а тебя. Ты же сейчас считаешься свободным человеком. Значит, имеешь полное право хотя бы укоротить волосы. Я займусь твоими родителями, когда буду приезжать к тебе. У меня с моими никаких конфликтов. А вот у некоторых подружек — драмы, комедии,

а чаще всего — цирк! То дети изводят родителей, то родители детям нормально жить не дают.

— Почему же так бывает? — горестно и недоуменно спросила Голгофа.

— Никто толком не знает! — авторитетным тоном заявила эта милая Людмила, но чуть сконфуженно замолчала и, снизив голос до шепота и даже оглянувшись по сторонам, проговорила: — По-моему, во всем виноваты все-таки взрослые. Ведь они же были когда-то детьми и обязаны в нас понимать все до мельчайших подробностей!

— Слушай... — Голгофа наклонилась к ее уху. — А может быть так, что тех взрослых, которые не умеют правильно обращаться с детьми, самих неправильно воспитывали и они были плохими детьми?

— Вообще-то подобные рассуждения — не нашего ума дело, — задумчиво призналась эта милая Людмила, — вот подрастем, у нас самих будут дети, и посмотрим тогда, что из этого получится. Взрослым ведь тоже нелегко. Их тоже понять надо... И пошли-ка завтракать, нам надо набираться сил. День сегодня будет выдающийся по трудностям. Наиболее интересно то, какой же сюрпризик преподнесет нам Герман.

— Он тебя у-у-у-ужасно ревнует к Панте, — стыдливо сообщила Голгофа. — Он вчера у костра на тебя та-а-а-ак смотрел...

— Ка-а-а-а-ак? — рассмеялась эта милая Людмила.

— Ну как в балете. Раз там ни петь, ни говорить нельзя, иногда там та-а-а-а-ак таращат глаза... Вот как Герман вчера.

— Я в нем разочаровалась. Собственно, я и очарована-то, конечно, не была... Перевоспитательную работу я с ним не брошу, но... Избалованная девочка — противна, избалованный мальчик — просто, извини, мерзость. Представляешь, каким он будет мужем?

— Нам рано об этом думать...

— Мой папа влюбился в мою маму в пятом классе, а она в него в седьмом, во второй четверти. Так что...

— Они тебе сами рассказывали?!

— Мама, конечно, — с уважением и нежностью ответила эта милая Людмила. — Бывает, устанем мы с ней, когда, например, большая стирка, присядем на кухне отдохнуть, чайку попить, и мама начинает вспоминать детство, всю жизнь, а я ей про наши девчоночьи дела рассказываю... И мне интересно, и ей.

Голгофа глубоко и тяжело вздохнула.

— Какие вы свеженькие! — восторженно встретила их тетя Ариадна Аркадьевна. — Неужели уже искупались?

И, словно отвечая на вопрос, Голгофа чихнула четыре раза подряд, но сказала:

— Ничего со мной не будет. Я здесь уже подзакалилась.

— Я угощу вас жареными окунями! Пальчики оближете!

Голгофа сердито запыхтела и зло, вернее, очень сердито проговорила:

— Я пальчики не оближу. Я рыбу не ем. Мне не разрешают. В рыбе кости, можно подавиться! — кого-то передразнила она. — На лыжах нельзя кататься, можно вывихнуть ногу, сломать позвоночник, а палками выколоть глаза! Мне нельзя... Мне все, все, все нельзя! Не бойтесь, плакать не буду. А буду учиться есть рыбу.

И представьте себе, уважаемые читатели, она не подавилась, а пальчики действительно облизала.

— Все пока складывается вроде бы прекрасно, — сказала тетя Ариадна Аркадьевна. — Кошмарчик уже несколько раз залезал в корзину, которую я для него приготовила. Но меня не оставляет какое-то неясное ощущение чего-то. И не из-за котика.

Раздался стук в дверь — осторожный и виноватый — и вошел дед Игнатий Савельевич. Он скорбно поздоровался, сел на табуреточку у порога и мрачно молчал.

— Что случилось? — спросила эта милая Людмила.

— Пока ничего не случилось, — очень тяжело вздохнув, отозвался дед Игнатий Савельевич. — Но случиться может.

— Да что же?

— Внучек мой раскапризничался так, что далее некуда. Вчера наотрез отказался в поход идти. Вы его, видите ли, одного бросили, он под дождем пытался пневмонию схватить... Уросливый у меня внучек, ох уросливый. Это похуже, чем избалованный и капризный... Так что, боюсь, я его будить. Ночь-то он почти не спал. Переживал. Страдал.

— Но, может быть, он все-таки передумает? — Голгофа растерялась, решив, что многодневный поход окончательно сорвался. — Неужели Герман способен испортить нам всем такое удовольствие? Или не понимает, что делает?

— А вы его оставить не можете, — полуутвердительно тоном произнесла эта милая Людмила. — А нам без вас в походе будет трудно. —

— Без меня вам там вообще делать нечего! — вырвалось у деда Игнатия Савельевича. — В походной жизни нужны опытные рабочие руки. Конечное дело...

— Поход состоится вне зависимости от поведения Германа, — решительно, но все-таки осторожно перебила эта милая Людмила. — Пусть себе капризничает, пусть себе уросит сколько хочет и как хочет.

Тетя Ариадна Аркадьевна с явным осуждением взглянула на племянницу и предложила:

— Сначала надо попытаться объяснить Герману... ну, очевидную неразумность, неправильность, скажем прямо, даже некоторую непорядочность его поведения...

Вставая, дед Игнатий Савельевич проговорил обреченно:

— Проверю, как там. А послушаться он может только тебя, Людмилушка. На тебя одну и надежда...

— Ради похода, ради Голочки я готова на все, даже на унижение.

Дед Игнатий Савельевич виновато покашлял в кулак и ушел.

Все удрученно молчали, и лишь Кошмар был весел. Он то и дело залезал в приготовленную для его транспортировки корзину и там радостно урчал.

— Кошмарчик, видимо, убежден, что похода все-таки не будет, — печально сказала тетя Ариадна Аркадьевна. — Ах, как мне жаль уважаемого соседа! Ему и за внука стыдно, и в поход хочется.

Тут прикатил на мотоцикле дружинник Алеша Фролов по прозвищу Богатыренко, долго фотографировал автограф Гагарина, эту милую Людмилу, и ей пришлось рассказать о своей встрече с космонавтом номер один.

Дружинник Алеша Фролов слушал и смотрел на нее с таким очень глубоким уважением, словно она сама была покорительницей Космоса. Потом Голгофа фотографировала ее с ним, и он стоял такой гордый, словно сам был знаком с Юрием Алексеевичем.

— А чего вы такие все квелие? — спросил дружинник Алеша Фролов и, узнав обстановку, весело предложил: — Во-первых, я могу вас по очереди, так сказать, по частям доставить к озеру. Во-вторых, вечером могу проверить, как вы устроились, в чем нуждается... А Герочку я хорошо

знаю. Девочка без косичек. Его, по-моему, дед и сейчас с ложечки кормит.

— И все-таки мы должны приложить все усилия, — наставительным тоном произнесла эта милая Людмила, — чтобы попытаться на него воздействовать. Мы, Алеша, не только осуждаем недостатки человека, но и помогаем ему их устранить. А поход наш должен быть самостоятельным, абсолютно самостоятельным. Лишь тогда от него будет для нас польза. Нам нужен поход, а не катание на мотоцикле.

— Дело ваше. — Видно было, что дружинник Алеша Фролов несколько обижен отказом от его искренней помощи. — Желаю успеха. Фотографии к вашему возвращению будут готовы.

Он умчался на своем обиженно стрекотавшем мотоцикле.

— Что же дальше? — растерянно и недовольно спросила тетя Ариадна Аркадьевна. — Так и будем ждать, что соизволит решить Герман?

— Мы идем к уважаемым соседям, — деловито ответила эта милая Людмила, — делаем все возможное, что в наших силах, и в любом случае — в путь!

Тетя Ариадна Аркадьевна вздыхала так громко, что ее вздох девочки слышали еще за калиточкой.

— Погоди, погоди! — Голгофа остановилась. — Мы пойдем вчетвером плюс Кошмар минус дедушка?

— Минус! Дедушка! — резко отозвалась эта милая Людмила. — И ничего с нами не случится, кроме того, что мы подзакалимся, станем хоть чуточку смелее и прекрасно проведем время. В конце концов если мы струсим или просто не выдержим, то можем в любой момент вернуться с позором.

— Я бы так не хотела... — прошептала Голгофа. — Но почему ты запретила Алеше Фролову хотя бы проверить вечером, как мы устроились?

— Да потому, что, еще не отправившись в путь, мы бы уже кричали: «Караул! На помощь!» Чего ты испугалась?

— Пока я ничего не испугалась. Мне дедушку жаль. Неужели ты не видишь, как он ужасно переживает?

— Прости меня, дорогая, — довольно высокомерно произнесла эта милая Людмила. — Но в данном случае надо перевоспитывать и дедушку.

— Мы его будем перевоспитывать?! — поразились Голгофа.

— Да, в какой-то степени и мы. Но, в основном, жизнь. Нельзя же распускать внука до такой степени, что от его избалованности, уросливости зависит судьба целого коллектива! — не на шутку возмутилась эта милая Людмила. — Ты только вспомни, сколько произошло событий, сколько в них участвовало людей, чтобы мы получили возможность отправиться в поход! И вдруг один, всего-то навсего один Герочка, девчонка без косичек, все срывает!

Голгофа быстро и густо покраснела, опустила глаза и стыдливо прошептала:

-- По-моему... все зависит лишь от тебя... уверяю... Да, он избалованный, капризный, но... понимаешь, он не умеет правильно выразить свои чувства к тебе... Вот ему хочется доказать, тебе доказать, что он независимый... что его решения самостоятельны, но... ничего у него не получается. Но чувства его к тебе, я считаю, нельзя оставлять без внимания.

Ответ этой милой Людмилы сводился к тому, что чистые и добрые, а тем более возвышенные чувства могут направить человека только на прекрасные дела. Судя по недостойному поведению Германа, никаких там особенных чувств у него быть не может. Но даже если и есть у Германа что-то вроде каких-то там особенных чувств, то думает-то он, беспокоится, заботится только о себе, только о том, как бы ему лучше было, удобнее. И воздействовать на него может лишь сама жизнь, а не разговоры и убеждения, которых он слышался уже достаточно.

А отчего, по-вашему, уважаемые читатели, Голгофа так упорно и горячо защищает Герку? Давайте подумаем, а потом обменяемся мнениями.

Девочки, конечно, не поссорились, но, как говорится, крупно поспорили. В голосе этой милой Людмилы часто и отчетливо проскальзывало не свойственное ей раздражение, которое, однако, не испугало Голгофу, а вынудило ее возражать еще упорнее и горячее.

— Ты же очень сильная! — Она даже повысила голос. — Ты обязана помогать тем, кто слабее тебя!

— В принципе ты абсолютно права, — помолчав и чуть-чуть успокоившись, согласилась эта милая Людмила. — Я давно убедилась, что девочки просто обязаны вести неустанную перевоспитательную работу с плохими мальчишками. Заниматься ими не жалея ни сил, ни времени.

— Вот тебе и самый подходящий случай! — радостно воскликнула Голгофа. — Не проходи мимо!

— И опять в принципе ты абсолютно права, — уже несколько надменно проговорила эта милая Людмила. — Но у нас мало времени! Ведь речь идет не вообще о перевоспитании Германа, а о том, пойдет он в многодневный поход или нет.

— Постой, постой! — умоляюще попросила Голгофа. — Я должна объяснить тебе, а ты должна понять... Тебе ведь трудно представить, что такое избалованный человек. А мы с Германом именно такие. Только мне удалось своевременно заметить, что меня безобразно балуют, и что это может кончиться для меня ужасно. А Герман этого до сих пор не осознал, и винить надо не его одного! Он не понимает самых простых вещей. Он нуждается в особом внимании. Я прошу тебя быть к нему снисходительнее, терпеливее. Ведь избалованный человек не представляет грозящей ему опасности.

Теперь ясно вам, уважаемые читатели, почему Голгофа так упорно и горячо заступалась за Герку? И ведь она была права не только в принципе, но и в данном, конкретном случае. Но и эта милая Людмила имела многие веские основания не соглашаться с подружкой именно в том смысле, что сейчас не было времени доказывать Герке вздорность его поведения, убеждать, что он подводит всех, особенно Голгофу, и т. д. Требовались какие-то особые методы воздействия на мальчишку. Их эта милая Людмила и искала.

Но пока Герка еще спал, дед Игнатий Савельевич просил разрешить не будить его, и эта милая Людмила, чтобы не терять времени даром, принялась стричь Голгофу. Можно сказать, что стригла она умело, ловко, но и безжалостно. Голгофа, краешком глаза наблюдая, как зеленая грава вокруг нее покрывается прядями голубых волос, безропотно терпела и говорила только о Герке.

— Постарайся быть с Германом помягче, — застенчиво попросила Голгофа, — постарайся быть с ним поубедительней. Честное слово, он, по-моему, готов понять свои заблуждения.

— Я не меньше твоего хочу, чтобы он участвовал в походе, — с еле заметным раздражением сказала эта милая Людмила. — Без него в походе и дедушке невесело будет. А главное, ведь именно многодневный поход помог бы Герману избавиться от большинства недостатков.

— Нету Панти! — услышали они расстроенный голос деда Игнатия Савельевича. — То есть Пантелея нету! —

Он остановился перед девочками, недоуменно пожав плечами. — Опять, конечное дело, сбежал! Но — почему? Вроде бы вчера уговорили его.

— Да он и не нуждался в уговаривании! — сердито воскликнула Голгофа. — Он бы с удовольствием в поход, по... но они с Германом... Пантелей чувствует себя и чужим, и недостойным... Нет, нет, мне начинает казаться, что никакого похода ни за что не получится! То одно, то другое препятствие! Что делать?

— Не паниковать, — спокойно ответила эта милая Людмила. — А довести дело до конца. Желательно — победного. Сначала я беседую с Германом...

— А Пантелей?

— Придет. Или найдем. Мы, девочки, с помощью старших товарищей должны обязательно воздействовать на мальчишек. Сделать их из отрицательных хотя бы положительными. Пантелей все равно пойдет с нами. А я иду к Герману. — И она твердым шагом направилась в дом.

Дед Игнатий Савельевич присел на бревно около сарая. Голгофа устроилась рядом.

— Не понимаю я! Не по-ни-ма-ю! — сказала она. — Как можно вырасти в таких прекрасных местах и не любить природу? Не стремиться пойти в многодневный поход?!

— Ни к чему Герка не стремится — вот в чем беда его и горе. И моя беда, и горе мое. И ведь так может всю жизнь прожить, если, конечное дело, армия его не выправит.

— Ну, а Пантя-то куда мог деться? То есть Пантелей? Честное слово, я уже перестала верить, что поход состоится!

— Обязательно состоится! — наикатегоричнейшим тоном заявил дед Игнатий Савельевич. — Сегодня во что бы то ни стало выступим! И не позднее, чем в первой половине дня.

— А вы не передумаете, дедушка?

— Мне отступать нельзя.

Должен еще раз напомнить вам, уважаемые читатели, что дед Игнатий Савельевич и сам был поражен своей решительностью. Совсем недавно, не более двадцати минут назад, он еще сомневался в себе, еще боялся, что пожалеет единственного внука, отступит и тем самым подчинится ему. Нет, нет, пусть старое дедское сердце сжи-

мается от боли за непутевого Герку, но он, дед, все делает для того, чтобы внук впервые почувствовал ответственность за свое поведение.

Примерно то же самое говорила ему сейчас эта милая Людмила:

— Герман, ты должен понять, что никто тебя не ругает. Все искренне желают тебе добра. Но и прямо указывают на твои ужасные недостатки. И не надо сердиться, а надо делать выводы. А ты боишься правды о себе. Изря. Все может кончиться очень и очень плохо. Тебе грозит опасность вырасти просто неинтересным человеком. Из тебя может вообще не получиться настоящего мужчины. Тебе пора серьезно задуматься об ответственности за свое поведение.

Герка слушал ее, сжав кулаки и зубы, решив, что ни слова она от него не услышит. Но сдержаться ему не удалось, и он почти закричал:

— Да почему ты всех учишь? Сама-то ты кем... получишься? Настоящей женщиной, думаешь? Интересным человеком, считаешь? Откуда, ну, откуда ты можешь знать, кем я вырасту?!

— Из таких, как ты, вырастают только отрицательные типы. Подожди, подожди, не кипятись, — чуть ли не нежно попросила эта милая Людмила. — Я ведь не свое личное мнение высказываю, а своими словами передаю тебе закон жизни. Его не я придумала, а все человечество. Прогрессивное, конечно.

— Все человечество считает, что из меня ерунда на постном масле получится?!?! — От непередаваемого гнева Герка задохнулся, а эта милая Людмила звонко и громко рассмеялась. Она, как тогда, у колодца, пыталась сдерживать смех, даже прикрывала рот ладонками, но продолжала смеяться все громче, все звонче. И если бы они находились не в комнате, а на улице, у колодца, она бы, как тогда, опрокинулась на травку, ноги ее замеслякали бы в воздухе, будто бы она крутила педали велосипеда — мчалась во весь дух.

Она, конечно, прекрасно понимала, что нельзя так, именно сейчас нельзя, но продолжала смеяться звонко и громко, изредка вскрикивая:

— Ой, не могу... ой, насмешил... ой, не могу-у-у... не-е-е-е... — и не могла унять смеха, никак не могла, смеялась и смеялась громче и звонче прежнего, изредка вскрикивая: — Ой, не могу!

И как тогда, в специальной загородке, у колодца, Герка, забыв о страшной обиде, суматошно пытался угадать, чем он ее так насмешил.

А она, закатываясь в смехе, звонком и громком, в изнеможении закрыв глаза и запрокинув голову, чуть не падала...

— Больная ты, что ли? — крикнул Герка испуганно. — Может, тебе лечиться надо, а не над людьми смеяться?

Вряд ли эта милая Людмила слышала его слова. Она сама взяла себя в руки, можно сказать, буквально взяла себя в руки — сжала локти ладонями, выпрямилась, ненадолго замерла в такой позе, отдышалась, сказала устало, виновато:

— Прости, Герман. От всей души прости, пожалуйста. Совершенно неуместный смех, я понимаю. Ну никто не умеет меня смешить, как ты.

— Не смешил я тебя, — сквозь зубы процедил Герка. — Ты сама смеялась надо мной! — жалобно вырвалось у него.

— Клянусь! — воскликнула эта милая Людмила, прижав правую руку к сердцу. — Хочешь, встану перед тобой на колени, чтобы просить у тебя прощения?

— Сумасшедшая, вот ты кто!

— Ни капельки! Просто ты очень смешно сказал, я и решила, что ты хочешь рассмешить меня! Прости, если я нечаянно своим смехом обидела тебя!

По виноватому, просящему, почти умоляющему взгляду ее больших черных глаз Герка понимал, что она и вправду не собиралась смеяться над ним, но ведь — смеялась! И еще как!

— Ладно, ладно, — пробормотал он, напряженно стараясь вспомнить, из-за чего она так обидно для него смеялась, а она весело сказала:

— Ты еще не завтракал. Приготовить тебе завтрак?

В сердце Герки сразу возникли, не мешая друг другу, радость и неприязнь. Он даже не мог определить, какое из ощущений сильнее, не знал, которое возьмет верх.

— Ах, Герман, Герман! — почти ласково воскликнула эта милая Людмила. — Ну будь умницей, перестань сердиться, ведь ты веселый человек! Ведь пора в путь-дорогу! Я пошла готовить тебе завтрак.

Она выпорхнула из комнаты, словно не сомневаясь и не нуждаясь в ответе. Идет готовить ему завтрак, а на самом деле получается, что командует им!

А тут он еще вдруг со всей ясностью, во всех подробностях вспомнил недавний разговор с дедом, наконец-то уразумел смысл его, а на кухне громко и звонко распевала эта милая Людмила, а ему чуть расплакаться не захотелось. Он был веселым человеком, был! Пока ее здесь не было! И ведь она, она, она поход-то выдумала! Из-за нее, из-за нее, из-за нее все кувырком полетело! Все вверх тормашками из-за нее, из-за нее, из-за нее перевернулось!

Страшно стало Герке, когда он подумал о многодневном походе. Он чувствовал, что никакие силы не заставят его пойти. Чутьчку еще, совсем-совсем немножечко надеялся он, что дед останется с ним. Тогда еще страшнее: она-то уйдет! И чего он добьется, оставшись с дедом?! Вот когда настоящая-то смехота получится!

Остался у него, у бедного, один выход: самому о себе позаботиться, самому себя пожалеть. Придется доказать всем, что он не ерунда на постном масле и прогрессивное человечество еще увидит, что издеваться над собой он не позволит никому. И кто кем вырастет — вопрос, а пока посмотрим, кто тут кем командовать будет. Он над собой командовать никому не позволит!

— Завтрак готов, Герман! — раздался из кухни громкий и звонкий и, как показалось Герке, достаточно самоуверенный голос. — Прощу к столу! Но сначала, конечно, умойся!

Что ж, и умыться можно, и позавтракать не вредно, а всего полезнее чувствовать себя свободным, как на большой перемене.

На кухне Герка появился таким гордым и даже слегка небрежно самодовольным, что эта милая Людмила подозрительно и внимательно оглядела его, предложила:

— Садись. Ешь.

— Сяду, поем, с удовольствием. — Герке стало чуть-чуть весело от ее заметной растерянности. — Чаёк приготовила?

Видно было, что эта милая Людмила сразу заподозрила неладное, и ее большие черные глаза пристально и недоверчиво следили за каждым Геркиным движением, словно каждым из них он мог себя выдать. А Герка под ее взглядом вдруг сник и, чтобы взбодриться, подчеркнуто озабоченно проговорил:

— Погодка бы не испортилась. Собираюсь сегодня поплавать на дальность. — А после длительного и заметно

тяжелого молчания он добавил почти вызывающе: — Вдоволь охота наплаваться.

— Наплаваешься. Вдоволь. В озере. — Чекая каждый слог, выговорила эта милая Людмила. — Налить еще чайку?

Герка отрицательно покачал головой, медленно встал, а она спросила его:

— А кто за тобой посуду уберет?

— А какое твое дело? — с очень самым невинным видом отозвался Герка. — Какое твое дело, кто в нашем доме посуду уберет? Ты здесь кто? Ну, кто?

— Друг. Твой друг. Человек, который хочет помочь тебе.

Что-то упрямое, даже чуть-чуть раздраженное почувствовал Герка и сказал:

— Ты сама себя другом назначила. Я тебя не просил.

— Хо-ро-шо, — сначала удивленно вскинув брови, сказала эта милая Людмила, но решительно продолжила да еще и печально: — Будем считать, что я ВСЕ сделала для того, чтобы стать тебе другом, чтобы помочь тебе. Зря старалась. — Она дошла до дверей, остановилась и через плечо снова заговорила еще более печальным и еще более решительным тоном: — Однако неплохо, что ты действуешь хотя и достаточно глупо, но зато самостоятельно. Посмотрим, готов ли ты ответить за свои поступки. Мы отправляемся в многодневный поход. У тебя остается буквально полчаса подумать.

И ушла.

И Герка понял: они все уйдут от него. Все. Уйдут. Он останется один. Но сколько он ни напрягал воображение, никак не мог представить себе этого. Вот он будет тут, здесь сегодня вечером сидеть, стоять или лежать один, а его родной дед будет где-то далеко с чужими людьми...

Такого быть НЕ может!

НЕ может такого быть!

Такого НЕ может быть!

А в голове застучало настойчиво и сурово: может, может, может... быть, быть, быть...

Герка ждал, какое чувство овладеет им: обида, злость, страх, возмущение. Он ждал, чего ему придется делать: плакать, кричать, пищать или вопить. Но в душе не возникло никакого определенного чувства — там были пустота и замешательство. И чтобы замешательство не превра-

зу сообразил, что Пантя вернул ему отнятые вчера деньги.

То, что Герка трешке нисколько не обрадовался, понятно. Она только напомнила о его, мягко выражаясь, несмелом поведении. Герку сейчас задело и даже очень насторожило другое: с чего это злостный хулиган вернул деньги, да и, кстати, где он мог их достать? Опять у какого-нибудь хорошего человека отобрал?

Но вам-то, уважаемые читатели, я расскажу, что же такое случилось с Пантей, вернее, уже почти с Пантелеем, или, еще вернее, пока почти с Пантелеем. Не надо даже и предполагать, что он быстро и окончательно исправился.

Кое-что, однако, в нем изменилось, и относительно здорово. Например, трешка эта, когда об ее истории узнали все, в том числе и Голгофа, не давала ему покоя.

И рано утром Пантя, когда девочки убежали купаться, отправился на рынок продать свой узел с бельем и ботинками, чтобы отдать Герке трешку.

Сначала на рынке в его сторону никто и не смотрел. Стоит себе мальчишка с узлом в руках, ну пусть себе и стоит.

Через некоторое время Пантя не знал, чего и делать. Так ведь можно и целый день проторчать, а ему скоро в многодневный поход отправляться. А еще ему необходимо доказать Герке, что больше он к нему приставать не собирается, и хорошо бы вернуть ему три рубля.

Тут к Панте подошли две старушки, которых в поселке прозвали Бабушки-двойняшки, потому что когда-то, давным-давным-давно, они родились близнецами и до сих пор разительно походили одна на другую.

Они поинтересовались, чего он здесь делает, что это у него за узел. Зная вьедливый и даже вредный характер Бабушек-двойняшек, Пантя сразу решил улигнуть от греха подальше, как говорится. Но они учуяли, что имеют дело если и не с преступлением, то, по крайней мере, с развлечением. Не успел Пантя ничего предпринять, чтобы от них избавиться, как Бабушки-двойняшки цепко схватили его за руки: одна за левую, другая за правую, а остальными своими руками они замахали и закричали:

- Граблёное продают!
- Ворованное сбывают!
- На помощь, товарищи!

И сразу оказалось, что на рынке обитает много любопытного и праздного народа. Пантю и Бабушек-двойняшек почти мгновенно окружила толпа, и они, перебивая друг

друга, восторженно, взахлеб рассказывали, как задержали, вполне может быть, жулика.

Три дня назад злостный хулиган Пантелеймон Зыкин по прозвищу Пантя ни за что бы не дался в хилые, хотя и цепкие руки Бабушек-двойняшек, а сейчас вот только злился на них да нутужно соображал, как бы поскорее выпутаться из этой глупой истории.

Самое невероятное заключалось в том, что Пантя, вернее, уже почти Пантелей, вдруг почувствовал, что ему совершенно неохота врать. Ведь получалось так, что стоило ему сказать, что узел, мол, его, сюда он заглянул случайно, можете меня проверить в милиции у самого участкового уполномоченного товарища Ферапонтова, и Бабушки-двойняшки отстали бы. Но Пантя громко заявил:

— Три рубли мене... мне надо... три рубля... вот и пришел продавать...

Со всех сторон полетели вопросы:

— А узел чей?

— А в узле что?

— Деньги тебе зачем?

— А мать с отцом знают?

«Ждут ведь меня, потеряли меня, — с тоской подумал Пантя. — Чего доброго, уйдут без меня».

Он молчал уже зло и упорно. Бабушки-двойняшки уже несколько раз поведали обо всем, что знали о Панте, как они его задержали, и толпа постепенно начала редеть, ибо ничего интересного не происходило, и вскоре разошлись все.

Бабушки-двойняшки не только разительно походили друг на друга и одевались абсолютно одинаково, они часто и говорили одновременно, то есть синхронно.

Спросили они:

— Чего нам с тобой делать-то?

— Отпустить, — мрачно посоветовал Пантя. — Мне в поход идти надо и вот продать надо за три рубли... рубля...

— А чьи вещи-то?

— Да мои! Мачеха мене... меня из дому выгнала, а узел дала. А мне три рубля надо.

Бабушки-двойняшки отпустили его, развязали узел, осмотрели содержимое и заявили, что ничего ценного здесь нет, а вот ботинки за три рубля они возьмут.

Со всех ног, радостный до того, что еле сдерживался, чтобы не загоготать, Пантя помчался по улицам, размахивая узлом.

Отдав Герке деньги, он прибежал во дворик тети Ариадны Аркадьевны и с недоумением обнаружил, что все здесь очень мрачны.

На вопрос Голгофы, где он пропадал, Пантя ответил довольно коротко и не менее внятно и сам в свою очередь спросил, а почему Герка в огороде ходит на четвереньках и мяукает.

— Я вам говорила! — торжествующе воскликнула тетя Ариадна Аркадьевна. — С мальчиком творится что-то неладное!

— Да, если так будет продолжаться и дальше, — насмешливо сказала эта милая Людмила, — то Кошмар будет ходить на задних лапах и разговаривать по-человечески.

— Я не понимаю твоей шутки, — обиженно произнесла Голгофа, — надо что-то делать, а мы...

— В поход надо отправляться немедленно! — решительно оборвал дед Игнатий Савельевич. — Вот что надо делать! Накормить Пантю... Пантелея то есть, и в путь! А я пойду с внуком попрощаюсь.

Увидев деда, Герка, сидевший в огороде на травке, радостно вскочил, уверенный, что тот пришел просить прощения, но услышал суровый, чужой голос:

— Еды тебе хватит. Деньги лежат знаешь где. Мы выступаем в многодневный поход немедленно. Захочешь с нами, одежда твоя походная и обувь в коридоре. Даже кот сознательнее тебя оказался! — Голос деда Игнатия Савельевича дрогнул. — Быть тебе в областном краеведческом музее экспонатом наравне со скелетом мамонта, раз нормального человека из тебя не получается! Будь здоров!

И он ушел, яростно напевая: «Главное, ребята, тра-та-та-та!»

И Герка понял, что потерпел наиполнейшее поражение, то есть разгром.

Восемнадцатая глава

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

Пожалуй, лучше всех из участников многодневного похода чувствовал себя Кошмар. Он развалился на мягком дне огромной корзины, сверху обтянутой марлей. А нес корзину Пантя. Кот, сытый-пресытый, довольный-предовольный, подремывал. Его приятно покачивало, и лишь

когда Пантя менял руку, Кошмар просыпался, успевал сообразить, до чего же прекрасна жизнь, и снова задремывал.

Отличнейшее его настроение объяснялось не только тем, что он был обильно накормлен, ублаговтворен и обласкан сверх всякой меры, но и тем, что рядом находился Пантя — такой же хулиган, такое же гонимое существо, как сам он, Кошмар. А если ко всему добавить присутствующие здесь благодетельницы, то у него имелась полная возможность и блаженствовать, ничего не опасаясь, и возможность покапризничать, похулиганить, побезобразничать, но не очень, конечно.

Не подозревал Кошмар, с каким отвращением нес его Пантя, вернее, уже почти Пантелей. Во-первых, кот с корзиной — не такой уж легонький груз, во-вторых, кому он в многодневном походе нужен, безобразник, какой от него, хулигана хвостатого, толк?

Ну, а все остальное было — лучше некуда! Пантя ни о чем не думал, ничего не загадывал, ничего не переживал — просто наслаждался. Временами он даже забывал, кого несет в корзине, а тяжеленный рюкзак лишь придавал гордости: вот он, Пантя, нужный участник многодневного похода!

Однако у остальных участников похода настроение было неопределенным, радость в нем перемешалась с невеселыми думами о Герке. Все жалели его и в то же время бранили его.

Шли молча.

Первой не выдержала тетя Арнадна Аркадьевна, остановилась и возмущенно заявила:

— Мы бессердечные люди! Мы самые обыкновенные эгоисты! Моя совесть лишает меня удовольствия от похода! Я не могу без большого стыда думать о том, как мы бросили бедного мальчика одного!

— Присядем, товарищи, — предложил дед Игнатий Савельевич. — Вот тут в тени и отдохнем.

— Я имела в виду не отдых, уважаемый сосед!

— А я, уважаемая соседushка, имею в виду именно отдых. Но можно и потолковать. Хотя проку от наших толкований не будет. Я лично иду и дойду туда, куда мы решили идти!

— Нам предстоит, товарищи, — строго произнесла эта милая Людмила, — выбрать командира похода, передать всю власть в его руки и слушаться его беспрекословно.

Иначе у нас будет много времени уходить на споры и непужные обсуждения.

Все с удовольствием расположились в тени на опушке леса. Тетя Ариадна Аркадьевна осталась на дороге и оттуда крикнула жалобно:

— Ведь что получается! Нет, вы только подумайте, что же такое получается! Ведь получается, что к коту мы отнеслись более человечески, чем к мальчику!

— А! — громко и требовательно позвал дед Игнатий Савельевич. — Риадна Аркадьевна! Покиньте солнцепек и пройдите в тень!

Когда уважаемая соседushка выполнила его предложение и опустилась на траву, конечно, рядом с корзиной, в которой блаженствовал ее любимец-проходимец, эта милая Людмила заговорила:

— Командиром может быть выбран любой участник похода, который пользуется авторитетом, тверд и принципиален, которого все согласны слушаться беспрекословно.

— Фактически организатор и командир похода у нас уже имеется, — сказал дед Игнатий Савельевич. — Кто за то, чтобы им официально утвердить Людмилушку, прошу голосовать. — И он первым выбросил вверх прямую правую руку.

Вслед за ним проголосовала Голгофа. Ну, а раз она подняла руку, Пантя проделал то же самое.

— Кто против?

Тетя Ариадна Аркадьевна даже не пошевелилась.

— Кто воздержался?

Не пошевелилась даже тетя Ариадна Аркадьевна, но сказала осуждающим тоном:

— И все-таки печально. И весьма жестоко.

Дед Игнатий Савельевич бодро поднялся с места, встал по стойке «смирно» и торжественно объявил:

— Большинством голосов командиром похода выбрана Людмилушка. Какие будут приказания?

— Приказаний не будет, — глухо отозвалась эта милая Людмила. — Тетечка поставила перед нами очень серьезный вопрос. И мы должны решить его. Что вы конкретно предлагаете, тетечка? Вернуться?

— Ничего подобного я не предлагала! — нервно ответила тетя Ариадна Аркадьевна. — Просто я беспокоюсь о судьбе брошенного нами мальчика! И считаю, что мы с вами плохие воспитатели, если не сумели на него воздействовать!

— Как — не сумели?! — поразился дед Игнатий Савельевич. — Откуда вам известно, уважаемая соседка, что мы не сумели воздействовать на моего избалованного внука? Еще ничего неизвестно. И не бросили мы его, а он сам отказался идти с нами. Не могли же мы его, как кота, нести в корзине!

— Извините... — пробормотала Голгофа смущенно, — но мне кажется... я убеждена... я уверена, что Герман будет с нами... Я не представляю, что он именно сделает... как поступит... но он придет. — У нее вырвался очень тяжелый вздох. — А если он не придет, значит, не было никакого смысла его уговаривать.

— Значит, он избалован окончательно, до безобразия, — спокойно заключила эта милая Людмила. — Значит, обычные воспитательные и перевоспитательные меры на него не действуют. А если бы мы уступили ему...

— Внук мой! — решительно перебил дед Игнатий Савельевич. — Я за него главный ответчик и главный виновник его безграничной избалованности. Принимай, Людмила, командование.

— Вперед!

Двинулись в путь. Девочки то и дело ныряли в малинник, тянувшийся вдоль дороги, торопливо лакомились ягодами. Уважаемые соседи мирно обсуждали план жизни на берегу Дикого озера. Пантя покорно нес корзину, но уже на плече — до того ему оттянуло руки.

Равномерное укачивание так убаюкало сытого кота, что он от удовольствия не помурлыкивал, а почти похрюкивал, чем особенно раздражал своего носителя.

В конце концов Пантя остановился, опустил корзину на дорогу, искренне признался:

— Устал. Зря мы его взяли. Сбежать может.

— Передумывать поздно! — из малинника крикнула эта милая Людмила. — Будем нести по очереди!

— Донести-то я донесу, — пробормотал Пантя, — только все одно сбежит он.

— Куда? Зачем? — поразилась и обиделась тетя Ариадна Аркадьевна. — Он же домашнее животное.

— Все одно сбежит, — упрямо повторил Пантя. — Я его знаю.

— Я знаю его не хуже тебя и убеждена, что Кошмарик будет вести себя вполне достойно. И больше не расстраивай меня, пожалуйста. Я верю в Кошмарчика.

— Главное, ребята, что уха нас ждет! — от всей души

пропел дед Игнатий Савельевич. — Вперед, вперед, только вперед! — И, подхватив корзину, он почти побежал по дороге.

И всем сразу — кому побольше, кому поменьше, но чуть стало веселее.

Леса здесь были распрекрасные. С одной стороны дороги — густой, местами почти непроходимый ельник, сумрачный, сырой, справа — сосновый бор, просторный, светлый, жаркий.

Бор сменился молодым березняком, а ельник — огромной поляной с множеством елочек и кустиков.

— Пантелей! — позвала эта милая Людмила. — Возьми у дедушки корзину! Прибавить шагу! А то получается не поход, а прогулочка!

И пока наши путешественники ненадолго забыли о Герке, мы с вами, уважаемые читатели, как раз и вспомним о нем, посмотрим, чем он занимается и что собирается делать.

Тут нас опять удивит некоторая, предположим, неожиданность: Герка ничем не занимался и ничего не собирался делать. Он до сих пор не верил в случившееся. Точнее, сначала он убедился, что его оставляют одного, а вот когда действительно остался один, то опять не поверил, что все они покинули его одного. Герка до того не поверил в этот невероятный факт, что даже вполне успокоился, сидел в огороде на траве и без малейшего волнения ждал, когда они вернутся. Мысленно он даже разрешил им вернуться не так уж сразу.

Небезынтересно и такое обстоятельство: Герка привык, что его почти все время воспитывают или перевоспитывают, привык не обращать на это почти никакого внимания. Вот и сейчас ему представилось, что они в многодневный поход ушли не просто для собственного удовольствия, а для его, Герки, воспитания или перевоспитания. Ему не привыкать, можно и подождать.

Однако он начал уже скучать, но вдруг слух уловил звуки автомобильных моторов, а затем Герка услышал негромкие, но явно требовательные, с достоинством, гудки и — бегом через двор на улицу.

Возле дома остановилось две автомашины — серенькая «Волга» и синенький «Запорожец».

Из «Волги» вылез длинный, тощий дяденька в большой плоской кепке, которого Герка сразу мысленно назвал Гвоздем, а из «Запорожца» — как он только там

уместился! — толстенный дяденька в красном берете с хвостиком на макушке, которого Герка сразу прозвал Арбузом. Затем из «Волги» выпрыгнула маленькая тетенька, ростом чуть побольше девочки-второклашки, ее Герка окрестил Микробой.

— Мальчик, здравствуй. Подойди сюда, — позвал Гвоздь, и когда Герка приблизился, сунул ему в руку плиточку шоколада. — Мы ищем девочку по имени Людмила и мальчика... Фантя... Кантя... Мантя... Какое-то странное имя!.. Дантя?

— Пантя! Пантя! Пантя! — возбужденно ответил Герка, предчувствуя, что назревают приятные для него события. — Есть! Есть тут у нас такой злостный хулиган!

— А Людмилу ты знаешь? — спросил Арбуз и сунул ему в руку плитку шоколада. — Где она? Где он?

— Где их можно найти? Где? — торопливо спросила Микроба и сунула в руку Герке плиточку шоколада.

— Где, где Людмила? — настойчиво спрашивал Гвоздь. — Где этот Квантя, Фантя, Дантя, Мантя?

— Пан-тя, — с большим достоинством ответил Герка, великолепно сознавая, что сейчас представляет из себя здесь главную персону. — Знаю, знаю, все про них знаю.

— Где? — в один голос закричали и радостно, и с тревогой Гвоздь, Арбуз и Микроба.

Мне придется напомнить вам, уважаемые читатели, что одной из отличительнейших черт избалованных людей является их нежелание, неумение, а может быть, даже и неспособность серьезно думать. Они, избалованные, настолько привыкли поступать по-своему, ни с кем и ни с чем не считаясь, что совершают поступки без раздумий, нисколько не беспокоясь, к чему эти поступки могут привести. Вот почему избалованные люди иногда опаснее особо опасных преступников!

Так вел себя и Герка. Не поинтересовавшись, кто такие Гвоздь, Арбуз и Микроба, зачем им нужны эта милая Людмила и Пантя, он охотно и беззаботно сообщил:

— Все они в многодневный поход недавно ушли на Дикое озеро. С ними еще дед мой. Роста небольшого, но борода почти до пояса. И еще девчонка — длинная, тощая, волосы голубые.

— Где озеро? — хором спросили Гвоздь, Арбуз и Микроба, и едва Герка показал дорогу, как они, крикнув «Сейчас мы их привезем!», быстренько расселись по машинам и укатили.

Укатали машины, Герка остался один с тремя плитками шоколада в руках. Стоял он, ничего не понимая, лишь как бы мимоходом думая о том, а зачем он незнакомым людям сообщил, куда они ушли? Зачем Гвоздю, Арбузу и Микробе понадобились эта милая Людмила и Пантя? Зачем он еще рассказал им о деде и Голгофе?

«Ничего, ничего, ничего, — начал он машинально утешать себя, когда почувствовал на душе смутное и неприятное подозрение. — Сейчас их привезут сюда! А я их шоколадом угощу! Красота...»

Но, увы, на душе становилось все тревожнее и неприятнее, потом к тревоге прибавился стыд, словно Герка сотворил что-то нехорошее... Он вдруг вспомнил, что приезжие незнакомцы вели себя суетливо, вопросы задавали торопливо, с опаской... Кто же они такие? И за что ему дали шоколад? И почему он взял плитки? Ведь шоколадки ему подарили за что-то... За что?

Он увидел большие черные печальные глаза этой милой Людмилы, тревога в его душе возросла, а стыд очень обострился.

Герка, как потерянный, слонялся по двору, по огороду, будто искал чего-то, машинально съел шоколадку, расстроился немного, тогда съел и вторую, словно для того, чтобы не думать, за что же он их получил...

Тут он впервые пожалел, что не пошел в поход. Уж перемучился бы как-нибудь... Главное, устал ходить-то, а присесть даже ненадолго не мог: только присядет — и сразу вскочит от неясного нервного нетерпения, тревоги и стыда... Измучился весь... Теперь, конечно, эта милая Людмила с ним и разговаривать не будет. Вот чего он больше всего боится, оказывается. И если они сегодня не вернутся, остается один только выход: заболеть. Да, да, купить на три рубля мороженого и быстро-быстро-быстро сглотать его! Ангина обеспечена. Вернутся они из своего похода, а он... в боль-ни-це! Тут-то они и попрыгают! Ха-ха-ха! Вместе с котом попрыгают, раз кот им дороже хорошего человека!

Попробовал Герка очень насмешливо похохотать — не получилось. Решил он очень радостно попрыгать — ноги будто к земле приросли.

«Не везет! Не везет мне! И их не везут! — чуть не крикнул Герка. — Просто-напросто зверски не везет мне! Сидел, страдал от их несправедливого отношения, и вдруг откуда ни возьмись Гвоздь, Арбуз и Микроба! Наброси-

лись на меня, как шпионы! Где Людмила и Пантя? Где? Где? Куда? Куда? И шоколадки прямо в руки сунули! А я и уши развесил, разболтался... обещали, правда, их привезти... Только не верится что-то...»

Вдруг Герка застыл на месте: «А если мне рвануть к ним?! А? Сил вот только совсем нету, но ведь можно и поднатужиться! Недалеко ведь они еще ушли!.. Можно-то можно, конечно... А если Гвоздь, Арбуз и Микроба их уже сюда везут?.. Их-то везут, а мне-то не везет... И даже если я пойду их догонять, мне не повезет...»

Значит, остался единственный выход из положения: на три рубля сглотать мороженого, ангина, больница, красота... Будете знать, как опасно издеваться над хорошим человеком!

Более или менее решительным шагом Герка вышел на улицу в тот самый момент, когда к дому подкатили серенькая «Волга» и синенький «Запорожец».

Из кабины выскочил Гвоздь, быстро открыл багажник, поставил на землю корзину, большущий рюкзак, сердито сказал:

— Мы по ошибке увезли их вещи! Забери!

Гвоздь с громом захлопнул багажник, быстро залез в кабину, и машины умчались.

Из корзины раздался негромкий хриплый сип, или, трудно было разобрать, сиплый хрип Кошмара. Ведь бедный кот, как потом догадался Герка, едва не задохнулся в багажнике!

Пока мальчишка, простите, паялил глаза на оставленные Гвоздем вещи, кот отдышался, пришел в себя, стал рваться наружу, опрокинул корзину и оттуда мяргал во всю глотку. Герка отвязал марлю, и кот стрелой метнулся к домику своей благодетельницы.

Очень и очень огорченно повздыхав, Герка взял корзину, тяжеленный рюкзак, еле-еле-еле донес их до крыльца, присел и призадумался. Он знал, что в этот рюкзак дед сложил все продукты, даже соль...

С наижалобнейшими мяуканьями — мяук, мяук, мяук — вернулся Кошмар, сел рядом, четыре раза требовательно мяргнул и в изнеможении растянулся на крыльце, громко и обиженно пыхтя.

— Вот умел бы ты разговаривать, — с горечью сказал Герка, — все бы мне объяснил. Чего они сейчас собираются делать без продуктов-то? Или вернутся, или Пантю пришлют?

Но, увы, человек может при желании мякнуть, а кот даже при огромнейшем желании слова сказать не способен!

У Герки голова разболелась от безрезультатных размышлений... Зачем Гвоздь привез кота и рюкзак?! Сказал, что по ошибке... А куда они смотрели? Чего они даже без соли делать будут?

Сами понимаете, уважаемые читатели, что поход срывался предельно неожиданным образом. Что же там произошло?

Во время очередного привала дед Игнатий Савельевич восторженно и многословно рассказывал, какую вку-у-усную уху он приготовит из рыбы, которую в большом количестве они наловят с уважаемой соседусшкой.

Все немного приустали, и хотя до озера было еще очень далеко, но зато как приятно было представить эту самую вку-у-уснятину!

И тут вдруг, резко свернув с дороги, прямо к ним устремились две автомашины — серенькая «Волга» и синенький «Запорожец».

Для удобства, уважаемые читатели, я буду называть приезжих так, как мысленно называл их Герка.

Первым из кабины вылез Гвоздь, подошел к нашей компании, очень вежливо, с поклоном, приветствовал ее, внимательно оглядел каждого и, когда подошли Арбуз и Микроба, радостно сказал:

— Они!

— Конечно, конечно, они! — еще радостнее подтвердили Арбуз и Микроба, еще вежливее, с поклонами, поздоровались и очень удовлетворенно рассмеялись, потирая руки.

— В чем дело? — настороженно, с некоторой опаской спросила эта милая Людмила. — Кто вы такие?

— Бедные, несчастные, полуубитые горем родители, дорогая Людмила! — чуть ли не рыдая, ответила Микроба и тут же громко зарыдала, и из глаз ее выскочили фонтанчики слез.

— Только ты, Людмила, можешь спасти нас! — грозно сказал Арбуз. — И ты, Фантя... Мантя... Дантя... Как там тебя?

Эта милая Людмила поднялась, заложила руки за спину, гордо вскинула голову и ответила:

— Его зовут Пантелей. Так в чем же дело? Откуда вы нас знаете и что вам от нас надо?

— Сущие пустяки! — весело сказал Гвоздь и проворно всунул всем в руки шоколадки. — Даже не пустяки, а пустячки! Вы можете спасти наших детей от несправедливости!

— Вы обязаны спасти наших детей! — угрожающе произнес Арбуз. — Бедным мальчикам грозит серьезное, но незаслуженное наказание!

— Поехали! Поехали! Поехали! — крикнул Гвоздь, открыл багажник, быстренько уложил туда большущий рюкзак, поставил корзину. — Мы отблагодарим вас всех! — Он захлопнул багажник. — Остальные вещи с собой в кабины! Поехали! Мы вам всем сделаем ценные подарки!

— Мы купим вам всего, чего вы только пожелаете! — умильным голосом пообещала Микроба. — Только спасите наших детей!

— Каких в конце-то концов детей? — возмутился дед Игнатий Савельевич.

— А я знаю! А я догадалась! — Голгофа рассмеялась и даже захлопала в ладоши. — Это родители дылд! Ну, тех самых хулиганов, которые нас ограбили, а Пантелея бросили в яму!

— Нет, нет, никакие они не хулиганы! — снова выпустив из глаз фонтанчики слез, навзрыд запротестовала Микроба. — Просто они ужасные шутики! И очень шаловливые!

— Тем более, что моего Эдика кто-то из вас искусал! — зло воскликнул Арбуз. — Мы вас прощаем, и вы обязаны простить наших детей!

— Быстро едем в милицию, — вкрадчивым голосом проговорил Гвоздь, — вы отказываетесь от своих показаний, заявляете, что не имеете к нашим мальчикам никаких претензий.

— А мы вам сделаем до-ро-ги-е подарки, — мрачно добавил Арбуз. — Вот Пантелею я отдам хороший спортивный костюм.

— Господи, зачем мы тратим столько времени зря?! — воскликнула Микроба, сморщила лицо, чтобы, видимо, снова выдавить фонтанчики слез, но запас их, наверно, иссяк, и по ее щекам неохотно скатилось всего по две слезинки из каждого глаза. — Мальчики просто неудачно пошутили, а вы их не поняли! Глупые мальчики! Но неужели вы серьезно думаете, что им была нужна ваша сумка?

— Давайте сюда шоколадки, — строжайшим тоном приказала эта милая Людмила, собрала их и застави-

ла Гвоздя взять шоколадки обратно. — Ваши мальчики — отвратительные люди. Они у вас уже преступники. Они у вас уже воры. Они, ваши мальчики, не шалили, не шутили, а совершали безобразия. Презренные дылды, они втроем напали на девочку и мальчика значительно младше себя. Девочку толкнули на дорогу, сбив с ног, а мальчика бросили в яму с водой. Вам надо стыдиться за них, а не защищать их!

Арбуз побагровел и закричал:

— Мы не желаем выслушивать какую-то вздорную девочку! Мы будем разговаривать только со взрослыми людьми!

— Мы, взрослые, не желаем разговаривать с вами, — спокойно сказала тетя Ариадна Аркадьевна, — потому что презираем, глубоко презираем вас.

— Презирайте! Презирайте! Презирайте! — радостно призвала Микроба. — Сколько угодно презирайте! Глубоко! Широко! Высоко! Вполне возможно, что мы достойны презрения! Вполне вероятно, что мы ужасные родители!

— Мы несколько избаловали своих детей, — охотно поддержал ее Гвоздь. — Но речь не о нас. Пожалейте наших детей! Они-то не обязаны отвечать за неправильное воспитание. Они-то ни в чем не виноваты!

— Мы очень жалеем их, — печально сказала Голгофа. — До вашего приезда я их ненавидела. Сейчас я их пожалела.

— Спасибо тебе, дорогая деточка! — Микроба упала перед ней на колени. — У тебя чуткое сердце! Ты поняла нас, бедных, нас, несчастных родителей!

— Как раз вас-то понять и невозможно, — брезгливо возразила Голгофа. — А дылд ваших стало жалко. Вы не дадите им возможности вырасти настоящими людьми. И встаньте, пожалуйста.

— Что здесь происходит?! — побагровев, возмутился Арбуз. — Почему мы обязаны выслушивать детскую болтовню?!

— Во-первых, не болтовню! — гневно возвысил голос дед Игнатий Савельевич. — Во-вторых, нам пора в дорогу! Будьте настолько любезны, оставьте нас в покое! Ваших, извините, балдов... то есть дылдов... дылдей... надо наказать ваших деточек по всем строгостям за-ко-на!

— Ваши мальчики намекали нам, — сказала эта милая Людмила, — что не боятся наказания за свои преступления. Ваши дылды всегда были убеждены, что вы из-

бавите их от наказания, какую бы гадость они ни сотворили. На сей раз они будут наказаны, не беспокойтесь! Мой возраст не позволяет мне сказать вам все, что я о вас думаю!

Гвоздь, Арбуз и Микроба, переглянувшись друг с другом, разом тяжело вздохнули, лица их исказились неприкрытой злобой.

— Ненормальные! — крикнул Гвоздь и бросился к сеньке «Волге».

— Вы еще пожалеете о своей глупости! — прогремел Арбуз и влез с Микробой в синенький «Запорожец».

Машины быстро скрылись за поворотом.

— Шоколадки надо было съесть, — со вздохом сказал Пантя, — их у них много, а я есть захотел.

— Кошмар... — в ужасе прошептала тетя Ариадна Аркадьевна, закрыв лицо руками. — Ведь они увезли Кошмара... Какой кошмар!

— Они еще... они еще рюкзак увезли... — почти в ужасе прошептал дед Игнатий Савельевич. — Продукты увезли... все... даже соль... Командир, как могло так... стрястись?

— Кошмар... Кошмар... Кошмар... — бормотала тетя Ариадна Аркадьевна. — Что с ним будет? Куда они его увезут? Ну как... ну... как вы могли... проглядеть?

— Просто умопомрачение какое-то! — недоуменно произнесла Голгофа. — Я все время думала о корзине и рюкзаке. Все собиралась... собиралась... и вдруг забыла! Они, дядины родители, так расстроили меня, что... А что делать будем?

— Конечно, виновата я, — хмуро призналась эта милая Людмила. — И нет мне оправдания. Сейчас будем соображать...

— Соображать... Чего — соображать? — совершенно растерянно пролепетала тетя Ариадна Аркадьевна. — О чем соображать?... Кошмар... бедный Кошмарчик... Я всегда предчувствовала, что он кончит трагически...

— А почему они обратились к нам? — Голгофа сама поразилась своему вопросу. — Откуда они знают нас? И как узнали, куда именно мы ушли? Кто им сообщил о нас?

— Герка, конечно! — Пантя хмыкнул. — Они из милиции к нему, а он все им и разбрыкал.

— А почему они обратились к нему? — возмутился дед Игнатий Савельевич.

— Все понятно, все понятно, — удовлетворенно сказала эта милая Людмила. — Дылды рассказали родителям, с кем они шутили. Родители стали искать нас, а нашли только Германа. Он, ничего не подозревая...

— Тогда! Тогда... — радостно перебила Голгофа. — Тогда они вернут Кошмара и рюкзак Герману! Вполне логично!

— А вдруг... — Тетя Ариадна Аркадьевна, словно задыхаясь, схватилась руками за горло. — Вдруг они поставят машину в гараж... он... задохнется...

— Уважаемая соседка! — почти крикнул дед Игнатий Савельевич. — Хватит про кота! Решается судьба многодневного похода, а вы все про кота, про кота, про кота, про кота! Мы остались не только без кота, но и без продуктов! Даже без соли! Командир, давай голосовать, чего делать?

Ни на кого не глядя, эта милая Людмила твердо произнесла:

— Никаких голосований. Мы для того и выбрали командира, чтобы избежать излишних разговоров. А в поход мы пошли, чтобы выдержать все трудности. Все. И мы обязаны не отступать при любых обстоятельствах. Вперед!

Однако никто не двинулся с места.

— Извините меня, — смущенно попросила Голгофа, — я согласна с командиром. Надо идти вперед во что бы то ни стало. Лишь тогда в нашем походе будет смысл. Ведь мы вышли побеждать, а не сдаваться!

— Тетечка... — извиняющимся голосом позвала эта милая Людмила.

— Я тебе сейчас не тетечка, — услышала она в ответ, — я участник многодневного похода, хотя он и складывается в высшей степени неудачно. Буду надеяться, что с Кошмарчиком все обойдется благополучно, и буду идти вперед.

Голгофа воскликнула:

— Чем больше трудностей, тем сильнее мы станем!

— Главное, ребята, сердцем не стареть! — довольно бодро пропел дед Игнатий Савельевич. — Поход не прогулочка, а серьезное испытание.

— Шоколадки надо было съесть, — мечтательно проговорил Пантя, который нисколько не сожалел о разлуке с Кошмаром.

Наши путешественники двинулись вперед, но, честно

говоря, уважаемые читатели, не так уж и радостно. Чтобы отвлечь спутников от невеселых мыслей, Голгофа по возможности весело заговорила:

— Значит, дылдам здорово попадет! Иначе бы их родители не пытались задобрить нас дорогими подарками. Ужасные люди! — И вдруг она завизжала так пронзительно, что все вздрогнули. — Гриб! Смотрите, смотрите, настоящий гриб! Чудо какое! Мой первый гриб! Даже срывать жалко! Красавец какой!

— Не останавливаться! — приказала эта милая Людмила. — Шире шаг! Надо торопиться! У нас же масса дел. Надо приготовить ночлег, рыбы наловить, грибов и ягод набрать.

— Наловить-то, насобирать-то можно, — пробурчал дед Игнатий Савельевич, — да как без соли-то есть?

— Соль я достану, — уверенно заверил Пантя, — там рыбаков всегда много... Да вон скоро и озеро!

Резвее зашагали наши путешественники. А когда Голгофа вспомнила, что у нее в сумке есть немного соли, то они чуть ли не бегом припустили, благо что дорога пошла под уклон.

Только тетя Ариадна Аркадьевна оставалась недовольной, ворчала:

— И тем не менее мы эгоисты. Бросили на произвол судьбы двух живых существ. Рассуждаем о воспитании, других осуждаем, сами же поступаем буквально бесчеловечно.

Дед Игнатий Савельевич отвечал довольно мирно:

— Может быть, уважаемая соседushка, мы к вашему коту отнеслись, хе-хе, бесчеловечно. К внуку же моему мы отнеслись абсолютно правильно. Избалованность детей — зло нашего века. Пора, пора всерьез заняться им!.. Озеро!

Миновав поворот, наши путешественники неожиданно оказались на берегу озера.

Если бы вы только могли себе представить, уважаемые читатели, какая их здесь ждала красота! Подобно зеркалу, озеро отражало в себе прибрежные деревья и облака — получалось как бы два неба... Тишина стояла необыкновенная...

Покой...

— Очаровательный пейзаж, — виновато прошептала тетя Ариадна Аркадьевна, — столько лет прожила рядом и ни разу здесь не бывала...

— Эх, Герка, Герка... — вздохнул дед Игнатий Савельевич, — дурачок ты, дурачок. Ведь за уши тебя к такой красоте не вытащишь.

— Слушать мою команду! — весело сказала эта милая Людмила. — Выбираем место для ночлега. Распределяем обязанности.

Всем нашлось дело, и дело у каждого важное, ответственное, и неудивительно, что пока им было не до Герки и Кошмара.

А Герка сидел с Кошмаром на крыльце, сидел, сидел... Думал Герка, думал, соображал Герка, соображал, прикидывал Герка, прикидывал... И все он стерпел бы, если бы не вспоминались ему большие черные глаза этой милой Людмилы, смотревшие на него с печалью и укором...

Страшнейшая, просто очень ужасающая мысль пришла Герке в голову: надо ему идти к Дикому озеру и нести туда тяжеленный рюкзак с продуктами. Надо... надо... надо... Вот и посмотрим, кто тут настоящий-то герой...

Он вошел в дом, Кошмар, конечно, за ним. Герка достал из холодильника колбасу, наломал хлеба, и они с котом довольно плотно и сытно поели. Герка еще много воды с сахаром выпил, и захотелось ему не в дорогу отправляться, а на диване вдоволь поваляться. Кошмар уже разлегся на полу, подремывая себе с прихрапыванием. Хорошо ему...

Прямо скажу вам, уважаемые читатели: о возможности совершения героического поступка Герка задумался лишь потому, что понятия не имел о расстоянии до Дикого озера и ни разу в жизни не шагал с тяжеленным рюкзаком за плечами. Да, да, уважаемые читатели, Герка и не подозревал, на какое серьезное испытание он решился. Но это обстоятельство не имеет никакого принципиального значения. Даже если Герка и не дойдет до цели, замечательно само по себе уже то, что он попытается это сделать. Для такого баловня любая попытка одержать победу над собой достойна всяческой похвалы. Недаром народная мудрость утверждает: лиха беда — начало.

И Герка самоотверженно, почти мужественно, хотя и еле-еле-еле переставляя ноги по дороге, изредка покачиваясь из стороны в сторону, прилагая немало усилий, чтобы удержаться на ногах, которые оказались такими слабыми, шел... На самом же деле он еще просто не припрорвался к тяжести рюкзака за спиной...

велиться. Он в наиполнейшем изнеможении закрыл глаза и увидел большие черные глаза этой милой Людмилы, смотревшей на него радостно и ободряюще... Ничего, ничего, может, еще и вернутся силенки... Вряд ли, конечно, но вдруг... сил, конечно, не будет, но хоть бы немножечко силенок... Дело-то ведь тут и не в силе, а в том, чтобы было куда и к кому идти...

Кошмар ловил бабочку.

— Скажи спасибо, что двигаться не могу, — еле слышно, но яростно прошептал Герка, — я бы тебе... я бы тебя... тунейдец, бездельник, лодырь, дурак...

В горле у него так пересохло, что больше ни слова не вышло из него наружу... Полить бы...

Эх, не подозревал Герка, сколько еще гадостей и радостей преподнесет ему кот за дорогу к озеру!

Вдруг мальчишка услышал, что Кошмар, громко прищелкивая языком, лакает воду... С трудом освободившись от рюкзака, преодолевая тупую боль в плечах, Герка на четвереньках двинулся в сторону заманчивых звуков и оказался около узкой продолговатой лужицы, дно которой было травяное, а вода прозрачная, и начал лежа пить. Лужица была в тени, и Герка глотал вкусную прохладную воду до тех пор, пока на язык не стали попадать песчинки... Потом он умылся, смочил голову, опрокинулся на спину и прошептал благодарно:

— Спасибо, Кошмарик...

Теперь ему стало все равно. С каким-то почти веселым равнодушием Герка подумал, что и от поселка он далеко утонул, а сколько еще топать до озера, неизвестно... Заснул Герка, крепко и сладко заснул...

На берегу же озера, где расположились они, кипел, можно сказать, трудовой энтузиазм. Девочки собирали много грибов и ягод, вдоволь накупались, позагорали. Дед Игнатий Савельевич обнаружил два шалаша и теперь с девочками приводил их в порядок. Пантя убежал искать смородину для заварки чая. Тетя Ариадна Аркадьевна проверяла рыболовные снасти.

Увы, соли в спичечном коробке у Голгофы оказалось на одно только варево, но немудреный обед из грибов был обеспечен, а дальше, как правильно и оптимистично рассуждали все, будет видно. Пантя заверил, что к вечеру здесь обязательно появятся рыбаки, народ они добрый, и уж соли-то не пожалеют. Так что наши путешественники трудились радостно и споро.

— Эх, Герка, Герка! — вдруг горестно вырвалось у дедушки Игнатия Савельевича, сколько, видно, он ни пытался сдержаться. — Ведь как бы тебе здесь расчудесно было... — Он с большим трудом подавил очень тяжелый вздох. — Чего он там без меня делает? А?

— Мы поступили абсолютно правильно, — авторитетно и весело заверила эта милая Людмила, принеся к шалашу охапку травы. — Другого выхода не было.

— Но какой же это абсолютно правильный выход, если... — Тетя Ариадна Аркадьевна поморщилась. — Мы здесь почти наслаждаемся, а мальчик... Я уже молчу о несчастном Кошмарчике! Он-то вообще ни в чем не виновен!

— А я почему-то уверена, что все закончится благополучно, — задумчиво сказала Голгофа. — Кота и рюкзак дядины родители все равно привезут обратно Герману. А Герман... придет. Вот увидите. И я даже знаю, почему он обязательно придет сюда. Но промолчу, почему.

Над костром булькало варево в котелке, вкусно пахло грибами.

— Ого-го! — раздался голос Панти, и все увидели, что он подплывает к берегу на небольшом плотике, стоя на коленях и орудуя узкой длинной доской. — Пароход я вам достал! С него нырять можно!

Он отдал деду Игнатию Савельевичу смородиновые листья. Девочки решили перед обедом еще раз искупаться и на плотике поплыли к середине озера.

— Хоть за девочек порадуемся, — совсем нерадостно проговорила тетя Ариадна Аркадьевна. — Рыбы здесь, видимо, много, но я впервые порыбачу без особого удовольствия.

— Пантелей! — позвал дед Игнатий Савельевич. — Запасай дров для костра на ночь! — И когда тот убежал, сказал сумрачно: — Не к лицу вам, уважаемая соседка, пессимизм. Нельзя детям его демонстрировать. Герка несет заслуженное наказание. Пусть хоть раз призадумается над своим безобразным поведением. А кот не пропадет. Он у вас закаленный, в жизни опытный.

Девочки на середине озера визжали от восторга, кричали, Пантя в лесу гоготал.

А у Герки дела обстояли несколько иначе. Заснул-то он в тени, а проснулся на самом солнцепеке, весь потный, с тяжелой, раскаленной головой и в отвратительнейшем настроении, да еще с невероятной жаждой. Руки, ноги, шея и вообще все тело онемели. Больно было даже пальцами шевелить.

Невероятнейшая жажда, высушившая гортань до того, что и слюны не было, заставила Герку опять на четвереньках добаться до лужицы и напиться. Сейчас вода была теплой, невкусной и почти не принесла облегчения.

Отдышавшись, он поднялся на ноги, постоял, словно для того, чтобы убедиться, что они еще способны выполнять свое назначение, то есть двигаться, и сделал несколько шагов... Ничего, ничего, не смертельно... Знать бы только, сколько еще мук осталось до озера!

Увидев блаженно растянувшегося на траве Кошмара, всем своим мерзким видом показывавшего, до чего же он доволен жизнью, Герка еле удержался от желания выместить на нем отвратительнейшее настроение.

Рюкзак показался еще тяжеленнее, чем был, когда Герка недавно от него освобождался.

Первые шаги получились вялыми, неуверенными, какими-то ненужными, и не столько от бессилия, сколько от того, что Герка не решил пока, куда все-таки идти, чтобы не погибнуть, — вперед или обратно. Чего они, интересно, там сейчас делают? Купаются, конечно. Воды пьют сколько только пожелают, да вокруг Панти ахи-охи... Перевоспитывают!.. Перевоспитаешь его... А дед вреднящий... он еще пожалеет, что единственного внука бросил, на чужого хулигана променял...

А между тем Герка шел! И — вперед!

Как ни странно, раздражение прибавило ему сил, и чем злее ругал он их, тем вроде бы легче шагало. Жалко, что запас злости и раздражения быстро иссяк, зато на смену постепенно пришла торжествующая радость: посмотрим на их физиономии, когда он придет к ним и так небрежно скажет:

— Что-то устал я немножко.

А этой милой Людмиле он скажет:

— Ну, будете меня еще ана... лиризовать, комментировать?.. Пойду-ка я лучше поплаваю.

Но и торжествующей радости хватило ненадолго, а вот тяжеленнейшая ноша за плечами стала вроде бы чуть-чуть привычной. Герка словно впервые сообразил, что ведь он несет им пищу! Вот почему он до сих пор идет! Спасать их от голода!

И сердце его наполнилось и тут же переполнилось гордостью. Герка если не зашагал чуть-чуть быстрее, то ис-

пытал такое желание. Гордости, однако, тоже хватило ненадолго, как до этого злости, раздражения и торжествующей радости. Рюкзак снова потяжелел, но теперь груз ощущался как нечто необходимое.

К тому же Герка неожиданно, сразу, вдруг здорово захотел есть, да не просто здорово есть захотел, а вообразил, что, если сейчас же ему не насытиться, потеря сознания ему обеспечена.

Но пока он сознания еще не потерял, сумел сообразить, что снова снимать тяжеленнейший рюкзак, развязывать его, есть один только хлеб всухомятку, снова завязывать рюкзак, опять надевать его — обойдется дороже, чем попробовать продолжать путь.

Ко всему привыкает человек, уважаемые читатели. Через некоторое время Герка был убежден, что с тяжелейшим рюкзаком за плечами, по пыльной дороге, под палящим солнцем, голодный и изнывающий от жажды, он плетется давным-давно, уже не первый день, и не особенно беспокоился о том, сколько еще дней ему плестись...

Умыкался и Кошмар. Он перестал ловить бабочек, долгое время нетерпеливо и требовательно мяргал, потом еще дольше издавал злые и утробные звуки непонятного значения, а теперь вот беззвучно тащился сзади.

У Герки ноги в коленках ныли, а плечи совсем онемели, шея болела, но зато всем своим существом он чувствовал, что совершает нечто для себя очень важное, может быть, самое важное за всю свою жизнь.

Дорога сузилась, деревья подступали почти к самым обочинам, образовав полутемный прохладный коридор. Идти по нему было приятно и страшновато, сначала более приятно, а потом все страшноватее — просвета впереди не виделось.

Страх придал сил, прохлада освежила, и Герка шагал чуть побыстрее, почти забыв об усталости, боли, голоде и жажде. Как ему хотелось оказаться на берегу озера! Он представил себе, даже чуть затаив дыхание, картину: из прохладной воды выходит эта милая Людмила, смотрит на него большими черными глазами и шепчет:

— Ах, Герман, Герман...

Кошмару, видимо, тоже не очень нравился лесной полутемный коридор, и кот теперь вяло вышагивал впереди Герки.

Воздух здесь был прохладный, а жажда все-таки мучила, как ни глубоко вдыхал сыроватый воздух мальчишка.

Занятый самим собой, он не замечал, что Кошмар все чаще и чаще ложился на землю, бессильно вытянув лапы. Однажды мальчишка чуть было даже не споткнулся о кота, машинально перешагнув через него и продолжал шагать дальше, не слыша за спиной тихого, жалобного, обиженного мяуканья.

То ли Кошмар, оголодав, действительно выбился из сил, то ли элементарно закапризничал, сразу определить было невозможно. Ясным оставалось одно: он усложнил и без того достаточно тяжелое положение Герки.

Мальчишка обнаружил исчезновение кота, отойдя от него метров сто. Сначала Герка просто подождал, нисколько не волнуясь, потом, обеспокоившись, начал звать Кошмара и ласково, и сердито, и нежно, и грозно. Наконец испугался и растерялся.

Пришлось снять рюкзак и топать обратно. Правда, добра без худа не бывает: Герка отыскал чистую, с травянистым дном, лужицу и вдоволь напился.

Что же стряслось с Кошмаром? Притворяться и убедительно притворяться он всегда умел, и Герка, конечно, знал об этом. Но тут, увидев кота, валявшегося на дороге, с широко раскрытой пастью, высунутым языком, закрытыми глазами, часто вздымавшимся животом, Герка просто-напросто струсил. Если, подходя к Кошмару, он и не собирался с ним нянчиться, то, увидев его, валявшегося на дороге, желал только одного: лишь бы кот не помер! Он бережно взял его на руки, тот хрипло и еле-еле слышно мяукнул, и Герка в полной растерянности побрел обратно, то есть вперед, дошел до рюкзака, опустил кота на землю, сам сел рядом и задумался. Конечно, ему и в голову не взбрело бросить Кошмара, хотя и ненавидел его всеми силами души и, честно говоря, даже не особенно жалел.

Самое обидное заключалось в том, что не представлялось возможности определить истинное состояние здоровья Кошмара. Ведь он вполне мог и притворяться! А тащить его на руках — толстого, горячего...

Заслышав шум автомобильного мотора, Герка быстро и уже привычными движениями надел рюкзак, поднял кота и в нетерпении ждал.

Когда радостно-красный «Москвич» приблизился к нему, Герка почти весело закричал:

— Подвезите, пожалуйста! Подвезите, пожалуйста!

За рулем сидел лысый улыбающийся дяденька, а рядом с ним бородатая собака. Когда машина проезжала мимо,

едва не задев Герку, собака высунула морду в окно и лениво, беззлобно гавкнула.

Не открывая глаз, Кошмар угрожающе, но тихо фыркнул и пошевелил хвостом.

— Жадина! — крикнул вслед радостно-красному «Москвичу» Герка. — Жадина! Жадина усатая! Собака бородастая! — Он чуть не расплакался от обиды и бессильной злости, постоял и двинулся вперед.

Каким бы ни был большущим и тяжеленным рюкзак, в нем находились продукты для людей, и он уже удобно, привычно покоился, прилипнув к потной спине, а вот кот... тяжеленнейший, горячий, быстро оттянул руки.

Лесной прохладный полутемный коридор кончился неожиданно, и Герка вновь оказался под палящими, казалось, душными лучами солнца.

Кот тяжелел и становился все горячее прямо-таки с каждым шагом, и держать его было все неудобнее и неудобнее, а нести — все глупее и бессмысленнее... Руки до того устали, что мальчишка не чувствовал рюкзака.

Шум автомашины Герка услышал, когда она была всего в нескольких метрах от него. Он встал посередине дороги. Красивая, редкого аквамаринового цвета «Волга» провизжала тормозами и едва не ткнулась в мальчишку.

Из кабины выскочил разъяренный дяденька в голубом тренировочном костюме с олимпийской эмблемой на груди, закричал:

— Ты псих, что ли, или чокнутый? Я же тебя чуть не задавил, дурака! Отвечай за тебя! А ну, марш с дороги!

— Подвезите меня хоть немножечко, пожалуйста, — со слезами пролепетал Герка. — Хоть немножечко подвезите...

— Я тебе — подвезу! — уже без крика, но зло ответил дяденька. — Делать мне больше нечего! — Он оттолкнул Герку к обочине. — Ножками, ножками поработай! — сел в кабину, и красивая, редкого аквамаринового цвета «Волга» укатила.

Герка заметил, что на переднем сиденье рядом с дяденькой улыбалась толстая, ярко раскрашенная тетенька.

Почувствовав, что ему сначала надо выплакаться, Герка сел прямо на дорогу, положив кота рядом, кое-как пришел в себя и крикнул в сторону, куда укатилась красивая редкого аквамаринового цвета «Волга»:

— Чтoб у вас все колеса полопались!

Кошмар, не вставая с земли, потянулся, очень громко и не менее сладко зевнул, бодро вскочил и, как ни в чем не

бывало, не оглядываясь, побежал вперед, торжествующе подняв хвост.

Все стало ясно: безобразник хорошо отдохнул! Хотел Герка на него разозлиться, но не получилось. Он поднялся, тоже с удовольствием потянулся, хотя при этом заныло все тело, и тоже двинулся вперед по дороге.

На душе у него было как-то легко и пусто. Легко оттого, что идти без кота на руках стало легче, а пусто... много было причин для этого.

— Ножками, ножками поработай, — самому себе сказал Герка. — Поработаю, поработаю, не беспокойтесь, жадины.

Зло, исходящее от недобрых людей, уважаемые читатели, заключается еще и в том, что своим бесчеловечным поведением они и добрых людей толкают на злые поступки.

Вот вам самый близкий пример. Никогда раньше Герка не радовался чужому горю. Раньше он даже и представить не мог, что чужое горе может его развеселить и даже прибавить сил.

А ведь случилось такое!

Когда он опять выбился из сил, хотя солнце пекло уже слабее, а по дороге стали попадаться тенистые места, когда его опять неудержимо и непреодолимо потянуло прилечь, вытянув ноги и раскинув руки, он услышал раздраженные крики.

Почувяв в этом для себя что-то приятное, Герка ускориł — откуда только и силы взялись! — шаги, и чем ближе были раздраженные, почти озлобленные крики, тем быстрее шагал мальчишка. Его охватило такое приятное нетерпение, что он, представьте себе, уважаемые читатели, побежал, словно за поворотом его ожидало что-то приятное.

Да, да, П Р И Я Т Н Е Й Ш А Я картина открылась его глазам, изъеденным соленым потом: красивая, редкого аквамаринового цвета «Волга» врезалась в багажник радостно-красного «Москвича»!

Стоя друг против друга, дяденьки размахивали кулаками, хотя и не дрались, а только ругались самыми, между нами говоря, нехорошими словами.

Бородатая собака скулила.

Толстая, ярко раскрашенная тетенька сидела на краю кювета и громко-громко рыдала, повторяя одну и ту же фразу:

— Вы нам заплатите! Вы нам заплатите! Вы нам заплатите!

А лысый усатый дяденька изредка кричал в ее сторону.
— Еще посмотрим, кто кому заплатит!

Герка незамеченным прошел мимо ругавшихся владельцев личных автомашин, отошел подальше и крикнул:

— Интересно, как вы до поселка добираться будете! Ножками поработать придется, ножками!

Дяденьки в два озлобленных голоса посоветовали ему убираться подальше.

А тут закипел бой. Увидев Кошмара, бородатая собака перестала скулить и бросилась на кота с победным лаем.

В бродячей, разбойничьей жизни своей Кошмар и не с такими псами дрался, как этот бородастик, разъезжающий на личной машине! Кот и не подумал отступать. Шерсть у него мгновенно поднялась дыбом, он издал звериный МЯРГ и — раз-раз-раз-раз — обеими лапами по бородатой морде, а потом еще немножечко повисел на ней. Пес постыдно и жалобно завыл на всю окрестность и обратился в бегство. Кошмар сидел, облизываясь и с презрением глядя на трусливого автолюбителя.

— Ножками поработайте, ножками! — крикнул Герка и сам весело заработал своими ногами по дороге. — Главное, ребята, сердцем не стареть! — неожиданно пропел он, и это означало, что больше никакие трудности не помешают ему дошагать до Дикого озера.

Так оно и случилось, уважаемые читатели. Уже начинало темнеть, когда Герка, не ощущая под собой ног от радости и усталости, спускался с горы к озеру.

Но чем ближе он подходил к воде, тем нерешительнее становились шаги, а на берегу, у самой воды, он замер в полном смятении.

Где же их тут искать?

Искать их тут где?

Тут их где искать?

Он не сразу сообразил, что надо их позвать. Кричал он, кричал, пока не охрип и не осип... в изнеможении опустился на землю, не сняв рюкзака, хотел пожаловаться Кошмару, огляделся по сторонам и не увидел кота, покликнул его, так сказать, остатками голоса и очень уныло подумал, что вот и Кошмар бросил его... Понял Герка, что долго еще ему не встать, не подняться, даже не скоро еще он рукой или ногой пошевелить сможет... Он видел перед собой большие черные глаза этой милой Людмилы и слабейшим голосом бормотал:

— Пришел ведь я... пришел... я ведь пришел...

А всего в каких-то двухстах метрах от него, за густой стеной деревьев, на берегу заливчика они вели невеселые разговоры. Рыбы наловили много, хорошей рыбы, но, как назло, в этот вечер на озере не было ни одного рыбака, и соли достать не удалось.

— Кто-то кричит, — сказала Голгофа.

Все прислушались, но довольно равнодушно.

— Правда, правда, кричит кто-то.

Тетя Ариадна Аркадьевна, изменившись в лице, прошептала:

— Кошмар...

— Да хватит вам... — раздраженно начал дед Игнатий Савельевич.

Но тетя Ариадна Аркадьевна мгновенно вся расцвела:

— Ко-о-о-ошма-а-ар при-и-и-ише-е-е-ел...

Да, да, котик ее любимый преспокойненько забрался на колени к своей благодетельнице и удовлетворенно заурчал.

— Рыбки ему, рыбки, пожалуйста! — умоляюще воскликнула она.

— Значит... значит... значит... — Эта милая Людмила боялась договорить свое предположение.

И Голгофа повторяла:

— Значит... значит... значит...

— Герка, значит, пришел! — в необычайном волнении закричал дед Игнатий Савельевич, а Голгофа запрыгала от радости, приговаривая:

— Пришел! Пришел! Пришел! А нас найти не может!

— Так идемте его искать! — предложила тетя Ариадна Аркадьевна, с умилением глядя, как Кошмар расправляется с огромным окунем.

Но искать Герку необходимости уже не было: к костру подходил Пантелей, неся его на руках вместе с рюкзаком.

Сами понимаете, уважаемые читатели, что он и не думал сопротивляться. Он спал.

Пантелей осторожно опустил Германа на землю. Эта милая Людмила освободила его от рюкзака. Дед Игнатий Савельевич постелил телогрейку. Голгофа свернула куртку и положила Герману под голову. Тетя Ариадна Аркадьевна накрыла его плащом.

И все закончилось так, как и мечтала эта милая Людмила. Сидели они у костра под звездным небом.

Звезд было много-много, и каждая казалась ярче другой.

К о н е ц

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВАЯ ГЛАВА. Кандидат в экспонаты	5
ВТОРАЯ ГЛАВА. Будущая женщина	15
ТРЕТЬЯ ГЛАВА. Двое на одного	27
ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА. И всё из-за нее...	41
ПЯТАЯ ГЛАВА. «Ах, Герман, Герман!»	51
ШЕСТАЯ ГЛАВА. Тетечка, племянница и кот Кошмар	66
СЕДЬМАЯ ГЛАВА. Начало истории со шляпой врача П. И. Ратова	84
ВОСЬМАЯ ГЛАВА. Продолжение истории со шляпой от- ца и врача П. И. Ратова	103
ДЕВЯТАЯ ГЛАВА. «Валий, сынок, валий! Давай, сынок, давай!»	134
ДЕСЯТАЯ ГЛАВА. Настоящие звезды на настоящем небе	143
ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА. Если вы спросите меня, уважаемые читатели...	169
ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА. Рассудит нас будущее	179
ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА. Семь бед — один ответ , ,	196
ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ГЛАВА. Дылды	211
ПЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА. Потрясающие новости	237
ШЕСТНАДЦАТАЯ ГЛАВА. Маленький скандалчик	253
СЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА. Волшебное утро и выдающий- ся по трудностям день	273
ВОСЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА. Дорогу осилит идущий	291

Лев Иванович
ДАВЫДЫЧЕВ

ЭТА МИЛАЯ ЛЮДМИЛА

Роман для детей
и некоторых родителей

Зав. редакцией А. Зебзеева
Редактор Н. Гашева
Художник В. Кадочников
Художественный редактор М. Курушин
Технический редактор А. Карасев
Корректоры Г. Борсук, З. Селюк,
И. Пархомовская

ИБ № 793

Сдано в набор 21.09.81. Подписано в печать 30.12.81. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 16,8; усл. кр.-отт. 16,8; уч.-изд. л. 18,157. Тираж 100 000 экз. ЛБ02128. Цена в ледерине 80 к., в колленкоре 75 к., в бумвиниле 70 к.

Пермское книжное издательство. 614000,
г. Пермь, ул. К. Маркса, 30.

Книжная типография № 2 управления издательства, полиграфии и книжной торговли, 614001,
г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 762.

Давыдычев Л. И.

Д13 Эта милая Людмила: Роман для детей. —
Пермь: Кн. изд-во, 1982. — 318 с.

Д 70803—26
М152(03)—82 — 36 — 82

Р2

